

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN 2587-831X
Подписной индекс Роспечати 65001

Адрес редакции: 117218, Москва, ул.
Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru
Сайт: http://zakonivlast.ru/

Журнал входит в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Коньшев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурышев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии

ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Подписано в печать: 30.12.2025 Цена свободная Тираж 300 экз. Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Теоретические и методологические аспекты исследования воздействия региональной власти на электоральные предпочтения в современной России. Пиленко А.О.	4
Геополитические препятствия на пути переселения рохинджа: провалы в управлении и дипломатии в Бангладеш и Мьянме. Раджиб Н.И.	10

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Стратегии обеспечения технологического суверенитета в многосторонних форматах: сравнительный анализ политики России в БРИКС и ШОС (на примере гражданской авиации). Зрянин Д.С.	17
Сравнительно-правовой анализ регулирования инвестиционной деятельности с участием субъектов сферы АПК в России и Китае. Саакянц А.А.	22
Африканский вектор внешней политики Италии: стратегические приоритеты и инструменты реализации. Саканин Р.А.	24
Международная безопасность в контексте гидрогеополитики Центральной Азии: риски, угрозы и механизмы смягчения. Шовалли Д.С.	27

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Адаптация антимонопольного законодательства к новым публично-правовым реалиям. Лозовицкая Г.П., Абрамова Р.О.	32
К вопросу о принципе неотвратимости публично-правовой ответственности. Замалетдинов А.А.	36

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Недобросовестное поведение в личных отношениях супругов. Баунов И.В.	39
Правовое регулирование компенсационного лесовосстановления: проблемы реализации и пути совершенствования. Данилова К.Н.	44
Участие недееспособных лиц посредством опекуна в гражданских правоотношениях: проблемные аспекты. Костоломов А.С.	48
Медицинские учреждения как субъекты административно-правового регулирования: специфика правового статуса. Ларина Н.А.	52
Цифровизация отрасли жилищного права в сфере управления многоквартирными домами: правовое значение и тенденции. Успенский А.М.	56
Защита прав самозанятых: подведомственность споров и альтернативные механизмы. Хмара Д.И.	61
Особенности правового регулирования предпринимательских (коммерческих) договоров. Яткевич О.Г.	65

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Прокурорский надзор как институт обеспечения антикоррупционной ответственности государственных и муниципальных служащих. Кадырова С.Д.	70
Развитие института наставничества в органах прокуратуры. Сорокин Р.С.	75

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Проблемные вопросы исполнения решений антикоррупционной ответственности государственного арбитража. Лопатухин К.Д.	78
Правовые аспекты трансграничной операционной совместимости платежных систем: вызовы и пути решения на международном и национальном уровнях. Цветков Р.А.	84

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Преступления, связанные с созданием фирм-«однодневок» через подставных лиц: характерные черты и уголовная ответственность. Леонова Е.В.	89
Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки состава преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ, как средство дифференциации уголовной ответственности. Мозжегорова А.Ю.	92
О некоторых вопросах соучастия в преступлении с негодным субъектом. Селезнев И.Е., Черных В.С.	95
Историко-правовой генезис административной преюдиции в отечественном уголовном праве. Шарнин А.А.	98
Особенности правового положения и объема полномочий представителей в уголовном процессе России. Якутов И.А.	102
Проблема определения потерпевшего при некоторых видах дистанционных хищений. Руфуллаев Р.А.	106

НОВЕЛЛЫ ПРАВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Конституционные гарантии права собственности: теоретико-правовой аспект. Галкин А.А.	109
---	-----

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

Стратегическое маневрирование «средних держав» АТР в условиях геополитической неопределенности. Гюльмамедов Э.Н.	114
---	-----

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ. ИНСТИТУТЫ, ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Гендерно-ориентированные политические институты и их роль в обеспечении доступа женщин к высшему образованию. Тханг Буннари	118
Роль золота в трансформации глобального финансового и политического порядка. Жимми Тьерри Левер, Амелин В.Н.	122
Формирование Номенклатуры 2.0 в России: институциональная генеалогия нового правящего класса. Лобойко Д.А.	127
Актуальные проблемы взаимодействия прокуратуры Российской Федерации с органами прокуратуры зарубежных государств. Власов Д.В.	130

Contents

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, AND TECHNOLOGIES

- Theoretical and Methodological Aspects of Researching the Impact of Regional Government on Electoral Preferences in Contemporary Russia. A.O. Pilenko 4
- Geopolitical Obstacles to Rohingya Resettlement: Governance and Diplomacy Failures in Bangladesh and Myanmar. N.I. Rajib 10

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

- Strategies for Ensuring Technological Sovereignty in Multilateral Formats: A Comparative Analysis of Russia's Policy in BRICS and the SCO (using Civil Aviation as an Example). D.S. Zryanin 17
- Comparative Legal Analysis of Investment Regulations Involving Agricultural Sector Entities in Russia and China. A.A. Saakyants 22
- The African Vector of Italy's Foreign Policy: Strategic Priorities and Implementation Instruments. Sakanin, R.A. 24
- International Security in the Context of Central Asian Hydrogeopolitics: Risks, Threats, and Mitigation Mechanisms. Shovalli, D.S. 27

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORICAL HISTORY

- Adaptation of Antitrust Legislation to New Public Law Realities. Lozovitskaya, G.P., Abramova, R.O. 32
- On the Principle of Inevitability of Public Law Liability. Zamaletdinov, A.A. 36

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES

- Bad-Faith Behavior in Personal Relationships Between Spouses. Bazunov, I.V. 39
- Legal Regulation of Compensatory Reforestation: Implementation Challenges and Paths for Improvement. Danilova K.N. 44
- Participation of Incapacitated Persons through a Guardian in Civil Legal Relationships: Problematic Aspects. Kostolomov A.S. 48
- Medical Institutions as Subjects of Administrative-Legal Regulation: Specifics of Legal Status. Larina N.A. 52
- Digitalization of Housing Law in the Management of Apartment Buildings: Legal Significance and Trends. Uspensky A.M. 56
- Protecting the Rights of the Self-Employed: Jurisdiction of Disputes and Alternative Mechanisms. Khmara D.I. 61
- Characteristics of Legal Regulation of Entrepreneurial (Commercial) Contracts. Yatkevich O.G. 65

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

- Prosecutor's Supervision as an Institution for Ensuring Anti-Corruption Accountability of State and Municipal Employees. Kadyrova S.D. 70
- Development of the Mentoring Institution in the Prosecutor's Office. R.S. Sorokin. 75

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

- Problematic Issues of Enforcement of International Investment Arbitration Awards. K.D. Lopatukhin. 78
- Legal Aspects of Cross-Border Interoperability of Payment Systems: Challenges and Solutions at the International and National Levels. R.A. Tsvetkov. 84

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY.

CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

- Crimes Related to the Creation of Shell Companies through Front Men: Characteristic Features and Criminal Liability. E.V. Leonova. 89
- Qualifying and Especially Qualifying Indications of the Crime Provided for by Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation as a Means of Differentiating Criminal Liability. A.Yu. Mozhegorova. 92
- On Certain Issues of Complicity in a Crime with an Unfit Subject. I.E. Seleznev, V.S. Chernykh. 95
- The Historical and Legal Genesis of Administrative Prejudice in Domestic Criminal Law. A.A. Sharnin. 98
- Characteristics of the Legal Status and Scope of Authority of Representatives in Criminal Procedure in Russia. I.A. Yakutov. 102
- The Problem of Determining the Victim in Certain Types of Remote Theft. Ruffullaev R.A. 106

NOVELS OF LAW AND LAW ENFORCEMENT

- Constitutional Guarantees of Property Rights: Theoretical and Legal Aspect. Galkin A.A. 109

POLITICAL REGIONALISTICS. ETHNOPOLITICS

- Strategic Maneuvering of Asia-Pacific "Middle Powers" in the Context of Geopolitical Uncertainty. Gulmamedov E.N. 114

DEVELOPMENT OF POLITICAL PROCESSES. INSTITUTIONS, FORMS, AND MECHANISMS OF POLITICAL GOVERNANCE

- Gender-Oriented Political Institutions and Their Role in Ensuring Women's Access to Higher Education. Tang Bunnari 118
- The Role of Gold in the Transformation of the Global Financial and Political Order. Jimmy Thierry Lever, Amelin V.N. 122
- Formation of Nomenklatura 2.0 in Russia: Institutional Genealogy of the New Ruling Class. Loboyko D.A. 127
- Current issues of interaction between the Prosecutor's Office of the Russian Federation and the prosecutor's offices of foreign countries. Vlasov D.V. 130

Теоретические и методологические аспекты исследования воздействия региональной власти на электоральные предпочтения в современной России

Пиленко Александр Олегович

аспирант кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), pilenko_ao@etu.ru

Статья посвящена систематизации теоретических и методологических подходов к изучению влияния региональной власти на электоральные предпочтения в современной России. Актуальность темы обусловлена усилением влияния региональных элит на устойчивость политического режима и дефицитом унифицированных методик анализа поведения избирателей на субнациональном уровне. Новизна исследования связана с предложением интегративной схемы, объединяющей институциональное, социологическое, политико-экономическое, пространственное и дискурсивное измерения анализа. В работе описаны параметры региональной политической элиты, источники её рекрутирования, типы использования административного и финансового ресурса, формы медийного и сетевого влияния. Изучены подходы к измерению факторов электорального поведения, к выделению территориальных кластеров поддержки «партии власти» и оппозиции, к оценке степени конкуренции и предсказуемости региональных выборов. Особое внимание уделено возможностям сочетания количественных и качественных методов, триангуляции статистики, экспертных оценок и пространственного анализа. Предложенные выводы полезны для политологов, исследующих региональные режимы, и для органов власти, заинтересованных в построении более прозрачной системы мониторинга электоральных процессов в субъектах Федерации.

Ключевые слова: региональная власть, региональная политическая элита, электоральные предпочтения, административный ресурс, региональная партия власти, электоральное поведение, пространственный анализ, электоральная конкуренция, политические сети, методология политического анализа.

Введение

Рост влияния региональных элит на траекторию российской политики приводит к тому, что именно субнациональный уровень всё чаще становится зоной тестирования институциональных новаций, электоральных технологий и форматов взаимодействия центра и территорий. Меняется конфигурация «партии власти» в регионах, усложняются схемы рекрутирования губернаторов и депутатских корпусов, усиливается зависимость электоральных результатов от управленческих решений региональных команд, структуры бюджетных трансфертов и медиаповестки в субъектах. При этом единый и признанный исследовательский инструментарий анализа влияния региональной власти на электоральное поведение до сих пор не сформирован.

Степень научной разработанности темы остаётся неоднородной. Исследования партийной системы и институционализации «партии власти» концентрируются на федеральном уровне и описывают ограниченную конкуренцию, закреплённую правовыми и организационными механизмами. Работы по региональным политическим элитам показывают усложнение бассейна рекрутирования, сочетание бюрократических и бизнес-карьер, формирование устойчивых коалиций в законодательных собраниях и при губернаторах. Исследования электорального поведения акцентируют внимание на структуре факторов голоса — от экономических и социально-демографических до ценностных и пространственных. Пространственные и электорально-географические исследования демонстрируют наличие устойчивых территориальных кластеров голосования и эффект «соседских» и локальных связей. При этом единая рамка, специально ориентированная на изучение влияния региональной власти на выбор граждан, пока не выстроена.

Проблемное поле исследования формируется противоречием между формальными институтами выборов и неформальными механизмами влияния региональной власти. С одной стороны, действуют избирательное законодательство, процедуры регистрации, агитации, наблюдения и подведения итогов выборов. С другой стороны, практики подбора кандидатов, распределения ресурсов, координации элитных групп и управления медийной повесткой часто задаются неформальными договорённостями внутри региональной элиты и между регионом и федеральным центром.

Цель исследования — изучить и систематизировать теоретические подходы, а также методологический инструментарий, применимые к анализу влияния региональной власти на электоральные предпочтения, и предложить интегрированную модель, адаптированную к современным условиям.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

1. Выделить базовые теоретические модели, описывающие влияние региональной власти на электоральные

предпочтения, и показать, как институциональные, социологические, политико-экономические и дискурсивные подходы взаимно дополняют друг друга.

2. Классифицировать гносеологический инструментарий сбора и анализа данных, применяемый в исследованиях региональных выборов, осветить его сильные и слабые стороны, условия применимости, а также требования к качеству информации.

3. Обосновать комплекс методик, позволяющий изучать влияние региональной власти на электоральное поведение с учётом федеративного устройства, структуры региональных элит, специфики медиапространства и пространственных различий электоральной поддержки.

Научная новизна работы связана с попыткой обоснования интегративной методологической модели, сочетающей институциональный анализ, исследования элит, пространственную электоральную географию, изучение дискурсивных стратегий и инструменты статистического моделирования. Модель ориентирована на выявление механизмов влияния региональной власти не только через административный и финансовый ресурсы, но и через рекрутирование элит, построение патронажных связей, управление повесткой и конструирование региональной идентичности.

Теоретическая и практическая значимость исследования выражается в возможности применения предложенной схемы для мониторинга региональных электоральных процессов, сравнительного анализа субъектов Российской Федерации, оценки степени зависимости результатов голосования от управленческих решений и коммуникативных стратегий региональных властей.

Материалы и методы

Для построения теоретико-методологической модели влияние региональной власти на электоральные предпочтения рассматривается через анализ совокупности работ, опубликованных в последние годы. В качестве исходной базы используются исследования, посвящённые составу и рекрутированию региональных политических элит, факторам электорального поведения, пространственным структурам голосования, трансформации партийной системы и практике общественного контроля за выборами.

А.С. Быстрова, А.Б. Даугавет, А.В. Дука, Н.В. Колесник, А.В. Невский и Д.Б. Тев [1] анализируют бассейн рекрутирования региональной политической элиты, опираясь на биографическую базу депутатов десяти субъектов Федерации. Авторы показывают, как бюрократические и бизнес-карьерные, а также статусные позиции в региональных сообществах определяют состав легислатур и структуру влияния в регионах. Н.Ю. Жуковская [2] описывает методики изучения факторов электорального поведения россиян, выделяет экономические, социально-демографические и ценностные детерминанты, раскрывает динамику их влияния в 2018–2021 гг. Монография А.В. Курочкина [3] посвящена институционализации политических партий в условиях ограниченной конкуренции и показывает, как укрепление партийных структур увязывается с практиками доминирования «партии власти» и снижением альтернативности выборов.

М.А. Мартынов и С.Н. Чирун [4] рассматривают особенности функционирования региональных политических элит в сырьевых регионах, связывая устойчивость местных элитных групп с доступом к ресурсным потокам, специфическими схемами взаимодействия бизнеса и власти и особенностями федеративных соглашений. И.А. Матерухин [5] применяет пространственный анализ к изучению динамики электоральной структуры России, выявляет кластеры поддержки ведущих партий и фиксирует терри-

ториальную устойчивость отдельных моделей голосования. Р.С. Мухаметов [6] исследует эффект «друзей и соседей» в российских выборах, показывая, как пространственные характеристики кандидата и его локальная укоренённость усиливают персонализированный голос.

Ф.В. Ниточкин [7] анализирует общественное наблюдение как инструмент контроля над выборами, рассматривая мотивацию наблюдателей, их оценку процедур и выявляемые нарушения, в том числе связанные с использованием административного ресурса. Ю.Д. Петров и Н.А. Григорьев [8] на материале выборов в Республике Саха (Якутия) исследуют развитие регионального электорального процесса, динамику конкуренции и влияние централизации федеративных отношений на структуру региональных парламентов и практику губернаторских кампаний. В.Ю. Разумовский [9] раскрывает взаимосвязи между федеральной «партией власти» и региональной элитой, описывает конфигурацию интересов, зону противоречий и перспективы трансформации этой модели. Л.П. Шматкова и А.О. Доманов [10] демонстрируют возможности сравнительного пространственного анализа электорального поведения в регионах соседних с Россией государств, что даёт ориентиры для сопоставительных исследований.

В методологической части работы используются следующие подходы и методы: институциональный анализ — для рассмотрения формальных правил региональных выборов, механизмов формирования органов власти и трансформации федеративных договорённостей; элитологический и структурно-биографический анализ — для изучения состава и траекторий региональных политических элит, их связи с бизнесом, бюрократией и федеральными центрами принятия решений; сравнительный метод — для сопоставления региональных электоральных режимов, типов партнёрства центра и регионов, моделей рекрутирования и управления; анализ электоральной статистики и методы факторного и корреляционного анализа — для выявления связей между социально-экономическими индикаторами, характеристиками региональной власти и результатами голосования; контент-анализ и дискурс-анализ региональных СМИ, официальных документов и предвыборной агитации — для изучения нарративов легитимации власти и медийных стратегий элит.

Результаты

Теоретические модели влияния региональной власти на электоральные предпочтения

Институциональный подход задаёт первую линию анализа. Исследование регионального электорального процесса, выполненное Ю.Д. Петровым и Н.А. Григорьевым на примере Республики Саха (Якутия), показывает, как изменения федерального законодательства о партиях и выборах переводили систему от высокой конкуренции 1990-х к централизации 2000-х и к формированию нового цикла после возврата прямых выборов глав субъектов и смешанной системы [8]. Авторы фиксируют, что после реформ начала 2000-х партийный состав региональных парламентов стал близок к структуре Государственной думы, а прямые выборы губернаторов были заменены назначениями с последующим утверждением региональными парламентами. Возврат прямых выборов в 2010-е годы сочетается с введением муниципального филътра, что сохраняет сильный контроль центра над входом в гонку и структурой конкуренции [8]. В такой конструкции влияние региональной власти на электоральные предпочтения проявляется через контроль над допуском кандидатов, управлением процедурой и распределением формальных полномочий.

Работы по региональным элитам дополняют институциональное измерение содержанием. Исследование А.С.

Быстровой и соавторов показывает, что региональные легислатуры складываются из представителей руководящей страты, бюрократии и бизнес-групп, причём значительная часть депутатов совмещает парламентский статус с основным занятием в экономике или администрации [1]. Авторы выделяют тенденции бюрократизации и плутократизации, когда выходцы из административных структур и крупного бизнеса получают диспропорционально высокий вес в региональных парламентах, а «рабоче-крестьянские» биографии и представители средних слоёв оказываются маргинализированы [1]. Такая конфигурация элит формирует специфический канал влияния на электоральное поведение: представители власти и бизнеса способны не только участвовать в кампании как кандидаты, но и распоряжаться ресурсами, влияющими на мобилизацию и лояльность избирателей.

В работе М.А. Мартынова и С.Н. Чируна внимание направлено на регионы ресурсного типа, где региональные политические элиты завязаны на управление добывающими отраслями, транспортной инфраструктурой и распределением ренты [4]. Организация взаимодействия бизнеса и власти в таких регионах опирается на устойчивые коалиции, основанные на контроле над основными потоками и на возможности обеспечивать социальные обязательства. Электоральные кампании в ресурсных регионах приобретают характер референдума доверия сложившейся коалиции: сохранение статуса-кво на уровне распределения ренты поддерживается через высокие показатели голосования за «партию власти» и лояльных кандидатов [4].

Политико-экономическая логика анализа электорального поведения усиливается выводами Н.Ю. Жуковской о значении экономических условий и субъективных оценок материального положения для выборов [2]. В обзоре методик и факторов автор показывает, что экономика продолжает выступать устойчивым фактором, влияющим и на участие в голосовании, и на поддержку действующей власти. Абсентеизм трактуется как форма протеста против бедности, задержек заработной платы и неуверенности в будущем, а поддержка власти возрастает там, где граждане ощущают повышение стабильности и материального благополучия [2].

Социологические и социально-психологические модели, обсуждаемые Н.Ю. Жуковской, дополняют картину через анализ ценностных ориентаций и идентичностей. Переосмысление классических моделей — от рационального выбора до теорий партийной идентификации — выводит на заключение о комбинированном характере мотиваций российских избирателей: экономические ожидания, социальная солидарность, семейные и групповые идентичности пересекаются с локальными и национальными нарративами [2].

Важное измерение влияния региональной власти формируется за счёт пространственной привязки электоральных процессов. И.А. Матерухин, анализируя динамику электоральной структуры России, применяет методы пространственной автокорреляции и кластерного анализа и выявляет устойчивые зоны концентрации поддержки отдельных партий [5]. Пространственные кластеры показывают, что соседние муниципалитеты часто демонстрируют схожие результаты, а изменение конфигурации поддержки во времени происходит по логике распространения сигналов внутри региональных политических и социальных пространств [5]. Это создаёт основу для понимания того, как региональная власть, работая с медиапространством и локальными сетями, влияет не на отдельный участок, а на целые блоки территории.

Работа Р.С. Мухаметова, посвящённая эффекту «друзей и соседей», дополняет пространственную оптику ана-

лизом персонализированного голоса [6]. Автор показывает, что кандидаты с выраженной локальной укоренённостью, сетью личных контактов и биографией, связанной с конкретной территорией, получают статистически значимое дополнительное число голосов. Такой бонус выше на муниципальном уровне, но прослеживается и в региональных кампаниях [6]. Для понимания влияния региональной власти этот вывод важен, поскольку назначение «парашютистов» в губернаторские кампании и построение карьер элиты через перемещение между регионами может вступать в конфликт с ожиданиями части электората, ориентирующейся на «своих» представителей.

Политико-институциональное измерение влияния «партии власти» на региональные элиты и электорат раскрывается в статье В.Ю. Разумовского [9]. В анализе генезиса и эволюции «партии власти» в России автор показывает, как партийная структура встроена в систему отношений центра и регионов, выступая инструментом координации элит, каналом продвижения кадров и механизмом формирования большинства в региональных парламентах. Подчёркивается, что интересы «партии власти» и региональной элиты не совпадают идеально: региональные группы стремятся к сохранению автономии и контролю над ресурсами, в то время как центр заинтересован в управляемости и предсказуемости электоральных результатов [9].

Институциональное и элитологическое измерения воздействуют на электоральное поведение опосредованно — через формирование конфигурации конкуренции, подбор кандидатов, доступ к ресурсам и структурирование информационного поля. Для фиксации этих механизмов нужна методология, способная объединить макроуровень институтов, мезоуровень элит и микроуровень индивидуального выбора.

Методический арсенал исследований региональной власти и электорального поведения

Методический арсенал в рассматриваемых работах обладает высокой вариативностью, но при определённой систематизации складывается в последовательную схему.

Во-первых, исследования элит используют структурно-биографический метод. В работе А.С. Быстровой и соавторов биографические данные депутатов десяти регионов кодируются по ряду параметров — социально-профессиональное происхождение, тип карьеры, опыт работы в администрации, бизнеса, в федеральных структурах [1]. Далее строятся матрицы данных и проводится статистический анализ, что позволяет выявить преобладающие траектории, степень закрытости элиты, её связь с бизнесом и бюрократией. Такой подход даёт возможность сопоставлять регионы между собой и выделять типы элитных режимов.

Во-вторых, исследования электорального поведения опираются на факторный и корреляционный анализ статистики голосования и социологических опросов. Н.Ю. Жуковская обобщает широкий набор методик, применяемых к российскому материалу: от классических моделей рационального выбора до социологических и социально-психологических схем [2]. В обзоре указывается на использование территориально-статистического анализа, методов факторного анализа для выделения латентных детерминант, а также сопоставление экономических, социально-демографических и ценностных характеристик с результатами голосования [2].

В-третьих, пространственные исследования, представленные в работах И.А. Матерухина и Л.П. Шматковой с А.О. Домановым, используют инструменты ГИС, картограммы кластеров и индикаторы локальной пространственной автокорреляции [5; 10]. Такой подход позволяет

выявить не только различия между регионами, но и внутреннюю структуру голосования внутри субъекта, выделить «ядра» поддержки, зоны смешанного голосования, полосы электорального перехода между доминированием разных политических сил.

В-четвёртых, институционалистские и партийно-политические исследования опираются на анализ нормативной базы и документов, на вторичный анализ электоральной статистики и на кейс-стади отдельных избирательных кампаний. В монографии А.В. Курочкина институционализация партий рассматривается через динамику законодательства, практику регистрации партий и участия в выборах, изменения барьеров и форматов голосования [3]. В.Ю. Разумовский анализирует документы, статистику голосования и практики формирования региональных партийных систем для описания конфигурации «партии власти» и региональных элит [9].

В-пятых, исследования общественного контроля и наблюдения, представленные в работе Ф.В. Ниточкина, используют опросы и интервью с наблюдателями, анализ отчётности и описаний выявленных нарушений [7]. Такой подход позволяет оценить, как участники наблюдения воспринимают честность процедур, какие типы нарушений чаще всего фиксируются и как воспринимается использование административного ресурса.

Из этого набора методов выстраивается многомерная схема, ориентированная на анализ влияния региональной власти. На уровне институтов изучаются изменения электорального законодательства, практика назначения и выборов губернаторов, структуру парламентских систем субъектов. На уровне элит — источники рекрутирования, карьерные траектории, связь с бизнесом и федеральными центрами. На уровне электорального поведения — комбинация экономических, социальных, ценностных и пространственных факторов, влияющих на участие и выбор партии или кандидата. На уровне контроля и легитимности — оценивается восприятие процедур наблюдателями и гражданами.

Интегративная модель влияния региональной власти на электоральные предпочтения

Сопоставление рассмотренных подходов позволяет предложить интегративную модель, представляющую влияние региональной власти как совокупность нескольких взаимосвязанных измерений.

Первое измерение — институциональное. Здесь учитываются формат губернаторских выборов, особенности пропорциональной и мажоритарной систем на региональном уровне, пороги регистрации партий и кандидатов, конструкция муниципального фильтра, правила агитации и наблюдения. Результаты Петрова и Григорьева показывают, что сочетание формального возврата прямых выборов с усложнением правил допуска кандидатов поддерживает высокую степень контролируемости электоральных процессов [8].

Второе измерение — элитное. Исследования Быстровой и её коллег демонстрируют, что социально-профессиональный состав депутатских корпусов отражает конфигурацию власти в регионе [1]. В ресурсных регионах, по наблюдениям Мартынова и Чируна, особую значимость приобретают связи между политической и экономической элитой [4]. В таких условиях электоральный успех «партии власти» и лояльных кандидатов базируется на способности элит обеспечивать стабильность и распределение ренты, а не только на коммуникативных стратегиях.

Третье измерение — пространственное. Матерухин и Шматкова с Домановым показывают, что электоральная карта не сводится к агрегированным региональным показателям [5; 10]. Внутри субъекта выделяются кластеры с

разными моделями голосования, и воздействие региональной власти на электорат разворачивается через работу с конкретными территориальными сегментами — промышленными центрами, сельскими районами, монофункциональными городами. Учитывая эффект «друзей и соседей», описанный Мухаметовым, назначение «чужого» кандидата в локальные округа несёт риск потери части персонализированного голоса [6].

Четвёртое измерение — ценностно-социальное. Обобщение Н.Ю. Жуковской позволяет увидеть, как экономические, социально-демографические и ценностные факторы формируют мотивацию участия и выбора [2]. Для региональной власти это задаёт двойной ориентир: с одной стороны, требуется поддерживать приемлемый уровень социально-экономической стабильности, с другой — управлять ожиданиями и восприятием справедливости посредством коммуникативных и символических действий.

Пятое измерение — коммуникативно-контрольное. Работа Ф.В. Ниточкина демонстрирует, что общественное наблюдение воспринимается частью участников как инструмент защиты от злоупотреблений, связанных с административным ресурсом [7]. Восприятие честности процедур зависит не только от формальных правил, но и от того, насколько наблюдатели и граждане видят реальную возможность влиять на ход кампании и фиксировать нарушения. Для региональной власти здесь возникает дилемма между стремлением к управляемости и потребностью поддерживать уровень доверия к выборам.

Предлагаемая модель предполагает последовательность этапов исследования влияния региональной власти на электоральные предпочтения:

1. Сбор и очистка электоральных данных по участкам и муниципалитетам с фиксацией явки, результатов по партиям и кандидатам, протестных голосов и недействительных бюллетеней.
2. Пространственный анализ для выделения кластеров поддержки, зон особой концентрации голосов за «партию власти» и оппозиционные силы, выявления аномалий и территориальных переломов.
3. Элитологический анализ состава региональных парламентов и окружения губернатора на основе биографической информации, оценки каналов рекрутирования и связей с бизнесом и федеральными структурами [1; 4; 9].
4. Институциональный анализ формальных правил кампаний и процедур, сопоставление их с практикой проведения выборов в данном регионе [3; 8].
5. Социологический и ценностный анализ — сопоставление данных опросов и экспертных интервью о доверии к институтам, оценке экономической ситуации и идентичностях с пространственной структурой голосования [2; 6].
6. Анализ практик наблюдения и общественного контроля, включающий оценку зарегистрированных нарушений и восприятия честности кампаний со стороны участников и наблюдателей [7].

Такое сочетание методов даёт возможность переходить от описания «административного ресурса» в общих чертах к его структурированному измерению через индикаторы: степень контролируемости допуска кандидатов, плотность элитных связей, характер распределения ренты, пространственная аномальность результатов, особенности ценностного профиля электората и устойчивость восприятия легитимности процедур.

Обсуждение

Сопоставление представленных теоретических и методологических подходов показывает, что исследования региональной власти и электорального поведения в Рос-

сии постепенно переходят от описаний отдельных случаев к построению более сложных аналитических схем. В ранних работах внимание концентрировалось либо на юридических параметрах выборов, либо на качественных характеристиках «административного ресурса», либо на описании отдельных протестных или аномальных кампаний. Нынешний этап характеризуется усилением пространственных и элитологических исследований, расширением применения факторного и кластерного анализа, ростом интереса к биографическим базам данных и к интеграции количественных и качественных источников.

Вместе с тем сохраняются методологические ограничения. Во-первых, данные об элитах и о неформальных практиках взаимодействия власти и бизнеса остаются неполными и фрагментарными. Даже такие детальные работы, как структурно-биографическое исследование региональных депутатов, фиксируют лишь часть элитного поля и не всегда позволяют проследить динамику горизонтальной мобильности и трансформации коалиций. Во-вторых, доступ к электоральной статистике иногда ограничен уровнем муниципалитетов, что снижает точность пространственного анализа и усложняет выявление мелкомасштабных аномалий.

Во-третьих, социологические исследования электорального поведения редко строятся с прицелом на увязку с пространственными и элитологическими данными. Опросы избирателей и экспертов, как правило, анализируются в агрегированном виде, без привязки к конкретным территориям и конфигурациям региональных элит. Между тем именно сочетание индивидуальных установок, территориальных условий и структуры элит создаёт условия для возникновения устойчивых моделей голосования.

Работы по общественному наблюдению добавляют ещё одно измерение — оценку прозрачности процедур и воспринимаемой честности выборов. Эти исследования концентрируются на мотивации наблюдателей, типологии нарушений и оценке эффективности контроля, но пока лишь частично интегрируются с анализом элит и пространственной структуры голосования. Перспективным направлением выглядит сопоставление плотности и активности наблюдательских сетей с уровнями поддержки властных кандидатов и с характером зафиксированных нарушений.

Особого внимания заслуживает напряжённость между институциональным уровнем и уровнем реальных практик. Формальное сохранение конкурентных процедур сочетается с высокой степенью предсказуемости результатов в большинстве регионов, что отражает успешную адаптацию элит к действующим правилам. Институционализация «партии власти» и закрепление доминирующего положения партии, поддерживающей федеральный центр, сочетаются с различиями между регионами по степени автономии элит, распределению ренты и потенциалу протестного голосования.

С учётом этого интегративная модель, предложенная в статье, выступает не только схемой анализа, но и инструментом для корректировки существующих исследовательских практик. Она подталкивает к переходу от изучения отдельных измерений — институтов, элит, электоральных карт, ценностей — к системному рассмотрению их взаимодействия. Такой переход предполагает, например, соединение пространственного анализа голосования с биографическими данными о региональных элитах и с оценками граждан доверия к институтам.

Наконец, обсуждение выявляет перспективы переноса разработанной модели на другие страны постсоветского пространства, где сходные по логике взаимодействия центра и регионов политические режимы сочетаются с иными институциональными и культурными настройками.

Это открывает возможность сравнительных работ, в которых российские регионы сопоставляются с субъектами федеративных или квазинациональных образований в соседних государствах, а влияние региональной власти на электоральные предпочтения рассматривается в универсальной, но адаптивной рамке.

Заключение

Проведённый анализ позволяет выделить несколько ключевых выводов, совпадающих с решением поставленных во введении задачам.

Во-первых, систематизация теоретических моделей показала, что влияние региональной власти на электоральные предпочтения складывается из институционального, элитного, пространственного, ценностно-социального и коммуникативно-контрольного измерений. Институциональные изменения переводят систему от прямых конкурентных выборов к сочетанию формальной конкурентности и высокой управляемости, элитные конфигурации задают каналы рекрутирования и распределения ресурсов, пространственные структуры фиксируют устойчивые кластеры поддержки, ценностные и социальные факторы определяют мотивацию участия и выбора, а практики наблюдения и контроля влияют на воспринимаемую легитимность процедур.

Во-вторых, классификация методов сбора и анализа данных выявила, что уже используется широкий набор инструментов — от структурно-биографического анализа элит и факторного анализа электорального поведения до ГИС-картирования и исследований общественного наблюдения. При этом налицо неравномерность развития: пространственные и элитологические подходы активно продвигаются, тогда как интеграция социологических данных и анализ неформальных практик всё ещё остаются ограниченными.

В-третьих, обоснование комплексной методики показало, что для изучения влияния региональной власти на электоральные предпочтения требуется объединять институциональный анализ, исследования элит, пространственную электоральную географию, анализ ценностей и практик общественного контроля. Предложенная последовательность этапов — от сбора и пространственной обработки статистики до сопоставления её с биографическими данными и опросами — формирует основу интегративной модели, пригодной для сравнительных исследований регионов и мониторинга трансформации региональных электоральных режимов.

Сформулированная модель даёт возможность перейти от дискуссий об «административном ресурсе» в расплывчатых формулировках к более точным измерениям влияния региональной власти, а также к выработке практических рекомендаций для органов власти и исследовательского сообщества по повышению прозрачности и предсказуемости региональных выборов.

Литература

1. Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Региональная политическая элита: бассейн рекрутирования и карьера // *Власть и элиты*. 2020. Т. 7. № 1. С. 76–122.
2. Жуковская Н.Ю. Динамика факторов электорального поведения россиян в 2018–2021 годы // *Гражданин. Выборы. Власть*. 2022. № 3(25).
3. Курочкин А.В. Укрепление и укоренение политических партий в России: процесс институционализации в условиях ограниченной электоральной конкуренции: монография. Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2021.
4. Мартынов М.А., Чирун С.Н. Региональные политические элиты: особенности функционирования в регионах

РФ ресурсного типа // Власть. 2024. Т. 32. № 5. С. 116–122.

5. Матерухин И.А. Пространственный анализ динамики электоральной структуры России // Территориальный научный альманах «Terra Politica». 2025. № 1.

6. Мухаметов Р.С. Электоральные предпочтения избирателей: имеет ли значение эффект «друзей и соседей» в России? // Политическая наука. 2023. № 3.

7. Ниточкин Ф.В. Общественное наблюдение за голосованием в механизме общественного контроля за выборами в современной России // Гражданин. Выборы. Власть. 2022.

8. Петров Ю.Д., Григорьев Н.А. Развитие регионального электорального процесса в России (на примере Республики Саха (Якутия)) // Вестник Забайкальского государственного университета. Серия: Политология. 2024. Т. 30. № 2.

9. Разумовский В.Ю. Российская «партия власти» и региональная политическая элита – интересы, противоречия, перспективы // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 2. С. 38–54.

10. Шматкова Л.П., Доманов А.О. Опыт сравнительного пространственного анализа электорального поведения в регионах государств – соседей России // Политическая наука. 2022. № 4.

Theoretical and Methodological Tools for Studying the Influence of Regional Authorities on Electoral Preferences in Contemporary Russia

Pilenko A.O.

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI" named after V.I. Ulyanov

This article systematizes theoretical and methodological approaches to studying the influence of regional government on electoral preferences in contemporary Russia. The relevance of this topic is determined by the increasing influence of regional elites on the stability of the political regime and the lack of standardized methods for analyzing voter behavior at the subnational level. The novelty of this study lies in the proposal of an integrative framework combining the institutional, sociological, political-economic, spatial, and discursive dimensions of analysis. The paper describes the parameters of the regional political elite, its sources of recruitment, the types of use of administrative and financial resources, and forms of media and network influence. Approaches to measuring electoral behavior factors, identifying territorial clusters of support for the "party of power" and the opposition, and assessing the degree of competition and predictability of regional elections are examined. Particular attention is paid to the possibilities of combining quantitative and qualitative methods, triangulating statistics, expert assessments, and spatial analysis. The proposed conclusions are useful for political scientists studying regional regimes and for government bodies interested in building a more transparent system for monitoring electoral processes in the constituent entities of the Federation.

Keywords: regional authorities, regional political elites, electoral preferences, administrative resource, party of power, electoral behavior, spatial analysis, electoral competition, political networks.

References

1. Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevsky A.V., Tev D.B. Regional Political Elite: Recruitment and Career Pool // Power and Elites. 2020. Vol. 7. No. 1. pp. 76–122.
2. Zhukovskaya N.Yu. Dynamics of Factors of Electoral Behavior of Russians in 2018–2021 // Citizen. Elections. Power. 2022. No. 3(25).
3. Kurochkin A.V. Strengthening and Rooting of Political Parties in Russia: The Institutionalization Process in the Context of Limited Electoral Competition: Monograph. Cheboksary: Sreda Publishing House, 2021.
4. Martynov, M.A., Chirun, S.N. Regional Political Elites: Functioning Features in Resource-Based Regions of the Russian Federation // Vlast. 2024. Vol. 32. No. 5. pp. 116–122.
5. Materuhin, I.A. Spatial Analysis of the Dynamics of Russia's Electoral Structure // Terra Politica Regional Scientific Almanac. 2025. No. 1.
6. Mukhametov, R.S. Electoral Preferences of Voters: Does the "Friends and Neighbors" Effect Matter in Russia? // Political Science. 2023. No. 3.
7. Nitochkin, F.V. Public Observation of Voting in the Mechanism of Public Control over Elections in Modern Russia // Grazhdanin. Elections. Vlast. 2022.
8. Petrov Yu.D., Grigoriev N.A. Development of the Regional Electoral Process in Russia (on the Example of the Sakha Republic (Yakutia)) // Bulletin of the Transbaikal State University. Series: Political Science. 2024. Vol. 30. No. 2.
9. Razumovsky V.Yu. The Russian "Party of Power" and the Regional Political Elite: Interests, Contradictions, Prospects // Comparative Politics. 2021. Vol. 12. No. 2. pp. 38–54.
10. Shmatkova L.P., Domanov A.O. Comparative Spatial Analysis of Electoral Behavior in the Regions of Russia's Neighboring States // Political Science. 2022. No. 4.

Геополитические препятствия на пути переселения рохинджа: провалы в управлении и дипломатии в Бангладеш и Мьянме

Раджиб Наимул Ислам

аспирант, кафедра сравнительной политологии, Российский Университет Дружбы Народов, РУДН, 1042235358@rudn.ru

Раздираемый конфликтами штат Ракхайн в Мьянме. В данной статье исследуется сложная взаимосвязь политических институтов и процессов, поддерживающих эту гуманитарную трагедию, и раскрывается, как глубоко укоренившиеся геополитические барьеры, неэффективное управление и дипломатический паралич препятствуют достижению долгосрочных решений. В Мьянме упорный отказ военного режима реформировать Закон о гражданстве 1982 года, который лишает рохинджа правового статуса, воплощает в себе продуманную институциональную изоляцию, подкрепляемую националистическим рвением и политическими маневрами для умиротворения внутренней аудитории. Бангладеш, страдающий от бремени приема огромного количества беженцев, вводит ограничительные меры, игнорирующие Конвенцию о беженцах 1951 года и обременяющие рохинджа переполненными лагерями, что обусловлено внутренним политическим давлением и сокращением ресурсов, при этом обеспечена лишь половина из необходимых к 2023 году 875 миллионов долларов. В региональном масштабе жесткая позиция АСЕАН по невмешательству препятствует коллективным действиям, в то время как такие мировые державы, как Китай и Индия, предпочитают экономические союзы с Мьянмой, подрывая усилия ООН. Дипломатические инициативы, такие как соглашения о репатриации 2017 и 2019 годов, потерпели неудачу на фоне взаимного недоверия и неспособности Мьянмы обеспечить безопасное возвращение, что подчеркивает вопиющий дипломатический вакуум. С точки зрения политологии, эта статья анализирует эти системные недостатки, подчеркивая человеческие жертвы: широко распространенная торговля людьми, 91% молодежи лишены образования и ужасающие условия в лагерях, усугубляемые исключением голосов рохинджа из дипломатической сферы. В ней предлагаются смелые реформы пересмотра подхода АСЕАН, пересмотр законов о гражданстве Мьянмы и создание многосторонних рамок для преодоления геополитических разногласий. Освещая эти неудачи, статья стремится побудить политиков к справедливым решениям, восстанавливающим право рохинджа на достоинство и чувство принадлежности.

Ключевые слова: геополитическое соперничество, провалы в управлении, дипломатический паралич, безгражданство рохинджа, барьеры для переселения.

С рохинджа история преследований и изгнаний, берет свое начало в многолетней кампании систематического остракизма в Мьянме, достигшей разрушительной кульминации в 2017 году военным наступлением на штат Ракхайн. Вооруженные силы Мьянмы, движимые безжалостной целью, обрушили поток варварства на рохинджа, мусульманское меньшинство, лишенное гражданства в соответствии с Законом о **гражданстве** 1982 года. Эта жестокая чистка, спровоцированная предполагаемыми нападениями повстанцев, сравняла с землей целые общины, уничтожила семьи и вынудила около 700 000 человек бежать в Бангладеш. Этот массовый бегство усилило предыдущие перемещения 2012 и 2016 годов, увеличив численность беженцев в Кокс-Базаре почти до миллиона человек, еще 37 000 были переселены на отдаленный остров Бхасан-Чар. Этот кризис является мрачным памятником преднамеренной маргинализации Мьянмы, где этническая вражда и националистический пыл объединились, чтобы лишить рохинджа гражданства, лишить их прав и убежища.

Это колоссальное перемещение населения, одно из самых тяжелых в мире, обнажает глубокий коллапс системы управления и глобальной поддержки, обрекая рохинджа на шаткое существование, разрываемое между тоской и отчаянием [1]. В Кокс-Базаре, где в огромных лагерях размещено большинство перемещенных лиц, человеческие потери ужасающи. Эти поселения, представляющие собой лоскутное одеяло из хлипких убежищ, сколоченных из бамбука и брезента, балансируют на грани разрушения под тяжестью перенаселения. Жилая площадь сокращается до 12–29 квадратных метров на человека, значительно ниже гуманитарных показателей, болезни распространяются, гигиена нарушается, а личное пространство исчезает. Сезонные наводнения и оползни ставят под угрозу эти уязвимые места обитания, ежегодно перемещая тысячи людей и создавая дополнительную нагрузку на гуманитарные организации. Первоначально задуманные как временные убежища, эти лагеря превратились в постоянные очаги лишений, где рохинджа борются с лишениями и неопределенностью. Бангладеш, страна, находящаяся в крайне тяжелом положении, несет на себе колоссальное бремя: ее инфраструктура и экономика не выдерживают наплыва беженцев, однако жесткая политика страны, подпитываемая страхом перед получением постоянного вида на жительство, усугубляет страдания беженцев, привязывая их к состоянию вынужденной зависимости.

Образование, жизненно важный ресурс для перемещенных лиц, остается недостижимой мечтой для рохинджа. Поразительные 91% молодых рохинджа в Кокс-Базаре лишены возможности получить формальное образование, что гасит надежды на автономию и прогресс. Запрет Бангладеш на структурированное образование для беженцев, коренящийся во внутриполитических проблемах, ограничивает молодежь рохинджа примитивными учебными центрами с ограниченными ресурсами и учебными программами. Этот интеллектуальный вакуум не только подавляет когнитивное развитие, но и увековечивает циклы нищеты, подвергая целое поколение эксплуатации и безнадёжности [2]. Отсутствие надежных образо-

вательных систем в сочетании с нестабильной обстановкой в лагерях лишает молодых рохинджа самостоятельности, обрекая их на будущее, омраченное неопределенностью и растроченным потенциалом. Угроза торговли людьми и насилия бросает темную тень на Кокс-Базар, являясь мрачным результатом отчаяния и хрупкости. Из-за сокращения средств к существованию и ограничений на передвижение беженцы-рохинджа становятся жертвами торговцев людьми, которые используют их статус лиц без гражданства, заманивая их в опасные миграции или принудительный труд. Ежегодные отчеты документируют сотни случаев торговли людьми, причем 15% из них касаются детей отрезвляющая цифра, которая наглядно демонстрирует масштабы кризиса. Внутреннее насилие в лагерях, вызванное перенаселенностью и соперничеством за скудные запасы продовольствия, еще больше подрывает безопасность, при этом женщины и дети особенно уязвимы.

Отсутствие эффективных гарантий, усугубляемое несоблюдением Бангладеш Конвенции о статусе беженцев 1951 года, оставляет рохинджа беззащитными, а их страдания усугубляются апатией региональных и глобальных заинтересованных сторон. Перемещение 37 000 рохинджа на остров Бхасан Чар, образованный из ила в Бенгальском заливе, является ярким примером сложной и отчаянной ситуации, сложившейся в связи с кризисом. Остров, продвигаемый Бангладеш как решение проблемы перенаселенности Кокс-Базара, своей удаленностью, подверженностью наводнениям и недостаточной инфраструктурой вызвал глобальную тревогу. Многие беженцы, переселенные без полного согласия, сталкиваются с повышенным риском, оторванные от материковых сетей помощи и контроля. Хотя это перемещение и снижает нагрузку на Кокс-Базар, оно отражает модель управления, отдающую предпочтение сдерживанию, а не гуманности, еще больше усугубляя изоляцию рохинджа [3]. Таким образом, кризис остается резким осуждением геополитической инертности и этической халатности, настоятельно требующим реформ для восстановления прав рохинджа на безопасность, идентичность и будущее, не скованное оковами перемещения.

Двусторонняя напряженность между Мьянмой и Бангладеш является ключевым фактором этих проблем: мьянманская хунта использует отсутствие гражданства у рохинджа для мобилизации националистической поддержки, в то время как Бангладеш, опасаясь длительного пребывания в стране, манипулирует кризисом для привлечения международной помощи, способствуя дипломатическому тупику. Региональные игры усугубляют проблему, поскольку Китай и Индия отдают приоритет стратегическому партнерству с Мьянмой в рамках таких инициатив, как «Один пояс, один путь», а не защите гуманитарных интересов, защищая Мьянму от международного осуждения. Глобальная пассивность еще больше обостряет ситуацию: западные санкции неэффективны, а Совет Безопасности ООН ограничен вето Китая и России [4]. Эта международная апатия, коренящаяся в расходящихся государственных планах, обрекает кризис рохинджа на забвение, подчеркивая крах коллективной воли к решению одной из самых острых проблем перемещения населения в мире. Неудачи в управлении Мьянмы лежат в основе исключения рохинджа, основанного на продуманной системе лишения прав. Закон о гражданстве 1982 года, безжалостный указ, лишает рохинджа юридического признания, погружая их в бездну безгражданства и лишая их прав на свободу передвижения, образование и работу. Эта политика, подкрепленная этнической предвзятостью и буддийским шовинизмом, отражает преданную стратегию военных Мьянмы по уничтожению легитимности рохинджа, клеймя их как чужаков в штате

Ракхайн. Режим хунты после переворота 2021 года, пронизанный авторитарной негибкостью, углубляет этот остракизм, замалчивая защиту прав рохинджа и разрушая надежды на репатриацию. Отсутствие институциональных механизмов интеграции или защиты рохинджа обнажает парадигму управления, которая отдает предпочтение этническому единообразию перед правами человека, увековечивая цикл угнетения, который приводит к перемещению населения и препятствует примирению.

Подход Бангладеш к управлению, хотя и является ответом на огромную нагрузку, усугубляет страдания рохинджа посредством ограничительной политики в отношении беженцев. Отвергая Конвенцию о беженцах 1951 года, Бангладеш вводит жесткие меры, которые удерживают более миллиона рохинджа в переполненных лагерях Кокс-Базара, лишая их свободы передвижения, формального образования и экономических возможностей. Эта политика, подпитываемая внутренними опасениями истощения ресурсов и политическим противодействием постоянному поселению, превращает временные убежища в постоянные очаги лишений. Перемещение 37 000 беженцев на остров Бхасан-Чар, подверженный наводнениям и имеющий недостаточную инфраструктуру, является ярким примером этого подхода к сдерживанию, ставящего разгрузку лагерей выше благополучия людей [5]. Поскольку к 2023 году удалось обеспечить лишь половину из необходимых 875 миллионов долларов, ограниченность ресурсов в системе управления Бангладеш подчеркивает прагматичную, но недальновидную стратегию, усугубляющую зависимость и уязвимость рохинджа и не создающую условий для долгосрочных решений.

Дипломатические недостатки еще больше усугубляют кризис, а тщетные попытки репатриации являются показателем застоя в прогрессе. Соглашения 2017 и 2019 годов между Мьянмой и Бангладеш, призванные обеспечить возвращение рохинджа, распались на фоне взаимного недоверия и отказа Мьянмы гарантировать гражданство или безопасность. Эти соглашения, лишенные обязательных положений или глобального контроля, выявляют вопиющую дипломатическую пропасть. Отсутствие региональной синергии, особенно через АСЕАН, усугубляет этот тупик, поскольку принцип невмешательства парализует усилия по посредничеству, превращая АСЕАН в пассивного наблюдателя в кризисе, требующем регионального единства. Такие страны, как Таиланд и Малайзия, занятые собственными проблемами беженцев, оказывают минимальную поддержку, изолируя Бангладеш [6]. Эта дипломатическая вялость в сочетании с игнорированием точки зрения рохинджа на переговорах подчеркивает неспособность разработать единые стратегии, что усугубляет неразрешимость кризиса. Это сочетание геополитических, управленческих и дипломатических упущений выдает рохинджа, чья безгражданственность и страдания сохраняются на фоне глобального пренебрежения. Кризис требует смелых реформ: отмены дискриминационных законов Мьянмы, смягчения жесткой политики Бангладеш и активизации региональной и глобальной дипломатии для того, чтобы поставить права человека выше стратегических приоритетов. Только благодаря таким решительным действиям можно восстановить право рохинджа на достоинство и интеграцию, разорвав оковы их длительного изгнания.

Закон о гражданстве 1982 года, безжалостный нормативный акт, служит краеугольным камнем этой маргинализации, систематически стирая юридическую идентичность рохинджа и ввергая их в безгосударственную пропасть. Называя их «бенгальскими чужаками» [7], режим лишает это мусульманское меньшинство прав на проживание, передвижение и гражданскую активность, превращая

их в призрачные фигуры в штате Ракхайн. Этот отказ в гражданстве – не просто административная ошибка, а продуманная политика, основанная на этнической вражде и направленная на уничтожение легитимности рохинджа. На фоне внутренних потрясений и глобальной критики правительство после переворота усиливает эту изоляцию, используя её как щит против внутренней оппозиции и инструмент для укрепления своего шаткого господства. Эта деспотическая, жесткая и непреклонная система правления уничтожает надежды на репатриацию, в результате чего более миллиона рохинджа оказываются отрезанными от внешнего мира в лагерях Бангладеш, а тысячи томятся в истерзанных войной регионах Мьянмы.

Геополитическая стратегия режима тесно связана с умиротворением буддийского национализма мощной силой, формирующей политический облик Мьянмы. Рохинджа, мусульманское меньшинство в стране с буддийским большинством, демонизируются для мобилизации поддержки среди фанатичных буддийских фракций, в частности, влиятельного движения «969», возглавляемого монахами. Изображая рохинджа как культурную и религиозную угрозу, военные разжигают шовинистический пыл, чтобы укрепить свою легитимность на фоне широко распространенного сопротивления перевороту 2021 года [8]. Эта тактика этнической изоляции служит двойной цели: она отвлекает внимание от недостатков управления режима и объединяет разрозненные буддийские общины под знаменем исключительной солидарности. В геополитическом плане такой подход позволяет режиму сохранять внутренний контроль, избегая международного давления, поскольку страдания рохинджа затмеваются тем, что мировые державы отдают приоритет стратегическому партнерству с Мьянмой. Это преднамеренное отчуждение, основанное на этнической предвзятости, не только увековечивает безгосударственное положение рохинджа, но и создает серьезные препятствия для их безопасного возвращения, поскольку режим отдает предпочтение политической целесообразности перед гуманитарными соображениями.

Обострение конфликта в штате Ракхайн, вызванное восстанием Армии Аракана, накладывает тяжелую завесу на усилия по репатриации, делая разрешение конфликта труднодостижимым. Армия Аракана, этническое ополчение Ракхайна, стремящееся к автономии, усилила свою повстанческую деятельность против режима, превратив Ракхайн в нестабильную арену конфликтов. Эта неразбериха разрушает инфраструктуру, приводит к перемещению местного населения и делает регион опасным для возвращения рохинджа [9]. Сосредоточение режима на подавлении Армии Аракана отвлекает ресурсы от усилий по репатриации, в то время как беспорядки, вызванные конфликтом, подрывают гарантии безопасности, необходимые для переселения. Дороги, деревни и потенциальные места возвращения изрыты следами насилия, мины и столкновения представляют смертельную опасность. Этническая напряженность между Армией Аракана и рохинджа, коренящаяся в конкурирующих претензиях на влияние в Ракхайне, еще больше осложняет перспективы сосуществования. Эта хаотичная ситуация, усугубляемая негибкостью режима, создает непреодолимую логистическую проблему, тормозит переговоры с Бангладеш и делает международное посредничество бесполезным.

Эти геополитические ограничения, жесткий режим Мьянмы, манипулирование националистическими настроениями и насильственные беспорядки в Ракхайне образуют сложную паутину, которая затягивает рохинджа в их безгосударственное положение. Отказ режима пересмотреть Закон о гражданстве 1982 года в сочетании со стратегической изоляцией для укрепления своей власти процветает в атмосфере региональной и глобальной апатии,

где такие страны, как Китай и Индия, защищают Мьянму ради экономической выгоды [10]. Восстание Армии Аракана усугубляет беспорядки, делая репатриацию далекой перспективой. Для решения этого кризиса необходимы смелые меры: реформирование политики гражданства Мьянмы, содействие инклюзивному управлению и стабилизация Ракхайна посредством дипломатических усилий. Только благодаря таким решительным действиям можно восстановить право рохинджа на возвращение и чувство принадлежности, разорвав оковы их длительного изгнания.

Роль Бангладеш как убежища для почти миллиона беженцев-рохинджа, преимущественно в Кокс-Базаре, создает огромную нагрузку на ее ограниченные ресурсы, что особенно ярко проявляется в постоянном дефиците финансирования. В 2023 году в рамках Совместного плана реагирования (СПР), разработанного Бангладеш и УВКБ ООН, планировалось собрать 876 миллионов долларов для оказания помощи 1,47 миллионам человек, включая 978 000 беженцев и 495 000 местных жителей. Однако удалось собрать лишь половину около 438 миллионов долларов, что серьезно затрудняет предоставление основных услуг, таких как питание, медицинская помощь и жилье [11]. Этот дефицит, отражающий более широкое глобальное сокращение финансирования гуманитарной помощи (с 65% охвата в 2020 году до 28,9% к середине 2023 года), привел к сокращению поставок продовольствия, закрытию клиник и повышению уязвимости к недоеданию и таким заболеваниям, как холера и дифтерия. Бангладеш, борющийся со своими собственными экономическими потрясениями, усугубленными политическими потрясениями 2024 года, стремительной инфляцией и климатическими катастрофами, ежегодно тратит более 1,2 миллиарда долларов на содержание рохинджа, что значительно превышает взносы доноров. Плотная застройка лагерей с хрупкими убежищами, подверженными воздействию муссонов и штормов, усугубляет эти проблемы, поскольку неадекватные санитарные условия, нехватка воды и плохое управление отходами способствуют вспышкам заболеваний. Будучи одной из наиболее подверженных стихийным бедствиям стран мира, Бангладеш сталкивается с титанической борьбой, поскольку его инфраструктура не выдерживает бремени этой гуманитарной деятельности.

Геополитические опасения по поводу длительного присутствия рохинджа еще больше осложняют ответные меры Бангладеш, усугубляемые острой внутриполитической напряженностью и экономическим давлением. Прием более миллиона беженцев, составляющий более трети населения Кокс-Базара, вызвал местное недовольство, вызванное конкуренцией за рабочие места и ресурсы [12]. Приток беженцев привел к снижению заработной платы, росту цен и истощению природных ресурсов, таких как леса и грунтовые воды, что создает дополнительную нагрузку на принимающие общины. Политический кризис 2024 года, кульминацией которого стало свержение премьер-министра Шейх Хасины на фоне протестов против управления и экономических проблем, усилил антирохинджаские настроения, и местные жители все чаще воспринимают беженцев как обузу. Отказ Бангладеш подписать Конвенцию о беженцах 1951 года лежит в основе ее сопротивления интеграции, поскольку опасения по поводу постоянного расселения сталкиваются с требованиями приоритетного предоставления убежища гражданам. Ограничительные меры, сокращающие мобильность, занятость и образование рохинджа, превращают лагерь в места вынужденной зависимости. Перемещение 75 000 беженцев на остров Бхасан Чар к концу 2023 года, изолированный, подверженный наводнениям остров с недостаточным уровнем инфраструктуры, является ярким

примером этой стратегии сдерживания, продиктованной политическими соображениями, направленными на успокоение местных жителей, опасавшихся длительного пребывания беженцев. Хотя эти меры прагматичны, они усугубляют уязвимость положения рохинджа, отражая разрыв между состраданием и выживанием внутри страны.

Бангладеш умело использовал кризис с рохинджа для привлечения международной поддержки и дипломатического влияния, сумев, несмотря на ограниченное положение, заручиться глобальной поддержкой. Приняв в приют почти миллион беженцев, Бангладеш позиционирует себя как гуманитарный маяк, заслужив похвалу и обещания от таких доноров, как США (1,9 млрд долларов с 2017 года), Япония (4,4 млн долларов на продовольственную помощь в 2023 году) и Великобритания (350 млн фунтов стерлингов с 2017 года). Эти средства, хотя и недостаточные, укрепляют экономику и инфраструктуру Бангладеш, поддерживая как беженцев, так и местные общины посредством инициатив в области здравоохранения, образования и охраны окружающей среды. В дипломатическом плане кризис повышает статус Бангладеш, что видно по призыву Хасины к Японии в 2023 году оказать давление на Мьянму и призыву временного лидера Мухаммеда Юнуса к ООН в 2024 году к многосторонним усилиям по репатриации. Представляя кризис как глобальную проблему, Бангладеш усиливает свое влияние на международных форумах, добиваясь привлечения Мьянмы к ответственности и одновременно смягчая внутреннюю критику по поводу распределения ресурсов [13]. Однако эта стратегия дает сбой по мере роста усталости доноров, а сокращение финансирования в 2025 году, особенно со стороны США, угрожает подорвать эти достижения, оставляя Бангладеш все более изолированным в процессе урегулирования кризиса. Этот тонкий баланс между отстаиванием интересов и внутренним давлением подчеркивает стратегическую проницательность Бангладеш, хотя сохраняющийся дефицит финансирования и задержка репатриации ограничивают ее дипломатические успехи.

Эти взаимосвязанные проблемы дефицита ресурсов, опасения по поводу длительного пребывания беженцев и стратегические усилия по оказанию помощи — держат Бангладеш в хрупком равновесии, заставляя балансировать между гуманитарными обязательствами и внутренними и геополитическими реалиями [14]. Кризис финансирования парализует жизненно важные службы, в то время как местное противодействие подпитывает политику, которая усугубляет положение рохинджа. Дипломатические усилия Бангладеш, хотя и частично эффективные, терпят неудачу без глобальной решимости решить коренные проблемы Мьянмы. Для решения этой проблемы необходимы значительное международное финансирование, региональное сотрудничество для стабилизации штата Ракхайн и политика, уравнивающая потребности принимающей стороны с правами беженцев. Без таких мер напряженная гостеприимная политика Бангладеш рискует рухнуть под тяжестью нерешенных гуманитарных проблем.

Закон о гражданстве Мьянмы 1982 года служит жестоким инструментом исключения, превращая рохинджа в крупнейшее в мире население без гражданства, лишая их гражданства и основных прав. Признавая в качестве «национальных рас» только 135 этнических групп, исключая рохинджа, которых называют «бенгальскими чужаками», закон налагает невыполнимое требование о происхождении до 1823 года, недостижимое для маргинализованного сообщества, лишённого документов. Этот указ загоняет рохинджа в лагеря или деревни в условиях репрессий, подобных апартеиду, лишая их доступа к образованию, здравоохранению, трудоустройству и свободе передвижения. Процесс получения Национальной карты

верификации (NVC), часто требующий отказа от заявлений о гражданстве, еще больше стирает их идентичность. Эта политика подпитывала военные операции 2017 года, которые ООН назвала этническими чистками, в результате которых более 700 000 рохинджа были вынуждены бежать в Бангладеш. Сохранение этого закона отражает отказ Мьянмы соответствовать мировым нормам в области прав человека, что закрепляет безгражданство и уязвимость в цикле системной дискриминации.

После военного переворота 2021 года хунта Мьянмы укрепила модель управления, в которой безопасность ставится выше гуманитарных соображений, не предлагая пути реинтеграции возвращающихся рохинджа. Жестокие кампании режима, в частности операции в штате Ракхайн в 2016–2017 годах, унесли жизни тысяч людей и привели к перемещению миллионов, а международные наблюдатели называли эти зверства геноцидом, однако никакой ответственности за них не было привлечено. После переворота принудительная мобилизация мужчин и мальчиков рохинджа и блокада гуманитарной помощи усугубили продовольственную нестабильность и кризис здравоохранения, нарушая международные гуманитарные стандарты [15]. В отсутствие правовой базы для восстановления прав на землю или защиты от насилия, признанного Верховным комиссаром ООН Мишель Бачелет небезопасным в 2022 году, репатриация остается невозможным. Продолжающиеся столкновения с Армией Аракана заблокировали 600 000 рохинджа в штате Ракхайн, создав draconianские ограничения, что отражает милитаризованный подход, ставящий во главу угла доминирование бамарцев над инклюзивным управлением, и усугубляет гуманитарную ситуацию.

Замалчивание организаций, возглавляемых рохинджа, таких как Араканское общество рохинджа за мир и права человека (ARSPH), подавляет самостоятельность и представительство общины. Основанное Мохибуллой в Кокс-Базаре, ARSPH в 2019 году задокументировало нарушения прав человека и мобилизовало тысячи людей на получение гражданства и безопасное возвращение, но власти Бангладеш, опасаясь мобилизации беженцев, объявили такие группы угрозой безопасности и подавили их. В Мьянме хунта преследует активистов, как это видно на примере убийства Мохибуллы в 2021 году, подавляя гражданское общество и правозащитную деятельность [16]. Эта репрессия оставляет рохинджа зависимыми от внешней помощи, без возможности влиять на свою судьбу, а их исключение из таких форумов, как Конференция высокого уровня ООН 2025 года, подрывает решения, предлагаемые самими выжившими. Отсутствие самостоятельности увековечивает цикл маргинализации, блокируя пути к справедливости и привлечению к ответственности.

Проблемы управления в Бангладеш проявляются в серьезной нехватке ресурсов и ограничительной политике, что создает нагрузку на страну в плане приема почти миллиона рохинджа. В рамках Объединенной программы развития 2023 года, предусматривавшей выделение 876 миллионов долларов, было получено лишь половина, что парализовало обеспечение продовольствием, здравоохранением и жильем. Экономические трудности, политические потрясения 2024 года и климатические катастрофы, а также высокая подверженность Бангладеш стихийным бедствиям усугубляют эти проблемы. Политика, ограничивающая передвижение, трудоустройство и образование беженцев, продиктованная опасениями по поводу постоянного проживания, способствует зависимости и недоверию местного населения. Переселение 75 000 беженцев на подверженный наводнениям остров Бхасан Чар, критикуемый за изоляцию и плохую инфраструктуру, отражает стратегию сдерживания, отдающую приоритет

внутреннему попустительству над благополучием беженцев. Эти прагматичные, но недальновидные меры подчеркивают трудности Бангладеш в согласовании гуманитарного долга с внутренним давлением, отсутствием рамок для устойчивой интеграции или поддержки репатриации.

Паралич Совета Безопасности ООН, вызванный вето Китая и России, препятствует привлечению к ответственности за зверства в Мьянме. Международный уголовный суд, скованный юрисдикционными ограничениями, поскольку Мьянма находится вне его юрисдикции, с трудом преследует виновных. Тем временем усталость доноров привела к резкому сокращению финансирования УВКБ ООН и организаций гражданского общества: на 2025 год обещано всего 455,6 млн долларов при резко возросших потребностях. Эти упущения, коренящиеся в геополитическом соперничестве, правовых барьерах и ослаблении финансовой решимости, продлевают страдания рохинджа, что требует срочных реформ для восстановления глобальной ответственности и гуманитарной приверженности. Международный уголовный суд, которому поручено поддерживать глобальный мир, не справляется с кризисом рохинджа из-за права вето Китая и России, постоянных членов, защищающих Мьянму от ответственности. В 2018 году их оппозиция сорвала резолюцию о передаче дела Мьянмы в Международный уголовный суд, несмотря на неопровержимые доказательства массовых убийств, сексуального насилия и поджогов деревень в штате Ракхайн, в результате которых более 700 000 рохинджа были вынуждены бежать в Бангладеш – акты, которые следователи ООН назвали этническими чистками и геноцидом. Китай, отдающий приоритет экономическим интересам, таким как инициатива «Один пояс, один путь», рассматривает вмешательство как посягательство на суверенитет, в то время как Россия, союзница Китая, противодействует усилиям Запада в области правосудия, направленным на противодействие влиянию США[17]. Этот тупик, кульминацией которого стало слабое, не имеющее обязательной силы заявление Председателя Совета 2017 года, подрывает его мандат, оставляя жертв рохинджа без защиты и укрепляя безнаказанность Мьянмы. В отличие от символических резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, эта инерция свидетельствует о фрагментированном глобальном порядке, где стратегические интересы затмевают гуманитарные императивы, увековечивая неразрешимость кризиса.

Международный уголовный суд (МУС), созданный для борьбы с чудовищными преступлениями, такими как геноцид и военные преступления, сталкивается с серьезными юридическими препятствиями в расследовании нарушений прав человека в Мьянме, поскольку страна не является участницей Римского статута. Без согласия Мьянмы или обращения в Совет Безопасности блокируемого Китаем и Россией юрисдикция МУС ограничивается преступлениями, частично совершенными в государствах-членах, таких как Бангладеш. В 2018 году прокурор Фату Бенсуда пыталась расследовать депортацию рохинджа в Бангладеш, но эта ограниченная сфера не включает в себя такие зверства, как убийства и преследования внутри границ Мьянмы. В результате такие деятели, как военный лидер Мин Аун Хлаинг, избегают судебного преследования, несмотря на отчеты ООН, в которых репрессии 2017 года названы геноцидом [18]. Дело Гамбии в Международном суде ООН 2019 года против Мьянмы за нарушение Конвенции о геноциде, хотя и заслуживает внимания, касается ответственности государства, а не отдельных преступников, и его временные меры остаются нереализованными из-за бездействия Совета Безопасности. Эти правовые ограничения подчеркивают неспособность международного сообщества обеспечить справед-

ливость для переживших геноцид рохинджа, оставляя вопрос о привлечении к ответственности в подвешенном состоянии. Усталость доноров подрвала глобальную финансовую поддержку, что критически снижает эффективность гуманитарной помощи рохинджа. В 2025 году на инициативы УВКБ ООН и организаций гражданского общества было выделено всего 455,6 млн долларов, что значительно меньше растущих потребностей почти миллиона беженцев в Бангладеш. В рамках Программы совместной помощи на 2023 год, предусматривающей выделение 876 млн долларов на 1,47 млн человек (978 000 беженцев, 495 000 местных жителей), было получено лишь половина средств, что привело к сокращению поставок продовольствия, закрытию медицинских учреждений и повышению риска недоедания и таких заболеваний, как холера. Это снижение отражает глобальную тенденцию: охват гуманитарной помощью сократился с 65% в 2020 году до 28,9% к середине 2023 года. Богатые страны, испытывающие трудности из-за проблем в экономике и сопутствующих кризисов, таких как Украина, сократили свои взносы, при этом США уменьшили свои пожертвования в 2025 году, несмотря на то, что с 2017 года было пожертвовано 1,9 миллиарда долларов. Этот дефицит ложится тяжелым бременем на Бангладеш, которая ежегодно тратит более 1,2 миллиарда долларов, что усиливает напряженность внутри страны и уязвимость лагерей беженцев. Недавние публикации (август 2025 г.) подчеркивают трудности ЮНИСЕФ в обеспечении водой и образованием.

Отсутствие скоординированного многостороннего механизма с участием Бангладеш, Мьянмы и третьих сторон, таких как Организация Объединенных Наций, Индия и АСЕАН, сорвало усилия по содействию добровольному, безопасному и достойному возвращению более миллиона беженцев-рохинджа. Не менее важным является глобальный провал в оспаривании Закона о гражданстве Мьянмы 1982 года, который закрепляет их безгражданство, и в создании безопасных условий для репатриации в штате Ракхайн. Эти упущения, вызванные геополитической нерешительностью и разрозненными усилиями, оставляют рохинджа в переполненных лагерях Бангладеш, что подчеркивает острую необходимость в согласованной дипломатии и решительной защите интересов для разрыва порочного круга перемещения населения. Отсутствие многосторонней платформы для посредничества в репатриации препятствует перспективам устойчивого решения проблемы. Двусторонние соглашения, такие как соглашения между Бангладеш и Мьянмой 2017 года, рухнули в 2018 и 2019 годах, поскольку беженцы отказались от возвращения из-за опасений насилия и отказа Мьянмы гарантировать гражданство или безопасность. Исключение Мьянмой беспристрастных посредников, таких как УВКБ ООН, лишило переговоры нейтрального надзора, подрвало доверие и логистическую согласованность [19]. Попытки Китая выступить посредником, обусловленные его приоритетами в рамках инициативы «Один пояс, один путь», были отвергнуты как предвзятые по отношению к Мьянме и принесли незначительный прогресс. Декларация АСЕАН 2007 года о трудящихся-мигрантах, сосредоточенная исключительно на трудовой миграции, не предлагает рамок для решения проблем безгражданских групп, таких как рохинджа, а ее принцип невмешательства подавляет региональные действия. Индия, имеющая стратегические интересы в обеих странах благодаря таким проектам, как мультимодальный транзитный транспорт Каладан в штате Ракхайн, отдала приоритет пограничному контролю над активным посредничеством, о чем свидетельствует ее решение 2024 года о прекращении режима свободного передвижения. Трехсторонний или многосторонний орган с участием ООН, Индии и АСЕАН мог бы обеспечить подотчетность, отслеживать ситуацию

и привести репатриацию в соответствие с мировыми стандартами, однако такого механизма не существует, в результате чего Бангладеш остается один на один с кризисом, а планы по возвращению оказываются тщетными.

Закон Мьянмы о гражданстве 1982 года, который исключает рохинджа из числа 135 «национальных рас», имеющих право на гражданство, остается краеугольным камнем их исключения, однако международные усилия по требованию его реформы оказались слабыми [20]. Требование закона о предоставлении доказательств происхождения до 1823 года невыполнимо для общины, лишенной документов, что лишает ее юридической идентичности, образования, здравоохранения и свободы передвижения. Несмотря на резолюции ООН и призывы таких лидеров, как бывший президент США Барак Обама, руководство Мьянмы как правительство Аун Сан Су Чжи, так и хунта после 2021 года сопротивляются переменам, ссылаясь на националистический пыл. Паралич Совета Безопасности ООН, вызванный вето Китая и России, блокирует санкции или обращения в МУС, которые могли бы заставить провести реформу. Армия Аракана, ныне доминирующая в штате Ракхайн, заявляет о поддержке предоставления гражданства «мусульманам Мьянмы», но её националистические взгляды вызывают скептицизм, а отсутствие глобального механизма для обеспечения подотчетности вызывает сомнения. Призывы Бангладеш к международному давлению остаются без ответа, поскольку такие державы, как Индия и Китай, отдают приоритет экономическим связям посредством таких проектов, как Китайско-мьянманский экономический коридор, а не защите прав человека. Отсутствие единого дипломатического рычага оставляет проблему безгражданства рохинджа нерешенной, препятствуя созданию важнейшей основы для их возвращения.

Неспособность обеспечить безопасные условия для возвращения в Мьянму сделала репатриацию труднодостижимой целью. Военные операции 2017 года, названные в отчетах ООН геноцидом, наряду с продолжающимся насилием в Ракхайне между хунтой и Армией Аракана, делают возвращение опасным для 600 000 рохинджа, остающихся в Мьянме, которые сталкиваются с принудительной вербовкой и блокадой гуманитарной помощи [21]. ООН неоднократно заявляла о небезопасных условиях, ссылаясь на отсутствие гражданства, мобильности и защиты от насилия. Предложения Бангладеш о создании «безопасных зон» в Ракхайне не получили поддержки, поскольку были заблокированы бездействием Совета Безопасности и покорностью АСЕАН суверенитету Мьянмы. Сосредоточение внимания Индии на депортациях вместо стабилизации ситуации в Ракхайне еще больше подрывает надежды. Без многостороннего органа, который бы контролировал безопасность, восстанавливал земельные права или обеспечивал принцип невысылки, беженцы по-прежнему не желают возвращаться, о чем свидетельствует их отказ от планов 2018 и 2019 годов. Оказание постоянного давления на хунту Мьянмы и Армию Аракана с целью прекращения насилия и гарантирования прав имеет важное значение, однако этого давления по-прежнему нет, в результате чего репатриация остается пустым обещанием.

В заключение, кризис с рохинджа, тяжелейшая трагедия безгражданства, остается осложненным глубокими геополитическими барьерами, усугубляемыми недостатками в управлении и дипломатической стагнацией в Мьянме и Бангладеш. Негибкий закон о гражданстве 1982 года в Мьянме, милитаризованное правление, отдающее предпочтение безопасности, а не сочувствию, и замалчивание правозащитной деятельности рохинджа закрепляют маргинализацию, делая репатриацию трудно-

достижимой целью. Закон отрицает юридическую идентичность, в то время как военные репрессии и подавление таких групп, как Араканское общество рохинджа за мир и права человека, подавляют свободу воли, оставляя 600 000 рохинджа в штате Ракхайн в тяжелом положении. В Бангладеш, принимающем почти миллион беженцев, ограниченные ресурсы, политика сдерживания, обусловленная опасениями по поводу постоянного расселения, и зависимость от сокращающейся помощи (всего 455,6 млн долларов, обещанных на 2025 год), превышают его гуманитарные возможности, ограничивая беженцев уязвимыми лагерями. Глобальные неудачи, включая тупиковую ситуацию в Совете Безопасности ООН, юрисдикционные ограничения МУС и усталость доноров, усугубляют кризис, препятствуя правосудию и оказанию помощи. Отсутствие многосторонней структуры с участием Бангладеш, Мьянмы, ООН, Индии и АСЕАН, а также недостаточное давление с целью реформирования законов Мьянмы или обеспечения безопасности штата Ракхайн, подчеркивает упущенные возможности. Для решения этой проблемы необходимо отменить дискриминационные законы, обеспечить безопасное возвращение, увеличить финансирование со стороны Бангладеш и создать надежную платформу для посредничества, чтобы расширить права рохинджа и восстановить их право на достойное будущее.

Литература

1. Анас, О. А., & Хоссейн, М. (2023). Беженцы рохинджа в Бангладеш: гуманитарные проблемы и политические меры реагирования. Springer. <https://link.springer.com/book/10.1007/978-981-99-8616-3>.
2. Ибрагим, А. (2018). Рохинджа: закулисный геноцид в Мьянме. Лондон: Hurst & Company. <https://www.hurstpublishers.com/book/the-rohingyas-2/>.
3. Кипген, Н. (2016). Мьянма: политическая история. Oxford University Press. <http://dx.doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199466306.001.0001>.
4. Крауч, М. (2019). Конституция Мьянмы: контекстуальный анализ. Bloomsbury Publishing. <https://www.bloomsbury.com/us/constitution-of-myanmar-9781509927357/>.
5. Международная амнистия. (2025). 8 лет спустя: Необходима ответственность за зверства в Мьянме против рохинджа. <https://www.amnesty.org/en/>.
6. Международная кризисная группа. (2023). Штат Ракхайн: следующий кризис в Мьянме? <https://www.crisisgroup.org>.
7. Норман Свазо, Ск. Тауфик М. Хаке и др. (2020). Кризис рохинджа: моральная, этнографическая и политическая оценка. Routledge. <http://dx.doi.org/10.4324/9780429324109>.
8. Новости ООН. (2024). Бангладеш призывает к глобальным действиям по урегулированию кризиса с рохинджа на Генеральной Ассамблее ООН. <https://news.un.org/en/>.
9. Сиддики, Т., & Бхуйян, М. Р. (ред.). (2021). Кризис рохинджа и Бангладеш: вызовы и возможности. Springer. <https://link.springer.com/book/10.1007/978-981-33-4392-4>.
10. Тхант Мьянт-У. (2019). Скрытая история Бирмы: раса, капитализм и кризис демократии в XXI веке. W. W. Norton & Company.
11. УВКБ ООН. (2023). Совместный план реагирования на гуманитарный кризис с рохинджа в 2023 году. <https://www.unhcr.org/>.
12. УВКБ ООН. (2025). Реагирование на ситуацию с беженцами-рохинджа в Бангладеш. <https://www.unhcr.org/>.
13. УВКБ ООН. (2025). Совместный план реагирования на гуманитарный кризис с рохинджа. <https://www.unhcr.org/>.

14. Улла А. А., & Чатторадж Д. (2023). Неуслышанные истории рохинджа: этническая принадлежность, разнообразие и перемещение. Bristol University Press. <https://fass.ubd.edu.bn/staff/docs/AU/books/Ullah-2023-unheard-stories-Rohingyas.pdf>

15. Уэйд, Ф. (2017). Внутренний враг Мьянмы: буддийское насилие и становление мусульманина. Zed Books. <https://www.zedbooks.net/shop/book/myanmars-enemy>

16. Хаке, М. М. (2023). Беженцы рохинджа: проблемы репатриации и региональные ответные меры. Edward Elgar Publishing. <https://www.e-elgar.com/shop/usd/rohingya-refugees-9781803926872>

17. Human Rights Watch. (2020). Бхасан Чар: План переселения беженцев-рохинджа в Бангладеш. <https://www.hrw.org/>

18. Human Rights Watch. (2022). Мьянма: государственный переворот и его последствия для меньшинств. <https://www.hrw.org/world-report/2022/country-chapters/myanmar>

19. Human Rights Watch. (2023). Бангладеш: Переселение рохинджа на остров Бхасан-Чар вызывает обеспокоенность. <https://www.hrw.org/>

20. Чизман, Н., & Фаррелли, Н. (ред.). (2016). Конфликт в Мьянме: война, политика, религия. ISEAS – Yusof Ishak Institute. <https://bookshop.iseas.edu.sg/publication/2155>

21. (Анализируется доктрина невмешательства АСЕАН и ее влияние на сбой в региональной координации). International Crisis Group. <https://www.crisisgroup.org/>

Geopolitical Obstacles to Rohingya Resettlement: Governance and Diplomatic Failures in Bangladesh and Myanmar

Rajib Naeemul Islam

RUDN University

Rakhine State, Myanmar. This article examines the complex interplay of political institutions and processes sustaining this humanitarian tragedy, revealing how deep-rooted geopolitical barriers, poor governance, and diplomatic paralysis impede the achievement of lasting solutions. In Myanmar, the military regime's persistent refusal to reform the 1982 Citizenship Law, which deprives the Rohingya of legal status, embodies a calculated institutional isolation, reinforced by nationalist fervor and political maneuvering to appease domestic audiences. Bangladesh, burdened by the burden of hosting a massive refugee population, is imposing restrictive measures that ignore the 1951 Refugee Convention and burden the Rohingya with overcrowded camps, driven by domestic political pressure and dwindling resources, while securing only half of the \$875 million needed by 2023. Regionally, ASEAN's rigid non-interventionist stance hinders collective action, while global powers like China and India favor economic alliances with Myanmar, undermining UN efforts. Diplomatic initiatives, such as the 2017 and 2019 repatriation agreements, have failed amid mutual mistrust and Myanmar's inability to ensure safe returns, highlighting a glaring diplomatic vacuum. From a political science perspective, this article analyzes these systemic failures, highlighting the human costs: widespread human trafficking, 91% of youth deprived of education, and appalling conditions in the camps, exacerbated by the exclusion of Rohingya voices from diplomatic channels. It proposes bold reforms: rethinking ASEAN's approach, revising Myanmar's citizenship laws, and creating a multilateral framework to address geopolitical differences. By highlighting these failures, the article seeks to spur policymakers to pursue equitable solutions that restore the Rohingya's right to dignity and a sense of belonging.

Keywords: geopolitical rivalry, governance failures, diplomatic paralysis, Rohingya statelessness, barriers to resettlement.

References

- Anas, O. A., & Hossain, M. (2023). Rohingya Refugees in Bangladesh: Humanitarian Challenges and Policy Responses. Springer. <https://link.springer.com/book/10.1007/978-981-99-8616-3>.
- Ibrahim, A. (2018). The Rohingya: Myanmar's Behind-the-Scenes Genocide. London: Hurst & Company. <https://www.hurstpublishers.com/book/the-rohingyas-2/>.
- Kipgen, N. (2016). Myanmar: A Political History. Oxford University Press. <http://dx.doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199466306.001.0001>.
- Crouch, M. (2019). 4. The Constitution of Myanmar: A Contextual Analysis. Bloomsbury Publishing. <https://www.bloomsbury.com/us/constitution-of-myanmar-9781509927357/>
- Amnesty International. (2025). 8 Years On: Accountability Demanded for Myanmar's Atrocities Against the Rohingya. <https://www.amnesty.org/en/>
- International Crisis Group. (2023). Rakhine State: Myanmar's Next Crisis? <https://www.crisisgroup.org>
- Norman Swazo, SK, Taufik M. Haque, et al. (2020). The Rohingya Crisis: A Moral, Ethnographic, and Political Assessment. Routledge. <http://dx.doi.org/10.4324/9780429324109>
- UN News. (2024). Bangladesh Calls for Global Action on Rohingya Crisis at UN General Assembly. <https://news.un.org/en/>
- Siddiqui, T., & Bhuiyan, M. R. (eds.). (2021). The Rohingya Crisis and Bangladesh: Challenges and Opportunities. Springer. <https://link.springer.com/book/10.1007/978-981-33-4392-4>
- Thant Myint-U. (2019). Burma's Hidden History: Race, Capitalism, and the Crisis of Democracy in the 21st Century. W. W. Norton & Company.
- UNHCR. (2023). Joint Response Plan for the Rohingya Humanitarian Crisis 2023. <https://www.unhcr.org/>
- UNHCR. (2025). Response to the Rohingya Refugee Situation in Bangladesh. <https://www.unhcr.org/>
- UNHCR. (2025). Joint Response Plan for the Rohingya Humanitarian Crisis. <https://www.unhcr.org/>
- Ullah, A. A., & Chatteraj, D. (2023). Unheard Stories of the Rohingya: Ethnicity, Diversity, and Displacement. Bristol University Press. <https://fass.ubd.edu.bn/staff/docs/AU/books/Ullah-2023-unheard-stories-Rohingyas.pdf>
- Wade, F. (2017). Myanmar's Enemy Within: Buddhist Violence and the Making of a Muslim. Zed Books. <https://www.zedbooks.net/shop/book/myanmars-enemy>
- Haque, M. M. (2023). Rohingya Refugees: Repatriation Challenges and Regional Responses. Edward Elgar Publishing. <https://www.e-elgar.com/shop/usd/rohingya-refugees-9781803926872>
- Human Rights Watch. (2020). Bhasan Char: Bangladesh's Rohingya Refugee Resettlement Plan. <https://www.hrw.org/>
- Human Rights Watch. (2022). Myanmar: The Coup and Its Consequences for Minorities. <https://www.hrw.org/world-report/2022/country-chapters/myanmar>
- Human Rights Watch. (2023). Bangladesh: Rohingya Resettlement on Bhasan Char Island Raises Concerns. <https://www.hrw.org/>
- Cheeseman, N., & Farrelly, N. (eds.). (2016). Conflict in Myanmar: War, Politics, Religion. ISEAS – Yusof Ishak Institute. <https://bookshop.iseas.edu.sg/publication/2155>
- (Analyzes ASEAN's doctrine of non-intervention and its impact on the breakdown of regional coordination). International Crisis Group. <https://www.crisisgroup.org/>

Стратегии обеспечения технологического суверенитета в многосторонних форматах: сравнительный анализ политики России в БРИКС и ШОС (на примере гражданской авиации)

Зрянин Дмитрий Сергеевич

аспирант кафедры сравнительной политологии, РУДН им. Патриса Лумумбы, 1142230637@rudn.ru

В статье проводится сравнительный политологический анализ стратегий Российской Федерации по обеспечению технологического суверенитета в стратегической отрасли гражданской авиации на площадках двух ключевых многосторонних институтов — БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Выдвигается и доказывается тезис о том, что Россия проводит в них дифференцированную и взаимодополняющую политику, обусловленную различиями в их институциональном дизайне и функциональном предназначении. Через комбинирование методов сравнительного анализа, кейс-стади и институционального подхода исследуется, что в рамках БРИКС Россия фокусируется на стратегическом позиционировании и поиске глобальных финансово-технологических альтернатив, в то время как ШОС используется как приоритетная платформа для практической региональной институционализации — создания конкретных нормативных стандартов, транспортно-логистической инфраструктуры и защищённого рынка сбыта. Особое внимание уделяется критической роли развития инфраструктуры жизненного цикла (послепродажное обслуживание, логистика запчастей, подготовка кадров), без которой суверенитет не может быть полным. На примере углублённого кейс-стади политики в ШОС демонстрируется, как формируется модель «совместного институционального суверенитета», где обеспечение национальных интересов достигается через строительство стабильных, взаимовыгодных и институционально-закреплённых правил регионального взаимодействия.

Ключевые слова: технологический суверенитет, сравнительная политология, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), БРИКС, гражданская авиация, политика стандартизации, многосторонние институты, региональная интеграция, послепродажное обслуживание (ППО), институциональный анализ.

Введение Санкционное давление 2022 года выявило системную уязвимость Российской Федерации в высокотехнологических отраслях, наиболее остро проявившуюся в сфере гражданской авиации (ГА). Критическая зависимость от западных воздушных судов, их компонентов, сервисной поддержки и, что принципиально важно, регуляторных стандартов поставила вопрос о переходе от модели интеграции в глобальные цепочки создания стоимости к модели обеспечения технологического суверенитета [1]. Государственным ответом стала ускоренная программа импортозамещения, сфокусированная на создании отечественных лайнеров MC-21, SJ-100, Ту-214, Ил-96-300. Однако, как справедливо отмечается в экспертном сообществе, экономика авиационных проектов, особенно широкофюзеляжных, не может быть создана исключительно на внутрироссийском рынке. Данный тезис применим ко всей линейке гражданской авиатехники: реальный технологический суверенитет немаловажен без экспортного потенциала, который, в свою очередь, невозможен без развёрнутой глобальной инфраструктуры жизненного цикла, включая сертификацию, послепродажное обслуживание (ППО) и подготовку кадров [2].

В данной связи ключевым исследовательским вопросом становится не столько «что производить?», сколько «через какие политические институты и какими инструментами обеспечивать суверенитет?». Россия активно использует два крупнейших не-западных многосторонних формата — БРИКС и ШОС. Возникает закономерный вопрос: проводятся ли в них идентичные или принципиально различные политические стратегии? Каким образом институциональные особенности каждой организации влияют на выбор Россией конкретных тактических инструментов для решения единой стратегической задачи?

Целью статьи является проведение сравнительного политологического анализа стратегий России по обеспечению технологического суверенитета в гражданской авиации на площадках БРИКС и ШОС.

Гипотеза исследования заключается в том, что Россия проводит в этих форматах дифференцированную политику: БРИКС используется преимущественно для финансово-стратегического позиционирования и поиска глобальных альтернатив, в то время как ШОС служит ключевой платформой для практической региональной институционализации, т.е. создания конкретных правил, стандартов и материальной инфраструктуры, формирующих основу для долгосрочного технологического суверенитета.

Для проверки гипотезы ставятся следующие **задачи**:

- 1) разработать теоретико-методологическую рамку, сочетающую сравнительный анализ, институциональный подход и кейс-стади;
- 2) провести сравнительный анализ институциональных условий и вытекающих из них политических стратегий России в БРИКС и ШОС;
- 3) на примере углублённого кейс-стади политики России в ШОС проанализировать механизмы практической институционализации (транспортное пространство, стандартизация, логистика);
- 4) сформулировать сравнительные выводы о комплексности двух стратегий.

Научная новизна исследования заключается в применении инструментария сравнительной политологии для анализа политики технологического суверенитета, что позволяет перейти от описания отдельных инициатив к системному пониманию логики действий государства в разных институциональных средах. Впервые стратегии России в БРИКС и ШОС в контексте высокотехнологичной отрасли рассматриваются не изолированно, а как элементы единой, но диверсифицированной внешнеполитической линии.

Теоретико-методологическая основа

Для решения поставленных задач применяется комплекс методов, образующих взаимодополняющую триаду: сравнительный анализ, институциональный подход и кейс-стади.

Сравнительный анализ (comparative analysis) выступает основным методом. В качестве объектов сравнения (cases) выбраны стратегии России в рамках БРИКС и ШОС. Единая **зависимая переменная** — эффективность обеспечения технологического суверенитета в гражданской авиации.

Независимые переменные, по которым проводится сравнение, включают:

- а) институциональный дизайн организации (жесткость/гибкость структур, механизмы принятия решений);
- б) её функциональное предназначение в российском внешнеполитическом дискурсе;
- в) состав участников и структуру их интересов;
- г) доступные политические и экономические инструменты. Такой дизайн исследования позволяет выявить причинно-следственные связи между особенностями института и выбираемой государством тактикой.

Институциональный подход (institutional analysis), в русле неoinституционализма, позволяет рассматривать БРИКС и ШОС не просто как форумы для дискуссий, а как совокупность формальных и неформальных правил, структурирующих взаимодействие. Особое внимание уделяется анализу процессов институционального строительства (создание новых органов, принятие общих программ) и тому, как они создают **транзакционные издержки** для участников. В политологическом контексте это понятие расширяется за пределы экономики, включая политико-административные издержки пересмотра соглашений, потери доверия и репутационные риски [3]. Создание устойчивых институтов внутри ШОС призвано повысить эти издержки выхода из кооперации, тем самым стабилизируя сотрудничество.

Кейс-стади (case study) используется для углублённого, детализированного исследования политики России именно в ШОС как наиболее релевантной площадке для решения инфраструктурно-регуляторных задач. Этот метод позволяет на конкретных примерах (инициатива по Агентству авиабезопасности, развитие «Единого транспортного пространства») проанализировать механизмы перевода политических целей в институциональные решения.

Теоретической основой служат современные разработки в области технологического суверенитета, понимаемого не только как импортозамещение, но и как способность к самостоятельному развитию и контролю над критическими технологиями и инфраструктурами их жизненного цикла [4]. Контекстом выступает теория полицентричности мировой экономики, в рамках которой такие организации, как БРИКС и ШОС, являются центрами силы, предлагающими альтернативные модели управления [5, 6].

Сравнительный анализ стратегий России в БРИКС и ШОС

Проведённое сравнение позволяет выявить две логически различные, но взаимодополняющие модели поведения России в многосторонних институтах.

БРИКС как платформа для глобального финансово-стратегического позиционирования. Институциональный дизайн БРИКС характеризуется минимализмом, гибкостью и акцентом на консенсус, что позволяет организации адаптироваться, но иногда затрудняет принятие конкретных обязывающих решений [7]. Организация не ставит целью глубокую правовую или регуляторную гармонизацию, выступая скорее как клуб крупнейших развивающихся экономик и платформа для координации позиций по глобальным вопросам. В российском внешнеполитическом дискурсе БРИКС воспринимается как инструмент формирования многополярной архитектуры мировой экономики и финансов [8].

Соответственно, **стратегия России в БРИКС в сфере технологического суверенитета** носит макроуровневый и финансово-ориентированный характер. Она фокусируется на:

- **Создании альтернативных финансовых институтов и механизмов** (Новый банк развития, Пул условных валютных резервов), призванных снизить зависимость от долларовой системы и обеспечить финансирование крупных проектов.
- **Стратегическом диалоге и формировании общих принципов** в сфере технологий и цифровизации, что закладывает основу для будущей координации [9].

• **Поиске и формировании широких технологических коалиций** за пределами западного блока. Показателем в этом контексте исторический пример российско-китайского проекта широкофюзеляжного самолёта CRJ929. Его первоначальный запуск соответствовал логике БРИКС — созданию стратегического партнёрства для прорыва на глобальный рынок. Последующая приостановка активной фазы проекта наглядно демонстрирует как возможности, так и пределы такой модели кооперации в условиях жёсткой геополитической конкуренции [10].

Важно отметить, что в рамках БРИКС осознаётся важность инфраструктурной составляющей. **Комиссия по авиационному транспорту БРИКС** в сфере своей компетенции включает не только развитие производства, но и «техническое обслуживание, ремонт, продажу и аренду воздушных судов», а также «подготовку профессиональных авиационных кадров» [11]. Однако этот потенциал реализуется преимущественно через экспертный диалог и выработку рекомендаций, а не через создание жёстких наднациональных структур.

Таким образом, функция БРИКС для России — это создание глобальных **стратегических альтернатив**, снижение системных финансово-экономических рисков и закладка основ для будущей кооперации, в том числе в сервисной сфере.

ШОС как платформа для региональной инфраструктурно-регуляторной институционализации. В отличие от БРИКС, ШОС обладает более развитым и многоуровневым институциональным дизайном, с чётко прописанными сферами сотрудничества, включая безопасность, экономику и гуманитарные связи [12]. Это организация с ярко выраженной региональной (евразийской) привязкой и установкой на практическую интеграцию. Её ключевая функция для России видится в обеспечении стабильности, безопасности и связности на постсоветском пространстве и в Азии, что создаёт предпосылки для углублённого экономического взаимодействия.

В этой институциональной среде **стратегия России приобретает конкретный, институционально-созидательный характер**. Её цель — не просто декларировать

принципы, а построить работающие региональные механизмы. Ключевые инструменты:

- **Продвижение конкретных интеграционных инициатив**, имеющих материальное воплощение. Центральное место здесь занимает концепция «Единого транспортного пространства» (ЕТП) ШОС, направленная на создание согласованной транспортно-логистической системы, включая авиационную составляющую [12].

- **Гармонизация и установление стандартов.** Россия заинтересована не просто в торговле, а в том, чтобы правила этой торговли и эксплуатации техники базировались на её нормативах. Инициатива по созданию Агентства по авиационной безопасности ШОС имеет стратегическое значение, открывая путь к выработке общих для пространства ШОС стандартов сертификации [13].

- **Создание совместной материальной и сервисной инфраструктуры.** Развитие в странах ШОС сети центров послепродажного обслуживания (ППО) для российской авиатехники решает проблему жизненного цикла и превращает торговлю самолётами в долгосрочное технологическое партнёрство, создавая эффект «привязки» (lock-in) через техническую и кадровую взаимозависимость.

Сравнительная таблица наглядно демонстрирует различия двух стратегий:

Критерий сравнения	Стратегия в БРИКС (Глобальное позиционирование)	Стратегия в ШОС (Региональная институционализация)
Главная функция для РФ	Формирование многополярности, диверсификация финансово-экономических рисков.	Обеспечение региональной стабильности, безопасности и связности.
Уровень воздействия	Макро-уровень, глобальные правила игры (финансы, торговля).	Мезо- и микро-уровень, региональные правила и конкретная инфраструктура.
Ключевые инструменты в ГА	Стратегические альянсы, финансовые механизмы, экспертный диалог (Комиссия по авиатранспорту).	Гармонизация стандартов (инициатива Агентства), создание транспортных коридоров (ЕТП), развитие сервисной сети (ППО).
Цель в контексте суверенитета	Ослабить внешние системные ограничения, получить доступ к ресурсам и рынкам.	Построить контролируемую региональную экосистему с собственными правилами.
Характер взаимодействия	Коалиционное, ориентированное на глобальный результат.	Интеграционное, ориентированное на региональную устойчивость и взаимозависимость.

Выявленные различия подтверждают гипотезу о дифференциации стратегий. Они не конкурируют, а дополняют друг друга: БРИКС работает на ослабление глобальных ограничений, а ШОС — на создание региональной альтернативы.

Кейс-стади: политика России в ШОС как модель «совместного институционального суверенитета»
Углублённый анализ политики России в ШОС позволяет детализировать механизмы реализации стратегии региональной институционализации. Её суть можно опреде-

лить как переход от простого импортозамещения к экспорту и закреплению собственных технологических и нормативных решений через совместное строительство институтов, с особым акцентом на инфраструктуру жизненного цикла.

1. От транспортной декларации к политическому инструменту: эволюция «Единого транспортного пространства». Концепция ЕТП, инициированная ещё в 2008 году, долгое время оставалась общей рамочной идеей. Однако в современных условиях она наполняется конкретным содержанием, становясь для России политическим инструментом решения сразу нескольких задач суверенитета. Она направлена не только на физическую связность, но и на **создание общего регуляторного поля и логистических цепочек** [12].

Для России это означает:

- **Рыночно-экономический суверенитет:** Формирование через согласованные маршруты и упрощение процедур гарантированного регионального спроса среди дружественных стран.

- **Логистический суверенитет:** Контроль над ключевыми цепочками поставок запчастей и материалов в рамках региона, что критически важно для бесперебойной работы ППО.

2. Послепродажное обслуживание и логистика как основа устойчивой взаимозависимости и суверенитета. Создание сети сервисных центров (MRO) для российских лайнеров в странах ШОС **выходит за рамки коммерции и является краеугольным камнем политики суверенитета.** Без разветвлённой, доступной и эффективной сети ППО, обеспечивающей обмен запчастями и квалифицированный ремонт, экспорт авиатехники теряет смысл. С позиций институционального анализа, каждый такой центр становится узлом, создающим **позитивные транзакционные издержки** для углубления кооперации. Он формирует:

- **Устойчивые профессиональные связи** между российскими и национальными специалистами.

- **Техническую и кадровую взаимозависимость**, где переход на обслуживание у другого поставщика сопряжён со значительными затратами на переобучение и переналадку процессов.

- **Эффект нормативной «привязки»**, когда сертификация самого центра, его оборудования и персонала де-факто закрепляет использование российских (или выработанных совместно в ШОС) стандартов.

Таким образом, логистика и ППО работают не на создание односторонней зависимости, а на **институционализацию долгосрочного, взаимовыгодного партнёрства**, повышающего общую устойчивость участников к внешним шокам. Этот подход можно охарактеризовать как «мягкую силу» инфраструктурных проектов, где влияние достигается через совместное развитие и взаимную выгоду [14].

3. Внутренний протекционизм и строительство национальной сервисной экосистемы как основа стратегии. Политика законодательного закрепления доли отечественных воздушных судов в парках российских авиакомпаний, а также меры по регулированию лизинга иностранной техники [15] являются неотъемлемой частью общей стратегии. Этот внутренний протекционизм, соответствующий теории «созидательной защиты» (infant industry protection), решает три задачи:

- **Создаёт гарантированный плацдарм** для разработки технологий, обеспечения первоначального спроса и, что особенно важно, **для формирования и отладки национальной системы ППО, логистики запчастей и подготовки кадров** [16].

- Служит сильным политическим сигналом для партнёров по ШОС, демонстрирующим абсолютную приоритетность и необратимость курса на создание собственной авиационной экосистемы.

- Позволяет сконцентрировать ресурсы на ключевых проектах импортозамещения (SJ-100, MC-21), что подтверждается деятельностью отраслевых технологических платформ, фокусирующихся на конкретных научно-технических задачах в новых условиях [17].

Заключение

Проведённое сравнительно-политологическое исследование, основанное на синтезе сравнительного анализа, институционального подхода и кейс-стади, позволяет сделать следующие выводы, подтверждающие выдвинутую гипотезу.

1. **Стратегии России в БРИКС и ШОС являются дифференцированными и комплементарными.** Россия проводит принципиально разные политические линии, обусловленные различиями в институциональном дизайне и функциональном предназначении организаций. БРИКС используется как платформа для **глобального финансово-стратегического позиционирования**, нацеленного на создание системных альтернатив и ослабление внешних ограничений. ШОС выступает ключевой площадкой для **практической региональной инфраструктурно-регуляторной институционализации**, то есть для строительства альтернативных правил, стандартов и материальной инфраструктуры.

2. **ШОС является приоритетной площадкой для решения комплексных задач «жизненного цикла» суверенитета.** Именно в рамках ШОС, через такие инструменты, как «Единое транспортное пространство», инициатива по Агентству авиабезопасности и, что особенно важно, развитие сервисной логистики (ППО) и кооперации в подготовке кадров, Россия решает наиболее сложные проблемы, выходящие за рамки производства. Создание гарантированного рынка сбыта, установление собственных стандартов и **формирование замкнутой региональной экосистемы обслуживания** являются взаимосвязанными элементами одной стратегии.

3. **Формируется модель «совместного институционального суверенитета».** Анализ политики в ШОС показывает, что обеспечение национальных интересов России достигается не через односторонние действия, а через предложение партнёрам модели взаимовыгодного, институционально закреплённого сотрудничества. Создание общих транспортных правил, центров ППО и образовательных программ повышает транзакционные издержки выхода из кооперации для всех участников, консолидируя региональное пространство и создавая коллективную устойчивость к внешнему давлению.

4. **Инфраструктура жизненного цикла (ППО, логистика, кадры) является не вспомогательным элементом, а системообразующим компонентом технологического суверенитета.** Без её развития суверенитет остаётся усечённым и неустойчивым. Внутренние протекционистские меры России направлены в том числе на создание опорной национальной базы для последующего экспорта этой инфраструктуры в рамках ШОС.

Таким образом, сравнительный анализ демонстрирует зрелость и комплексность подхода России к обеспечению технологического суверенитета. Сочетание стратегии глобального позиционирования (БРИКС) и стратегии региональной институционализации (ШОС) позволяет диверсифицировать риски и последовательно решать задачи — от ослабления системных ограничений до построения конкретной, работающей альтернативы, основанной на взаимозависимости и общих правилах, в ключевой высокотехнологичной отрасли.

Литература

1. Федорова Л.А. Политическое измерение санкций в глобальных транспортных системах // Социально-политические науки. 2024. № 1. С. 33–41.
2. Экспертное мнение о невозможности создания экономики широкофюзеляжного самолёта на внутреннем рынке // Аналитический материал.
3. Коваленко Т.С. Анализ взаимодействия государственных и бизнес-структур в формировании транспортной политики // Политика. 2023. № 4(111). С. 87–105.
4. Тарасов И.Н. Технологический суверенитет как фактор внешней политики: сравнительный анализ // Международные процессы. 2022. Т. 20. № 3(66). С. 124–143.
5. Иванов А.Ю. Транспортный суверенитет в условиях полицентричности мировой экономики: концептуальные подходы // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 12. С. 15–27.
6. Смирнова М.Д. Институциональная архитектура БРИКС в условиях полицентричности: вызовы эффективности // Политическая наука. 2023. № 4. С. 45–67.
7. Панов П.В., Кузнецова М.А. Институциональное измерение БРИКС: динамика и противоречия // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 45–62.
8. Beeson M., Zeng J. BRICS and Global Governance in a Post-Western World // Third World Quarterly. 2022. Vol. 43. No. 10. P. 2347–2365.
9. Кузнецов В.И., Петрова Е.С. Политические инструменты многостороннего сотрудничества: опыт БРИКС и ШОС // Вопросы политологии. 2024. Т. 14. № 2(78). С. 88–104.
10. Фактчекинг: Россию исключили из программы широкофюзеляжного самолёта CRJ929? // НИУ ВШЭ. 2023. [Электронный ресурс].
11. Работа Комиссии по авиационному транспорту БРИКС // BRICS-Expert. [Электронный ресурс]. URL: <https://brics-expert.info/commission-work/481/> (дата обращения: 04.12.2024).
12. Шкваря Л.В., Хэ М. Транспортное сотрудничество в ШОС: проекты, проблемы, перспективы // Вестник МИР-БИС. 2023. №2(34). С. 6–14.
13. Совместное коммюнике по итогам Совещания министров транспорта государств-членов ШОС // Посольство Российской Федерации в Республике Узбекистан. [Электронный ресурс]. (дата обращения: 01.03.2024).
14. Давыдов А.С. «Мягкая сила» инфраструктурных проектов БРИКС: политико-экономический аспект // Контуры глобальных трансформаций. 2023. Т. 16. № 6. С. 167–189.
15. Попов И.В. Проблема лизинга иностранных воздушных судов на территории Российской Федерации // Актуальные вопросы права. 2022. № 4. С. 112–118. Постановление Правительства РФ от 19.03.2022 № 412.
16. Журавлева О.Н. Гражданская авиация в системе национальной безопасности: новые вызовы и правовые ответы // Право и политика. 2022. № 11. С. 60–75.
17. Технологическая платформа «Авиационная мобильность и авиационные технологии» [Электронный ресурс]. URL: <https://aviatp.ru> (дата обращения: 04.12.2024).
18. Михневич С.В. Укрепляя международные позиции БРИКС: межгосударственное сотрудничество, диалог с бизнесом и перспективы развития: Аналитический доклад. М.: РСПП, 2022. 45 с.
19. IATA. Annual Review 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iata.org/> (дата обращения: 15.12.2024).
20. ICAO. Policy and Guidance Material on the Economic Regulation of International Air Transport (Doc 9587). 2021.
21. Brasilia Declaration by the BRICS Leaders. 2019. P. 11 [Электронный ресурс].
22. Казанская декларация БРИКС (2024) [Электронный ресурс].

23. БРИКС-2025: Россия представила свой транспортный вектор // Прайм. 2025. 16 мая [Электронный ресурс].

24. Первое заседание Подгруппы по логистике Делового совета БРИКС прошло в Москве // InfoBRICS. 2025. 12 февр. [Электронный ресурс].

25. Дорожная карта СПбГУ ГА по реализации повестки БРИКС в сфере авиации на 2025–2027 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://spbguga.ru/news/briks/> (дата обращения: 04.12.2024).

26. Гаврилов С.И., Мельникова А.А. Цифровизация как инструмент политического влияния: кейс транспортных коридоров // Политические исследования (ПОЛИС). 2024. № 2. С. 119–137.

Strategies for Ensuring Technological Sovereignty in Multilateral Formats: A Comparative Analysis of Russia's Policy in BRICS and the SCO (Based on Civil Aviation)

Zryanin D.S.

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

This article provides a comparative political analysis of the Russian Federation's strategies for ensuring technological sovereignty in the strategic sector of civil aviation within two key multilateral institutions—BRICS and the Shanghai Cooperation Organization (SCO). It is argued that Russia pursues differentiated and complementary policies within these institutions, driven by differences in their institutional design and functional purpose. Through a combination of comparative analysis, case studies, and an institutional approach, this paper explores how, within the BRICS framework, Russia focuses on strategic positioning and the search for global financial and technological alternatives, while the SCO is used as a priority platform for practical regional institutionalization—the creation of specific regulatory standards, transport and logistics infrastructure, and a protected sales market. Particular attention is paid to the critical role of developing life-cycle infrastructure (after-sales service, spare parts logistics, personnel training), without which sovereignty cannot be complete. Using an in-depth case study of SCO policy, this paper demonstrates how a model of "shared institutional sovereignty" is being formed, where national interests are ensured through the development of stable, mutually beneficial, and institutionally enshrined rules for regional interaction.

Keywords: technological sovereignty, comparative politics, Shanghai Cooperation Organization (SCO), BRICS, civil aviation, standardization policy, multilateral institutions, regional integration, after-sales service (ASS), institutional analysis.

References

1. Fedorova L.A. Political Dimension of Sanctions in Global Transport Systems // Socio-Political Sciences. 2024. No. 1. Pp. 33–41.
2. Expert Opinion on the Impossibility of Creating a Wide-Body Aircraft Economy in the Domestic Market // Analytical Material.
3. Kovalenko T.S. Analysis of the Interaction of State and Business Structures in the Formation of Transport Policy // Polity. 2023. No. 4(111). Pp. 87–105.
4. Tarasov I.N. Technological Sovereignty as a Factor in Foreign Policy: A Comparative Analysis // International Processes. 2022. Vol. 20. No. 3(66). Pp. 124–143.
5. Ivanov A.Yu. Transport Sovereignty in the Context of the Polycentricity of the Global Economy: Conceptual Approaches // World Economy and International Relations. 2023. Vol. 67. No. 12. Pp. 15–27.
6. Smirnova M.D. "BRICS Institutional Architecture in a Polycentric World: Challenges to Efficiency" // Political Science. 2023. No. 4. Pp. 45–67.
7. Panov P.V., Kuznetsova M.A. "The Institutional Dimension of BRICS: Dynamics and Contradictions" // RUDN University Bulletin. Series: Political Science. 2024. Vol. 26. No. 1. Pp. 45–62.
8. Beeson M., Zeng J. "BRICS and Global Governance in a Post-Western World" // Third World Quarterly. 2022. Vol. 43. No. 10. Pp. 2347–2365.
9. Kuznetsov V.I., Petrova E.S. Political Instruments of Multilateral Cooperation: The Experience of BRICS and SCO // Voprosy politologii. 2024. Vol. 14. No. 2(78). Pp. 88–104.
10. Fact-checking: Has Russia Been Excluded from the CR929 Wide-Body Aircraft Program? // HSE University. 2023. [Electronic resource].
11. Work of the BRICS Aviation Transport Commission // BRICS-Expert. [Electronic resource]. URL: <https://brics-expert.info/commission-work/481/> (date accessed: 04.12.2024).
12. Shkvarya L.V., He M. Transport Cooperation in the SCO: Projects, Problems, Prospects // MIRBIS Bulletin. 2023. No. 2(34). P. 6–14.
13. Joint Communique Following the Meeting of the SCO Transport Ministers // Embassy of the Russian Federation in the Republic of Uzbekistan. [Electronic Resource]. (Accessed: 01.03.2024).
14. Davydov A.S. "Soft Power" of BRICS Infrastructure Projects: Political and Economic Aspect // Outlines of Global Transformations. 2023. Vol. 16. No. 6. Pp. 167–189.
15. Popov I.V. The Problem of Leasing Foreign Aircraft on the Territory of the Russian Federation // Current Issues of Law. 2022. No. 4. Pp. 112–118. Resolution of the Government of the Russian Federation of 19.03.2022 No. 412.
16. Zhuravleva O.N. Civil Aviation in the National Security System: New Challenges and Legal Responses // Law and Politics. 2022. No. 11. pp. 60–75.
17. Technological Platform "Aviation Mobility and Aviation Technologies" [Electronic resource]. URL: <https://aviatp.ru> (date of access: 04.12.2024).
18. Mikhnevich S.V. Strengthening the International Position of BRICS: Interstate Cooperation, Dialogue with Business, and Development Prospects: Analytical Report. Moscow: RSPP, 2022. 45 p.
19. IATA. Annual Review 2024 [Electronic resource]. URL: <https://www.iata.org/> (date of access: 15.12.2024).
20. ICAO. Policy and Guidance Material on the Economic Regulation of International Air Transport (Doc 9587). 2021.
21. Brasilia Declaration by the BRICS Leaders. 2019. P. 11 [Electronic resource].
22. BRICS Kazan Declaration (2024) [Electronic resource].
23. BRICS 2025: Russia Presents Its Transport Vector // Prime. 2025. May 16 [Electronic resource].
24. The First Meeting of the BRICS Business Council Logistics Subgroup Held in Moscow // InfoBRICS. 2025. February 12 [Electronic resource].
25. St. Petersburg State University of Civil Aviation Roadmap for the Implementation of the BRICS Aviation Agenda for 2025–2027 [Electronic resource]. URL: <https://spbguga.ru/news/briks/> (accessed: 04.12.2024).
26. Gavrilov S.I., Melnikova A.A. Digitalization as an instrument of political influence: the case of transport corridors // Political Studies (POLIS). 2024. No. 2. P. 119–137.

Сравнительно-правовой анализ регулирования инвестиционной деятельности с участием субъектов сферы АПК в России и Китае

Саакянц Александр Армэнович

аспирант юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Целью данной научной работы является сравнение инвестиционного правового регулирования сельского хозяйства в Российской, Китайской.

В соответствии с целью исследования были применены методы сравнительного правоведения, формально юридический метод. В результате исследования были выявлены различные правовые подходы, используемые данными странами в отношении инвестирования в агропромышленный комплекс. Были высказаны предложения по совершенствованию отечественного законодательства на основе перспективных зарубежных практик.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, инвестиционно-правовое регулирование, сельское хозяйство РФ, правовые практики КНР.

Историческое развитие инвестиционного правового ландшафта в Российской Федерации, Китайской Народной Республике характеризуется существенными дивергенциями, обусловленными спецификой их экономических парадигм, степенью государственного протекционизма и траекториями интеграции. В контексте российского агропромышленного комплекса, инвестиционная деятельность регулируется совокупностью законодательных и подзаконных актов, включая государственные программы, фискальные преференции и отраслевые нормативы. Тем не менее, выявленные лакуны в нормативной базе создают барьеры для притока инвестиционных ресурсов.

Основные правовые акты, регулирующие инвестиции в АПК

1. Федеральные законы
 - ФЗ № 264 "О развитии сельского хозяйства" (2006)
 - ФЗ № 101 "Об обороте земель сельхозназначения" (2002)
 - ФЗ № 260 "О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования" (2011)
 - ФЗ № 488 "О промышленной политике" (2014)
 - ФЗ № 39 "Об инвестиционной деятельности" (1999) – общие правила инвестирования.
2. Кодексы
 - Земельный кодекс РФ
 - Налоговый кодекс РФ
 - Гражданский кодекс РФ
3. Подзаконные акты и госпрограммы
 - Госпрограмма "Развитие сельского хозяйства" (2022–2030)
 - Постановления Правительства РФ (например, № 1523 о льготных кредитах для АПК).
 - Региональные законы – дополнительные меры поддержки в субъектах РФ.

Несмотря на наличие исчерпывающей правовой базы, инвестирование в сельское хозяйство России осложняется рядом системных недостатков:

Деструктивная политика субсидирования: Субсидии, зачастую распыленные и слабо привязанные к достижению конкретных, измеримых результатов и внедрению устойчивых практик, не способствуют эффективному развитию отрасли.

Игнорирование потенциала локальных рынков: Отсутствие целенаправленной поддержки и преференций для локальных и региональных продуктов агробизнеса ограничивает их конкурентоспособность и потенциал роста.

Неравномерное распределение власти в цепочке поставок: Значительные преимущества продуктовых сетей и переработчиков создают критическую зависимость как для мелких фермерских хозяйств, так и для крупных агрохолдингов, что делает отрасль менее привлекательной для инвесторов, опасаящихся давления со стороны доминирующих игроков.

Неадекватное управление агрорисками: Слаборазвитая система страхования, специально адаптированная к потребностям агропромышленного комплекса, существенно повышает уровень рисков для инвесторов, делая вложения в АПК РФ менее предсказуемыми и, как следствие, менее привлекательными.

Китайская система регулирования инвестиций в АПК сочетает жесткий государственный контроль с гибкими мерами поддержки частного капитала и иностранных инвесторов.

Основные нормативно-правовые акты

1. Конституция и законы общего характера

- Конституция КНР (ст. 8, 10) – гарантирует госсобственность на землю, но разрешает частное пользование.
 - Закон "О сельском хозяйстве" (2003, с поправками)
 - Закон "О землеуправлении" (1986, обновлён в 2019)
- правила аренды сельхозземель.

2. Специальные законы об инвестициях

- Закон "Об иностранных инвестициях" (2020)
- Закон "О сельскохозяйственных кооперативах" (2007)

Китай, как крупная экономика, требует постоянных капиталовложений, в частности в аграрный сектор, соответственно правовое регулирование инвестиционных отношений в АПК требует гарантий и преференций для внутренних и зарубежных инвесторов.

Китайская система "Трёх прав на одну площадь" (Three Rights Separation System) является одним из ключевых преимуществ земельного законодательства КНР, поскольку она четко разграничивает право собственности на землю (остающееся за коллективом или государством), право пользования земельным участком (предоставляемое крестьянским хозяйствам) и право управления землей. Последнее включает в себя права аренды и обработки, которые могут свободно передаваться, использоваться в качестве вклада в уставный капитал и т.д., что привело к формированию легального и гибкого рынка сельскохозяйственных земель.

Российские эксперты, в частности М.Ю. Ванин и А.Г. Лисицын, считают эту модель наиболее перспективным направлением для России в построении инвестиционно-привлекательного рынка земель. Она позволяет сохранить публичную собственность на землю, что соответствует конституционным принципам, и одновременно создать действенный рыночный инструмент. Легализация и развитие оборота прав долгосрочной аренды сельскохозяйственных земель как отдельного, объекта оборота гражданских прав, а также создание публичного реестра таких прав с возможностью их залога, окажут положительное влияние на эффективность землепользования и, как следствие, повысят инвестиционную привлекательность агропромышленного комплекса России. Для успешной реализации подобных изменений потребуются внесение соответствующих корректировок в Гражданский и Земельный кодексы Российской Федерации.

В Китайской Народной Республике функционируют пилотные зоны модернизации сельского хозяйства и реализуются программы "Деревенского возрождения", в рамках которых апробируются специальные правовые режимы для агротуризма, органического сельского хозяйства, вертикальных ферм и "умных" хозяйств. Российская Федерация может рассмотреть возможность имплементации и расширения практики территорий опережающего развития в агропромышленном комплексе. Данный подход предполагает делегирование регионам полномочий по установлению упрощенных правил землепользования, строительства и подключения к инженерной инфраструктуре для агропроектов. Позиция А.А. Молчанова заключается в том, что данная инициатива является перспективной, однако сопряжена с рисками регионального лоббизма и возникновения "правового хаоса". Для обеспечения ее работоспособности предлагается внедрение в рамках федерального экспериментального закона с четко регламентированными критериями.

Таким образом, грамотно перенесённый опыт КНР в сфере правовых механизмов и мер государственной поддержки инвестирования в агропромышленный комплекс, в теории способны повысить привлекательность отече-

ственного агропромышленного комплекса для инвесторов, частично решив ряд проблем в рамках данной отрасли хозяйства.

Литература

1. Земельный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44, ст. 4147.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации : [части первая, вторая, третья, четвертая] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32, ст. 3301.
3. О развитии сельского хозяйства : Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 1, ст. 24.
4. Об обороте земель сельскохозяйственного назначения : Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30, ст. 3018.
5. О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования : Федеральный закон от 13.07.2011 № 213-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 29, ст. 4274.
6. Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений : Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 9, ст. 1062.
7. Правовая политика в области иностранных инвестиций Лисицын-Светланов А.Г. Институт государства и права Российской академии наук. Москва, 1995 Издательство: Институт государства и права РАН (Москва)
8. Формирование правового статуса крестьянских (фермерских) хозяйств в свете реформы гражданского законодательства А.А. Молчанов Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России № 4 (60) 2013
9. Соколов Б. И. Особенности налогообложения в сельском хозяйстве КНР / Б. И. Соколов, Ли Юйчино // Вестник СПб. Серия 5.- 2010. Вып. 2.- С.60 -65.

A Comparative Legal Analysis of Investment Regulation with Agro-Industrial Complex Entities in Russia and China Saakyants A.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation
The purpose of this research paper is to compare the investment legal regulation of agriculture in the Russian and Chinese economies.

In accordance with the purpose of the study, the methods of comparative jurisprudence, formally the legal method, were applied.

As a result of the study, various legal approaches used by these countries in relation to investment in the agro-industrial complex were identified. Proposals were made to improve domestic legislation based on promising foreign practices.

Keywords: Agro-industrial complex, investment and legal regulation. Agriculture of the Russian Federation. legal practices of China.

References

1. Land Code of the Russian Federation: [federal law of 25.10.2001 No. 136-FZ] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 44, Art. 4147.
2. Civil Code of the Russian Federation: [parts one, two, three, four] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32, Art. 3301.
3. On the development of agriculture: Federal law of 29.12.2006 No. 264-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2007. – No. 1, Art. 24.
4. On the circulation of agricultural land: Federal law of 24.07.2002 No. 101-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 30, Art. 3018.
5. On state support in the sphere of agricultural insurance: Federal Law of 13.07.2011 No. 213-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 29, Art. 4274.
6. On investment activity in the Russian Federation, carried out in the form of capital investments: Federal Law of 25.02.1999 No. 39-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1999. – No. 9, Art. 1062.
7. Legal policy in the sphere of foreign investments Lisitsyn-Svetlanov A.G. Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 1995 Publisher: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow)
8. Formation of the Legal Status of Peasant (Farm) Households in Light of the Civil Legislation Reform A.A. Molchanov Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 4 (60) 2013
9. Sokolov B.I. Features of Taxation in Agriculture in the PRC / B.I. Sokolov, Li Yuchino // Bulletin of St. Petersburg. Series 5.- 2010. Issue 2.- P.60-65.

Африканский вектор внешней политики Италии: стратегические приоритеты и инструменты реализации

Саканин Роман Александрович

аспирант, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации

В статье анализируется развитие африканского направления внешней политики Италии на современном этапе, особенности формирования и реализации стратегических инициатив. Исследуются ключевые компоненты итальянской африканской политики: энергетическая безопасность, миграционная дипломатия, экономическое сотрудничество и противодействие террористическим угрозам. Рассмотрены исторические связи Италии с африканскими государствами и их влияние на современные отношения. Особое внимание уделяется анализу Плана Маттеи для Африки – флагманской инициативе правительства Дж. Мелони, направленной на укрепление позиций Италии на континенте. Автор приходит к выводу, что африканское направление представляет собой комплексную стратегию, требующую координации политических, экономических, дипломатических и силовых инструментов для решения многоаспектных вызовов.

Ключевые слова: Италия, Африка, внешняя политика, План Маттеи, стратегическое партнёрство, энергетическая безопасность, миграция, геополитика, План Маттеи, развитие.

Африканский вектор внешней политики Италии в последние годы приобретает всё большее значение, что связано с рядом геополитических, экономических и миграционных факторов. В марте 2017 года министр иностранных дел Италии в кабинете министров Паоло Джентильони Анджелино Альфано заявил, что Африка является приоритетом для Италии, однако на практике африканский континент долгое время оставался на периферии итальянской внешнеполитической повестки (Colombo S., Palm A., 2019:6). Дальнейшее развитие итало-африканских отношений началось при Джузеппе Конте, в период правления которого было учреждено специальное агентство по взаимодействию с африканскими странами (Carbone G., 2023:2).

Италия, являясь средиземноморским государством, располагает значительным историческим опытом взаимодействия с североафриканским регионом, однако в современный период наблюдается существенное расширение географии её внешнеполитических интересов, охватывающих различные субрегионы Африканского континента. Африканское направление характеризуется многовекторностью и определяется комплексом факторов, включающих энергетическую безопасность, миграционные вызовы, геополитическую конкуренцию и историческое наследие.

Экономическое измерение африканской политики Италии отличается значительной диверсификацией отраслевых интересов и активизацией инвестиционной деятельности итальянского бизнеса. Заинтересованность Италии в углублении сотрудничества с африканскими государствами обусловлена необходимостью диверсификации источников природных ресурсов и расширения рынков сбыта для итальянской промышленной продукции (Кочетов Д.В. 2022:24). Итальянские корпорации активно участвуют в реализации инфраструктурных проектов, связанных с разработкой месторождений полезных ископаемых, строительством транспортной инфраструктуры и энергетических объектов.

За последнее десятилетие наблюдается устойчивая тенденция к увеличению итальянских капиталовложений в экономику североафриканских государств. Среднегодовой объём прямых инвестиций превышает 40 млн евро, что демонстрирует двукратный рост по сравнению с показателями середины 1990-х годов (Алексеев Е.С., 2024:38). Традиционно ключевыми партнёрами выступают Ливия и Алжир, однако в последние годы зафиксировано усиление экономического взаимодействия с Египтом, Тунисом и Марокко. Специфика итальянских инвестиционных потоков характеризуется высокой долей капиталовложений в отрасли промышленности, где Италия занимает лидирующие позиции на мировом рынке, прежде всего в лёгкую и пищевую промышленность.

Проблематика энергетической безопасности занимает центральное место во внешнеполитической стратегии Италии в отношении Африканского континента. Италия стремится к диверсификации источников энергоресурсов, включая увеличение импорта природного газа из североафриканских государств, в частности из Алжира и Ливии (Алексеев Е.С., 2024: 39). В контексте европейского энергетического кризиса и переориентации энергетических потоков Рим позиционирует себя в качестве потенциального энергетического хаба, обеспечивающего транзит африканской энергии в страны Центральной Европы. Это стремление особенно актуально после введения санкций

ЕС против Российской Федерации в 2022 году, когда Европе потребовалось срочно диверсифицировать источники газоснабжения. Итальянская компания Eni активно участвует в проектах добычи углеводородов на африканском континенте, что делает энергетические партнёрства ключевым элементом итальянской внешней политики.

Миграционная проблематика представляет собой один из наиболее острых вызовов для итальянского правительства и определяет значительную часть внешнеполитической повестки Рима. Италия выступает одним из главных реципиентов миграционных потоков из Африки, осуществляемых через Средиземное море, что создаёт существенную нагрузку на социально-экономическую систему страны (Сливкина В.А., Пронина Т.С., 2020:103).

Внешиеполитическая стратегия Италии в этой сфере ориентирована на устранение коренных причин миграции, включая бедность, вооружённые конфликты и последствия изменения климата. Правительство Италии поддерживает программы развития, направленные на создание рабочих мест и улучшение социально-экономических условий в странах исхода мигрантов. Кроме того, Рим активно сотрудничает с африканскими государствами в противодействии нелегальной миграции и транснациональной преступности.

Важным инструментом миграционной дипломатии выступает «Римский процесс», инициированный в июле 2023 года на Конференции по миграции и развитию, который призван содействовать партнёрству между странами Средиземноморского региона. Географическое положение Италии как «южных ворот» Европейского союза предопределяет её привлекательность в качестве государства-транзита для выходцев с североафриканского побережья (De Lucia Lumeno F., 2024:48).

Италия обладает историческими связями с рядом африканских государств, в особенности с Ливией, Эритреей и Сомали, которые в прошлом являлись итальянскими колониальными владениями. Эти исторические связи продолжают оказывать влияние на современную внешнюю политику Италии. Колониальное наследие проявляется в сохранении культурных, лингвистических и образовательных связей, а также в особом характере двусторонних отношений (Кочетов Д.В., 2022:23).

Италия активно продвигает культурное и образовательное сотрудничество с африканскими странами, включая программы академического обмена и поддержку деятельности итальянских культурных институтов на континенте. С 2023 года Италия реализует программы профессиональной подготовки технического персонала в ряде африканских государств, включая Египет, Тунис, Марокко, Эфиопию и Гану.

Италия активно сотрудничает с африканскими государствами в противодействии международному терроризму, транснациональной организованной преступности и морскому пиратству. Террористические угрозы в регионе Сахеля требуют адаптации методов борьбы с ними, особенно учитывая растущие угрозы международного терроризма в Африке (Molle A., 2025).

Особое внимание уделяется регионам Сахеля и Средиземноморья, где нестабильность может оказать непосредственное влияние на безопасность Европы. Италия участвует в обучении местных сил безопасности и принимает участие в международных миссиях, таких как операции Европейского союза и Североатлантического альянса. В 2025 году Италия развернула военный контингент в Нигере в рамках Миссии поддержки Республики Нигер (MISIN) с целью содействия в борьбе с транснациональной преступностью, исламским терроризмом и нелегальной миграцией.

Флагманской инициативой современной итальянской африканской политики выступает «План Маттеи для Африки» (Piano Mattei per l'Africa), представленный правительством Дж. Мелони на саммите «Италия – Африка: мост для общего роста» 28–29 января 2024 года. План назван в честь Энрико Маттеи, основателя итальянской энергетической компании ENI, который в послевоенный период выступал в качестве связующего звена между Италией и Африкой (Алексеевкова Е.С., 2025:46).

План представляет собой комплекс инициатив по развитию Африки, направленных на обеспечение энергетической безопасности, реализацию энергетического перехода, снижение миграционной нагрузки и интернационализацию итальянского бизнеса. План предполагает мобилизацию инвестиций в размере более 5,5 млрд евро для укрепления отношений Италии с континентом, из которых 2,5 млрд евро поступают из фондов сотрудничества в целях развития, а остальная часть – из Климатического фонда (Алексеевкова Е.С., 2025:47-48).

В рамках Плана Маттеи Италия стремится позиционировать себя в качестве естественного моста между Африкой и Европой, развивая энергетические связи и содействуя инфраструктурному развитию континента. Важным элементом сотрудничества выступает «Коридор Лобито» – инициатива, направленная на укрепление региональной связанности и экономической интеграции путём соединения не имеющих выхода к морю регионов Южной Африки с мировыми рынками.

Итальянская дипломатия придерживается многостороннего подхода, действуя через институциональные структуры Европейского союза, Организации Объединённых Наций и Североатлантического альянса для укрепления стабильности и безопасности в Африке. Политика правительства Дж. Мелони характеризуется тремя ключевыми элементами: нормативностью, то есть стремлением сформулировать новую модель отношений; мультилатерализмом как необходимостью вписать политику Италии в общеевропейский подход; и системностью – стремлением задействовать политические институты, дипломатию, финансовые институты развития, бизнес и гражданское общество (Алексеевкова Е.С., 2024:35-44).

Италия активно продвигает африканскую повестку в рамках ЕС, выступая за увеличение финансовой помощи и инвестиций в африканские государства. Рим поддерживает инициативы ЕС, такие как стратегия «Global Gateway» («Глобальные ворота»), направленную на развитие инфраструктуры в Африке как альтернативу китайской инициативе «Пояс и путь». 20 июня 2025 года Италия и Европейская комиссия провели совместное мероприятие высокого уровня в Риме, подтвердив своё стратегическое партнёрство (Africa-EU Energy Partnership).

Африканский вектор внешней политики Италии представляет собой многоуровневую стратегию, охватывающую экономическое сотрудничество, энергетическую безопасность, миграционную дипломатию, вопросы безопасности. Правительство Дж. Мелони предпринимает попытку выстроить новую институциональную модель взаимодействия с африканскими странами, основанную на принципах партнёрства и равноправия.

Итальянская африканская политика отражает стремление страны укрепить свои позиции на континенте, решить миграционные проблемы, обеспечить энергетическую безопасность и усилить своё геополитическое влияние. Италия стремится к комплексному подходу, сочетающему экономическое сотрудничество, поддержку развития и обеспечение безопасности. В условиях растущей конкуренции со стороны других игроков, таких как Китай и Россия, Италия активно ищет новые формы партнёрства с африканскими странами, предлагая альтернативные

модели взаимодействия на основе взаимной выгоды и равноправия.

Успех данной стратегии будет определяться множеством внешних факторов и действиями других международных акторов, однако представленный План Маттеи и активизация многостороннего сотрудничества свидетельствуют о серьезности намерений Италии укрепить свои позиции на Африканском континенте.

Литература

1. Colombo S., Palm A. Italy in the Mediterranean: Priorities and Perspectives of a European Middle-Power. Brussels: FEPS, 2019. P. 6.
2. Carbone G. Italy's return to Africa: between external and domestic drivers // Italian Political Science Review. 2023. Vol. 53, Issue 3. P. 1–25
3. Кочетов Д.В. Дисс: Политика Италии в Африке в конце XX – начале XXI вв. М.: Институт Африки РАН, 2022.
4. Алексеенкова Е.С. Дискурсивные стратегии Италии в «Большом Средиземноморье» и Африке: новизна и преемственность // Современная Европа. 2024. № 6. С. 32–44.
5. Сливкина В.А., Пронина Т.С. Африканская миграция в Италию: мотивы, локальные этнические группы, процессы интеграции // Восток (Oriens). 2020. № 4. С. 102–112
6. De Lucia Lumeno F. Italy's Evolving Mediterranean Strategy: Migrations, Economic Development, and Regional Security in the Post-Arab Spring Era // Journal of International Relations and Foreign Policy. 2024. Vol. 12. P. 43–51.
7. Molle A. Italy's Strategic Role in the Sahel: Challenges and Opportunities After the French Withdrawal // Start Insight. 02.02.2025. URL: <https://www.startinsight.eu/en/italys-strategic-role-in-the-sahel-challenges-and-opportunities-after-the-french-withdrawal/> (дата обращения: 08.12.2025).
8. Алексеенкова Е.С. Африканский вектор внешней политики Италии: цели и институты сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69, № 7. С. 45–58.
9. Africa-EU Energy Partnership. The Mattei Plan for Africa and Global Gateway: A common effort with the African Continent. 30.07.2025 <https://africa-eu-energy-partnership.org/the-mattei-plan-for-africa-and-global-gateway-a-common-effort-with-the-african-continent/> (дата обращения: 08.12.2025).

Africa's vector in Italy's foreign policy: strategic priorities and implementation instruments

Sakanin R.A.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
The article examines the development of Africa's vector in Italy's foreign policy at the present stage, analyzing the peculiarities of formulating and implementing strategic initiatives. It investigates the key components of Italian African policy: energy security, migration diplomacy, economic cooperation, and counterterrorism efforts. The historical ties between Italy and African states and their impact on contemporary relations are considered. Particular emphasis is placed on analyzing the Mattei Plan for Africa – the flagship initiative of the G. Meloni government aimed at strengthening Italy's positions on the continent. The author concludes that the African vector represents a comprehensive strategy requiring coordination of political, economic, diplomatic, and military instruments to address multifaceted challenges.

Keywords: Italy, Africa, foreign policy, Mattei Plan, strategic partnership, energy security, migration, geopolitics, Mattei Plan, development.

References

1. Colombo S., Palm A. Italy in the Mediterranean: Priorities and Perspectives of a European Middle-Power. Brussels: FEPS, 2019. P. 6.
2. Carbone G. Italy's return to Africa: between external and domestic drivers // Italian Political Science Review. 2023. Vol. 53, Issue 3. P. 1–25
3. Kochetov D.V. Dissertation: Italy's Policy in Africa in the Late 20th – Early 21st Centuries. Moscow: Institute of Africa, Russian Academy of Sciences, 2022. P.186
4. Alekseenkova E.S. Discursive Strategies of Italy in the "Greater Mediterranean" and Africa: Novelty and Continuity // Contemporary Europe. 2024. No. 6. pp. 32–44.
5. Slivkina, V.A., Pronina, T.S. African Migration to Italy: Motives, Local Ethnic Groups, Integration Processes // Vostok (Oriens). 2020. No. 4. P. 102–112.
6. De Lucia Lumeno F. Italy's Evolving Mediterranean Strategy: Migrations, Economic Development, and Regional Security in the Post-Arab Spring Era // Journal of International Relations and Foreign Policy. 2024. Vol. 12. P. 43–51.
7. Molle A. Italy's Strategic Role in the Sahel: Challenges and Opportunities After the French Withdrawal // Start Insight. 02.02.2025. URL: <https://www.startinsight.eu/en/italys-strategic-role-in-the-sahel-challenges-and-opportunities-after-the-french-withdrawal/> (дата обращения: 08.12.2025).
8. Alekseenkova E.S. The African Vector of Italy's Foreign Policy: Objectives and Cooperation Institutions // World Economy and International Relations. 2025. Vol. 69, No. 7. pp. 45–58.
9. Africa-EU Energy Partnership. The Mattei Plan for Africa and Global Gateway: A common effort with the African Continent. 30.07.2025 <https://africa-eu-energy-partnership.org/the-mattei-plan-for-africa-and-global-gateway-a-common-effort-with-the-african-continent/> (дата обращения: 08.12.2025).

Международная безопасность в контексте гидрогеополитики Центральной Азии: риски, угрозы и механизмы смягчения

Шовалли Джура Синавбарович

ассистент кафедры международных и региональных отношений,
директор АНО Евразия, sng.obr@yandex.ru

В статье анализируется взаимосвязь международной безопасности и гидрогеополитики в Центральной Азии. Рассматриваются риски и угрозы, связанные с конкуренцией за водные ресурсы в регионе, а также механизмы их смягчения через развитие возобновляемой энергетики, институциональную координацию и международное сотрудничество. Особое внимание уделяется переходу от парадигмы конфликта к парадигме коэволюции, где вода и энергия рассматриваются как инструменты кооперации и устойчивого развития.

Анализируются факторы, усугубляющие ситуацию, такие как климатические изменения и институциональная разобщённость, а также предлагаются механизмы адаптации, включая интегрированное управление водными ресурсами, переход к зелёной энергетике и развитие регионального сотрудничества. Автор исследует конкретные кейсы сотрудничества и конкуренции в регионе, такие как развитие гидроэнергетики в Таджикистане и Кыргызстане, а также совместные инициативы Казахстана и Узбекистана в управлении бассейном Сырдарьи, чтобы выявить ключевые риски, угрозы и возможности для смягчения напряжённости и обеспечения устойчивого развития Центральной Азии.

Ключевые слова: международная безопасность, гидрогеополитика, Центральная Азия, водные ресурсы, энергетическая безопасность, возобновляемая энергетика, конфликт, сотрудничество, устойчивое развитие, институциональное управление.

В условиях смещения акцентов в международной безопасности от военно-политической сферы к ресурсно-экологической, водные ресурсы Центральной Азии приобретают стратегическое значение, потенциально выступая триггером конфликтов. Конкуренция за трансграничные воды в регионе, характеризующемся уязвимостью экосистем, институциональной фрагментацией и пересечением интересов крупных держав (России, Китая, США, Турции и ЕС), формирует новую "гидрогеополитическую" реальность. Эта реальность определяет взаимозависимость и конфликтность между государствами верховьев и низовьев, где водные ресурсы формируют политическую геометрию региона.

Стремление стран Центральной Азии к развитию возобновляемой энергетики выходит за рамки экологической повестки. Оно является частью комплексной стратегии, включающей экономические выгоды (создание рабочих мест, снижение зависимости от импорта), геополитические аспекты (изменение роли на энергетическом рынке, уменьшение зависимости от нестабильных рынков ископаемого топлива) и экологическую устойчивость (борьба с изменением климата и сокращением выбросов). В контексте таяния ледников, являющихся основным источником водных ресурсов региона, переход к возобновляемой энергетике приобретает особую актуальность для обеспечения долгосрочной безопасности и стабильности в Центральной Азии.

В этой сложной многопиковой игре интересов, энергетическая безопасность переплетается с водной, формируя новую геополитическую реальность. Стремление к возобновляемым источникам энергии, подкрепленное экономическими выгодами и экологическими императивами, не только меняет энергетический ландшафт, но и оказывает влияние на баланс сил в регионе. Конкуренция за ресурсы воды и электроэнергии, как справедливо отмечает Н. Гаффорзоде, превращается в стратегическое противоборство, требующее комплексного подхода и международного сотрудничества для обеспечения стабильности и устойчивого развития Центральной Азии. Эта мысль соответствует мнению международных экспертов и применима и к водно-энергетическим системам Центральной Азии, где борьба за контроль над ресурсами воды и электроэнергии приобретает свойства стратегического противоборства.

Глобальная тенденция к «ресурсной политизации» также подчёркивается этим же автором, где он пишет: «зависимость развития мирового сообщества от энерго-ресурсов ведет к увеличению влияния энергетических факторов на систему международных отношений, на мировую экономику и геополитику», [10. с.3] и далее указывает, что проблема энергетической безопасности «будучи важной экономической и политической категорией, занимает одно из центральных мест в системе национальной и государственной безопасности» [10. с.4]. Таким образом, безопасность в регионе в XXI веке «определяется не столько оружием, сколько устойчивостью систем распределения жизненно важных ресурсов» [10. С.25]. Следовательно, гидрогеополитический анализ региона становится не только академическим, но и также прикладным инструментом оценки рисков и механизмов их смягчения.

В целом контексте международной безопасности в основе гидрогеополитического анализа лежит идея «экологической взаимозависимости» (eco-interdependence) —

понимание того, что водные системы не подчиняются административным границам и образуют «естественные регионы безопасности». В научной литературе это направление развивали Т. Хомер-Диксон и П. Хаас, связывая дефицит ресурсов с потенциалом конфликтов (*environmental security paradigm*). Вернее, у Т. Хомер-Диксона мы берём причинность: дефицит возобновляемого ресурса (вода) миграция/обнищание, групповые противостояния, внутригосударственная и межгосударственная напряжённость, [5. С.3] а у П. Хааса берём механизм: трансграничная экологическая/водная проблема попадает в международную повестку и превращается в вопрос безопасности потому, что её так формулирует и поддерживает экспертное (эпистемическое) сообщество и что под это строится режим. [4. С.7] Ибо таким образом, очень удобно «сшивать» хомер-диксоновскую каузальную модель с идеей гидрогеополитической безопасности (т.е. почему водный дефицит в регионе оформляется именно как *геополитическая угроза*).

Однако, в центральноазиатском контексте водная система бассейнов Амударьи и Сырдарьи — пример того, как трансграничные реки создают «многослойную геополитику»: верховья обладают потенциалом производства гидроэнергии, а низовья — потребностью в воде для сельского хозяйства. Этот дисбаланс порождает структурное противоречие между интересами энергетической независимости и продовольственной безопасности.

Сегодня не секрет, что энергетическая система любого государства «отражает соотношение мировых центров силы и становится ареной их конкуренции» [8. С.39]. В переводе на региональный уровень это означает, что Центральная Азия оказывается не только географическим, но и геоэкономическим узлом, о чем нами уже было заявлено, что в регионе переплетаются интересы России (энергетическое доминирование), Китая (инвестиционная экспансия в инфраструктуру) и Запада (институциональные проекты устойчивого управления). Некоторые авторы фундаментальных работ водно-энергетический комплекс региона называют как поле «мягкой силы», где инфраструктура становится инструментом влияния.

Когда глобальный энергетический переход предполагает не только смену источников энергии, глубокую реорганизацию структуры и коренную перестройку моделей потребления, но и затрагивает как сами ресурсы, так и связанные с ними услуги, требуется эволюция устоявшихся социально-технических систем в направлении устойчивого производства и потребления. [1. С.3]

Согласно позициям Ф. Н. Лэрда энергетическая система региона находится в состоянии **социально-технического перехода**, где структурные изменения в энергетике сопровождаются трансформацией экономических и политических институтов [6. С.19]. Переход от советской модели централизованного планирования к рыночной экономике вызвал рассогласование механизмов распределения воды и энергии, что превратило **энергетическую взаимозависимость** в инструмент геополитического влияния [10. С.3].

Эти процессы усугубляются климатическими изменениями и деградацией ледников, что, по данным Всемирного банка, может снизить водные ресурсы региона на 15–20 % к середине XXI века. [7. С.68] Следовательно, гидрогеополитическая безопасность становится не только вопросом межгосударственного регулирования, но и фактором социальной устойчивости и экономической адаптации.

Механизмы адаптации включают развитие интегрированных моделей управления водно-энергетическими системами (IWRM), переход к зеленой энергетике и возобновляемым источникам, создание региональных центров

водно-энергетического мониторинга, а также формирование институционального доверия между государствами региона. В этом контексте принципы *социально-технических переходов* [2. С.404] позволяют рассматривать энергетическую трансформацию Центральной Азии как многоуровневую эволюцию — от локальных инноваций (малые ГЭС, солнечные станции) к системным изменениям инфраструктуры и нормативной среды.

Отсутствие эффективных региональных соглашений привело к тому, что страны верховья зимой, для решения проблемы нехватки электроэнергии, вынуждены сбрасывать избыток воды из водохранилищ, что негативно сказывается на посевах в странах низовья в неблагоприятный сезон. Конфликт интересов между странами верховья и низовья в регионе, после 1991 года оказывает постоянное давление на механизм регионального сотрудничества. Этот водно-энергетический конфликт является не только технической и экономической проблемой, но и может иметь последствия для безопасности: напряженность между государствами, нехватка воды и отключения электроэнергии могут вызвать социальные волнения.

Очевидно, что энергетическая безопасность является неотъемлемой частью общей политической безопасности в регионе, а инфраструктурные проблемы, унаследованные от советской эпохи, продолжают оказывать долгосрочное влияние на стабильность и устойчивость постсоветских государств. Однако, энергетическая безопасность в странах Центральной Азии — это сложная область, где инфраструктурные ограничения советского периода пересекаются с необходимостью региональной координации, урегулирования водных ресурсов и стратегий модернизации и межгосударственных соглашений 1992–1999 годов и внутрирегиональные энергетические концепции, такие как кыргызская до 2030 года, хотя закладывают основу устойчивого развития и стабильности в долгосрочной перспективе, но это недостаточно.

Ключевой особенностью Центральной Азии является то, что большинство её гидро- и топливно-энергетических ресурсов взаимосвязаны с трансграничными водными потоками. Это подтверждает тезис о «комплексной безопасности», предложенный Е. Винокуровым, А. Ахунбаевой, Н. Усмановым, Т. Сарсембеков, (2022), согласно которому «в эпоху глобализации национальная безопасность перестаёт быть внутренним делом государства, превращаясь в производную от международной устойчивости» [2. С.22]. Следовательно, для Центральной Азии устойчивое управление энергией невозможно без международной водной координации.

Гидроресурсы региона выполняют функцию «вторичной валюты» — они обеспечивают обмен между странами верховьев и низовьев, формируя своеобразную «*водно-энергетическую экономику*». Например, Таджикистан и Кыргызстан обладают значительным гидроэнергетическим потенциалом, но ограниченными запасами топлива; Узбекистан и Казахстан — наоборот. Поэтому региональные отношения нередко строятся по схеме «вода в обмен на энергию», что теоретически согласуется с моделью *resource-swap*, описанной Д. Доллэ (2015) в контексте «экономики ограниченного ресурса».

Однако политизация воды — естественное следствие дефицита доверия. В материалах международной конференции 2018 г. подчёркивается, что современные международные конфликты часто «развиваются в невоенной форме — через контроль над ресурсами, информацией и транспортными коридорами» [13. С.47]. В Центральной Азии контроль над плотинами, каналами и распределением стока превращается в инструмент давления, что делает регион примером *resource power politics* в чистом виде.

К примеру, Таджикистан активно вовлечён в энергетическое сотрудничество в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ). Республика является участником Соглашения СНГ о сотрудничестве в области электроэнергетики от 1992 года, учредившего Электроэнергетический совет СНГ. В 2000-е годы Таджикистан подписал ряд решений и протоколов Экономического совета СНГ, направленных на создание общего электроэнергетического рынка и эффективное использование гидроэнергетических ресурсов Центральной Азии. Эти правовые соглашения способствуют укреплению политической стабильности, энергетической безопасности и обеспечивают правовую основу для сотрудничества и интеграции стран региона в мировой энергетический рынок.

Для эффективного решения проблемы трансграничных вод в Центральной Азии необходимо налаживать партнерские отношения между академическими учреждениями, правительственными органами и заинтересованными сторонами отрасли, как это делается в других регионах мира. Только комплексный подход, учитывающий как глобальный опыт, так и региональную специфику, позволит найти устойчивые решения для обеспечения водной безопасности в Центральной Азии и снижения рисков возникновения конфликтов из-за водных ресурсов. Необходимо стремиться к созданию новой модели сотрудничества, основанной на справедливом распределении водных ресурсов, устойчивом управлении и учете интересов всех стран региона.

Хотя, в последние годы наблюдаются новые усилия по сотрудничеству. Изменение руководства в ключевых странах, в том числе замена долгосрочного президента Узбекистана Ислама Каримова на Шавката Мирзиёева в 2016 году, смягчило атмосферу региональных отношений. Например, давний спор о плотине Фархадской ГЭС на границе между Таджикистаном и Узбекистаном, [12], который даже сопровождался военным столкновением в 2002 году, был разрешен в 2018 году соглашением о совместном использовании. Кроме того, Узбекистан изменил свою прежнюю жесткую позицию против строительства крупной Рогунской ГЭС в Таджикистане и сегодня проявляет большую готовность к сотрудничеству в области гидроэнергетики. [2. С.20]

Эти процессы показывают, что, несмотря на сложное советское наследие, страны региона осознают необходимость большей водно-энергетической интеграции в условиях изменения климата и меняющейся международной обстановки.

Исследования показывают, что мировая энергетика в последние годы движется к диверсификации источников и «умным сетям». Эта тенденция несёт как возможности, так и риски для Центральной Азии. С одной стороны, рост интереса к возобновляемым источникам энергии стимулирует строительство малых ГЭС и солнечных парков (в Казахстане, Узбекистане). С другой — переход требует инвестиций, которые усиливают долговую зависимость от внешних акторов (в первую очередь Китая).

По словам того же исследователя Бобров Е. А. отмечал, что в мировом энергетическом раскладе «основным фактором конкурентоспособности остаются контроль над добычей ресурсов и доступ к новым технологиям [2, С.41]. Применительно к Центральной Азии это означает, что энергетическая независимость невозможна без технологического трансфера, что в свою очередь требует участия международных институтов безопасности (ЕС, ОБСЕ, ШОС).

Взаимозависимость воды и энергии формирует особый тип политической экономики региона, который можно определить как *инфраструктурный интернационализм*: без совместного управления плотинами, ГЭС и ирригаци-

онными системами невозможна долгосрочная стабильность. При этом распределение инвестиций носит асимметричный характер: верховья нуждаются в кредитах, низовья — в гарантиях водоснабжения. Эта асимметрия порождает институциональную неустойчивость и создаёт почву для конфликтов, аналогичных энергетическим кризисам 1990-х годов между Россией и Украиной.

В Центральной Азии аналогичная ситуация проявляется в разобщённости энергетической, водной и аграрной политик, что усиливает уязвимость национальных систем безопасности. В отличие от Ближнего Востока или Африки, где конфликты за воду чаще носят локальный характер, Центральная Азия представляет собой закрытую экосистему, где последствия любого решения распространяются на все государства бассейна. Это подтверждает и доклад «*Национальная устойчивость в условиях изменчивой среды безопасности*», в котором подчеркивается, что «в условиях взаимозависимости устойчивость одной системы определяется степенью адаптивности соседних». [2. С.38].

Таким образом, безопасность региона не может рассматриваться изолированно — она требует коллективных механизмов управления рисками, аналогичных тем, что применяются в Европейском союзе через модель *resilience governance*. Водные противоречия тесно связаны с другими угрозами безопасности — терроризмом, экстремизмом, наркотрафиком и нелегальной миграцией. Нестабильность в водно-энергетическом секторе ослабляет экономические основы приграничных территорий, создавая благоприятную среду для распространения радикальных движений и теневой экономики. В этом контексте водная проблема становится частью более широкой архитектуры безопасности Центральной Азии, где экономические, экологические и социальные аспекты взаимно переплетены.

И наконец, другой пример уже из странах низовья, где Казахстан и Узбекистан в последние годы демонстрируют стремление к кооперации в водно-энергетической сфере. Подписанное в 2023 году Соглашение о совместном управлении бассейном Сырдарьи стало прорывом: впервые страны официально закрепили принципы равного распределения стока и взаимных компенсаций за использование гидросооружений. Этот документ можно рассматривать как пример «нового институционализма» в региональной политике.

Соглашение предусматривает: а) обмен гидрологическими данными в режиме реального времени; б) координацию режимов работы ГЭС и ирригационных систем; в) создание совместного фонда модернизации инфраструктуры.

Между тем, Казахстан, обладая более мощной экономикой, выступает донором технической помощи, а Узбекистан — гарантом водной стабильности. Эта взаимодополняемость отражает принцип «взаимозависимости как ресурса безопасности», выдвинутый в украинской школе стратегических исследований.

Кроме того, обе страны начали переход к возобновляемым источникам энергии — солнечным и ветровым. Для Центральной Азии это стратегически важно: диверсификация энергетических источников снижает зависимость от гидроресурсов и уменьшает риск конфликтов. Также, Казахстан и Узбекистан выступают драйверами цифровизации водного управления. В 2022–2024 гг. при поддержке ЕС они запустили проект Smart Water, предусматривающий спутниковое наблюдение и прогнозирование стока.

Сравнение показывает, что наиболее успешными оказываются модели, где институциональные и технологические меры реализуются одновременно.

Таблица 1
Сравнительный анализ кейсов

Критерий	Таджикистан	Кыргызстан	Казахстан–Узбекистан
Тип модели	Энергетическая автономия	Технологическая модернизация	Институциональная координация
Основной инструмент	ГЭС (Рогун, CASA-1000)	Модернизация Токтогульской ГЭС	Совместное управление Сырдарьей
Роль международных акторов	Всемирный банк, ЕБРР	АБР, Всемирный банк	ЕС, ПРООН
Ключевой результат	Переход от конфликта к сотрудничеству	Повышение эффективности и прозрачности	Формирование регионального механизма доверия
Риски	Долговая зависимость, климат	Коррупция, сезонность	Политические колебания, асимметрия мощностей

Таким образом, анализ международной безопасности в контексте гидрогеополитики Центральной Азии показывает, что регион представляет собой сложную систему взаимозависимостей, где вода, энергия и политика образуют единую экосистему рисков и возможностей. а), во-первых, безопасность здесь носит многомерный характер. Экономические, экологические и институциональные факторы взаимопроникают, формируя *гибридную архитектуру угроз*; б), во-вторых, традиционные инструменты межгосударственного сотрудничества (соглашения, комиссии) без доверия и прозрачности оказываются недостаточными. Требуется переход к модели *resilience governance* — управлению устойчивостью, основанному на адаптивности и межсекторной интеграции. в), в-третьих, вода и энергия в XXI веке становятся элементами *мягкой силы* и дипломатии: от инструментов конфликта они превращаются в инструменты кооперации.

С научно-аналитической точки зрения, гидрогеополитика региона демонстрирует переход от парадигмы конфликта к парадигме коэволюции. Устойчивость здесь понимается не как статическая стабильность, а как процесс постоянного баланса интересов и адаптации институтов.

Ибо, для обеспечения же международной безопасности необходимы: а) институциональные реформы, основанные на принципах транспарентности и правового равенства; б) развитие региональных механизмов раннего предупреждения и обмена данными; в) укрепление научного и экспертного сотрудничества между странами региона и международными организациями.

Центральная Азия способна стать моделью для других регионов мира, где вода и энергия будут рассматриваться не как предмет соперничества, а как основа коллективной устойчивости и международного права.

Тем не менее эффективность международных институтов ограничивается отсутствием обязательных наднациональных механизмов и политической воли отдельных государств. Для обеспечения устойчивого управления водными ресурсами необходима институционализация регионального сотрудничества, создание прозрачных систем обмена данными и механизмов урегулирования споров на основе международного водного права.

Таким образом, геополитика воды в Центральной Азии оказывает многоплановое воздействие как на внутреннюю устойчивость государств, так и на международную безопасность. Формирование баланса между экономическими интересами и обязательствами по недопущению ущерба соседям становится центральным условием предотвращения конфликтов и перехода к модели устойчивого развития.

Литература

- Coenena T., T. Hansenc, A. Glasmeiere, R. Hassink, Regional foundations of energy transitions, Camb. J. Reg. Econ. Soc. 14 (2021) 219–233, <https://doi.org/10.1093/cjres/rsab010>
- Geels F. W.; Schot J. Typology of Socio-technical Transition Pathways // Research Policy. — 2007. — Vol. 36, № 3. — P. 399–417.
- Goldthau A., Sovacool B. K. The Uniqueness of the Energy Security, Justice and Governance Problem // Energy Policy. — 2012. — Vol. 41. — P. 232–240.
- Haas, P. M. Constructing Environmental Conflicts from Resource Scarcity // Global Environmental Politics. — 2002. — Vol. 2, № 1. — P. 1–11. — Здесь он показывает, что конфликт из дефицита ресурса — в том числе воды — конструируется политически и экспертно, а не возникает автоматически.
- Homer-Dixon, T. F. Environment, Scarcity, and Violence. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999. — 253 p. — Книга сводит воедино его модель «supply-induced / demand-induced / structural scarcity», где вода фигурирует как типичный возобновляемый ресурс (см. гл. 2–3 по изданию 1999 г.
- Laird F. N. Solar Energy, Technology Policy, and Institutional Values. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001. — 292 p. p. 18–20
- World Bank. Water Security for Central Asia. — Washington, D.C., 2023. — 68 p
- Бобров Е. А. Энергетическая безопасность государства. — Киев: НАДУ, 2015. — С. 38–41.
- Винокуров, Е., Ахунбаев, А., Усманов, Н., Сарсембеков, Т. (2022) Регулирование водноэнергетического комплекса Центральной Азии. Доклады и рабочие документы 22/4. Алматы, Москва: Евразийский банк развития.
- Гаффорзода Н. Место энергетической безопасности в политике Республики Таджикистан в период государственной независимости: автореф. дис. ... канд. полит. наук. — Душанбе, 2021. — 27 с.
- Гаффорзода Н. Место энергетической безопасности в политике Республики Таджикистан в период государственной независимости: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. — Душанбе, 2021. — 27 с. — С. 3–4.
- Таджикистан и Узбекистан договорились о разделе Фархадской ГЭС. Interfax.ru. 11 января 2018. Архивировано 11 января 2018. Дата обращения: Energy Information Administration, 1995
- Трансформация международной безопасности: современные вызовы и угрозы. — Львов: ЛНУ им. И. Франко, 2018. — С. 24, 47.

International Security in the Hydrogeopolitics Context of Central Asia: Risks, Threats, and Mitigation Mechanisms

Shovalli D.S.
ANO Eurasia

This article analyzes the relationship between international security and hydrogeopolitics in Central Asia. It examines the risks and threats associated with competition for water resources in the region, as well as mechanisms for mitigating them through the development of renewable energy, institutional coordination, and international cooperation. Particular attention is paid to the transition from a paradigm of conflict to a paradigm of co-evolution, where water and energy are viewed as instruments of cooperation and sustainable development.

It analyzes factors that exacerbate the situation, such as climate change and institutional fragmentation, and proposes adaptation mechanisms, including integrated water resource management, the transition to green energy, and the development of regional cooperation. The authors explore specific cases of cooperation and competition in the region, such as the development of hydropower in Tajikistan and Kyrgyzstan, and joint initiatives by Kazakhstan and Uzbekistan in managing the Syr Darya basin, to identify key risks, threats, and opportunities for mitigating tensions and ensuring sustainable development in Central Asia.

Keywords: international security, hydro-geopolitics, Central Asia, water resources, energy security, renewable energy, conflict, cooperation, sustainable development, institutional governance.

References

1. Coenena T., T. Hansenc, A. Glasmeiere, R. Hassink, Regional foundations of energy transitions, *Camb. J.Reg. Econ. Soc.* 14 (2021) 219–233, <https://doi.org/10.1093/cjres/rsab010>
2. Geels F. W.; Schot J. Typology of Socio-technical Transition Pathways // *Research Policy*. - 2007. - Vol. 36, No. 3. - P. 399–417.
3. Goldthau A., Sovacool B. K. The Uniqueness of the Energy Security, Justice and Governance Problem // *Energy Policy*. – 2012. – Vol. 41. – P. 232–240.
4. Haas, P. M. Constructing Environmental Conflicts from Resource Scarcity // *Global Environmental Politics*. – 2002. – Vol. 2, No. 1. – P. 1–11. – Here he shows that conflict from resource scarcity – including water – is constructed politically and expertly, and does not arise automatically.
5. Homer-Dixon, T. F. *Environment, Scarcity, and Violence*. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999. – 253 p. – The book brings together his “supply-induced / demand-induced / structural scarcity” model, where water figures as a typical renewable resource (see Chapters 2–3 for the 1999 edition).
6. Laird F. N. *Solar Energy, Technology Policy, and Institutional Values*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001. — 292 p. pp. 18–20
7. World Bank. *Water Security for Central Asia*. — Washington, D.C., 2023. — 68 p
8. Bobrov E. A. *Energy Security of the State*. — Kyiv: NADU, 2015. — pp. 38–41.
9. Vinokurov, E., Akhunbaev, A., Usmanov, N., Sarsembekov, T. (2022) Regulation of the Water and Energy Complex of Central Asia. Reports and Working Papers 22/4. Almaty, Moscow: Eurasian Development Bank.
10. Gafforzoda N. The Place of Energy Security in the Policy of the Republic of Tajikistan during the Period of State Independence: Abstract of Cand. Sci. (Polit.) Dissertation. – Dushanbe, 2021. – 27 p. s.
11. Gafforzoda N. The Place of Energy Security in the Policy of the Republic of Tajikistan during the Period of State Independence: Abstract of Cand. Sci. (Polit.) Dissertation: 23.00.02. – Dushanbe, 2021. – 27 p. – P. 3–4.
12. Tajikistan and Uzbekistan Agreed on the Sharing of the Farhad HPP. *Interfax.ru*. January 11, 2018. Archived January 11, 2018. Accessed: Energy Information Administration, 1995
13. Transformation of International Security: Modern Challenges and Threats. – Lviv: I. Franko LNU, 2018. – P. 24, 47.

Адаптация антимонопольного законодательства к новым публично-правовым реалиям

Лозовицкая Галина Петровна,
доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Абрамова Рената Олеговна
студент, РЭУ имени Г.В. Плеханова

Статья посвящена анализу российского антимонопольного законодательства, в частности, процесса его адаптации к новым публично-правовым реалиям, особенно, ожидаемым в период 2026–2028 годов. Рассматриваются системные вызовы, связанные с цифровизацией экономики, усилением роли государства, как участника рынка и появлением новых форм ограничения конкуренции. На основе анализа официальных данных Федеральной антимонопольной службы за 2022–2024 годы выявлены устойчивые проблемы, включая высокий уровень картельных сговоров, их смещение в сферу множественных мелких нарушений; значительные риски в реализации национальных проектов и другие тенденции. Исследуются ключевые законодательные инициативы в рассматриваемой сфере, такие как Национальный план развития конкуренции на 2026–2030 годы, Федеральный закон «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» и др., анализируются их потенциальные эффекты и возникающие правовые коллизии. Особое внимание уделяется необходимости гармонизации понятийного аппарата, внедрения превентивных механизмов контроля и разработки специальных процедур антимонопольного сопровождения государственных заказов. Сделан вывод о том, что успешная адаптация законодательства требует комплексного подхода, направленного на создание гибкого правового инструментария, способного обеспечить баланс между частными интересами бизнеса и публичными целями государства в условиях формирования новой экономической реальности.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство, защита конкуренции, Федеральная антимонопольная служба (ФАС), картельные сговоры, цифровая платформа, платформенная экономика, маркетплейсы, Национальный план развития конкуренции, государственные закупки, национальные проекты, публично-правовое регулирование, правовые пробелы, антимонопольная политика, адаптация антимонопольного законодательства.

В современных условиях формирования принципиально новых моделей хозяйствования, традиционные механизмы антимонопольного регулирования демонстрируют свою определенную ограниченность. Сложившаяся за многие десятилетия система правовых норм, направленных на противодействие ограничивающим конкуренцию соглашениям и злоупотреблениям доминирующим положением, сталкивается с вызовами, порожденными развитием высоконцентрированных цифровых платформ, стиранием географических границ рынков и появлением новых комплексных публично-правовых форм организации экономической деятельности. Такие изменения носят не технологический, а скорее системный характер, затрагивая сами основы соотношения частных и публичных интересов в экономике. В связи с этим возникает насущная необходимость в переосмыслении классических доктринальных подходов к содержанию и применению антимонопольного законодательства. Одной из ключевых проблем является его адаптация к новым публично-правовым реалиям, когда государство выступает не только как регулятор, но и как активный участник рынка, инициатор крупных национальных проектов и субъект, определяющий стратегические приоритеты развития.

Антимонопольное законодательство играет стержневую роль в обеспечении справедливой конкурентной среды и стабильного функционирования экономики. В условиях глобализации и стремительного развития технологий многие отрасли сталкиваются с усилением доминирования крупных корпораций, которые используют укрепившиеся позиции для подавления конкуренции и ограничения возможностей малых и средних предприятий [7]. Такая концентрация рыночной власти приводит к системным последствиям, включая ухудшение качества товаров и услуг, необоснованный рост цен и снижение инновационной активности [12]. В этом контексте антимонопольное регулирование трансформируется из простого инструмента контроля в стратегический механизм, стимулирующий динамичное экономическое развитие, защищающий права потребителей и активизирующий инновационный потенциал. Законодательные меры, нацеленные на предотвращение злоупотребления доминирующим положением и утверждение принципов честной конкуренции, оказывают прямое воздействие на экономический рост и социальное благополучие общества [6].

В России Федеральная антимонопольная служба ежегодно возбуждает сотни дел о недобросовестной конкуренции (см., например, табл.1).

Таблица 1
Сводная таблица по антикартельной деятельности ФАС России за 2022-2024 годы [5, 10, 11]

Показатель	2022 год	2023 год	2024 год
Возбуждено дел	305	287	315
Принято решений о нарушении	292	224	245
Ответчики (хоз. субъекты / заказчики)	298/29	307 / 24	599 / 144
Количество закупок, охваченных сговором	3099	2 911	4 369
Общая сумма НМЦК, млрд руб.	98	174	122,4
Нарушения в нацпроектах (кол-во дел / сумма НМЦК)	33 / 12,1 млрд	24 / 10,8 млрд	27 / 19,3 млрд

Возбуждено уголовных дел (всего / по ст. 178 УК РФ)	44 / 17	39 / 13	42 / 15
Поступления штрафов в бюджет, руб.	1,3 млрд	1,08 млрд	1 млрд

Анализ данных только за трехлетний период позволяет выявить устойчивые и новые тенденции в антикартельной работе ФАС России. Количество возбужденных дел остается стабильно высоким, колеблясь в диапазоне 287-315 дел в год, что свидетельствует о постоянном и значительном уровне картельной активности в экономике. При этом динамика принятых решений о нарушении (224 в 2023 году против 245 в 2024) указывает на повышение эффективности расследования дел после некоторого спада. Наблюдается резкая эскалация масштабов выявляемых нарушений. Кроме этого, число привлекаемых ответчиков — хозяйствующих субъектов — удвоилось в 2024 году по сравнению с предыдущим периодом (599 против 307), а количество заказчиков выросло в шесть раз (144 против 24). Это демонстрирует переход от точечных преследований к системному вскрытию разветвленных сетей сговора, вовлекающих как исполнителей, так и организаторов закупок. Параллельно с этим зафиксирован рекордный охват закупок — 4369 в 2024 году, что почти в полтора раза превышает показатели 2022-2023 годов. Данный факт сигнализирует о переходе картелей к стратегии множественных мелких сговоров, несмотря на снижение общей суммы НМЦК до 122,4 млрд рублей. Критически важной является проблема сохранения картельных рисков в реализации национальных проектов. Хотя количество дел в этой сфере стабилизировалось, совокупная сумма НМЦК по ним в 2024 году достигла 19,3 млрд рублей, что почти вдвое выше показателей предыдущих лет. Это прямо указывает на растущие бюджетные потери и усиление угроз для выполнения стратегических государственных программ в таких ключевых областях, как строительство, здравоохранение и инфраструктура. Уголовное преследование остается неотъемлемой частью антикартельной борьбы: ежегодно по материалам ФАС возбуждается (по некоторым оценкам) около 40 уголовных дел, из которых примерно треть квалифицируется по ст. 178 УК РФ (картельный сговор). Однако стабильно низкие поступления штрафов в бюджет — около 1 млрд рублей в год — на фоне многомиллиардных сумм выявленных сговоров могут свидетельствовать о длительных сроках взыскания, эффективном использовании нарушителями механизмов судебного обжалования или недостаточной сдерживающей силе финансовых санкций.

Антимонопольное законодательство, базовые положения которого закреплены в Федеральном законе от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [1], формирует нормативную основу для обеспечения эффективного функционирования товарных рынков и предотвращения ограничивающих конкуренцию соглашений. Однако анализ действующей редакции закона выявляет ряд системных пробелов, снижающих эффективность правоприменения. В частности, пункт 9 статьи 4 Закона № 135-ФЗ обязывает учитывать все признаки для установления факта недобросовестной конкуренции, однако глава 2.1 данного нормативного акта не предусматривает состава нарушения в форме бездействия, что создает правовой вакуум в ситуациях, когда пассивное поведение хозяйствующего субъекта наносит ущерб конкурентной среде. Другим существенным недостатком является ограниченный круг субъектов, имеющих право на защиту от недобросовестной конкуренции. Действующая редакция закона признает таковыми только непосредственных конкурентов, хотя правовая доктрина и международный опыт демонстрируют необходимость распространения защиты на

потребителей и хозяйствующие субъекты, не находящиеся в состоянии конкуренции, но несущие ущерб от противоправных практик [8]. Устранение указанных противоречий представляется необходимым условием для развития сбалансированной конкурентной политики, ориентированной не только на экономический прогресс, но и на комплексную защиту интересов всех участников рыночных отношений.

Основные цели антимонопольного регулирования охватывают несколько взаимосвязанных направлений [9, 13]. Первым является поддержание и развитие свободной конкуренции, которая создает стимулы для производителей повышать качество продукции, оптимизировать цены и внедрять передовые технологии, одновременно формируя благоприятные условия для развития малого и среднего предпринимательства. Второй ключевой задачей выступает предотвращение монополистической деятельности, поскольку компании, обладающие значительной рыночной властью, нередко устанавливают завышенные цены, ограничивают выбор потребителей или создают барьеры для новых участников рынка. Третье направление связано с защитой интересов потребителей, которые в условиях монополии лишаются альтернатив выбора и доступа к более выгодным предложениям. И, наконец, антимонопольное регулирование должно способствовать повышению экономической эффективности, поскольку конкурентная среда побуждает компании оптимизировать процессы, рационально использовать ресурсы и активно инвестировать в инновации и маркетинг.

Учитывая эти принципы, важным вектором адаптации антимонопольного законодательства становится его синхронизация с новыми стратегическими инициативами государства в области регулирования цифровой экономики. Федеральная антимонопольная служба (ФАС) России завершает разработку Национального плана развития конкуренции на 2026–2030 годы, который определил антимонопольную политику в стране на ближайшую пятилетку. Проект этого документа поступил на рассмотрение в Правительство РФ 1 июля 2025 года, а в октябре 2025 года был принят [3]. План сохранил фокус на социально значимых рынках, но фактически он добавит новые инструменты регулирования, что свидетельствует о переходе от реагирования на нарушения к превентивному управлению конкурентной средой.

Приоритетом ведомства остается контроль сфер, напрямую влияющих на стоимость товаров и услуг для населения. Эта работа уже приносит результаты: по данным за 2024 год, ФАС провела более 40 внеплановых проверок, итогом которых стали десятки предостережений и возбуждение антимонопольных дел. Особое внимание уделяется розничной торговле, где пресекаются попытки сетей расширяться при достижении ими 25%-го порога доли на продовольственном рынке. Эта практика указывает на ужесточение контроля за горизонтальными и вертикальными соглашениями, способными ограничивать конкуренцию на локальных рынках. Ключевым нововведением плана стало системное регулирование цифровых платформ и банковских экосистем. Внедряется механизм мониторинга их финансовых рисков, для чего определено уполномоченное ведомство, которое будет не только анализировать отчетность технологических гигантов, но и устанавливать для них требования к деятельности. Целью является глубокая оценка влияния экосистем на экономику и предотвращение их монополизации, что соответствует мировой практике усиления контроля над цифровыми рынками [4].

Параллельно с разработкой стратегического плана происходит конкретизация правового регулирования цифровой среды. В июле 2025 года был подписан долгождан-

ный закон о платформенной экономике (закон о маркетплейсах) [2], который вступит в силу в октябре 2026 года одновременно с поправками к законам о торговле и защите прав потребителей. Документ устанавливает правовые основы деятельности цифровых платформ, включая маркетплейсы, закрепляя принципы равного обращения и свободного доступа к платформе, определяя права и обязанности операторов и их партнеров, а также создавая реестр цифровых платформ.

Однако принятие нового закона порождает новые вызовы для правоприменительной практики. В законе «О защите конкуренции» уже присутствует понятие «цифровая платформа», близкое по смыслу к термину «посредническая цифровая платформа» (ПЦП), которое вводит новый закон. Это создает риск правовой неопределенности в отношении субъектного состава антимонопольных запретов, предусмотренных статьями 10 и 10.1 закона «О защите конкуренции». Таким образом, необходима гармонизация понятийного аппарата в антимонопольном законодательстве для исключения дублирования и коллизий норм.

Большая часть нового закона посвящена регулированию взаимоотношений операторов ПЦП и их партнеров (продавцов), которые основываются на договоре. При этом оператор получает право вносить изменения в договор, уведомив партнера за 45 дней. Контроль за соблюдением большинства требований закона возлагается на ФАС, что логично, поскольку антимонопольные органы уже обладают значительным опытом в рассмотрении вопросов, связанных с практиками цифровых платформ.

Новая стратегия продолжает курс ФАС на сокращение государственного участия в экономике. В службе последовательно отмечается, что доминирование госкомпаний и особые условия для них подменяют здоровую конкуренцию административным ресурсом. Ожидается, что принятый план станет действенным инструментом для создания равных правил игры для всех участников рынка. Этот подход соответствует общей тенденции адаптации антимонопольного регулирования к новым публично-правовым реалиям, когда государство выступает не только как регулятор, но и как активный участник рынка, что требует особого внимания к балансу публичных и частных интересов.

Все указанные нормативно-правовые изменения демонстрируют, что антимонопольное законодательство находится в процессе активной трансформации, направленной на адекватное реагирование в сфере угроз и вызовов цифровой эпохи, а в определенной степени и усложнение публично-правовых форм организации экономической деятельности.

Итак, можно спрогнозировать, что предстоящий исторический период 2026–2028 годов станет для российского антимонопольного законодательства этапом глубокой и комплексной трансформации, направленной на адекватное реагирование на вызовы, порожденные цифровизацией экономики, усилением роли государства как участника рынка и появлением новых форм ограничения конкуренции. Анализ правоприменительной практики ФАС России за предыдущие годы наглядно демонстрирует системные проблемы, требующие скорейшего разрешения: устойчиво высокий уровень картельных сговоров, их переход в область множественных мелких нарушений, а также критически важная проблема сохранения конкурентных рисков в реализации национальных проектов. Одним из наиболее сложных вызовов для законодателя останется обеспечение добросовестной конкуренции при активном участии государства в экономике, о чем отмечается в ряде научных работ [14,15,16]. Статистика прошлых лет, показавшая масштабные нарушения в нацпроектах, требует новых законодательных решений. Можно

ожидать, что в указанный период будут разработаны и внедрены специальные процедуры антимонопольного сопровождения крупных государственных заказов и проектов с государственным участием, что будет включать в себя обязательный конкурентный анализ на стадии планирования закупок в рамках нацпроектов и создание механизмов оперативного реагирования ФАС России на признаки сговоров.

Литература

1. Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) "О защите конкуренции" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, N 31 (1 ч.), ст. 3434.
2. Федеральный закон от 31.07.2025 N 289-ФЗ "Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации" // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 31.07.2025.
3. Распоряжение Правительства РФ от 08.10.2025 N 2816-р <Об утверждении Национального плана ("дорожной карты") развития конкуренции в Российской Федерации на 2026 - 2030 годы> // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 09.10.2025.
4. Бизнес ждут новые антимонопольные правила с 2026 года URL: <https://myurist.online/news/biznes-zhdut-novye-antimonopolnye-pravila-s-2026-goda> (дата обращения: 14.11.2025).
5. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2022 год URL: https://admomsk.gosuslugi.ru/netcat_files/638/13334/Doklad_2022_god.pdf (дата обращения: 14.11.2025).
6. Кичигин О. Э. Конкуренция и сотрудничество: две стратегии социально-экономического развития общества и государства (институциональный подход) // Государственное управление: электронный вестник. 2022. № 91. С. 66–82.
7. Королев А. А. Национальный план развития конкуренции как фактор развития системы государственных предприятий // Современные научные исследования и инновации. 2022. № 5 (133).
8. Лобачев П. А., Григорович Е. В. Особенности регулирования антимонопольным законодательством деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства // Современное предпринимательство как зеркало реформ Российского законодательства: Вестник юридического факультета / Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. М. : Научный консультант, 2016. С. 134–135.
9. Перова М. М., Брызгина Е. О., Журба В. В. Внедрение Стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации как ключевой аспект социально-экономического развития территории // Экономика, предпринимательство и право. 2016. Т. 6. № 1. С. 9–24.
10. ФАС подвела итоги антикартельной деятельности за 2024 год URL: <https://fas.gov.ru/news/33767> (дата обращения: 14.11.2025).
11. ФАС России подвела итоги антикартельной деятельности за 2023 год URL: <https://fas.gov.ru/news/33116> (дата обращения: 14.11.2025).
12. Экономика общественного сектора : учебное пособие / О. Э. Кичигин, А. А. Зайцев, М. В. Иванова, А. А. Еврафов. СПб. : Политех-Пресс, 2021. 211 с.
13. Яни А. В. Теоретико-методологические аспекты и роль конкуренции в развитии экономических субъектов и национальной экономики // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 5. С. 1609–1628.
14. Лозовицкая, Г. П. Неочевидные ограничения режима совместного использования объекта интеллектуальных прав при исполнении законодательства о закупках

для государственных и муниципальных нужд / Г. П. Лозовицкая, В. А. Минеев // Актуальные вопросы публично-правового регулирования экономических отношений : Материалы межвузовской научно-практической конференции, Москва, 21 декабря 2023 года. – Москва: ООО «РУ-САЙНС», 2024. – С. 6-12. – EDN CKGWVV.

15. Цифровизация государственного управления: правовые рамки и проблемы реализации / Г. П. Лозовицкая, Л. А. Григорян, М. М. Мамаджанова, Д. Ю. Рассихина // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. – 2025. – № 57(57). – EDN CFXJOX.

16. Лозовицкая, Г. П. Административно-процедурные производства по принятию нормативно-правовых актов в условиях внедрения цифровизации в деятельность органов исполнительной власти / Г. П. Лозовицкая, Д. И. Тавед // Актуальные проблемы расследования преступлений в сфере компьютерной информации или с применением компьютерных технологий в условиях цифровизации экономики и государственного управления : материалы Межвузовского круглого стола, Москва, 28 ноября 2024 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2025. – С. 96-100. – EDN BMZINF.

Adapting Antitrust Legislation to New Public Law Realities Lozovitskaya G.P., Abramova R.O.

Plekhanov Russian University of Economics

This article analyzes Russian antitrust legislation, in particular, the process of adapting it to new public law realities, especially those expected in 2026–2028. It examines systemic challenges associated with the digitalization of the economy, the increasing role of the state as a market participant, and the emergence of new forms of competition restrictions. Based on an analysis of official data from the Federal Antimonopoly Service for 2022–2024, persistent problems were identified, including a high level of cartels, their shift to multiple minor violations, significant risks in the implementation of national projects, and other trends. This article examines key legislative initiatives in this area, including the National Competition Development Plan for 2026–2030, the Federal Law "On Certain Issues of Regulating the Platform Economy," and others, analyzing their potential effects and emerging legal conflicts. Particular attention is paid to the need to harmonize conceptual frameworks, implement preventive control mechanisms, and develop specialized procedures for antitrust support of government procurement. It concludes that successful legislative adaptation requires a comprehensive approach aimed at creating a flexible legal framework capable of balancing the private interests of businesses and the public goals of the state in the emerging economic reality.

Keywords: antitrust legislation, competition protection, Federal Antimonopoly Service (FAS), cartels, digital platform, platform economy, marketplaces, National Competition Development Plan, public procurement, national projects, public law regulation, legal gaps, antitrust policy, adaptation of antitrust legislation.

References

1. Federal Law of July 26, 2006 No. 135-FZ (as amended on June 24, 2025) "On the Protection of Competition" (as amended and supplemented, entered into force on September 1, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation, July 31, 2006, No. 31 (part 1), Article 3434.
2. Federal Law of July 31, 2025 No. 289-FZ "On Certain Issues of Regulating the Platform Economy in the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, July 31, 2025.
3. Order of the Government of the Russian Federation dated 08.10.2025 N 2816-r <On approval of the National Plan ("roadmap") for the development of competition in the Russian Federation for 2026-2030> // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>, 09.10.2025.
4. Businesses will face new antimonopoly rules from 2026 URL: <https://myurist.online/news/biznes-zhdut-novye-antimonopolnye-pravila-s-2026-goda> (date of access: 14.11.2025).
5. Report on the State of Competition in the Russian Federation for 2022. URL: https://admomsk.gosuslugi.ru/netcat_files/638/13334/Doklad_2022_god.pdf (date accessed: 14.11.2025).
6. Kichigin O. E. Competition and Cooperation: Two Strategies for the Socioeconomic Development of Society and the State (Institutional Approach) // Public Administration: Electronic Bulletin. 2022. No. 91. pp. 66–82.
7. Korolev A. A. National Competition Development Plan as a Factor in the Development of the State-Owned Enterprise System // Modern Scientific Research and Innovation. 2022. No. 5 (133).
8. Lobachev P. A., Grigorovich E. V. Features of regulation of the activities of small and medium-sized businesses by antimonopoly legislation // Modern entrepreneurship as a mirror of the reforms of Russian legislation: Bulletin of the Faculty of Law / Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow: Scientific consultant, 2016. pp. 134-135.
9. Perova M. M., Bryazgina E. O., Zhurba V. V. Implementation of the Competition Development Standard in the constituent entities of the Russian Federation as a key aspect of the socio-economic development of the territory // Economy, entrepreneurship and law. 2016. Vol. 6. No. 1. pp. 9-24.
10. FAS summed up the results of anti-cartel activities for 2024 URL: <https://fas.gov.ru/news/33767> (date of access: 11/14/2025).
11. The Federal Antimonopoly Service of Russia summarized the results of its anti-cartel activities for 2023. URL: <https://fas.gov.ru/news/33116> (accessed: 14.11.2025).
12. Economics of the public sector: a textbook / O. E. Kichigin, A. A. Zaitsev, M. V. Ivanova, A. A. Evgrafov. St. Petersburg: Politech-Press, 2021. 211 p.
13. Yani A. V. Theoretical and methodological aspects and the role of competition in the development of economic entities and the national economy // Creative Economy. 2021. Vol. 15. No. 5. pp. 1609–1628.
14. Lozovitskaya, G. P. Non-obvious restrictions on the joint use of an intellectual property object in the implementation of legislation on procurement for state and municipal needs / G. P. Lozovitskaya, V. A. Mineev // Current issues of public-legal regulation of economic relations: Proceedings of the interuniversity scientific and practical conference, Moscow, December 21, 2023. - Moscow: ООО "RUSAINS", 2024. - Pp. 6-12. - EDN CKGWVV.
15. Digitalization of public administration: legal framework and implementation problems / G. P. Lozovitskaya, L. A. Grigoryan, M. M. Mamadzhanova, D. Yu. Rassikhina // Bulletin of the East Siberian Open Academy. - 2025. - No. 57 (57). - EDN CFXJOX.
16. Lozovitskaya, G. P. Administrative and procedural proceedings for the adoption of regulatory legal acts in the context of the introduction of digitalization in the activities of executive bodies / G. P. Lozovitskaya, D. I. Taved // Actual problems of investigating crimes in the field of computer information or using computer technologies in the context of digitalization of the economy and public administration: materials of the Interuniversity round table, Moscow, November 28, 2024. - Moscow: Limited Liability Company "Rusains", 2025. - P. 96-100. - EDN BMZINF.

К вопросу о принципе неотвратимости публично-правовой ответственности

Замалетдинов Альберт Айратович

соискатель кафедры теории и истории государства и права, Казанский (Приволжский) федеральный университет, z.albert999@mail.ru

Статья посвящается анализу неотвратимости, который признается принципом юридической ответственности и ее основных типов, к числу которых относится публично-правовая ответственность. Целью исследования выступает характер легитимации, а также отношение правовой доктрины к принципу неотвратимости. Для ее достижения автор обратился к решению ряда задач, включая установление его сущности, выявление особенностей понимания его структуры, содержания и пределов действия применительно к различным видам публично-правовой ответственности. В результате проведенного исследования автор заключает, что принцип неотвратимости публично-правовой ответственности предполагает неизбежную публичную, публично-персональную, публично-коллегиальную и персональную обязательную реакцию на правонарушение, которая может иметь форму негативной оценки правонарушения обществом и государством, так и осуждения виновного, назначения и исполнения наказания. **Ключевые слова:** юридическая ответственность, публично-правовая ответственность, принцип неотвратимости, противоправное деяние, межотраслевой принцип

Основные принципы юридической ответственности в виде неотвратимости, обоснованности, своевременности, индивидуализации и целесообразности, виновности деяния распространяются в полной мере на все разновидности публично-правовой ответственности, а значит могут рассматриваться в качестве межотраслевых для всех ее видов. Следовательно, правовой механизм реализации публично-правовой ответственности должен соответствовать вышеперечисленным принципам, что, в свою очередь, не исключает возможности установления тех или иных особенностей для процесса осуществления отдельных ее видов.

К примеру, принцип неотвратимости ответственности интерпретируется на общетеоретическом уровне как обязательная реакция на правонарушение, осуждение виновного, назначение и исполнение наказания, неизбежности применения ответственности за каждое правонарушение, негативная оценка правонарушения государством и обществом.¹ К примеру, М.В. Шавалеев характеризует принцип неотвратимости юридической ответственности как основополагающую идею, которая заключается в установлении за каждое противоправное деяние юридической ответственности и применении к правонарушителю справедливых, гуманных и индивидуализировавших мер юридической ответственности.²

При этом, в некоторых отраслевых юридических науках публичного сектора идея неотвратимости преимущественно трактуется в контексте обязательной реакции уполномоченных органов на правонарушение (выявление, раскрытие, пресечение) и привлечении к ответственности правонарушителя при отсутствии оснований освобождения от нее.³

Так, в уголовном, уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном праве принцип неотвратимости уголовной ответственности, обеспечивающий реализацию принципов справедливости и равенства граждан перед законом и судом, понимается как средство связи между уголовным преступлением и наказанием или иными мерами уголовно-правового воздействия,⁴ а также надлежащее исполнение назначенного судом наказания за совершение уголовного преступления.⁵

В административно-правовой науке межотраслевой принцип неотвратимости публично-правовой ответственности преобразуется в неотвратимость наказания по делам об административных правонарушениях и означает, по мнению А.Н. Дерюги и С.Н. Шаклеина, что всякое виновное лицо, совершившее административное правонарушение, подлежит неминуемому наказанию и должно нести ответственность за содеянное.⁶

В тоже время, имеются доктринальные подходы, не отрицающие применение принципа неотвратимости административно-правового наказания, однако, не упомина-

¹Александрова Н.М. Принцип неотвратимости ответственности за нарушение закона юридическими лицами в правовом государстве// Юридическая техника. 2020. № 14.С.540

²Шавалеев М.В. Эффективность принципа неотвратимости юридической ответственности: автореф. дис...канд. юрид. наук. Казань, 2011.С.8

³Потапкин С.С. Принцип неотвратимости юридической ответственности и проблемы его реализации в правоприменительной практике: автореф. дис...канд. юрид. наук. М.,2009.С.10-11

⁴ Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 2-х томах. Том 1. Общая часть. М., 2004.С.53-54

⁵Шевелева С.В., Можайкин В.А. Принцип необратимости наказания в уголовно-исполнительном праве: от декларирования к возможности реализации//Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. №54.С. 723

⁶Дерюга А.Н., Шаклеин С.Н. Пенологический аспект реализации принципа неотвратимости административного наказания// Вестник Воронежского института МВД России. 2019. №3.С.148

ющие его открыто среди исходных начал административной ответственности. Так, А.А. Беженцев полагает, что к принципам правового регулирования административной ответственности относятся принципы объективности оценки, достоверности источников правовой информации, компетентности субъекта инициирования реакции на отклонение от нормы, принцип законности, формализации процедуры реакции, абсолютности ее реализации, адекватности реакции, объективности оценки, истинности, нормативного описания отклонений, включая принцип пропорциональности уровня нормативной детализации отклонения и точности определения границ возможной реакции со стороны компетентных органов, соответствия объекта реакции адресату нормы и надлежащей направленности реакции.⁷

В тоже время, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года N 5 в последующей редакции от 23 декабря 2021 года «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»⁸ принцип неотвратимости имеет некоторые пределы, поскольку при установлении малозначительности совершенного административного правонарушения судья на основании статьи 2.9 КоАП РФ вправе освободить виновное лицо от административной ответственности и ограничиться устным замечанием. Таким образом, действие данного принципа распространяется на институт малозначительности правонарушений, отражая, с одной стороны, его гибкость и прямую связь с общими принципами публично-правовой ответственности (законность, справедливость, гуманность), а с другой - обязательную реакцию на правонарушение без юридических последствий для виновного лица (устное замечание).

Кроме того, принцип неотвратимости наказания за административный деликт распространяется одновременно не только на индивидуальных, но и коллективных субъектов в связи с тем, что в случае совершения юридическим лицом административного правонарушения и выявления конкретных должностных лиц, по вине которых оно было совершено допускается привлечение к административной ответственности по одной и той же норме как юридического лица, так и указанных должностных лиц (статьи 2.1 (часть 3), 2.4, п. 21 названного Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации).

Для конституционной (конституционно-правовой) и муниципальной ответственности идея неотвратимости выступает в большей мере как обязательная реакция на правонарушение, негативная оценка правонарушения государством и обществом.⁹ Иными словами, нарушение конституционных или муниципальных отраслевых норм неизбежно влечет за собой применение специфических мер воздействия. Это либо общественное осуждение,¹⁰ либо установление для правонарушителя определенных отрицательных последствий в виде мер личного, организационного или имущественного характера.¹¹

К примеру, среди мер личного характера Конституционный Суд Российской Федерации называет запрет занимать выборные публичные должности для лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, квалифицируя его как меру, направленную на предотвращение подрыва социальной поддержки и легитимности органов публичной власти, преследующую конституционно значимые цели повышения конституционной ответственности и действенности принципов правового демократического государства, сохранения и надлежащего функционирования публичного правопорядка, предупреждения криминализации власти.¹²

К другим мерам личного характера относится утрата специального статуса, имеющего целевой и срочный характер. В частности, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 21 ноября 2002 года №15-П отмечается, что не исключается возможность для законодателя предусмотреть ситуацию, когда статус вынужденного переселенца, обусловленные им права и гарантии не могут быть реализованы и утрачиваются, если пребывание в этом статусе несовместимо с характером совершенного деяния и назначенного наказания.

Далее, неизбежность публично-правовой ответственности в виде применения полномочной инстанцией мер организационного характера имеет место в избирательных правоотношениях. Так, согласно ч.1 ст.77 Федерального закона от 12 июня 2002 года №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹³ если при проведении голосования или установлении итогов голосования были допущены нарушения названного Федерального закона, иного закона, регламентирующих проведение соответствующих выборов, референдума, вышестоящая избирательная комиссия до установления ею итогов голосования, определения результатов выборов, референдума может отменить решение нижестоящей избирательной комиссии об итогах голосования, о результатах выборов и принять решение о повторном подсчете голосов, а если допущенные нарушения не позволяют с достоверностью определить результаты волеизъявления избирателей, участников референдума - о признании итогов голосования, результатов выборов недействительными.

Что касается мер имущественного характера, то в своем Постановлении от 26 октября 2021 года N 45-П¹⁴ Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что межотраслевой институт компенсации морального вреда может рассматриваться в свете предписаний статьи 45 (часть 1) Конституции Российской Федерации как гарантированная государством мера, направленная на восстановление нарушенных прав и возмещение нематериального ущерба, причиненного вследствие их нарушения. Причем, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 года, N 23 "О практике рассмотрения судами гражданского иска

⁷ Беженцев А.А. Принципы административной ответственности: нетрадиционный взгляд // С.108-110

⁸ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. N 6

⁹ См.: Шон Д.Т. Конституционная ответственность // Государство и право. 1995. № 7. С. 37

¹⁰ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2003. С. 43

¹¹ Катков Д.Б., Корчиги Е.В. Конституционное право России: учебное пособие. М.: Юриспруденция, 1999. С.16

¹² См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 года N 20-П "По делу о проверке конституционности подпункта "а" пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации", части

первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. N 43. Ст. 5622

¹³ Российская газета. 15 июня 2002. N 106

¹⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2021 года N 45-П "По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шиловского" (Электронный ресурс). - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399278/ (дата обращения: 15 декабря 2024 года)

по уголовному делу»¹⁵ в качестве объектов посягательства могут выступать право на неприкосновенность жилища, право на неприкосновенность частной жизни, а также нематериальные блага в виде жизни, здоровья и достоинства личности, которые обладают, прежде всего, конституционно-правовой природой.

Итак, принцип неотвратимости публично-правовой ответственности предполагает неизбежную публичную, публично-персональную, публично-коллегиальную и персональную обязательную реакцию на правонарушение, которая может иметь форму негативной оценки правонарушения обществом и государством, так и осуждения виновного, назначения и исполнения наказания.

Литература

1. Александрова Н.М. Принцип неотвратимости ответственности за нарушение закона юридическими лицами в правовом государстве // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 540.
2. Беженцев А.А. Принципы административной ответственности: нетрадиционный взгляд // С. 108-110.
3. Дерюга А.Н., Шаглеин С.Н. Пенологический аспект реализации принципа неотвратимости административного наказания // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. №3. С. 148.
4. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2003. С. 43
5. Катков Д.Б., Корчиго Е.В. Конституционное право России: учебное пособие. М.: Юриспруденция, 1999. С. 16
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 года N 20-П "По делу о проверке конституционности подпункта "а" пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации", части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Сенькова" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. N 43. Ст. 5622.
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2021 года N 45-П "По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шиловского" (Электронный ресурс). - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399278/ (дата обращения: 15 декабря 2024 года)
8. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 2-х томах. Том 1. Общая часть. М., 2004. С. 53-54
9. Потапкин С.С. Принцип неотвратимости юридической ответственности и проблемы его реализации в правоприменительной практике: автореф. дис...канд. юрид. наук. М., 2009. С. 10-11.
10. Шавалеев М.В. Эффективность принципа неотвратимости юридической ответственности: автореф. дис...канд. юрид. наук. Казань, 2011. С. 8
11. Шевелева С.В., Можайкин В.А. Принцип необратимости наказания в уголовно-исполнительном праве: от декларирования к возможности реализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. №54. С. 723
12. Шон Д.Т. Конституционная ответственность // Государство и право. 1995. № 7. С. 37

On the issue of the principle of the inevitability of public legal liability Zamaletdinov A.A.

Kazan (Volga Region) Federal University

The article is devoted to the analysis of inevitability, which is recognized as the principle of legal responsibility and its main types, which include public legal liability. The purpose of the study is the nature of legitimation, as well as the relationship of legal doctrine to the principle of inevitability. To achieve this goal, the author turned to solving a number of tasks, including establishing its essence, identifying features of understanding its structure, content and limits of action in relation to various types of public legal liability. As a result of the conducted research, the author concludes that the principle of the inevitability of public legal responsibility presupposes an inevitable public, public-personal, public-collegial and personal mandatory reaction to an offense, which may take the form of a negative assessment of the offense by society and the state, as well as the conviction of the perpetrator, the appointment and execution of punishment.

Keywords: legal responsibility, public legal responsibility, the principle of inevitability, unlawful act, intersectoral principle

References

1. Alexandrina N.M. The principle of the inevitability of liability for violation of the law by legal entities in a state governed by the rule of law // Legal Technology. 2020. No. 14. P. 540.
2. Refugee A.A. Principles of administrative responsibility: an unconventional view // pp. 108-110.
3. Deryuga A.N., Shaglein S.N. Penological aspect of the implementation of the principle of inevitability of administrative punishment // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3. P. 148.
4. Kozlova E.I., Kutafin O.E. Constitutional law of Russia: textbook. 3rd ed., revised and add. M.: Jurist, 2003. p. 43
5. Katkov D.B., Korchiго E.V. Constitutional law of Russia: textbook. Moscow: Jurisprudence, 1999. P. 16
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 20 of October 10, 2013-P "In the case of checking the constitutionality of subparagraph "a" of paragraph 3.2 of Article 4 of the Federal Law "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right of Citizens of the Russian Federation to Participate in a Referendum", part one of Article 10 and Part six of Article 86 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with complaints from citizens G.B. Egorov, A.L. Kazakov, I.Y. Kravtsova, A.V. Kupriyanova, A.S. Latypova and V.Y. Sinkova" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2013. N 43. St. 5622.
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 45 of October 26, 2021-P "In the case of the review of the constitutionality of Article 151 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen S.F. Shilovsky" (Electronic resource). - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399278/ (accessed December 15, 2024)
8. Naumov A.V. Russian criminal law. A course of lectures. In 2 volumes. Volume 1. General part. Moscow, 2004. pp. 53-54
9. Potapkin S.S. The principle of the inevitability of legal responsibility and the problems of its implementation in law enforcement practice: abstract of the dissertation of the cand. jurid. nauk. M., 2009. pp. 10-11.
10. Shavaleev M.V. Effectiveness of the principle of the inevitability of legal responsibility: abstract of the dissertation of the cand. jurid. sciences'. Kazan, 2011. P.
- 8-11. Sheveleva S.V., Mozhaykin V.A. The principle of irreversibility of punishment in penal enforcement law: from declaration to the possibility of implementation // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2021. No. 54. p. 723
12. Sean D.T. Constitutional responsibility // State and law. 1995. No. 7. p. 37

¹⁵ <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74654214/> (дата обращения: 15 декабря 2024 года)

Недобросовестное поведение в личных отношениях супругов

Базунов Игорь Валерьевич

аспирант третьего года обучения, кафедра гражданского права, юридический факультет, Тверской государственный университет, comrade-bazunov@yandex.ru.

В настоящем исследовании рассматривается возможность квалификации некоторых случаев осуществления супругом своих личных прав и исполнения обязанностей в качестве недобросовестного поведения. Анализируя правовое содержание личных отношений супругов, автор приходит к выводу, что оценка поведения субъектов данных отношений с точки зрения принципа добросовестности является возможной. В силу этого во второй части исследования некоторые случаи ненадлежащего осуществления супругом своего личного права, а также исполнения обязанностей, установленных ст. 31 СК РФ, оцениваются как соответствующие или несоответствующие принципу добросовестности. По результатам работы автор приходит к выводу, что случаи ненадлежащего осуществления супругом своего неимущественного права не могут быть квалифицированы в качестве недобросовестного поведения, что связано с нематериальной природой благ, по поводу которых возникают личные отношения супругов. Вместе с тем было установлено, что случаи ненадлежащего или формального исполнения супругом обязанностей, установленных ст. 31 СК РФ, следует рассматривать в качестве недобросовестного поведения.

Ключевые слова: недобросовестное поведение супруга, личные отношения супругов, недобросовестное осуществление права, недобросовестное исполнение обязанностей, брак.

Введение

Личные отношения супругов представляются наиболее значимой стороной брака, определяющей содержательную часть отношений супругов. Так, именно в рамках личных отношений супруги решают наиболее значимые вопросы семейной жизни, от которых напрямую зависит перспектива дальнейшего существования брака. Однако далеко не всегда супруги ведут себя надлежащим образом, в полной мере участвуя в делах семьи и действуя исключительно в соответствии с объемом принадлежащих им личных прав. В связи с этим в личных отношениях супругов может иметь место такое негативное явление как недобросовестное поведение.

Проблема недобросовестного поведения в семейных отношениях является актуальным вопросом семейного права, которому посвящен ряд доктринальных исследований. К примеру, в исследовании В.В. Алейниковой подробно рассматривается степень воздействия принципа добросовестности, являющегося, в сущности, гражданско-правовым, на материю семейного права, в частности на отношения родителей и детей¹. Также следует констатировать, что принцип добросовестности имеет достаточно серьезное значение при регулировании имущественных отношений супругов, что также было продемонстрировано в работах некоторых ведущих ученых-цивилистов². Однако возможность оценки поведения субъекта личных отношениях супругов с точки зрения соответствия принципу добросовестности не исследовалась до настоящего времени в полной мере. В связи с этим считаем необходимым провести анализ некоторых случаев осуществления супругом своих личных прав, а также исполнения обязанностей на предмет соответствия принципу добросовестности, установив тем самым возможность существования недобросовестного поведения в личных отношениях супругов. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи: установить специфику правового регулирования личных отношений супругов; рассмотреть возможность существования недобросовестного поведения в форме недобросовестного осуществления личного права супруга; провести анализ случаев недобросовестного поведения супруга при исполнении обязанностей, установленных п.п. 2,4 ст. 31 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ).

Правовая природа личных отношений супругов

Личные отношения супругов уже давно являются объектом пристального внимания в научной среде. Как многократно отмечалось, данные отношения составляют основу и смысловое содержание института брака по причине того, что они возникают по поводу ключевых нематериальных ценностей, лежащих в основе брачных отношений – любви, уважения, взаимопомощи и так далее³. В основе правового регулирования личных отношений супругов лежат важнейшие принципы семейного права – равенства супругов в семье, а также разрешения внутрисемейных отношений по взаимному согласию супругов. По

¹ См: Алейникова В.В. Принцип добросовестности в семейном праве: сфера применения и пути толкования // Семейное и жилищное право, 2022. № 4. С. 3-7.

² См: Богданова Е.В. Спорные вопросы раздела имущества супругов // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2019. №2 (54), с. 100-116.

³ Гордеюк Е.В. Правовой режим нематериальных благ супругов по законодательству Российской Федерации // Диссертационные исследования, 2019. № 8. С. 50

этим причинам личные отношения супругов в значительной мере преобладают над имущественными.

Несмотря на неоспоримость значимости исследуемых отношений, обращает на себя внимание то, что нормы, посредством которых закреплены права и обязанности супругов в личных отношениях, носят достаточно общий характер. Так, среди личных прав супругов необходимо выделить: право на выбор рода занятий, профессии, места пребывания и жительства (п. 1 ст. 31 СК РФ); право на выбор и изменение своей фамилии (п. 1 ст. 32 СК РФ). Также, согласно п.п. 2, 3 ст. 31 СК РФ, супруги обязаны: строить отношения на основе взаимоуважения и взаимопомощи, содействовать благополучию и укреплению семьи, заботиться о благосостоянии и развитии детей, совместно решать все вопросы жизни семьи. Посредством перечисленных норм законодатель определяет лишь общий формат личных отношений супругов, оставляя большой простор для интерпретации содержания данных отношений, а также наделяя супругов большой степенью свободы выбора в процессе построения брака. Здесь стоит согласиться с позицией О.Н. Низамовой, характеризующей рассматриваемые нормы следующим образом: «В большинстве это всего лишь нормы-декларации, так как применение санкций за нарушение этих прав невозможно. Такие нормы имеют воспитательное значение - создают определенный эталон поведения»¹. Также стоит отметить вывод С.О. Карибян, которая указывает на невозможность регулирования личных неимущественных отношений в семье с помощью правового инструментария как на одну из особенностей семейного права².

По нашему мнению, такое положение дел связано со значительным влиянием таких регуляторов как мораль и этика на неимущественную сторону брачных отношений. Брак, представляя собой сложную систему межличностных отношений между супругами, не может быть в полной мере формализован и детерминирован посредством норм права. Вместе с тем в качестве важных ориентиров для супругов при решении ряда значимых вопросов совместной жизни выступают мораль и нравственность, которые естественно ограничивают свободу супругов рамками общепринятых предписаний.

Правильность данного подхода подтверждается в работах ряда цивилистов. К примеру, как пишут Л.А. Родионов и О.А. Таренкова, личные отношения в семье в большей мере регулируются нормами морали и только некоторые из них всё же подпадают под непосредственное влияние права³. Схожая точка зрения обнаруживается в исследовании О.Н. Замрия: «семья как особый социальный институт в первую очередь и в большей степени подвержена воздействию морально-нравственных регуляторов, часть из которых воспроизведена в правовых нормах»⁴.

Серьёзное влияние морали на личные отношения супругов отмечается также Н.В. Жуковой. Как пишет указанный автор, мораль напрямую влияет на внутреннее устройство семьи: «чем в большей степени у личности

развито осознание совершения своих поступков исходя не только из правовых норм, но и из норм морали, а также нравственности, тем выше вероятность создания высоко-нравственной семьи»⁵. Тем не менее Н.В. Жуковой ни коим образом не умоляется роль права в построении крепкого и высоконравственного брака. Так, она определяет личные права и обязанности супругов как: «комплекс различных прав и корреспондирующих им обязанностей неимущественного содержания, принадлежащих конкретным субъектам семейно-правовых отношений, реализующих их в семейно-правовой сфере, являющихся фундаментом, от прочности которого зависит прочность и длительность существования соответствующей семьи»⁶.

Таким образом, можно констатировать, что нормами объективного права определяются лишь общие аспекты личных отношений супругов. Посредством норм права, а также таких внеправовых регуляторов как мораль и нравственность, создаётся эталон поведения супруга в личных отношениях и определяются рамки допустимого.

Нельзя не обратить внимание, что принцип добросовестности, апеллирующий к необходимости не только правомерного, но и нравственно безупречного поведения⁷, крайне удачно вписываются в приведённую концепцию регулирования личных отношений супругов. Как указывается в многочисленных исследованиях, добросовестность в объективном смысле представляет собой многоплановую модель надлежащего поведения участника тех или иных отношений, формируемая с учетом накопленного опыта правоприменения⁸. С учетом диспозитивного характера правового регулирования личных отношений супругов добросовестность могла бы стать тем мерилом, благодаря которому поведение супруга в случае наличия спорной ситуации могло бы быть подвергнуто объективной оценке как с точки зрения соблюдения норм семейного права, так и морально-этических предписаний.

Однако указанный принцип при регулировании личных отношений супругов фактически не применяется. Такое положение дел представляется нам парадоксальным и наталкивает на вопрос – можем ли мы квалифицировать то или иное поведение супруга при осуществлении своих личных прав или исполнении обязанностей как добросовестное или недобросовестное?

Недобросовестное исполнение супругом своих брачных обязанностей

Тема недобросовестного исполнения субъектом тех или иных отношений своих обязанностей незаслуженно мало освещена в работах по теме недобросовестного поведения. На настоящий момент существует лишь общее понимание того, что с учетом формально-дозволенного характера недобросовестного поведения, недобросовестное исполнение обязанностей представляет собой ненадлежащее исполнение субъектом правоотношения возложенных на него обязанностей⁹. Хотя участник правоотно-

¹ Низамиева О.Н. Семейное право: Учебное пособие для специальности «Юриспруденция» / Низамиева О.Н. – 3-е изд., пересмотр. – Казань: Изд-во «Юниверсум», 2012. С. 57.

² Карибян С.О. Семейно-правовая ответственность: сущность и правоприменение по законодательству Российской Федерации. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юр. наук. М., 2017. С. 89-90.

³ Родионов Л. А., Таренкова О. А. Реализация норм семейного права на современном этапе: учебное пособие для обучающихся программ магистратуры по направлению «Юриспруденция». – Самара: СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2021. С. 118.

⁴ Замрий О.Н. Добросовестность в семейных правоотношениях // Вестник ТвГУ. Серия "Право". 2018. № 2. С. 25.

⁵ Жукова Н. В. Права и обязанности супругов: учебное пособие / Н. В. Жукова. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2022. С. 13.

⁶ Там же.

⁷ Богданова Е.Е. Принцип добросовестности: соотношение правовых и нравственных аспектов // Lex Russica. 2016. № 1. С. 182.

⁸ См: Коновалов А.В. Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 8; Голубцов В. Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 497.

⁹ См: Лузик А.А. К вопросу о соотношении злоупотребления правом и добросовестности. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – С. 248.

шения и не отказывается от исполнения своих обязанностей, он не стремится к реальному достижению результатов, предполагаемых исходя из смысла обязанностей, таким образом исполняя их лишь формально. Однако с учетом рекомендательного характера норм, регулирующих личные отношения супругов, данная формулировка в контексте исследуемых отношений может быть расширена. Поскольку семейным законодательством не установлены какие-либо санкции для супруга, не исполняющего свои обязанности в рамках личных отношений супругов, даже полное неисполнение супругом своих обязанностей всё ещё будет оставаться в поле формально дозволенного поведения, не противореча приведённому подходу к сущности недобросовестного поведения. Таким образом мы можем говорить о двух случаях недобросовестного исполнения обязанностей в личных отношениях супругов: формального исполнения супругом обязанностей, установленных ст. 31 СК РФ; полного неисполнения супругом своих обязанностей.

Рассмотрим данные обстоятельства на примере установленных п. 3 ст. 31 СК РФ обязанностей супруга: содействовать благополучию и укреплению семьи, заботиться о благосостоянии и развитии своих детей, строить отношения на основе уважения и взаимопомощи. Исходя из смысла перечисленных обязанностей, предполагается, что каждый из супругов делает свой вклад в укреплении семьи, а также участвует в решении насущных бытовых вопросов. Однако один из супругов может исполнять данные обязанности формально – возлагать решение большинства бытовых вопросов на другого супруга, редко принимать участие в воспитании детей и т.д. При таких условиях мы не можем говорить о том, что супруг не исполняет свои семейные обязанности, но при этом и охарактеризовать такое поведение как добросовестное и в полной мере отвечающее сути рассматриваемых обязанностей мы также возможности не имеем.

Хотя недобросовестное исполнение супругом своих обязанностей и оказывает безусловно негативное влияние на отношения между членами семьи, оно, на первый взгляд, имеет крайне ограниченное правовое значение. Неисполнение супругом своих обязанностей не является основанием для применения к данному супругу каких-либо санкций. Более того применения санкций к недобросовестному супругу в данном случае может быть расценено как нарушение одного из начал семейного законодательства – недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи (абз. 2 п. 1 ст. 1 СК РФ).

Вместе с тем нельзя не принять во внимание, что факт неисполнения одним из супругов своих обязанностей в рамках личных отношений может рассматриваться в качестве одного из признаков фиктивного брака, поскольку брак, где один из супругов явно не участвует в делах семьи, может являться действительным лишь по своей форме. Безусловно, суд, в процессе рассмотрения вопроса о признании брака недействительным, учитывает обстоятельства совместной жизни супругов. Так, по мнению А.И. Фролова и М.В. Агуреевой, к таким обстоятельствам относятся: «отсутствие общения между супругами; отсутствие интимных отношений, моральной поддержки супруга; незнание очевидных фактов из жизни супруга; отсутствие совместного проживания или непродолжительный период совместного проживания без наличия уважительных причин; отсутствие общих вещей, совместного бюджета ...»¹. Как мы считаем, наличие указанных обстоятельств может свидетельствовать о систематическом

неисполнении одним из супругов своих личных обязанностей, что, в конечном итоге, и делает такой брак фиктивным.

Также рассматриваемая форма недобросовестного поведения может потенциально привести к расторжению брака и наступлению всех связанных с данным юридическим фактом правовых последствий. К примеру, недобросовестное исполнение одним из супругов своих обязанностей может стать явным сигналом незаинтересованности данного супруга в продолжении брачных отношений, побуждая другого супруга принять решения о расторжении брака. В этом случае супруг, который добросовестно исполнял свои брачные обязанности, будет нести издержки и риски, связанные с расторжением брака, наравне с недобросовестным супругом.

Таким образом, мы можем говорить, что феномен недобросовестного поведения присутствует в личных отношениях супругов в форме недобросовестного исполнения обязанностей. Данная форма недобросовестного поведения, хотя и с рядом оговорок, представляется негативным явлением, оказывающим непосредственное влияние на саму возможность дальнейшего продолжения брака.

Недобросовестное осуществление супругом своих личных прав

Недобросовестное осуществление лицом своего права является одной из возможных форм недобросовестного поведения, которая напрямую связана с ограничительной функцией принципа добросовестности. Как отмечает К.В. Нам, посредством данной функции: «принцип добросовестности противостоит злоупотреблению субъективными правами и их недопустимому осуществлению»². Таким образом, посредством ограничительной функции принципа добросовестности ограничивается возможность субъекта правоотношения осуществлять своё право во вред другим лицам.

Как мы считаем, личное право супруга фактически не может быть осуществлено недобросовестным образом, что связано с природой благ, по поводу которых возникают личные отношения супругов. Как уже отмечалось, личные отношения супругов являются неимущественными, а следовательно, существуют по поводу нематериальных и во многом абстрактных благ таких как любовь, забота, уважение. Такая специфика накладывает отпечаток на личные права супругов, установленные Семейным кодексом. К примеру, рассмотрим установленное п. 1 ст. 31 СК РФ право супруга в части выбора рода занятий и профессии. Осуществление данного права направлено в первую очередь на профессиональную самореализацию супруга и не предполагает получение одним из супругов каких-либо преимуществ перед другим супругом или же каких-либо благ в рамках личных отношений супругов. В силу этого крайне сложно представить себе обстоятельства, когда данное право было бы осуществлено «во зло» другому супругу.

Безусловно в практике встречаются случаи, когда супруги пытаются осуществить некоторые из принадлежащих им личных прав ненадлежащим образом. Однако в большинстве своём это связано с неправильной трактовкой содержания личных прав супругов, а не реальной возможностью осуществить данные права недобросовестным образом. К примеру, в работе В.А. Мирюкова отмечено, что некоторые супруги пытаются противопоставить своё право на выбор места жительства праву собственности третьих лиц. Делая акцент на ошибочность данной

¹ Фролов А. И., Агуреева М. В. Фиктивный брак в российском семейном праве: проблемы регулирования и пути их решения // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15, № 3. С. 20.

² Нам К.В. Развитие принципа добросовестности (Treu und Glauben). Современный этап. Внутренняя семантика // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 7. С. 92.

трактовки содержания личного права супруга на определения места пребывания и жительства, В.А. Мирюков отмечает: «Гарантируя в п. 1 ст. 31 СК РФ свободу каждого из супругов в выборе мест пребывания и жительства, законодатель определяет равенство возможностей супругов в решении этого вопроса исключительно по отношению друг к другу, т.е. разрешает раздельное проживание супругов, но не предоставляет им право противопоставить желание проживать совместно правам и интересам третьих лиц»¹.

Таким образом, предположение о возможности существования недобросовестности в форме недобросовестного осуществления личного права супруга является, по нашему мнению, ложным.

Выводы

Подытоживая результаты настоящего исследования, мы бы хотели ещё раз обратить внимание на сделанные выводы. Как было установлено, недобросовестное поведение в личных отношениях супругов может существовать в форме недобросовестного исполнения обязанностей. Данную форму недобросовестного поведения следует трактовать как формальное исполнение или неисполнение одним из супругов обязанностей, установленных ст. 31 СК РФ.

Хотя законодателем не определены последствия такого поведения для недобросовестного супруга, что, по нашему мнению, связано с диспозитивным характером правового регулирования личных отношений супругов, совершение одним из супругов недобросовестных действий в указанной форме оказывает негативное влияние на саму возможность продолжения семейных отношений и приводит к фактическому и юридическому прекращению брака.

Литература

1. Алейникова В.В. Принцип добросовестности в семейном праве: сфера применения и пути толкования // Семейное и жилищное право, 2022. № 4. С. 3-7.

1. Богданова Е.Е. Спорные вопросы раздела имущества супругов // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2019. №2 (54). С. 100–116.

2. Богданова Е.Е. Принцип добросовестности: соотношение правовых и нравственных аспектов // Lex Russica. 2016. № 1. С. 178-182.

3. Голубцов В. Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 490–518.

4. Гордеюк Е.В. Правовой режим нематериальных благ супругов по законодательству Российской Федерации // Диссертационные исследования, 2019. № 8. С. 50-54.

5. Жукова Н. В. Права и обязанности супругов: учебное пособие / Н. В. Жукова. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2022. 86 с.

6. Замрий О.Н. Добросовестность в семейных правоотношениях // Вестник ТвГУ. Серия "Право". 2018. № 2. С. 22-30.

7. Коновалов А.В. Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 4-14.

8. Карибян С.О. Семейно-правовая ответственность: сущность и правоприменение по законодательству Российской Федерации. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. юр. наук. М., 2017. 211 с.

9. Лузик А.А. К вопросу о соотношении злоупотребления правом и добросовестности. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – С. 244-251.

10. Микрюков В.А. Аналогия закона и аналогия права в практике разрешения семейно-правовых споров / В.А. Микрюков. Москва : Статут, 2021. 164 с.

11. Нам К.В. Развитие принципа добросовестности (Treu und Glauben). Современный этап. Внутренняя семантика // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 7. С. 83 – 114.

12. Низамиева О.Н. Семейное право: Учебное пособие для специальности «Юриспруденция» / Низамиева О.Н. – 3-е изд., пересмотр. – Казань: Изд-во «Юниверсум», 2012. 199 с.

13. Родионов Л. А., Таренкова О. А. Реализация норм семейного права на современном этапе: учебное пособие для обучающихся программ магистратуры по направлению «Юриспруденция». – Самара: СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2021. 188 с.

14. Фролов А. И., Агуреева М. В. Фиктивный брак в российском семейном праве: проблемы регулирования и пути их решения // Юридическая наука и практика. 2019. № 3. С. 17–30.

Bad faith conduct in personal relationships between spouses Bazunov I.V.

Tver State University

This study examines the possibility of classifying certain instances of a spouse's exercise of their personal rights and performance of obligations as bad faith conduct. Analyzing the legal content of personal relations between spouses, the author concludes that it is possible to evaluate the behavior of the subjects of these relations from the standpoint of the principle of good faith. Therefore, in the second part of the study, certain instances of improper exercise of spouse's personal rights, as well as the performance of obligations established by Article 31 of the Family Code of the Russian Federation, are assessed as either compliant with or inconsistent with the principle of good faith. Based on the results of the study, the author concludes that instances of improper exercise by a spouse of their non-property rights cannot be classified as bad faith behavior, due to the intangible nature of the benefits that constitute personal relations between spouses. At the same time, it was established that instances of improper or formal performance by a spouse of the obligations established by Article 31 of the Family Code of the Russian Federation should be considered as bad faith conduct.

Keywords: unfair behavior of a spouse, personal relationships of spouses, unfair exercise of rights, unfair performance of duties, marriage.

References

1. Aleinikova V.V. The principle of good faith in family law: scope of application and ways of interpretation // Family and housing law, 2022. No. 4. P. 3-7. (In Russ.)
2. Bogdanova E.E. Dispute questions of division of marital property // Lex Russica. 2016. No. 1. P. 178-182.
3. Bogdanova E.E. The principle of good faith: the relationship between legal and moral aspects // Lex Russica. 2016. No. 1. P. 178-182.
4. Golubtsov V. G. Sub"ektivnaya dobrosovestnost' v strukture obshhego ponyatiya dobrosovestnosti [Subjective Good Faith in the Structure of the General Concept of Good Faith]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2019. Issue 45. Pp. 490–518. (In Russ.).
5. Gordeyuk E.V. The legal regime of intangible benefits of spouses under the legislation of the Russian Federation // Dissertation Research, 2019. No. 8. pp. 50-54. (In Russ.).
6. Zhukova N. V. Rights and responsibilities of spouses: a textbook / N. V. Zhukova. - Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. 86 p.
7. Zamriy O.N. Good faith in family legal relations // Vestnik of Tver State University. Series "Law". 2018. No. 2. P. 22-30.
8. Kononov A.V. (2016) Bona Fides Principle in Updated Russian Federation Civil Code and in Judicial Practice. Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki, no 4, pp. 4–14 (In Russ.).
9. Karibyan S.O. Family legal liability: essence and law enforcement under the legislation of the Russian Federation. Diss. for a Ph.D. in Law. Moscow, 2017. 211 p. (In Russ.).
10. Luzik A.A. Concerning the relationship between the categories of abuse of law and good faith // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 1. – P. 244-251.
11. Mikryukov V.A. Analogy of Statute and Analogy of Law in the Practice of Settling Family Law Disputes / V.A. Mikryukov. – Moscow : Statut, 2021. – 164 p.

¹ Микрюков В.А. Аналогия закона и аналогия права в практике разрешения семейно-правовых споров / В.А. Микрюков. Москва : Статут, 2021. С. 67

12. Nam K.V. Development of the Good Faith Principle. Modern Stage. Internal Systematics // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation, 2018. No. 7. pp. 83-114.
13. Nizamieva O.N. Family Law: A Textbook for the Specialty "Jurisprudence" / Nizamieva O.N. - 3rd ed., revised. - Kazan: Publishing House "Universum", 2012. 199 p. (In Russ.)
14. Rodionov L. A., Tarenkova O. A. Implementation of family law norms at the present stage: a textbook for students of master's programs in the direction of "Jurisprudence". - Samara: SF GAOU VO MGPU, 2021. 188 p.
15. Frolov A.I., Agureeva M.V. Sham Marriage in the Russian Family Law: The Problems of Legal Adjustment and the Ways of Their Solution // Juridical science and practice. 2020. No. 16. P. 17–30.

Правовое регулирование компенсационного лесовосстановления: проблемы реализации и пути совершенствования

Данилова Ксения Николаевна

аспирант Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, dsks1999@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы реализации и пути совершенствования правового регулирования компенсационного лесовосстановления в России. Анализируется текущее состояние нормативно-правовой базы, которое регулирует компенсационное лесовосстановление. Также в статье выявляются основные проблемы, которые препятствуют его эффективной реализации. Предлагаются пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики в области компенсационного лесовосстановления, к которым относятся усиление контроля, совершенствование методики определения компенсационной стоимости, повышение эффективности лесовосстановительных мероприятий и упрощение процедуры согласования.

Ключевые слова: компенсационное лесовосстановление, лесное законодательство, лесовосстановительные мероприятия, экологическая безопасность, правовое регулирование, лесные ресурсы, контроль, компенсационная стоимость, информационные технологии.

Леса сегодня играют основную роль в поддержании экологического баланса мира, обеспечении биологического разнообразия и регулировании климата. Оптимальное использование лесов и их сохранение на сегодняшний день являются одними из важнейших задачами устойчивого развития. В связи с увеличением антропогенного воздействия на лесные ресурсы сегодня особую актуальность приобретает институт компенсационного лесовосстановления, целью которого является возмещать ущерб, наносимый лесам в процессе осуществления хозяйственной деятельности.

Сущность компенсационного лесовосстановления заключается в восстановлении лесов взамен тех, которые были утрачены в результате вырубки, строительства или других видов деятельности, вследствие которых приводят к уменьшению площади лесных насаждений или ухудшению их качественного состояния. Правовое регулирование компенсационного лесовосстановления в России за последние годы было значительно изменено и модернизировано. Однако, несмотря на совершенствование законодательства в рассматриваемой области, в процессе реализации компенсационного лесовосстановления до сих пор появляются некоторые проблемы, решение которых представляется невозможным без дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменительной практики [6, с. 387].

Основу правового регулирования компенсационного лесовосстановления в России составляют положения Лесного кодекса Российской Федерации (далее – ЛК РФ) [1]. К примеру, статья 62.1 ЛК РФ устанавливает обязанность лиц, которые осуществляют рубки лесных насаждений, не относящихся к случаям осуществления лесовосстановления или лесоразведения, в обязательном порядке реализовывать компенсационное лесовосстановление или уплачивать компенсационную стоимость.

Указанный порядок проведения компенсационного лесовосстановления регламентируется Правилами лесовосстановления, которые были утверждены приказом Минприроды России от 24.03.2021 № 175. Установленные Правила определяют цели, виды, методы и сроки проведения лесовосстановительных мероприятий и содержат в себе требования к качеству создаваемых лесных культур [3].

Вместе с тем, в России вопросы компенсационного лесовосстановления регулируются другими нормативными правовыми актами, к которым относятся:

- Приказ Минприроды России от 13.09.2016 № 474 «Об утверждении Правил использования лесов для строительства, реконструкции, эксплуатации линейных объектов» [4].

- Постановление Правительства РФ от 19.01.2023 № 51 «Об утверждении коэффициента для определения размера платы в целях компенсации вреда, причиненного лесам и находящимся в них объектам животного мира» [2].

Следует отметить, что на сегодняшний день в России правовое регулирование компенсационного лесовосстановления осуществляется не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов Российской Федерации. Региональные органы государственной власти наделены правом принимать нормативные правовые акты, которые

детализируют порядок проведения компенсационного лесовосстановления с учетом особенностей лесорастительных условий и специфики хозяйственной деятельности на территории соответствующего субъекта.

Однако несмотря на наличие развитой нормативно-правовой базы в исследуемой области, процесс осуществления лесовосстановления нередко сталкивается с определенными проблемами. Одной из основных проблем является недостаточный контроль за выполнением обязательств по компенсационному лесовосстановлению. Не редки случаи, когда после проведения вырубki лесных насаждений, лица, которые обязаны осуществлять компенсационное лесовосстановление, не выполняют свои обязательства в полном объеме или выполняют их некачественно. В большей степени это связано, в первую очередь, с низким уровнем финансирования органов государственного лесного надзора, недостаточностью квалифицированных специалистов и отсутствием действенных инструментов привлечения к ответственности нарушителей лесного законодательства [7, с. 192].

Следующей проблемой является отсутствие единого подхода к определению размера компенсационной стоимости. На сегодняшний день в России размер компенсационной стоимости определяется на базе системы расчетов, которая берет в учет многообразие факторов, например, породный состав, возраст, бонитет насаждений, экономический район и т.д. Однако используемая методика оценки не всегда дает возможность оптимально отразить реальную ценность утраченных лесных ресурсов, в связи с чем происходит занижение размера компенсационных выплат и, как следствие, недостаточное финансирование лесовосстановительных мероприятий [5, с. 411].

На базе вышеуказанных проблем формируется следующая проблема – недостаточная эффективность лесовосстановительных мероприятий. Нередко создаваемые лесные культуры не отвечают установленным требованиям по качеству и приживаемости, что приводит к их гибели или замедленному росту. Причинами возникновения данной проблемы являются использование некачественного посадочного материала, нарушение агротехнических правил и отсутствие надлежащего ухода за лесными культурами.

Также к перечню рассматриваемых проблем можно отнести сложность процедуры согласования мест проведения компенсационного лесовосстановления. Определение участков для создания лесных культур должен реализовываться с учетом множества факторов, к которым чаще всего относятся почвенно-климатические условия, наличие необходимой инфраструктуры, близость к существующим лесным массивам и т.д. Вместе с тем, процесс согласования выбора участков с заинтересованными сторонами (органами местного самоуправления, землепользователями, общественными организациями) может быть достаточно времязатратным и приводить к увеличению сроков проведения лесовосстановительных работ.

На основе выявленных проблем можно сделать вывод, что для повышения эффективности института компенсационного лесовосстановления необходимо совершенствование законодательства и правоприменительной практики. Представляется необходимым:

1. Усиление контроля за выполнением обязательств по компенсационному лесовосстановлению за счет увеличения финансирования органов государственного лесного надзора, повышения квалификации специалистов рассматриваемой области, внедрение новейших технологий мониторинга и контроля за состоянием лесных ресурсов, ужесточение мер ответственности за нарушение лесного законодательства;

2. Совершенствование методики определения размера компенсационной стоимости, которая должна

предоставить возможность оптимально отражать реальную ценность утраченных лесных ресурсов;

3. Повышение эффективности лесовосстановительных мероприятий за счет применения качественного посадочного материала, соблюдение агротехнических правил и обеспечение надлежащего ухода за лесными культурами;

4. Упрощение процедуры согласования мест проведения компенсационного лесовосстановления путем установления конкретных сроков согласования выбора участков и предусмотреть возможность проведения общественных слушаний по рассматриваемому вопросу.

Сравнительная характеристика способов компенсационного лесовосстановления представлена в Таблице 1.

Таблица 1
Сравнительная характеристика способов компенсационного лесовосстановления

Критерий	Создание лесных культур	Содействие естественному возобновлению лесов
Необходимость затрат	Высокие	Низкие
Сроки восстановления	Быстрые	Медленные
Контролируемость	Высокая	Низкая
Экологическая ценность	Зависит от пород	Соответствует естественному биоразнообразию

Другими словами, выбор способа компенсационного лесовосстановления должен определяться конкретными условиями, целями и задачами. В тех случаях, когда требуется необходимым оперативно восстановить лесные насаждения на определенной территории, предпочтительнее использовать создание лесных культур. В иных случаях, когда целью является сохранение естественного биоразнообразия и минимизация затрат, желательным является использование содействия естественному возобновлению лесов.

Механизм реализации компенсационного лесовосстановления представлен на Рисунке 1.

Следует отметить, что успешная реализация компенсационного лесовосстановления представляется невозможной без эффективного взаимодействия всех заинтересованных сторон: органов государственной власти, лесопользователей, научных организаций, общественных объединений и местного населения.

Органы государственной власти должны обеспечивать надлежащее правовое регулирование, контроль и финансирование лесовосстановительных мероприятий. Лесопользователи в свою очередь должны нести ответственность за своевременное и качественное выполнение обязательств по компенсационному лесовосстановлению, а научные организации обеспечивать научное сопровождение лесовосстановительных мероприятий и разрабатывать новые технологии и инструменты лесовосстановления. Также общественные объединения должны реализовывать общественный контроль за состоянием лесных ресурсов и принимать активное участие в обсуждении вопросов, которые касаются компенсационного лесовосстановления. Местное население в свою очередь должно быть вовлечено в процесс лесовосстановления и получать выгоды от использования лесных ресурсов [8, с. 9].

Следует отметить, что внедрение современных информационных технологий может оказать положительное влияние на повышение уровня эффективности компенсационного лесовосстановления. Например, создание единой информационной системы, которая содержит данные о состоянии лесных ресурсов, планируемых и проведенных лесовосстановительных мероприятиях, размере компенсационной стоимости, даст возможность добиться

полной прозрачности и доступности информации для всех заинтересованных сторон. Также следует отметить о возможности использования космических снимков и беспилотных летательных аппаратов, которые предоставляют возможность осуществлять оперативный мониторинг состояния лесных насаждений и своевременно определять факты нарушения лесного законодательства.

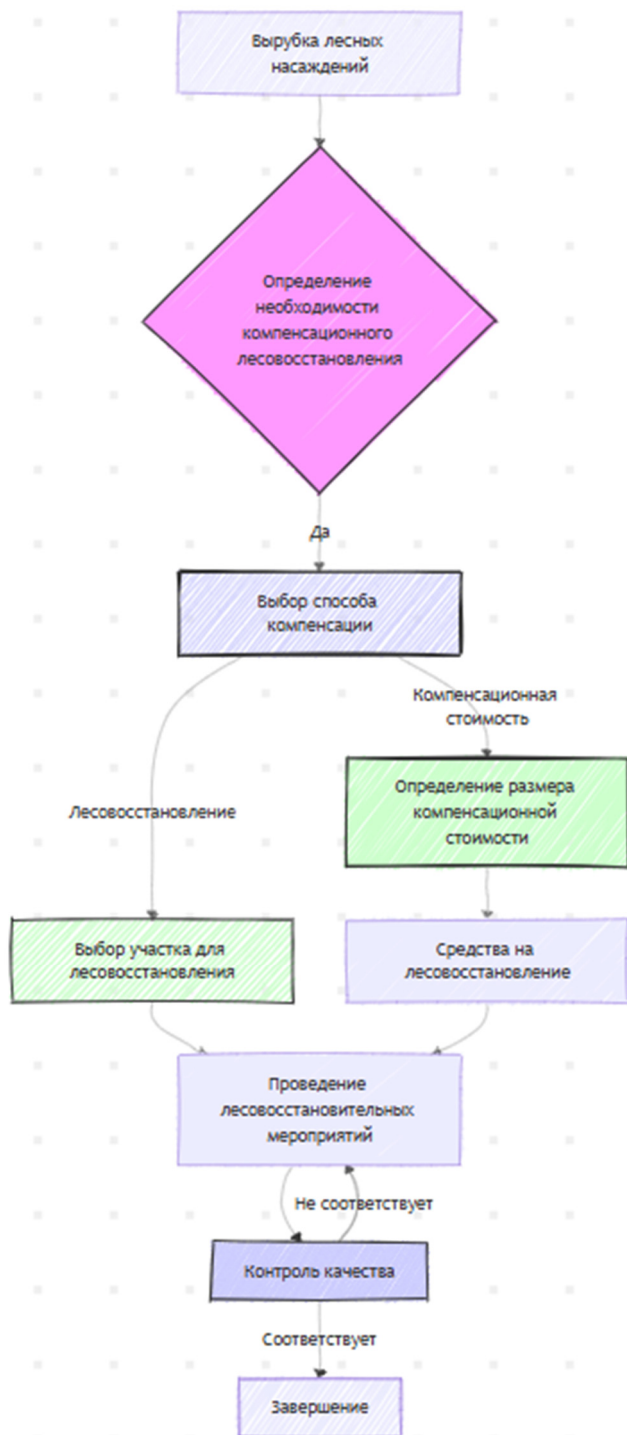

Рисунок 1 – Механизм реализации компенсационного лесовосстановления

Преимущества внедрения информационных технологий в процесс компенсационного лесовосстановления представлены в Таблице 2.

Другими словами, использование информационных технологий даст возможность сформировать эффектив-

ную систему управления компенсационным лесовосстановлением, которая в дальнейшем будет обеспечивать рациональное использование лесных ресурсов и сохранение экологического баланса.

Таблица 2

Преимущества внедрения информационных технологий в процесс компенсационного лесовосстановления

Преимущество	Описание
Повышение прозрачности и доступности информации	Обеспечение доступа к актуальной информации о состоянии лесных ресурсов, планируемых и проведенных лесовосстановительных мероприятиях для всех заинтересованных сторон.
Оперативный мониторинг состояния лесных насаждений	Использование космических снимков и беспилотных летательных аппаратов для выявления фактов нарушения лесного законодательства и контроля за качеством лесовосстановительных работ.
Оптимизация планирования и управления	Использование геоинформационных систем для анализа данных о лесных ресурсах и выбора оптимальных участков для лесовосстановления.

Таким образом, компенсационное лесовосстановление представляет собой один из инструментов сохранения лесных ресурсов и обеспечения экологической безопасности. Однако несмотря на наличие развитой нормативно-правовой базы, процесс его реализации нередко сталкивается с многообразием проблем. Для минимизации выявленных проблем и повышения эффективности института компенсационного лесовосстановления в России представляется необходимым усиление контроля за выполнением обязательств по компенсационному лесовосстановлению, совершенствование методики определения размера компенсационной стоимости, повышение эффективности лесовосстановительных мероприятий, упрощение процедуры согласования мест проведения компенсационного лесовосстановления, эффективное взаимодействие заинтересованных сторон и внедрение современных информационных технологий.

Литература

1. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 N 200-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 50.
2. Постановление Правительства РФ от 19.01.2023 N 51 «Об утверждении коэффициента для определения размера платы в целях компенсации вреда, причиненного лесам и находящимся в них объектам животного мира» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 4.
3. Приказ Минприроды России от 24.03.2021 N 175 «Об утверждении Правил лесовосстановления» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.10.2025).
4. Приказ Минприроды России от 13.09.2016 N 474 «Об утверждении Правил использования лесов для строительства, реконструкции, эксплуатации линейных объектов» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.10.2025).
5. Балданова, Л. П. Оценка реализации компенсационного лесовосстановления на примере Иркутской области / Л. П. Балданова // Известия Байкальского государственного университета. – 2022. – Т. 32, № 2. – С. 407-414.
6. Витязь, С. Н. Компенсационное лесовосстановление как условие обеспечения экологической безопасности Кемеровской области - Кузбасса / С. Н. Витязь, Е. С. Качканова, А. В. Костюченко, Д. В. Шашкова // Развитие производительных сил Кузбасса: история, современный опыт, стратегия будущего : Материалы Международной

научно-практической конференции. В 4-х томах. – Москва, 2024. – С. 383-389.

7. Дешкина, А. Э. Компенсационное лесовосстановление как элемент государственного управления лесами / А. Э. Дешкина // Управление социально-экономическим развитием: инновационный и стратегический подходы: сборник научных трудов по материалам Национальной научно-практической конференции. – 2020. – С. 190-193.

8. Платонов, Е. П. Пути совершенствования мероприятий по компенсационному лесовосстановлению / Е. П. Платонов, А. С. Оплетев, С. В. Залесов, К. А. Башегуров // Лесной вестник. Forestry Bulletin. – 2021. – Т. 25, № 6. – С. 5-10.

Legal regulation of compensatory reforestation: problems of implementation and ways of improvement

Danilova K.N.

Chuvash State University named after I.N. Ulyanov

The article examines the implementation challenges and ways to improve the legal regulation of compensatory reforestation in Russia. It analyzes the current state of the regulatory framework governing compensatory reforestation. The article also identifies the main problems hindering its effective implementation. It proposes ways to improve legislation and law enforcement in the field of compensatory reforestation, including strengthening control, improving the methodology for determining the compensation value, increasing the effectiveness of reforestation measures, and simplifying the approval procedure.

Keywords: compensatory reforestation, forest legislation, reforestation measures, environmental safety, legal regulation, forest resources, control, compensation value, information technology.

References

1. Forest Code of the Russian Federation of 04.12.2006 N 200-FZ (as amended on 24.07.2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 50.
2. Resolution of the Government of the Russian Federation of 19.01.2023 N 51 "On Approval of the Coefficient for Determining the Amount of Payment to Compensate for Damage Caused to Forests and Wildlife Located Therein" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2023. – No. 4.
3. Order of the Ministry of Natural Resources of Russia of 24.03.2021 N 175 "On Approval of the Reforestation Rules" // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: 27.10.2025).
4. Order of the Ministry of Natural Resources of Russia dated September 13, 2016, No. 474 "On Approval of the Rules for the Use of Forests for the Construction, Reconstruction, and Operation of Linear Facilities" // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://pravo.gov.ru> (date of access: October 27, 2025).
5. Baldanova, L. P. Assessment of the Implementation of Compensatory Reforestation: The Case of the Irkutsk Region / L. P. Baldanova // Bulletin of the Baikal State University. – 2022. – Vol. 32, No. 2. – Pp. 407-414.
6. Vityaz, S. N. Compensatory reforestation as a condition for ensuring environmental safety of the Kemerovo region - Kuzbass / S. N. Vityaz, E. S. Kachkanova, A. V. Kostyuchenko, D. V. Shashkova // Development of productive forces of Kuzbass: history, modern experience, strategy for the future: Proceedings of the International scientific and practical conference. In 4 volumes. - Moscow, 2024. - Pp. 383-389.
7. Dешкина, А. Э. Компенсационное лесовосстановление как элемент государственного управления лесами / А. Э. Дешкина // Управление социально-экономическим развитием: инновационный и стратегический подходы: сборник научных трудов по материалам Национальной научно-практической конференции. – 2020. – С. 190-193.
8. Platonov, E. P. Ways to improve compensatory forest restoration measures / E. P. Platonov, A. S. Opletaev, S. V. Zalesov, K. A. Bashegurov // Forestry Bulletin. - 2021. - Vol. 25, No. 6. - P. 5-10.

Участие недееспособных лиц посредством опекуна в гражданских правоотношениях: проблемные аспекты

Костоломов Александр Сергеевич

аспирант, кафедра «Гражданско-правовые дисциплины», Московский финансово-юридический университет МФЮА,
askostolomov@gmail.com

Настоящая статья посвящена комплексному исследованию института опеки как основного механизма участия совершеннолетних недееспособных лиц в гражданских правоотношениях. В центре внимания находится анализ правовой природы деятельности опекуна как законного представителя, который от имени и в интересах подопечного совершает все юридически значимые действия, включая защиту его прав, управление имуществом и распоряжение доходами. Особый акцент сделан на выявлении системных проблем и правовых коллизий, возникающих при реализации данной модели. Автор подробно рассматривает внутренние противоречия в законодательстве, создающие риски для имущественных прав подопечных, такие как неопределенность критериев «особой выгоды» при распоряжении имуществом и оценочный характер разрешения на совершение заемных обязательств. Анализу подвергается процедурное исключение подопечного из процесса принятия решений, затрагивающих его фундаментальные интересы, а также формальный характер контроля со стороны органов опеки и попечительства. На основе проведенного анализа предлагаются направления совершенствования правового регулирования, включая дифференциацию правовых режимов, внедрение механизмов учета мнения подопечного, усиление контрольных процедур и развитие альтернативных моделей поддержки принятия решений.

Ключевые слова: недееспособность, опека, опекун, гражданская правоспособность, гражданская дееспособность, гражданские правоотношения, законный представитель, интересы подопечного, имущество подопечного, злоупотребление правом.

Цель исследования – установить особенности проблемных аспектов участия недееспособных лиц посредством опекуна в гражданских правоотношениях. Проблема исследования состоит в том, что правовой статус гражданина в частноправовой сфере традиционно определяется через категории правоспособности и дееспособности. Если правоспособность, как способность иметь права и нести обязанности, признается в равной мере за всеми, то дееспособность – способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их – может быть ограничена или полностью исключена в силу психического расстройства, лишаящего лицо возможности понимать значение своих действий или руководить ими (статья 29 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее – ГК РФ). Институт опеки над совершеннолетними недееспособными гражданами, урегулированный нормами ГК РФ и Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (далее – Закон об опеке), призван восполнить отсутствующую дееспособность и обеспечить реализацию правоспособности такого лица через действия его законного представителя – опекуна. Однако существующая модель, основанная на полном замещении воли подопечного волей опекуна, порождает ряд существенных проблемных аспектов как в теории гражданского права, так и в правоприменительной практике, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Объявление гражданина недееспособным представляет собой крайнюю меру гражданско-правового характера, влекущую наиболее серьезные ограничения его правового статуса. С момента вступления в силу соответствующего решения суда гражданин лишается возможности самостоятельно совершать какие-либо юридически значимые действия. Все сделки от его имени и в его интересах совершает опекун (пункт 2 статьи 29 ГК РФ). Таким образом, недееспособное лицо, оставаясь правоспособным субъектом, полностью исключается из активного участия в гражданском обороте, становясь пассивным объектом представительства[1,2].

Попова А.В., основная теоретическая проблема заключается в допустимом балансе между патерналистской защитой, обеспечиваемой государством через институт опеки, и сохранением элементов автономии воли личности, признанием ее достоинства и права на индивидуальность, гарантированными в том числе Конституцией РФ. Действующая модель исходит из презумпции полной неспособности лица к какому-либо осознанному волеизъявлению, что зачастую противоречит клинической реальности, поскольку психическое расстройство может носить волнообразный характер или затрагивать лишь определенные сферы сознания и познавательной деятельности. Законодательство не содержит дифференцированных подходов к представительству в зависимости от глубины психического расстройства, не предусматривает обязанности опекуна выявлять и учитывать предпочтения подопечного при совершении сделок, касающихся его повседневной жизни (так называемая «бытовая сфера»). Это приводит к «стиранию» личности подопечного, чьи интересы опекун определяет по собственному усмотрению,

формально руководствуясь абстрактным понятием «пользы»[4].

Участие недееспособных лиц в гражданских правоотношениях осуществляется через опеку, где опекун выступает законным представителем подопечного и совершает от его имени все необходимые сделки. Некоторые права и обязанности опекуна:

- Защита прав и интересов подопечного. Опекун вправе выступать в защиту прав и законных интересов в отношениях с любыми лицами, в том числе в судах.

- Распоряжение доходами подопечного. Опекун распоряжается доходами исключительно в интересах подопечного и с предварительного разрешения органа опеки и попечительства.

- Охрана имущества подопечного. Опекун обязан заботиться о переданном ему имуществе как о своём собственном, не допускать уменьшения стоимости имущества подопечного и способствовать извлечению из него доходов.

- Защита жилищных прав подопечного. Опекун может защищать жилищные права подопечного путём подачи исков о его вселении, о выселении лиц, не имеющих права проживать в жилом помещении подопечного.

Одной из наиболее сложных сфер является участие недееспособного лица в имущественных правоотношениях посредством опекуна. Согласно статье 37 ГК РФ и статье 19 Закона об опеке, опекун обязан заботиться о содержании подопечного, обеспечивать ему уход и лечение, а также управлять его имуществом. Управление имуществом подразумевает совершение как сделок по распоряжению, так и действий по его сохранению и приумножению. Проблемные аспекты здесь носят системный характер.

Во-первых, существует фундаментальное противоречие между фидуциарной (доверительной) природой обязанности опекуна и его собственными имущественными интересами. Закон устанавливает ряд запретов, призванных минимизировать конфликт интересов: опекун не вправе совершать сделки с подопечным, кроме передачи ему имущества в дар или в безвозмездное пользование; не может представлять подопечного при заключении сделок с супругом опекуна или его близкими родственниками; не вправе сдавать имущество подопечного внаём, в безвозмездное пользование или в залог без предварительного разрешения органа опеки и попечительства. Однако эти запреты, будучи формальными, не покрывают всех потенциально опасных ситуаций. Например, опекун может действовать в ущерб имущественным интересам подопечного, формально соблюдая все процедуры, но заключая заведомо невыгодные, но юридически безупречные сделки с третьими лицами. Слабость текущего контроля со стороны органов опеки, которые зачастую ограничиваются формальной проверкой отчетов, не позволяет эффективно выявлять такие злоупотребления[5].

Во-вторых, процедура получения предварительного разрешения органа опеки на совершение значимых сделок (отчуждение имущества, сдача внаём, отказ от принадлежащих подопечному прав, раздел его имущества) является бюрократической и не всегда обеспечивающей реальную защиту. Критерий «пользы для подопечного» толкуется широко и субъективно. Отсутствие четких стандартов и методик оценки выгоды сделки, а также недостаточная квалификация специалистов органов опеки приводят к тому, что разрешения выдаются (или не выдаются) без должного экономического обоснования. Особую сложность представляют сделки с недвижимым имуществом, где цена ошибки или злоупотребления крайне высока. В-третьих, проблема заключается в распоряжении доходами подопечного, за исключением тех, которыми он

вправе распоряжаться самостоятельно (что для недееспособного лица, по сути, исключено). Все доходы, включая пенсии, пособия, алименты и иные выплаты, расходуются опекуном исключительно в интересах подопечного и под контролем органа опеки. Однако на практике контроль за расходами, особенно если они производятся наличными денежными средствами, носит фиктивный характер. Опекун лишь ежегодно представляет отчет, в котором обосновывает расходы, что создает широкие возможности для нецелевого использования средств[6].

Как отмечает в своем исследовании Магомедов М. А., Фезлиева Х. З., если в сфере имущественных отношений опекун действует под формальным, хотя и не всегда эффективным, контролем, то в сфере личных неимущественных прав недееспособного лица (право на общение, право на выбор места пребывания, право на согласие на медицинское вмешательство, право выражать мнение по затрагивающим его вопросам) складывается ситуация правового вакуума. Закон об опеке (статья 15) лишь в общей форме обязывает опекуна заботиться о развитии, физическом и психическом здоровье подопечного, но не конкретизирует, каким образом должно реализовываться и защищаться его право на частную жизнь, на свободу от жестокого обращения, на участие в культурной жизни[7].

Ключевая проблема – определение места жительства подопечного и ограничение его общения. Опекун вправе самостоятельно определять, где будет проживать недееспособный, и с кем он может общаться. Это может приводить к изоляции подопечного от близких родственников, которые, возможно, не согласны с действиями опекуна или могли бы обеспечить лучший уход. Споры о порядке общения с недееспособным разрешаются в судебном порядке, но суд, не имея четких критериев и часто полагаясь лишь на мнение опекуна как законного представителя, вынужден принимать решения, которые могут не соответствовать подлинным интересам и привязанностям самого недееспособного лица. Особо остро стоит вопрос о праве на медицинское вмешательство. Согласно статье 32 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан, информированное добровольное согласие за недееспособного пациента дает его законный представитель. Отказ от медицинского вмешательства также оформляется представителем. Однако законодательство не устанавливает никаких специальных процедур для случаев, когда речь идет о серьезном, рискованном или необратимом вмешательстве, не предусматривает необходимости учета ранее выраженных взглядов пациента (так называемые «предварительные указания») или консультаций с независимыми медицинскими экспертами. Опекун, руководствуясь своими, возможно, субъективными, соображениями (включая финансовые, религиозные или иные), может как согласиться на опасную операцию, так и отказаться от жизненно необходимого лечения[8].

Одной из наиболее острых проблем является потенциальный конфликт интересов между опекуном и подопечным. Опекун, обладая широкими полномочиями по распоряжению имуществом и доходами недееспособного лица, может действовать не в интересах последнего, а в своих собственных. Злоупотребления могут принимать формы нерационального управления активами, заключения сделок на невыгодных условиях с заинтересованными лицами или даже прямого хищения средств. Существующий контроль со стороны органов опеки и попечительства часто носит формальный и заявительный характер, не всегда позволяя своевременно выявить нарушения, особенно в отсутствие жалоб от третьих лиц, которые могут просто не знать о ситуации.

Как отмечает Нечаева, А.М., имущественные сложности возникают в процессуальной сфере. Опекун высту-

пает в суде от имени подопечного без особого полномочия. Это порождает коллизию в ситуации, когда интересы опекуна и подопечного вступают в противоречие, в том числе в споре между самим опекуном и подопечным. В соответствии с пунктом 3 статьи 52 Гражданского процессуального кодекса РФ, суд обязан отклонить иск, предъявленный опекуном к лицу, над которым он осуществляет опеку. Однако если спор возникает по инициативе третьих лиц (например, о признании сделки, совершенной опекуном, недействительной), недееспособный формально остается стороной в процессе, но его интересы по-прежнему представляет тот самый опекун, чьи действия оспариваются. Институт назначения временного представителя, предусмотренный статьей 48 ГПК РФ, применяется редко и несистемно. Кроме того, сами недееспособные граждане лишены права на прямое обращение в суд за защитой своих прав, даже если они способны на элементарное осознание факта нарушения. Их жалобы и заявления, как правило, рассматриваются органами опеки или прокуратурой, но и там они зачастую воспринимаются через призму мнения опекуна. Таким образом, недееспособное лицо оказывается в «правовой ловушке»: будучи субъектом права, оно лишено процессуальных инструментов для самостоятельной защиты, даже в ситуациях, когда его представитель действует недобросовестно[9].

Анализ проблемных аспектов участия недееспособных лиц в гражданских правоотношениях через опекуна позволяет сделать вывод о том, что действующая модель, основанная на принципе полного замещения воли, в значительной степени устарела и не соответствует современным гуманистическим подходам к правам лиц с психическими расстройствами, отраженным, в частности, в Конвенции ООН о правах инвалидов (ратифицирована РФ в 2012 году). Конвенция провозглашает принципы уважения достоинства, автономии воли, независимости и полного вовлечения в общество, что требует перехода от опеки к системе поддержки принятия решений[10].

Совершенствование законодательства видится в следующих направлениях. Во-первых, необходимо внедрение дифференцированных правовых режимов в зависимости от степени утраты дееспособности. Институт ограниченной дееспособности вследствие психического расстройства (аналогичный статье 30 ГК РФ, но с иными медицинскими основаниями) мог бы позволить сохранить за лицом право на совершение мелких бытовых и иных сделок, непосредственно связанных с удовлетворением повседневных потребностей. Во-вторых, требуется закрепление в законе позитивной обязанности опекуна выявлять, учитывать и по возможности следовать ранее выраженным взглядам, ценностям и предпочтениям подопечного, особенно при решении вопросов медицинского характера и определения места жительства. Механизмом реализации этого могло бы стать составление «плана ухода и поддержки» при установлении опеки. В-третьих, необходим пересмотр и усиление контрольных полномочий органов опеки, включая внедрение регулярного независимого аудита управления имуществом, обязательное судебное одобрение для наиболее значимых сделок (отчуждение недвижимости, отказ от наследства), а также создание системы профессиональных опекунов, действующих на возмездной основе под строгим надзором. В-четвертых, требуется развитие альтернативных, менее ограничительных мер, таких как правовое сопровождение (помощник, коуч) или совместное принятие решений, когда лицо с психическим расстройством сохраняет право голоса при наделении помощника правом давать согласие на сделки[11].

Таким образом, реформирование института опеки должно быть направлено на создание гибкой системы, которая, обеспечивая надежную защиту имущественных

прав недееспособных граждан, одновременно максимально сохраняла бы их личную автономию, учитывала их индивидуальность и предоставляла механизмы для защиты от возможных злоупотреблений со стороны самого опекуна. Это требует не только изменений в гражданском и гражданско-процессуальном законодательстве, но и смены парадигмы в правоприменительной практике и общественном сознании.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Гражданское право: учебник: в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляева [и др.]; отв. ред. Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2017. – Т. 1. – 510 с.
3. Комментарий к Федеральному закону от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (постатейный) / О.Г. Алексеева, Л.Ю. Михеева, А.М. Нечаева; под ред. Р.Ф. Гадельшина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Деловой двор, 2019. – 288 с.
4. Попова А.В. Актуальные проблемы осуществления гражданских прав и обязанностей недееспособных и ограниченно дееспособных граждан опекунами и попечителями // Цифровая наука. 2020. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-osuschestvleniya-grazhdanskih-prav-i-obyazannostey-nedeeposobnyh-i-ogranichenno-deeposobnyh-grazhdan-opekunami> (дата обращения: 15.12.2025).
5. Пшеничникова И.В. Проблемы недееспособности в гражданском праве // Science Time. 2020. №2 (74). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-nedeeposobnosti-v-grazhdanskom-prave> (дата обращения: 15.12.2025).
6. Шогенова, М. Х. Проблемы обеспечения прав недееспособных лиц в гражданском праве и процессе / М. Х. Шогенова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 1 (343). — С. 118-121. — URL: <https://moluch.ru/archive/343/77246>.
7. Магомедов М. А., Фезлиева Х. З. Соблюдение прав несовершеннолетних, недееспособных или ограниченно дееспособных членов семьи собственника при заключении договора купли-продажи жилого помещения // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soblyudeniye-prav-nesovershennoletnih-nedeeposobnyh-ili-ogranichenno-deeposobnyh-chlenov-semi-sobstvennika-pri-zaklyuchenii> (дата обращения: 15.12.2025).
8. Ляшенко А. С. Теоретический анализ понятия недееспособности в российском гражданском законодательстве // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова, 2016. — С. 208–213.
9. Нечаева, А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики / А.М. Нечаева. — Москва: Юрайт, 2021. — 437 с.
10. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.03.2023 № 5-КГ22-199-К7 по делу о признании сделки недействительной, совершенной опекуном от имени недееспособного гражданина [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vsr.ru>.
11. Калькопф В.В. Проблемы обеспечения прав недееспособных лиц в гражданском процессе // НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет Синергия». М: Москва, 2020, 24-45 С.

The participation of incapacitated persons through a guardian in civil law relations: problematic aspects

Kostolomov A.S.

Moscow University of Finance and Law

This article is devoted to a comprehensive study of the institution of guardianship as the main mechanism for the participation of legally incompetent adults in civil law relations. The focus is on analyzing the legal nature of the guardian's activities as a legal representative who, on behalf of and in the interests of the ward, performs all legally significant actions, including protecting his rights, managing property and disposing of income. Special emphasis is placed on identifying systemic problems and legal conflicts that arise during the implementation of this model. The author examines in detail the internal contradictions in legislation that create risks for the property rights of wards, such as the uncertainty of the criteria for "special benefits" in the disposal of property and the evaluative nature of the permission to commit debt obligations. The analysis examines the procedural exclusion of the ward from the decision-making process affecting his fundamental interests, as well as the formal nature of control by the guardianship and guardianship authorities. Based on the analysis, directions for improving legal regulation are proposed, including the differentiation of legal regimes, the introduction of mechanisms for taking into account the opinion of the ward, strengthening control procedures and the development of alternative decision support models.

Keywords: incapacity, guardianship, guardian, civil legal capacity, civil legal capacity, civil legal relations, legal representative, interests of the ward, property of the ward, abuse of right.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on February 24, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
2. Civil Law: textbook: in 2 volumes / S.S. Alekseev, O.G. Alekseeva, K.P. Belyaeva [et al.]; ed. E.A. Sukhanov. – 3rd ed., revised and enlarged. – Moscow: Statut, 2017. – Vol. 1. – 510 p.
3. Commentary on the Federal Law of April 24, 2008, No. 48-FZ "On Guardianship and Trusteeship" (article-by-article) / O.G. Alekseeva, L.Yu. Mikheeva, A.M. Nechaeva; edited by R.F. Gadelshin. - 2nd ed., revised and enlarged. - Moscow: Delovoy Dvor, 2019. - 288 p.
4. Popova A.V. Current issues of the implementation of civil rights and obligations of incapacitated and partially incapacitated citizens by guardians and trustees // Digital science. 2020. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-osuschestvleniya-grazhdanskih-prav-i-obyazannostey-nedeeposobnyh-i-ogranichenno-deeposobnyh-grazhdan-opekunami> (date of access: 15.12.2025).
5. Pshenichnikova I.V. Problems of Incapacity in Civil Law // Science Time. 2020. No. 2 (74). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-nedeeposobnosti-v-grazhdanskom-prave> (date of access: 12/15/2025).
6. Shogenova, M. Kh. Problems of Ensuring the Rights of Incapacitated Persons in Civil Law and Procedure / M. Kh. Shogenova. - Text: direct // Young scientist. - 2021. - No. 1 (343). - Pp. 118-121. - URL: <https://moluch.ru/archive/343/77246>.
7. Magomedov M.A., Fezlieva H.Z. Observance of the rights of minors, incapacitated or partially incapacitated family members of the owner when concluding a contract for the sale and purchase of residential premises // Legal Bulletin of the Dagestan State University. 2015. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soblyudeniye-prav-nesovershennoletnih-nedeeposobnyh-ili-ogranichenno-deeposobnyh-chlenov-semi-sobstvennika-pri-zaklyuchenii> (date of access: 12/15/2025).
8. Lyashenko A. S. Theoretical Analysis of the Concept of Incapacity in Russian Civil Legislation // Bulletin of the Taganrog Institute named after A. P. Chekhov, 2016. - Pp. 208-213.
9. Nechaeva, A. M. Family Law: Current Issues of Theory and Practice / A. M. Nechaeva. - Moscow: Yurait, 2021. - 437 p.
10. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 14, 2023 No. 5-KG22-199-K7 in the case of recognizing as invalid a transaction concluded by a guardian on behalf of an incapacitated citizen [Electronic resource]. - Access mode: <http://www.vsrfl.ru>.
11. Kalkopf V. V. Problems of Ensuring the Rights of Incapacitated Persons in Civil Procedure // Moscow Financial and Industrial University Synergy. Moscow, 2020, 24-45 p.

Медицинские учреждения как субъекты административно-правового регулирования: специфика правового статуса

Ларина Наталья Александровна

директор Института магистратуры и организации экспертной деятельности, ФГБОУ ВО Донбасский государственный университет юстиции (ДГУЮ Минюста России), natalexlarina@mail.ru

Статья посвящена анализу административно-правового статуса медицинских учреждений в условиях усложнения механизмов публичного управления здравоохранением. Рассматриваются структурные элементы статуса, процедуры допуска к медицинской деятельности, система требований к организации помощи и механизмы государственного контроля. Автором уделяется внимание фактическим пределам обязанностей учреждений и рамкам их публичной ответственности. Показано, что современный статус медицинской организации определяется не столько формальными нормами, сколько необходимостью постоянного подтверждения соответствия установленным требованиям. Обосновывается концепция публичного статуса как режима распределённой ответственности, в котором нормативная стандартизация, институциональный контроль и судебное принуждение образуют единый контур регулирования. Делается вывод о трансформации медицинских учреждений из объектов административного воздействия в самостоятельных носителей публичной функции.

Ключевые слова: медицинские учреждения; административно-правовой статус; государственный контроль; лицензирование; стандарты медицинской помощи.

Административно-правовой статус медицинских учреждений формируется в условиях постоянного расширения публичных требований к организации медицинской помощи. Охрана здоровья населения является основополагающим неотъемлемым условием жизни российского общества и признана одной из приоритетных сфер государственного управления. На учреждения возлагается обязанность выполнять стандартизированные процедуры, обеспечивать соответствие кадрового и материально-технического обеспечения, участвовать в реализации государственных гарантий и одновременно функционировать как юридические лица, обладающие ограниченной хозяйственной самостоятельностью. Эта двойственность — сочетание полностью публичной функциональной роли и институциональной принадлежности к организационно-правовым формам, закреплённым в гражданском и финансовом праве, — придаёт их статусу комплексный характер.

В последние годы характер регулирования здравоохранения меняется: усиливается роль лицензионных и контрольно-надзорных механизмов, расширяется сфера обязательных требований. Одним из направлений развития социальной сферы Российской Федерации в современных условиях стало реформирование административно-правового механизма функционирования системы здравоохранения. В качестве необходимости заметим, что специфика современных медицинских учреждений предопределяется, прежде всего, их административно-правовым статусом.

Специфика административно-правового статуса учреждений проявляется именно в сфере практического применения законодательства. Лицензирование, надзор, экспертиза качества, контроль соблюдения порядков и стандартов — эти институты трансформируются в механизм, через который определяется предел их самостоятельности, их реальные обязанности и объём публичной ответственности. Поэтому анализ статуса медицинских учреждений невозможен без учёта того, как нормативные требования реализуются в ходе надзорных мероприятий и судебных разбирательств: именно в таких ситуациях проявляется фактическое содержание правового статуса, отличающееся от формальных конструкций, закреплённых в уставах и внутренних документах.

Исследование посвящено выявлению структурных элементов административно-правового статуса медицинских учреждений, определению их места в системе субъектов публичного управления здравоохранением и анализу механизмов, через которые этот статус реализуется и подтверждается в правоприменении.

Статус медицинских учреждений проявляется, прежде всего, в их роли внутри административной вертикали здравоохранения [10, с. 36]. Эта роль выходит за рамки исполнения медицинских услуг. Учреждение становится элементом публичного механизма обеспечения государственных гарантий и одновременно объектом властного воздействия со стороны органов управления.

Положение медицинской организации определяется не только ее учредительными документами, но и тем объёмом обязательных процедур, в который она включена в силу законодательства о здравоохранении [6, с. 29].

В структуре публичного управления учреждения занимают промежуточное положение между органами власти,

формирующими государственную политику, и населением как получателем медицинской помощи. Отталкиваясь от буквального толкования термина «здравоохранение», можно сделать вывод, что под ним подразумевается область масштабной деятельности огромного общественного значения, обеспечивающей здоровье людей и его охрану. Порядки оказания помощи, правила лицензирования, требования к оснащению, обязательства по соблюдению санитарно-эпидемиологических норм — все эти элементы создают режим, в рамках которого учреждение действует как исполнитель установленных государством обязанностей [5, с. 20].

Характер взаимодействия учреждения с органами управления придает этому статусу управленческую направленность. Федеральные и региональные органы власти определяют стратегию развития здравоохранения, а подведомственные учреждения обеспечивают ее фактическое выполнение. Здесь происходит смещение акцента от хозяйственной функции учреждения к исполнению публичных задач. Учредитель формирует требования к деятельности подведомственных организаций, контролирует распределение ресурсов, назначает руководителей [1, с. 78].

Через эту систему подведомственности учреждение включается в административный цикл: от принятия решения до оценки их результативности. В административном праве на федеральном уровне произведена градация полномочий между органами исполнительной власти, которые осуществляют регулирование в области здравоохранения, а также была произведена градация полномочий между уровнями власти в регионах и органами власти на федеральном и региональном уровнях.

На региональном уровне статус учреждения приобретает дополнительную специфику. Региональные органы здравоохранения определяют территориальные схемы оказания помощи, распределяют финансовые потоки, устанавливают порядок маршрутизации пациентов. Эти решения формируют условия, в которых медицинские организации реализуют свои полномочия, что делает их прямыми участниками механизмов планирования и исполнения региональной политики. Муниципальный уровень добавляет еще один слой обязанностей: обеспечение инфраструктуры, организация первичной помощи, участие в профилактических мероприятиях. Таким образом, каждое учреждение оказывается включено в многоуровневую систему координации, где объем его публичных функций зависит не только от федерального законодательства, но и от степени активности региональных и муниципальных органов.

Административные механизмы задают границы реальной деятельности учреждения. Лицензирование, надзор, требования к качеству, обязательность соблюдения порядков и стандартов формируют нормативный контур, определяющий допустимые формы поведения. Этот контур не является статичным. При изменении нормативной базы или управленческих приоритетов учреждение вынуждено корректировать свои действия, что сообщает его статусу динамичность. Такие изменения затрагивают кадровую политику, структуру подразделений, оснащение, финансовую дисциплину. В результате административная компонента деятельности медицинских организаций становится постоянным фактором, влияющим на организационные решения.

Формально организационно-правовая форма определяет степень свободы в распоряжении имуществом и

бюджетными средствами [1, с. 44]. На практике эта свобода ограничивается публичными обязанностями. Учреждение должно соблюдать установленный порядок оказания помощи, обеспечивать наличие специалистов соответствующего профиля, поддерживать материально-технические условия, соответствующие нормативам. Невыполнение хотя бы одного из этих требований фиксируется в ходе надзорных мероприятий и влечет ответственность, что показывает ограниченность автономии в условиях жесткого регулятивного поля.

Административный статус учреждений проявляется также в специфике их взаимодействия с различными надзорными ведомствами. Проверки со стороны Росздравнадзора, Роспотребнадзора, органов прокуратуры и иных контролирующих структур создают ситуацию, при которой учреждения находятся под постоянным наблюдением. Эта система не позволяет рассматривать медицинские организации как обычных участников хозяйственного оборота. Их деятельность оценивается по критериям, ориентированным на защиту жизни и здоровья граждан, что усиливает публично-правовую составляющую их статуса [8, с. 330].

В совокупности такая модель делает медицинские учреждения ключевым звеном административного регулирования. Через них реализуются государственные гарантии, выполняются региональные программы и обеспечивается стабильность системы здравоохранения.

Их юридическая природа сочетает черты организации, включенной в гражданско-правовой оборот, с чертами субъекта, подчиненного публичным целям. Совершенствование деятельности медицинских учреждений находится в прямой зависимости от соответствия целей и задач медицинского учреждения уровню удовлетворения современных потребностей населения в медицинской помощи.

Административно-правовой статус медицинского учреждения складывается не из набора формальных характеристик, а из системы требований, которые сопровождают деятельность организации на всех стадиях — от допуска к профессии до повседневного оказания помощи. Эта система заметно плотнее и многослойнее, чем может показаться при обращении лишь к текстам законов. Каждый элемент статуса проявляется только в действии: в процедуре, в регламенте, в надзорном мероприятии, в решении суда. Именно поэтому попытки описывать статус исключительно через нормы устава оказываются недостаточными.

Путь учреждения в сферу здравоохранения начинается с лицензирования. Требования к помещению, оборудованию и персоналу образуют первоначальный каркас статуса. Если этот каркас не выдержан, учреждение не получает права на деятельность. В соответствии со статьей 12 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»¹ медицинская деятельность относится к числу видов, требующих лицензии. Ключевым элементом статуса является то, что лицензионные требования напрямую связаны с безопасностью пациентов: кадровая обеспеченность, оснащённость оборудованием, соответствие помещений санитарным нормам.

После получения лицензии учреждение попадает в сферу действия Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»². Нормы статей 37 и 74 закрепляют обязанность соблюдать порядки и стандарты оказания медицинской помощи.

¹ Федеральный закон от 04.05.2011 №99-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ. 09.05.2011. №19. Ст. 2716.

² Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 01.03.2025) // Российская газета. № 263. 23.11.2011.

Уже на этом начальном этапе проявляется особенность административно-правовой природы медицинских учреждений: возможность работать определяется не их собственной организационной волей, а решением органа исполнительной власти, которое оценивает не деловую инициативу, а соответствие публичным ожиданиям безопасности и качества [4, с. 50].

Следующий уровень — требования, сопровождающие деятельность учреждения постоянно. Они оказываются значительно разнообразнее и глубже, чем перечень, который проверяется при выдаче лицензии. Порядки оказания помощи и стандарты лечения описывают не только то, что должно быть сделано, но и то, как это должно быть организовано внутри учреждения.

Эти требования формируют своеобразную «операционную логику» учреждения: от них зависит маршрутизация пациентов, использование оборудования, ведение документации, распределение внутренней ответственности. Уклониться от этой логики невозможно — нарушение фиксируется не только во время проверок, но и через качество результатов лечения [9, с. 61].

Кадровые требования — ещё один элемент статуса, который имеет не столько организационный, сколько публично-правовой смысл. Способность учреждения обеспечивать работу специалистов, прошедших аккредитацию и подготовку, становится прямым показателем его соответствия публичной функции.

Здесь проявляется важная особенность: даже при наличии оборудования учреждение не считается готовым выполнять публичные обязанности, если персонал не отвечает установленным нормативам. Юридическая сила квалификационных требований таким образом становится частью административного статуса медицинской организации.

Внутренний контроль качества дополняет внешние механизмы, но его назначение значительно шире, чем простая фиксация нарушений. Этот контроль должен обеспечивать устойчивость всей системы оказания помощи внутри учреждения. На практике он часто действует лишь фрагментарно, что приводит к ситуации, когда существенные проблемы обнаруживаются только во время внешнего надзора. Именно здесь особенно заметно, что статус учреждения не может быть описан без учёта того, насколько оно само способно поддерживать свои процессы на уровне, требуемом публичным порядком [2, с. 15].

Надзорные мероприятия формируют для учреждения границы реального действия административного статуса. Система государственного контроля опирается на положения Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»³. В статье 8 закона установлен риск-ориентированный подход, который определяет периодичность проверок в зависимости от вероятности причинения вреда жизни и здоровью. Медицинские организации в силу самой природы своей деятельности относятся к повышенной категории риска. В результате учреждения находятся в постоянной зоне внимания Росздравнадзора, Роспотребнадзора, органов исполнительной власти субъектов РФ, а также прокуратуры, осуществляющей надзор за исполнением законов.

Проверки Росздравнадзора, санитарно-эпидемиологический контроль, вмешательство прокуратуры — всё это превращает нормативные требования в юридические последствия. Здесь проявляется динамическая сторона

статуса: каждая проверка уточняет фактическое положение учреждения в системе.

Одно дело — соответствовать требованиям формально; другое — подтвердить соответствие в рамках контроля, который оценивает не планы, а реальное состояние дел.

В итоге элементы административно-правового статуса медицинских учреждений оказываются тесно связаны между собой. Лицензия задаёт вход, стандарты организуют повседневность, кадровые требования структурируют персонал, внутренний контроль пытается удерживать систему в рабочем состоянии, надзор фиксирует отклонения, а суды определяют пределы допустимого несоответствия. Статус учреждения формируется в движении, и это движение определяется тем, насколько учреждение способно адаптироваться к публичному порядку здравоохранения и подтверждать соответствие этому порядку в каждой практической ситуации.

Административно-правовой статус медицинских учреждений традиционно описывается через набор нормативных требований, однако современная практика показывает, что его содержание формируется не нормами, а механизмами их принудительной реализации. Эта зависимость меняет привычное представление о статусе учреждения: он перестаёт быть только юридической конструкцией и превращается в инструмент распределения ответственности между учреждением, учредителем и государственными органами [7, с. 10].

Анализ контрольно-надзорных мероприятий и судебных решений выявляет важную тенденцию: административно-правовой статус учреждения больше не ограничивается рамками его организационно-правовой формы или набором процедур. Он начинает функционировать как режим публичной ответственности, в котором каждое нарушение обязанностей становится предметом перераспределения обязанностей между несколькими уровнями власти.

Новизна современного понимания статуса заключается в том, что он формируется в зоне пересечения трёх процессов:

- нормативной стандартизации медицинской деятельности;
- институционального контроля;
- судебного контроля, выступающего завершающим механизмом административного регулирования.

Публичная функция медицинских учреждений, таким образом, приобретает измерение, которое не фиксируется в законе, но проявляется в правоприменении: учреждение становится ответственным за обеспечение результата, а не только за соблюдение процедуры. Это отличает его от большинства других юридических лиц, включённых в публично-правовые отношения, и позволяет говорить о формировании особого публичного статуса медицинской организации, для которого характерны три черты.

Во-первых, обязанность не просто следовать нормативным предписаниям, а обеспечивать фактическую возможность их исполнения.

Во-вторых, зависимость правового статуса от качества взаимодействия учреждения с контролирующими органами.

В-третьих, непосредственная интеграция судебного принуждения в механизм реализации статуса.

³ Федеральный закон от 31.07.2020 #248-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.08.2020. №31 (часть I). Ст. 5007.

По мере усложнения системы здравоохранения этот статус становится более специализированным, институционально насыщенным и менее похожим на статус иных юридических лиц публичного сектора. Его развитие свидетельствует о появлении новой модели публичной ответственности, в которой медицинское учреждение рассматривается как самостоятельный элемент архитектуры государства, а не только как объект регулирования или исполнитель медицинской услуги.

Литература

1. Адмиралова И. А., Костенников М. В., Куракин А. В. Актуальные проблемы принуждения и ответственности в административном праве. М. Научно-издательский центр ИНФРА-М, 2024. 174 с.
2. Алексеевская Т. И., Сирин С. А. Конституционные права граждан на охрану здоровья, медицинскую помощь, благоприятную окружающую среду. Иркутск: Иркутский государственный медицинский университет, 2022. 103 с.
3. Бизин С. В. Управление системой здравоохранения как ключевым фактором качества жизни населения. Липецк: Липецкий государственный технический университет, 2024. 231 с.
4. Бизин С.В. Государственная политика управления качеством жизни населения на основе системы здравоохранения. Липецк: Липецкий государственный технический университет, 2023. 210 с.
5. Епифанова Е. В. Актуальные вопросы публично-правового регулирования охраны здоровья населения в Российской Федерации. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. 173 с.
6. Жеребцов А. Н. Правовая интеграция как фактор дальнейшего развития системы отрасли административного права. Краснодар: Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. 148 с.
7. Макаров С.В., Гайдаров Г.М. Кадровая политика в здравоохранении: социальный аспект. Иркутск: Иркутский государственный медицинский университет, 2022. 192 с.
8. Панова И. В., Панов А. Б. Курс лекций по медицинскому праву (административно-правовые основы здравоохранения). М.: Центр публичного права, 2024. 673 с.
9. Путило Н. В., Антонова Н. В., Волкова Н. С. [и др.]. Правовая политика государства в сфере общественного здоровья. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. 224 с.
10. Чех О.И. Административно-правовое регулирование в сфере здравоохранения. М.: Юрлитинформ, 2017. 160 с.

Medical institutions as subjects of administrative regulation: specific features of their legal status

Larina N.A.

Donbass State University of Justice

The article examines the administrative and legal status of medical institutions within the increasingly complex framework of public healthcare governance. It analyses the structural components of this status, procedures of admission to medical activity, the system of mandatory organisational requirements, and state supervisory mechanisms. The author pays attention to the actual limits of the institutions' responsibilities and the scope of their public responsibility. The study demonstrates that the modern status of a medical institution is formed not merely by formal legislative provisions but by the need for continuous confirmation of compliance with established requirements. The author substantiates a concept of public status as a regime of distributed responsibility, in which normative standardisation, institutional control and judicial enforcement constitute a unified mechanism of regulation. The article concludes that medical institutions are undergoing a transition from regulated entities to holders of substantive public functions.

Keywords: medical institutions; administrative legal status; state supervision; licensing; medical care standards.

References

1. Admiralova I. A., Kostennikov M. V., Kurakin A. V. Actual Problems of Coercion and Liability in Administrative Law. Moscow: Scientific Publishing Center INFRA-M, 2024. 174 p.
2. Alekseevskaya T. I., Sirin S. A. Constitutional Rights of Citizens to Health Protection, Medical Care, and a Favorable Environment. Irkutsk: Irkutsk State Medical University, 2022. 103 p.
3. Bizin S. V. Management of the Healthcare System as a Key Factor in the Quality of Life of the Population. Lipetsk: Lipetsk State Technical University, 2024. 231 p.
4. Bizin S. V. State Policy of Managing the Quality of Life of the Population Based on the Healthcare System. Lipetsk: Lipetsk State Technical University, 2023. 210 p.
5. Epifanova E. V. Current Issues of Public Legal Regulation of Public Health Protection in the Russian Federation. Krasnodar: Kuban State University, 2022. 173 p.
6. Zherebtsov A. N. Legal Integration as a Factor in the Further Development of the Administrative Law Sector. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. 148 p.
7. Makarov S. V., Gaidarov G. M. Personnel Policy in Healthcare: A Social Aspect. Irkutsk: Irkutsk State Medical University, 2022. 192 p.
8. Panova I. V., Panov A. B. Course of Lectures on Medical Law (Administrative and Legal Foundations of Healthcare). Moscow: Center of Public Law, 2024. 673 p.
9. Putilo N. V., Antonova N. V., Volkova N. S. [et al.]. State Legal Policy in the Field of Public Health. Moscow: Prospect LLC, 2023. 224 p.
10. Chekh O. I. Administrative and Legal Regulation in the Field of Healthcare. Moscow: Yurilitinform, 2017. 160 p.

Цифровизация отрасли жилищного права в сфере управления многоквартирными домами: правовое значение и тенденции

Успенский Александр Максимович

аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права
Московского гуманитарного университета,
alexandr.uspenskiy5@gmail.com

Статья посвящена исследованию трансформации отрасли жилищного права под влиянием цифровизации в сфере управления многоквартирными домами. Показано, как внедрение государственных и частных цифровых платформ, ГИС ЖКХ, сервисов электронного голосования и онлайн-расчётов переориентирует традиционные механизмы реализации и защиты жилищных прав собственников и нанимателей. В рамках работы описаны основные направления цифрового обновления: переход к электронному документообороту, автоматизация управленческих процессов, использование технологий интернет вещей и распределённых реестров. Изучены научные публикации последних лет, посвящённые правовым и организационно-экономическим вопросам цифровизации ЖКХ, анализируется влияние цифровых решений на содержание гражданско-правовых конструкций в жилищной сфере. Особое внимание уделено рискам для прав потребителей коммунальных услуг и проблемам правового статуса данных, формируемых в цифровых системах. Цель работы состоит в выработке целостного представления о правовом значении цифровизации управления многоквартирными домами и выявлении основных тенденций развития жилищного законодательства. Статья будет полезна для исследователей жилищного права, практикующих юристов, представителей органов власти и управляющих организаций.

Ключевые слова: цифровизация жилищного права, управление многоквартирными домами, ГИС ЖКХ, цифровые платформы, электронное голосование, смарт-контракты, цифровые сервисы ЖКХ, защита прав потребителей, государственное регулирование, жилищные отношения.

Введение

Цифровая трансформация городского хозяйства привела к тому, что управление многоквартирными домами постепенно переносится в электронную среду. Государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства, корпоративные платформы управляющих организаций, сервисы онлайн-платежей и электронного взаимодействия с жильцами формируют новую инфраструктуру реализации жилищных прав. В этих условиях привычные правовые конструкции – договор управления, механизм общего собрания, порядок фиксации и доказывания нарушений – получают иное наполнение и требуют переоценки с учётом цифровых технологий.

Право, регулирующее жилищные отношения, сформировалось в логике бумажного документооборота, очных собраний и традиционных форм идентификации участников. Переход к удалённым форматам общения, применению усиленных электронных подписей, смарт-контрактов и алгоритмического принятия решений меняет баланс интересов между собственниками, управляющими организациями и публичной властью. Возникают новые источники риска: зависимость от операторов цифровых платформ, уязвимость персональных данных, сложность контроля программных решений и распределения ответственности за сбои.

Цель исследования состоит в комплексном анализе правового значения цифровизации отрасли жилищного права в части управления многоквартирными домами и в выявлении устойчивых тенденций развития регулирования.

Для достижения обозначенной цели решаются следующие задачи:

1. Охарактеризовать современные модели цифрового управления многоквартирными домами, опираясь на новейшие исследования в области экономики ЖКХ, информационных технологий и жилищного права.
2. Показать, как цифровые сервисы меняют содержание и практическую реализацию гражданско-правовых средств регулирования жилищных отношений, включая договорные конструкции и способы защиты прав.
3. Выделить основные направления совершенствования жилищного законодательства и подзаконной базы с учётом выявленных тенденций цифровизации управления многоквартирными домами.

Научная новизна исследования выражается в том, что цифровизация рассматривается не только как инструмент модернизации отрасли ЖКХ, но и как фактор, перестраивающий саму жилищно-правовую отрасль. Анализ объединяет достижения экономической, управленческой и правовой доктрины последних пяти лет, что позволяет описать формирование нового «цифрового слоя» жилищных правоотношений: электронные платформы выступают не просто техническим каналом взаимодействия, а полноценной юридически значимой средой, в которой формируются, изменяются и прекращаются права и обязанности участников управления многоквартирным домом.

Материалы и методы

При подготовке статьи использованы современные научные публикации, посвящённые цифровизации жи-

листных отношений и управлению многоквартирными домами, отобранные по критерию хронологической близости (2020–2025 гг.) и прямой связи с цифровыми технологиями в сфере ЖКХ. А.В. Абросимов [1] исследует обеспечение законных прав граждан при использовании информационных и цифровых технологий в сфере ЖКХ, акцентируя внимание на гарантиях потребителей в условиях перехода к электронным сервисам. Е.Д. Баранова [2] анализирует практику применения цифровых платформ при предоставлении жилищно-коммунальных услуг на примере региональной модели, показывая изменение взаимодействия между потребителями и исполнителями услуг. А.В. Башкирева [3] рассматривает цифровые технологии в ЖКХ как инфраструктуру для управления данными, расчётами и взаимодействием с жильцами. И.В. Дроздова [4] описывает модель цифрового взаимодействия участников ЖКХ, в которой управляющие организации, ресурсоснабжающие компании, собственники и органы власти объединяются в единое информационное пространство. Я.А. Ключникова [5] концентрируется на правовом обеспечении законных прав и интересов граждан в условиях цифровизации, уделяя внимание гарантиям при работе с ГИС ЖКХ и другими электронными ресурсами. И.М. Лебедев [6] исследует экономическую сторону цифровизации ЖКХ и влияние цифровых решений на эффективность отрасли. Е.А. Летягина [7] анализирует влияние цифровизации на гражданско-правовое регулирование жилищных отношений, рассматривая трансформацию договорных и иных средств защиты прав. М.В. Марголин [8] изучает цифровизацию управления в сфере ЖКХ, выделяя системные проблемы внедрения цифровых технологий и их правовые последствия. Н.Н. Нурдин [9] описывает использование технологий интернета вещей для управления городскими службами, что задаёт базу для внедрения смарт-решений в многоквартирных домах. А.С. Юматов [10] рассматривает организационно-управленческие характеристики развития ГИС ЖКХ как государственной информационной системы, через которую проходит значительная часть юридически значимых действий в жилищной сфере.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический и сравнительно-правовой методы, системный анализ и синтез научных публикаций, а также приём юридического моделирования, применённый к описанию цифровых платформ управления многоквартирными домами. Используются элементы функционального анализа, позволяющие сопоставить правовые конструкции жилищного законодательства с новыми цифровыми процедурами (электронное голосование, онлайн-заключение договоров, обработка обращений граждан в личных кабинетах). Логическая обработка материалов основана на приёмах индукции и дедукции, что даёт возможность перейти от описания отдельных цифровых решений к обобщению тенденций трансформации жилищного права.

Результаты

Цифровое управление многоквартирными домами как формирующаяся модель

Современная практика управления многоквартирными домами всё в большей степени опирается на специализированные платформы и государственные информационные системы. В работах И.В. Дроздовой и Н.В. Алиевской предложена модель цифрового взаимодействия в сфере ЖКХ, где управляющие организации, товарищества собственников, ресурсоснабжающие организации, жильцы и органы власти действуют в едином информационном пространстве [4]. Такая модель задаёт структуру будущего правового регулирования: юридически значимые дей-

ствия – от фиксации потребления ресурсов до голосования по вопросу смены управляющей организации – переносятся в электронную среду и формируют цифровой след, имеющий доказательное значение.

А.С. Юматов рассматривает ГИС ЖКХ как системообразующий элемент цифровой инфраструктуры управления жилищным фондом [10]. Система используется не только для раскрытия информации управляющими организациями, но и для проведения общих собраний собственников, размещения протоколов, заключения договоров ресурсоснабжения, контроля за начислениями и оплатой. По сути, формируется электронная «площадка доверия», в которой фиксируется значительная часть юридически значимых действий участников управления многоквартирным домом. В результате цифровая среда перестаёт быть вспомогательной по отношению к традиционным бумажным процедурам и превращается в основное пространство реализации жилищных прав.

Е.Д. Баранова на материале Тамбовской области показывает, что региональные цифровые платформы по предоставлению жилищно-коммунальных услуг выстраивают сквозной цикл взаимодействия «потребитель – управляющая организация – ресурсоснабжающая организация» [2]. Запросы, заявки на ремонт, передача показаний приборов учёта, контроль сроков устранения неисправностей переводятся в электронную форму, что изменяет содержание обязанностей управляющих компаний и критерии оценки качества их деятельности. Цифровые сервисы фиксируют как действия, так и бездействие исполнителей, что усиливает значение юридической ответственности, основанной на данных информационных систем.

А.В. Башкирева характеризует цифровые технологии в ЖКХ как совокупность инструментов, обеспечивающих обработку больших массивов информации, дистанционные расчёты и автоматизацию коммуникаций [3]. Платежные сервисы, мобильные приложения, электронные личные кабинеты жильцов объединяют финансовые и юридические функции: они не только проводят операции, но и фиксируют исполнение договорных обязательств по внесению платы за содержание и ремонт, коммунальные услуги, формируя доказательственную базу для возможных споров.

Влияние цифровизации на содержание жилищных правоотношений

Исследование правовых публикаций показывает, что цифровизация не ограничивается модернизацией технических процедур, а затрагивает саму структуру жилищных правоотношений. Я.А. Ключникова подчёркивает, что использование информационных и цифровых технологий в сфере ЖКХ затрагивает реализацию конституционного права на жилище через новые формы договоров и электронных сервисы [5]. Доступ к ГИС ЖКХ, электронным платёжным системам и платформам обратной связи превращается в условие полноценного осуществления прав собственников и нанимателей многоквартирных домов.

Е.А. Летягина рассматривает влияние цифровизации на гражданско-правовые средства регулирования жилищных отношений и показывает, что договор управления, договоры ресурсоснабжения и иные соглашения между участниками приобретают цифровую форму, при этом традиционные конструкции сохраняют юридическую природу, но реализуются через электронные инструменты [7]. Договор управления многоквартирным домом может заключаться и подтверждаться посредством ГИС ЖКХ, уведомление о собрании размещается в электронном виде, а голосование проводится в форме электронного опроса, результаты которого имеют юридическое значение при

условии соблюдения требований жилищного законодательства.

А.В. Абросимов раскрывает проблему обеспечения законных прав граждан при использовании цифровых технологий в сфере ЖКХ [1]. Он отмечает, что при переходе к электронным сервисам усиливается зависимость граждан от операторов информационных систем, а нарушение доступа к личным кабинетам или некорректная обработка данных способна повлечь искажение объёма прав и обязанностей. В связи с этим возрастает значение требований к прозрачности алгоритмов, порядку исправления ошибок, механизму обжалования действий операторов платформ.

М.В. Марголин в исследовании цифровизации управления в сфере ЖКХ показывает, что цифровые технологии трансформируют систему принятия управленческих решений и распределения ответственности внутри управляющих организаций [8]. Часть полномочий по взаимодействию с потребителями фактически передаётся программным модулям – чат-ботам, личным кабинетам, модулям автоматического учёта. Это ставит вопрос о распределении ответственности между юридическим лицом, оператором программного обеспечения и поставщиками данных.

И.М. Лебедев и П.А. Заболотнева подчёркивают экономическое измерение цифровизации ЖКХ [6]. По их выводам, цифровые решения повышают прозрачность финансовых потоков и облегчают контроль за расходованием средств собственниками, но одновременно требуют дополнительных затрат на внедрение и сопровождение программных комплексов. Эти расходы влияют на размер платы за содержание и ремонт общего имущества, что требует правового баланса между интересами собственников и необходимостью модернизации управленческой инфраструктуры.

Технологическая база цифрового жилищного права

Н.Н. Нурдин рассматривает использование технологий интернета вещей в управлении городскими службами как основу для построения «умного» жилищного фонда [9]. Датчики потребления ресурсов, системы мониторинга состояния инженерных сетей, интеллектуальные счётчики формируют непрерывный поток данных о состоянии многоквартирного дома. Такие данные могут использоваться при расчёте платы за коммунальные услуги, планировании капитального ремонта, определении объёма ответственности управляющей организации. Юридическое значение сведений, поступающих от устройств интернета вещей, требует выработки специальных правил о допустимости, достоверности и хранении цифровых доказательств.

И.В. Дроздова и Н.В. Алиевская подчёркивают, что цифровое взаимодействие участников ЖКХ всё чаще опирается на технологии блокчейн и умных контрактов [4]. Эти решения позволяют фиксировать операции с данными, голосования, изменения договорных условий в неизменяемом реестре, что повышает доверие к результатам процедур управления многоквартирным домом. Вместе с тем использование таких технологий ставит новые юридические вопросы: соотношение автоматического исполнения смарт-контрактов с императивными нормами жилищного законодательства, определение юрисдикции и применимого права при размещении реестров на распределённых серверах.

А.В. Башкирева отмечает, что цифровые технологии в ЖКХ служат не только для обслуживания текущих процессов, но и для формирования аналитической базы долгосрочного планирования [3]. Интеграция данных о состоянии жилого фонда, платёжной дисциплине, обращениях граждан позволяет строить модели прогнозирования нагрузки на инженерную инфраструктуру, рисков аварий,

необходимости капитального ремонта. Для жилищного права это означает необходимость учёта цифровых прогнозов при принятии решений о реконструкции, переселении, признании дома аварийным.

А.С. Юматов показывает, что развитие ГИС ЖКХ приводит к усложнению её организационно-управленческой структуры, закреплению функций за различными уровнями власти и расширению перечня обязательных к размещению сведений [10]. Система превращается в опорный элемент публичного контроля за исполнением жилищного законодательства, а данные, размещённые в ней, приобретают значение официальной информации. Это требует уточнения статуса операторов, видов юридической ответственности за неразмещение или искажение сведений, а также процедур восстановления прав граждан при технических сбоях.

Защита прав потребителей и новые риски

А.В. Абросимов обращает внимание на то, что цифровизация ЖКХ ведёт к появлению новых зон риска для прав граждан [1]. К ним относятся некорректное начисление платы вследствие сбоя программного обеспечения, несвоевременное отображение информации в личных кабинетах, утрата доступа к учётным записям и утечка персональных данных. В условиях, когда значительная часть взаимодействия с управляющей организацией проходит в электронной среде, подобные нарушения способны фактически заблокировать реализацию права на информацию о состоянии дома и начислениях.

Исследование Е.А. Летягиной показывает, что цифровизация переопределяет содержание гражданско-правовых средств защиты жилищных прав [7]. Признание права, взыскание неустойки, компенсация убытков всё чаще связываются с электронными доказательствами: протоколами электронных собраний, выгрузками из ГИС ЖКХ, логами действий в личных кабинетах. Отсутствие единообразных подходов к оценке таких доказательств в судебной практике создаёт риск неодинакового подхода к идентичным жизненным ситуациям.

Е.Д. Баранова отмечает, что цифровые платформы повышают прозрачность исполнения обязательств по предоставлению услуг, но одновременно зависят от качества цифровой инфраструктуры региона и уровня цифровых компетенций граждан [2]. Для части населения, не владеющей цифровыми инструментами или не имеющей доступа к сети, возрастает риск фактической дискриминации при участии в управлении многоквартирным домом. Это требует закрепления гибридных процедур, сочетающих электронные и традиционные формы участия в общих собраниях и получении информации.

М.В. Марголин подчёркивает, что цифровизация управления усиливает значимость информационной безопасности [8]. Неавторизованный доступ к аккаунтам собственников, изменение параметров начислений или результатов голосования способны привести к тяжёлым последствиям, включая незаконную смену управляющей организации или искажение решений общего собрания. Для жилищного права возникает задача установления специальных режимов ответственности за вмешательство в работу цифровых систем, используемых для управления многоквартирными домами, и закрепления требований к уровню защиты таких систем.

Основные тенденции развития регулирования

Обобщение проанализированных работ позволяет выделить несколько устойчивых линий развития жилищного права в условиях цифровизации. Во-первых, усиливается нормативная опора цифрового управления многоквартирными домами. Публикации А.В. Абросимова и Я.А. Ключниковой показывают, что законодатель постепенно рас-

ширяет перечень юридически значимых действий, допустимых в электронной форме [1; 5]. Это касается электронного голосования, дистанционного заключения договоров, направления уведомлений и претензий, использования ТСЖ и управляющими организациями электронного документооборота.

Во-вторых, формируется подход к цифровым данным как к самостоятельному объекту правового регулирования в жилищной сфере. Работы Е.А. Летягиной и А.С. Юматова указывают на то, что сведения, размещённые в ГИС ЖКХ и иных информационных системах, не сводятся к технической фиксации информации [7; 10]. Они выступают основой для возникновения и прекращения прав и обязанностей, а также служат доказательством при рассмотрении споров. Это предполагает разработку специальных норм о статусе таких данных, порядке доступа к ним, сроках хранения и возможностях исправления ошибок.

В-третьих, решения Н.Н. Нурдина, И.В. Дроздовой, Е.Д. Барановой и М.В. Марголина свидетельствуют о переходе от точечной автоматизации отдельных процессов к формированию комплексных цифровых экосистем ЖКХ [2–4; 8; 9]. В этих системах объединяются функции учёта ресурсов, управления инженерной инфраструктурой, финансовые расчёты, коммуникация с гражданами, а также аналитика для органов власти. В результате управленческие решения принимаются на основе данных, формируемых и обрабатываемых в реальном времени, что требует адаптации правового регулирования под ускоренные циклы изменения условий и параметров управления многоквартирными домами.

В-четвёртых, в исследованиях подчёркивается необходимость выработки сбалансированного подхода к защите прав потребителей жилищно-коммунальных услуг в цифровой среде [1; 2; 5; 7]. Для этого требуется сочетание трёх элементов: понятного для граждан интерфейса прав и обязанностей в электронных системах, эффективных процедур обжалования действий операторов цифровых платформ и управляющих организаций, а также единой судебной практики по оценке цифровых доказательств. Такой подход позволяет нивелировать риски, связанные с цифровым неравенством и технологическими сбоями, сохранив при этом преимущества электронных сервисов.

Наконец, проанализированные источники показывают поступательное сближение жилищного права с регулированием цифровой экономики в широком смысле [3; 4; 8–10]. Использование интернета вещей, блокчейн-решений, искусственного интеллекта и больших данных при управлении многоквартирными домами выводит жилищные отношения на новый уровень сложности. Это подталкивает законодателя к интеграции норм жилищного, гражданского, информационного и административного права, формируя многоуровневую систему регулирования цифровой среды управления жилым фондом.

Обсуждение

Полученные результаты показывают, что цифровизация управления многоквартирными домами по сути формирует новую архитектуру жилищных правоотношений. Если ранее центр тяжести приходился на локальные договорные связи и протоколы очных собраний, то теперь ядро системы смещается в цифровые платформы, которые аккумулируют информацию, организуют коммуникацию и фиксируют юридически значимые действия. Это создаёт своеобразный «цифровой слой» над традиционными конструкциями жилищного права, который не отрицает их, но существенно меняет способ реализации.

Правовая доктрина постепенно переосмысливает привычные категории. Договор управления многоквартирным

домом, решение общего собрания, претензионный порядок, защита прав потребителей – всё это начинает восприниматься через призму электронных форм. В работах, посвящённых цифровому управлению ЖКХ, прослеживается идея о смещении акцента с статичной фиксации прав на динамическое управление данными: то, как информация формируется, обрабатывается и хранится в ГИС ЖКХ и на корпоративных платформах, напрямую влияет на объём прав и обязанностей граждан и организаций.

Особый интерес вызывает вопрос доказательственного значения цифровых данных. Судебная практика пока развивается фрагментарно: суды по-разному оценивают выгрузки из информационных систем, скриншоты личных кабинетов, электронные протоколы собраний. Для устойчивого применения цифровых решений требуется чёткая доктрина допустимости и относимости таких доказательств, связанная с правилами идентификации пользователей, верификации электронной подписи, сертификации программных решений. Без этого цифровая среда не даёт ожидаемой предсказуемости правоприменения.

Отдельной линией проходит дискуссия о балансе интересов граждан и операторов цифровых систем. С одной стороны, платформы значительно упрощают жизнь собственников: появляется возможность оперативно передавать показания, отслеживать начисления, участвовать в собраниях без привязки к месту. С другой – гражданин оказывается зависим от технической доступности сервиса и политики оператора. Любой сбой или ошибочная запись в системе влияет на имущественное положение человека, а для обжалования нужны знания, время и ресурсы. Такая асимметрия усиливает значение публичного контроля за цифровыми решениями в сфере ЖКХ и подталкивает к введению специальных стандартов их работы.

Не менее важен вопрос цифрового неравенства. Исследования показывают, что часть населения не готова к использованию цифровых сервисов по возрастным, социальным или инфраструктурным причинам. Если управление многоквартирным домом полностью переносится в электронную форму, эти граждане рискуют оказаться фактически выключенными из принятия решений о судьбе дома. Для правопорядка это означает угрозу формальной легитимности решений при отсутствии реального участия значительной группы собственников. Сохранение параллельных бумажных процедур и предоставление альтернативных каналов участия становится не временной мерой, а устойчивым элементом справедливой модели цифрового управления.

Важный теоретический вопрос связан с распределением ответственности за результаты автоматизированных решений. Внедрение интернета вещей, блокчейн-платформ и алгоритмических модулей в управление многоквартирными домами создаёт ситуацию, когда человеческий фактор оттесняется программным обеспечением. Ошибка в настройках датчиков, сбой алгоритма расчёта платы, некорректная обработка данных электронного голосования – всё это порождает ущерб, который трудно привязать к конкретному физическому лицу. Правовая система пока опирается преимущественно на категорию вины, тогда как цифровая среда предполагает распределённую ответственность между разработчиками, операторами и пользователями.

Наконец, обсуждение цифровизации жилищного права неизбежно выводит на проблему соотношения отраслевого регулирования и общих подходов к цифровой экономике. Закрепляемые в специальных законах и подзаконных актах решения – от электронного голосования до обязательности размещения сведений в ГИС ЖКХ – должны согласовываться с общими нормами о защите персональных данных, электронном документообороте, информаци-

онной безопасности. Несогласованность требований приводит к коллизиям и снижает предсказуемость для участников управления многоквартирными домами. Требуется более тесное взаимодействие между разработчиками жилищного законодательства и специалистами по цифровому праву, чтобы выстроить непротиворечивую нормативную среду, учитывающую как специфику жилищных отношений, так и общую стратегию цифрового развития.

Заключение

Проведённое исследование показывает, что цифровизация управления многоквартирными домами приводит к формированию новой структуры жилищных правоотношений, в которой центральное место занимает цифровая инфраструктура – ГИС ЖКХ и иные платформенные решения. Цель работы достигнута: выявлено правовое значение цифровых технологий в жилищной сфере и описаны устойчивые тенденции развития отрасли.

Первая задача решена через анализ моделей цифрового управления, предложенных в экономических и управленческих исследованиях ЖКХ. Описаны варианты интеграции управляющих организаций, ресурсоснабжающих компаний, собственников и органов власти в единое цифровое пространство, где юридически значимые действия фиксируются в автоматизированных системах.

Вторая задача реализована посредством сопоставления современных цифровых практик с традиционными средствами гражданско-правового регулирования жилищных отношений. Показано, что договорные конструкции, механизмы общего собрания, способы защиты прав адаптируются к электронной форме, при этом сохраняют базовую правовую природу. Вместе с тем возрастает значение цифровых доказательств, статуса данных и алгоритмов, на основе которых принимаются управленческие решения.

Третья задача выполнена через выделение направлений совершенствования законодательства: развитие правовых режимов электронного голосования и цифровых протоколов, установление статуса и режима использования данных ГИС ЖКХ, введение специальных правил ответственности за вмешательство в работу цифровых систем, обеспечение доступности управления многоквартирными домами для граждан с разным уровнем цифровых навыков. Эти шаги способны обеспечить устойчивое и справедливое функционирование цифровой среды жилищного права, в которой интересы собственников, управляющих организаций и государства получают достаточные гарантии.

Литература

1. Абросимов А.В. К вопросу об обеспечении законных прав и интересов граждан Российской Федерации при использовании информационных и цифровых технологий в сфере ЖКХ // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 4. С. 67–72.
2. Баранова Е.Д., Мухин В.В., Кузнецов И.А. Цифровые платформы в управлении предоставления жилищно-коммунальных услуг для потребителей (на примере Тамбовской области) // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14. № 5. С. 2585–2598.
3. Башкирева А.В., Башкирева Т.В. Цифровые технологии в ЖКХ // Умная цифровая экономика. 2021. Т. 1. № 1. С. 92–96.
4. Дроздова И.В., Алиевская Н.В. Модель цифрового взаимодействия в сфере ЖКХ // Вестник гражданских инженеров. 2024. № 6 (107). С. 126–135.

5. Ключникова Я.А. Правовое обеспечение законных прав и интересов граждан при цифровизации в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Проблемы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 6. С. 76–80.

6. Лебедев И.М., Заболотнева П.А. Цифровизация в ЖКХ. Экономический аспект // Экономика и предпринимательство. 2021. № 4 (129). С. 35–38.

7. Летагина Е.А. Влияние цифровизации на гражданско-правовое регулирование жилищных отношений // Евразийский юридический журнал. 2025. № 7 (206).

8. Марголин М.В. Цифровизация управления в сфере ЖКХ: проблемы теории и практики // Научный аспект. 2022. Т. 4. № 6. С. 431–445.

9. Нурдин Н.Н. Организация управления городскими службами на базе технологии «Интернет вещей» в рамках развития SMART CITY // Синергия наук. 2021. № 60. С. 22–34.

10. Юматов А.С. Организационно-управленческие аспекты развития государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2022. № 1. С. 72–83.

Digitalization of housing law in multi-apartment building management: legal significance and trends

Uspensky A.M.

Moscow University for the Humanities

This article examines the transformation of housing law under the influence of digitalization in the management of multi-apartment buildings. It demonstrates how the introduction of public and private digital platforms, state information systems for housing and public utilities, electronic voting services, and online payments is reorienting traditional mechanisms for implementing and protecting the housing rights of owners and tenants. The paper outlines the primary areas of digital renewal, including the transition to electronic document management, the automation of management processes, and the utilization of Internet of Things (IoT) and distributed ledger technologies. Recent scientific publications on the legal, organizational, and economic aspects of digitalization in the housing and public utilities sector are reviewed, and the impact of digital solutions on civil law structures in the housing sector is analyzed. Particular attention is paid to the risks to the rights of utility consumers and the legal status of data generated in digital systems. The purpose of this paper is to develop a comprehensive understanding of the legal significance of digitalization of apartment building management and identify key trends in the development of housing legislation. This article will be useful for housing law researchers, practicing lawyers, government officials, and management companies.

Keywords: digitalization of housing law, apartment building management, State Information System for Housing and Public Utilities, digital platforms, electronic voting, smart contracts, digital housing and public utilities services, consumer protection, government regulation, housing relations.

References

1. Abrasimov A.V. On the Issue of Ensuring the Legitimate Rights and Interests of Citizens of the Russian Federation When Using Information and Digital Technologies in the Housing and Utilities Sector // Problems of Economics and Legal Practice. 2023. Vol. 19. No. 4. pp. 67–72.
2. Baranova E.D., Mukhin V.V., Kuznetsov I.A. Digital Platforms in the Management of Housing and Utilities Services for Consumers (using the Tambov Region as an Example) // Economy, Entrepreneurship and Law. 2024. Vol. 14. No. 5. pp. 2585–2598.
3. Bashkireva A.V., Bashkireva T.V. Digital Technologies in Housing and Utilities // Smart Digital Economy. 2021. Vol. 1. No. 1. pp. 92–96.
4. Drozdova I.V., Alievskaya N.V. A Model of Digital Interaction in the Housing and Utilities Sector // Bulletin of Civil Engineers. 2024. No. 6 (107). pp. 126–135.
5. Klyuchnikova Ya. A. Legal Support for the Legitimate Rights and Interests of Citizens in the Process of Digitalization in the Housing and Utilities Sector // Gaps in Russian Legislation. 2023. Vol. 16. No. 6. pp. 76–80.
6. Lebedev I. M., Zabolotneva P. A. Digitalization in the Housing and Utilities Sector. Economic Aspect // Economy and Entrepreneurship. 2021. No. 4 (129). pp. 35–38.
7. Letyagina E. A. The Impact of Digitalization on the Civil Regulation of Housing Relations // Eurasian Law Journal. 2025. No. 7 (206).
8. Margolin M. V. Digitalization of Management in the Housing and Public Utilities Sector: Theoretical and Practical Issues // Scientific Aspect. 2022. Vol. 4. No. 6. pp. 431–445.
9. N. N. Nurdin. Organization of City Service Management Based on the Internet of Things Technology within the Framework of SMART CITY Development // Synergy of Sciences. 2021. No. 60. pp. 22–34.
10. A. S. Yumatov. Organizational and Managerial Aspects of the Development of the State Information System for Housing and Public Utilities // Intelligence. Innovations. Investments. 2022. No. 1. pp. 72–83.

Защита прав самозанятых: подведомственность споров и альтернативные механизмы

Хмара Денис Игоревич

Аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», kd7473@gmail.com

В статье исследуются особенности процессуального положения самозанятых граждан и проблемы защиты их прав в условиях нормативной неопределенности. Установлено отсутствие четкого законодательного регулирования подведомственности споров с их участием, что порождает противоречие между экономическим содержанием деятельности самозанятых и их формальным правовым статусом. Обосновывается необходимость законодательного уточнения компетенции судов либо разработки специализированных процедур рассмотрения дел данной категории. Особое внимание уделено альтернативным формам защиты – медиации, платформенному урегулированию споров, институту омбудсмана. Делается вывод о целесообразности интеграции судебных и внесудебных механизмов для формирования эффективной системы защиты прав самозанятых в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: самозанятые; подведомственность; арбитражная юрисдикция; судебная защита; медиация.

Расширение сферы самозанятости в современной экономике Российской Федерации стало одним из заметных следствий цифровизации и роста неформальных форм занятости. Появление нового типа субъектов гражданского оборота, не обладающих статусом индивидуального предпринимателя, но осуществляющих самостоятельную деятельность, направленную на получение дохода, привело к трансформации классических представлений о границах предпринимательства и профессиональной деятельности.

Проблема подведомственности споров с участием самозанятых граждан стала предметом научных дискуссий, в которых сталкиваются две концепции. Первая исходит из формального подхода: поскольку самозанятый не имеет статуса индивидуального предпринимателя, споры с его участием относятся к компетенции судов общей юрисдикции. Вторая, отражающая тенденции развития экономического правопорядка, рассматривает самозанятых как субъектов самостоятельной экономической деятельности, чьи отношения по существу ближе к предпринимательским и требуют рассмотрения в арбитражных судах. Деятельность плательщика налога не отнесена к предпринимательской и понимается как деятельность, при ведении которой они не имеют работодателя и не привлекают наемных работников по трудовым договорам, а также доход от использования имущества [9].

В то же время деятельность самозанятых по своему содержанию отвечает признакам экономической – самостоятельности, рисковости, систематического получения дохода.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного осмысления процессуальных последствий правового института самозанятости. Институт самозанятости возник как ответ на стремление государства легализовать самостоятельную экономическую активность граждан, ранее находившуюся вне правового поля. Налог на профессиональный доход формализовал минимальные обязательства плательщика перед государством и упрощенный порядок регистрации. Однако законодатель ограничился созданием фискальной конструкции, не определив гражданско-правовую сущность статуса самозанятого. В результате сложился парадокс: экономическая реальность признала самозанятых участниками оборота, но правовая система не придала их деятельности четкой квалификации.

В действующей редакции Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее – ГК РФ) содержатся нормы, позволяющие гражданам вести отдельные виды предпринимательской деятельности без регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей (ст. 23 ГК РФ). Тем не менее закон о профессиональном доходе прямо указывает, что деятельность плательщика налога не является предпринимательской. Такая формула, по существу, изолировала самозанятых от сферы коммерческого права и исключила их из арбитражной юрисдикции. Между тем экономическое содержание их деятельности – оказание услуг, выполнение работ, реализация материальных или нематериальных благ на систематической основе – соответствует признакам предпринимательства, закрепленным в ст. 2 ГК РФ.

Несогласованность материальных и процессуальных норм привела к тому, что споры с участием самозанятых отнесены к судам общей юрисдикции. Такое решение

объясняется субъектным критерием, поскольку самозанятый формально остается физическим лицом, не обладающим статусом индивидуального предпринимателя. Однако подобная конструкция вызывает сомнение с точки зрения существа спора. Характер отношений, в которых участвует самозанятый, во многих случаях носит экономический характер, предполагает риск, самостоятельность и равенство сторон.

В статье 27 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее – АПК РФ) указано, что арбитражные суды рассматривают экономические споры и иные дела, связанные с предпринимательской и иной экономической деятельностью. Следовательно, арбитражная юрисдикция не ограничивается субъектами, обладающими статусом юридического лица или индивидуального предпринимателя, а может включать граждан, осуществляющих экономическую деятельность. Отсутствие прямого упоминания самозанятых в кодексе создает пробел, который можно восполнить путем расширительного толкования термина «иная экономическая деятельность».

Деятельность плательщика налога на профессиональный доход закон не относит к предпринимательской, выделяя в качестве ее признаков отсутствие работодателя при ее ведении, запрет на привлечение наемных работников по трудовым договорам, а также получаемый от использования имущества предельный доход. На данный момент она представляет собой промежуточное явление между наемным трудом и предпринимательством. Некоторое непонимание особенности самозанятости может возникать в отношении индивидуальных предпринимателей, по общему правилу, осуществляющих предпринимательскую деятельность [10].

Самозанятый, вступая в договорные отношения с крупным контрагентом – организацией или индивидуальным предпринимателем, оказывается в заведомо слабой позиции. При возникновении конфликта он вынужден обращаться в суд общей юрисдикции, тогда как противоположная сторона действует в профессиональной среде и располагает ресурсами для защиты своих интересов. В этих условиях равновесие процессуальных возможностей нарушается, а сама идея упрощенной легализации самозанятости теряет смысл.

В юридической доктрине предпринимаются попытки определить, какой критерий должен быть положен в основу подведомственности – субъектный или функциональный. Первый ориентирован на правовой статус лица, второй – на характер деятельности [4]. При применении второго подхода самозанятые рассматриваются как лица, ведущие самостоятельную экономическую деятельность без привлечения наемных работников, что сближает их с субъектами малого предпринимательства [7]. Отсюда следует вывод о необходимости либо прямого включения самозанятых в сферу арбитражной юрисдикции, либо создания особой процессуальной процедуры, адаптированной к их статусу.

Определение подведомственности споров, возникающих из деятельности самозанятых, остается одной из наиболее противоречивых проблем современного процессуального права. Правовая система Российской Федерации построена на дуализме юрисдикции: суды общей юрисдикции рассматривают гражданские дела с участием физических лиц, а арбитражные – экономические споры между субъектами предпринимательской деятельности. Появление категории самозанятых разрушило традиционное разграничение, поскольку их деятельность сочетает признаки и профессиональной, и экономической, не укладываясь в установленную систему критериев.

Законодатель не закрепил прямого указания на подведомственность споров с участием самозанятых ни в АПК

РФ, ни в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации [3] (далее – ГПК РФ). В ст. 27 АПК РФ обозначено, что арбитражные суды рассматривают экономические споры, связанные с предпринимательской и иной экономической деятельностью, а в ст. 22 ГПК РФ установлено, что суды общей юрисдикции разбирают гражданские дела с участием физических лиц, если такие споры не отнесены к компетенции арбитражных судов. Нормативная конструкция замкнута: экономические споры ограничены субъектным составом, а гражданские – исключением из него.

Аргументация в пользу отнесения подобных дел к судам общей юрисдикции основана на формальном толковании закона о налоге на профессиональный доход. Этот акт, закрепив особый налоговый режим, прямо указал, что деятельность плательщика не является предпринимательской. Следовательно, такой гражданин не подпадает под субъектный критерий, предусмотренный АПК РФ. На практике это приводит к тому, что споры самозанятых с организациями или индивидуальными предпринимателями рассматриваются в судах общей юрисдикции, даже если их предмет имеет очевидный экономический характер [5].

Такое решение представляется неудовлетворительным по нескольким причинам. Во-первых, суды общей юрисдикции не обладают должной специализацией в сфере экономических отношений и применяют в основном гражданско-бытовые стандарты оценки доказательств. Во-вторых, рассмотрение подобных дел вне арбитражной системы снижает предсказуемость судебных решений и разрушает принцип единообразия правоприменения. Наконец, формальное отнесение споров самозанятых к гражданским делам противоречит их фактическому положению в экономике, где они выступают поставщиками услуг, исполнителями договоров и субъектами имущественного риска.

Можно рассматривать подведомственность по совокупности критериев: субъектному, предметному и функциональному. При определении юрисдикции необходимо исходить из экономического содержания деятельности, а не из формы правового статуса лица. Такой подход соответствует смыслу ст. 27 АПК РФ, где упоминается не только предпринимательская, но и иная экономическая деятельность. Применение расширительного толкования этой формулы позволяет включить самозанятых в сферу арбитражного разбирательства без прямого изменения закона, через судебное осмысление категории «экономическая деятельность».

Сторонники более консервативного подхода настаивают на сохранении действующей системы разграничения. Они указывают, что арбитражное судопроизводство предполагает повышенные требования к процессуальной дисциплине сторон, к представлению доказательств и уплате госпошлины [6]. Эти условия могут стать чрезмерным бременем для самозанятых, не обладающих организационными и финансовыми ресурсами предпринимателя. Кроме того, расширение компетенции арбитражных судов на споры с физическими лицами может размыть границы между экономической и бытовой сферой, усложняя систему правосудия.

Проблема не исчерпывается вопросом о компетенции судов. Она затрагивает фундаментальные принципы процессуального права – доступ к правосудию и равенство сторон. Арбитражное судопроизводство изначально создавалось для рассмотрения споров между экономически активными субъектами, где требуется специальное знание, а также высокий уровень формализации доказательств и мотивировки решений. Лишение самозанятых

возможности обращаться в арбитражные суды фактически ограничивает их в реализации права на квалифицированное судебное разбирательство.

Смешанная модель подведомственности, общие черты которой разрабатываются в доктрине [8], заключается в том, чтобы дифференцировать споры по характеру правоотношения. Если самозанятый взаимодействует с другим гражданином в сфере личного потребления, спор рассматривается судом общей юрисдикции. Если же отношения возникают в процессе профессиональной деятельности самозанятого и связаны с исполнением экономического договора, то они должны быть переданы в арбитраж. Подобная конструкция позволила бы сохранить внутреннюю логику процессуальной системы и обеспечить баланс интересов.

Существуют и более радикальная перспектива – создание специализированных процедур для рассмотрения споров с участием самозанятых в рамках судов общей юрисдикции. Такой подход предполагает формирование особого порядка производства, который учитывал бы специфику доказательственной базы и цифровых способов взаимодействия сторон.

В любом из этих направлений неизбежно встает вопрос о соотношении материального и процессуального статуса самозанятого. Невозможно урегулировать подведомственность без окончательного определения его правовой природы. До тех пор, пока деятельность самозанятых формально не признана предпринимательской или экономической в широком смысле, процессуальные решения будут носить компромиссный характер.

Следовательно, дальнейшее развитие законодательства должно идти в двух направлениях: уточнение понятийного аппарата гражданского права и закрепление в процессуальных кодексах специальных правил рассмотрения дел с участием самозанятых.

Ограниченность судебных процедур при защите прав самозанятых усиливает интерес к поиску альтернативных способов урегулирования конфликтов. Одним из направлений развития выступает применение медиативных процедур. Хотя самозанятые формально не относятся к предпринимателям, характер их деятельности делает медиацию функционально близкой и востребованной формой разрешения конфликтов. Для них медиативный формат обладает очевидными преимуществами: отсутствием издержек, конфиденциальностью и возможностью сохранить деловые отношения с контрагентом. Однако отсутствие у самозанятых профессиональных объединений, способных организовывать медиативные процедуры, ограничивает применение этого инструмента.

Перспективным направлением является развитие онлайн-медиации. Переход значительной части самозанятых на цифровые платформы, где осуществляется поиск заказчиков и заключение договоров, создает технологическую основу для внедрения встроенных модулей урегулирования споров. На таких площадках возможно внедрение автоматизированных претензионных процедур, где стороны представляют доказательства в электронной форме, а модераторы или независимые посредники выносят рекомендации.

Другим направлением альтернативной защиты становится платформенная модель урегулирования споров. Она предполагает формирование специализированных правил взаимодействия участников, включающих процедуру подачи претензии, обязательный срок ответа, возможность обращения к независимому эксперту и публикацию итогового решения на платформе.

Дополнительный потенциал содержит претензионный порядок взаимодействия, предусмотренный в процессуальном законодательстве. В соответствии с ч. 5 ст. 4 АПК

РФ стороны по общему правилу обязаны предпринять попытку досудебного урегулирования спора. Аналогичный механизм может быть адаптирован для самозанятых в упрощенной форме, например, посредством электронных уведомлений через платформу, где заключен договор. Формализация такого порядка позволила бы снизить нагрузку на судебную систему.

Следует отметить, что альтернативные механизмы защиты не исключают судебное вмешательство, а формируют многоуровневую систему, где суд выступает завершающим звеном. Такая модель соответствует принципу пропорциональности процессуальных средств: чем ниже стоимость и социальная значимость спора, тем проще и доступнее должна быть процедура его разрешения.

Исследование показало, что правовое регулирование защиты прав самозанятых в настоящее время носит фрагментарный характер. Самозанятые, будучи полноправными участниками экономического оборота, не получили адекватного процессуального статуса. Характер совершаемых ими сделок, уровень имущественного риска и автономность принятия решений указывают на экономическую природу их деятельности, что объективно сближает их с субъектами предпринимательства. Решение этой проблемы возможно двумя путями. Первый – нормативное расширение компетенции арбитражных судов на дела, вытекающие из экономической деятельности самозанятых. Такая реформа обеспечила бы единообразие правоприменения, профессиональную оценку доказательств и предсказуемость судебных актов. Второй – создание специализированной процедуры в рамках судов общей юрисдикции, адаптированной к особенностям цифровой занятости и объекту притязаний. Судебная реформа в этой части должна сопровождаться развитием альтернативных механизмов защиты, способных функционировать параллельно с государственными судами. Медиация, платформенные системы урегулирования споров, досудебные претензионные процедуры и институт омбудсмена образуют комплекс средств, который может стать первой линией защиты самозанятых и повысить доверие к правовой системе в целом.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая, ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Кривошекова М. С. Участие самозанятых в арбитражном процессе // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе: матер. Всерос. науч. конф. обучающихся и молодых ученых с междунар. участием, посвящ. 30-летию со дня образования Самар. юрид. ин-та ФСИН России, в 3 ч., Самара, 5 апр. 2024 г. Самара: ФКОУ ВО «Самар. юрид. ин-т ФСИН России», 2024. С. 226–228.
5. Полуян Д. А. О подведомственности споров с участием самозанятых // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 1. С. 22–26.
6. Рыжова К. А. Рассмотрение судами споров с участием самозанятых // Вектор современной науки: сб. тезисов по матер. междунар. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых, Краснодар, 15 нояб. 2022 г. Краснодар: Кубан. гос. аграр. ун-т им. И. Т. Трубилина, 2022. С. 653–654.

7. Судариков А. В. Проблематика неопределенности характера деятельности самозанятых граждан // *International Law Journal*. 2023. Т. 6, № 5. С. 167–170.

8. Шапсугова М. Д. О влиянии неопределенности материально-правового статуса самозанятого на неопределенность его процессуального статуса // *Право и экономика*. 2021. № 3(397). С. 5–9.

9. Шапсугова М. Д. Понятие самозанятого и проблемы его процессуального статуса // *Аграрное и земельное право*. 2020. № 3(183). С. 46–48.

10. Шапсугова М. Д. Проблемы подведомственности и подсудности споров с участием самозанятого как особого субъекта экономической деятельности с неопределенным правовым статусом // *Юридические исследования*. 2021. № 2. С. 9–23.

Protection of the rights of the self-employed: jurisdiction of disputes and alternative mechanisms

Khmara D.I.

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

The article explores the procedural status of self-employed citizens and the challenges of protecting their rights amid regulatory uncertainty. It identifies the lack of clear legislative regulation of dispute jurisdiction involving the self-employed, which creates a contradiction between the economic nature of their activities and their formal legal status. The author substantiates the need for legislative clarification of judicial competence or the development of specialized procedures for this category of cases. Particular attention is paid to alternative forms of protection – mediation, platform-based dispute resolution, and the ombudsman institution. The conclusion emphasizes the expediency of integrating judicial and extrajudicial mechanisms to build an effective system for protecting the rights of the self-employed in the digital economy.

Keywords: self-employed; jurisdiction; arbitration courts; judicial protection; mediation.

References

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation (as amended on 01.04.2025) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2002. No. 30. Art. 3012.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One, as amended on 31.07.2025) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 1994. No. 32. Art. 3301.
3. Civil Procedure Code of the Russian Federation (as amended on 31.07.2025) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2002. No. 46. Art. 4532.
4. Krivoshchekova M. S. Participation of the Self-Employed in Arbitration Proceedings // *Problems and Prospects for the Development of the Penal System of Russia at the Present Stage: Proc. All-Russian Scientific Conf. of Students and Young Scientists with Int. Participation*, dedicated to the 30th anniversary of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, in 3 parts, Samara, April 5, 2024. Samara: FSIN Law Institute of Russia, 2024. P. 226–228.
5. Poluyan D. A. On the Jurisdiction of Disputes Involving the Self-Employed // *Arbitration and Civil Procedure*. 2024. No. 1. P. 22–26.
6. Ryzhova K. A. Consideration by Courts of Disputes Involving the Self-Employed // *Vector of Modern Science: Proc. Int. Sci.-Pract. Conf. of Students and Young Scientists*, Krasnodar, November 15, 2022. Krasnodar: Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, 2022. P. 653–654.
7. Sudarikov A. V. Issues of Uncertainty in the Nature of Activities of the Self-Employed Citizens // *International Law Journal*. 2023. Vol. 6, No. 5. P. 167–170.
8. Shapsugova M. D. On the Impact of the Uncertainty of the Substantive-Law Status of the Self-Employed on the Uncertainty of Their Procedural Status // *Law and Economics*. 2021. No. 3 (397). P. 5–9.
9. Shapsugova M. D. The Concept of the Self-Employed and Problems of Their Procedural Status // *Agrarian and Land Law*. 2020. No. 3 (183). P. 46–48.
10. Shapsugova M. D. Problems of Jurisdiction and Venue of Disputes Involving the Self-Employed as a Special Subject of Economic Activity with an Uncertain Legal Status // *Legal Research*. 2021. No. 2. P. 9–23.

Особенности правового регулирования предпринимательских (коммерческих) договоров

Яткевич Ольга Григорьевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса, Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), olgayatkevich@yandex.ru

В статье анализируются мнения ученых о сущности предпринимательских (коммерческих) договоров. Автор комплексно исследует мнения ученых в области гражданского, предпринимательского и коммерческого права, а так же экономики и государственного воздействия на частный бизнес, о субъектном составе, предмете разновидности договора поставки товаров в торговые сети, его содержания, и практику в сфере оптовой торговли, и делает вывод о наличии специфических особенностей торгового (коммерческого) договора в сфере оптовой торговли, давая авторское определение.

Ключевые слова: коммерческий договор, предпринимательский договор, поставка товаров, оптовая торговля, продовольственные товары, торговая сеть, ритейлер, поставщик.

Предпринимательские (коммерческие) договоры не выделены законодателем как отдельный вид гражданско-правовых договоров.

В.Ф. Попондопуло отмечает, что «закон не содержит определения указанного понятия, но оно нередко встречается в законодательстве, судебной практике и научной литературе» (Попондопуло В. Ф. Коммерческое (предпринимательское) право : учебник / В. Ф. Попондопуло. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2008. — 800 с. С. 259).

По мнению В. В. Витрянского «обозначение договора или группы договоров как «предпринимательских» носит условный характер: такой класс не предусмотрен Гражданским кодексом Российской Федерации» (далее – ГК РФ) [1, с. 20].

Шершеневич Г.Ф. в учебнике торгового права (Шершеневич, Габриэль Феликсович (1863–1912). Учебник торгового права // [Соч.] Проф. Казан. ун-та Г.Ф. Шершеневича. — 6-е изд. — Москва : Бр. Башмаковы, 1912. — IV, 328 с. С. 30) выделял главным признаком торгового договора его торговое свойство – перепродажу, указывая на то, что свойство любой торговой сделки определяется объектом и целью ее заключения во взаимной их связи: первым должен быть товар, а второе – дальнейшее отчуждение его для получения «барыша».

На значимость договора как гражданско-правовой конструкции в коммерческой деятельности неоднократно обращал внимание юридического сообщества Б.И. Пугинский, подчеркивая широкий спектр возможностей договора в решении субъектами экономических и социальных задач, так как договор обладает значительным потенциалом для последовательного улучшения качественных показателей товаров [2, с. 35].

Договор в сфере предпринимательства опосредует отношения между профессиональными участниками рынка при достижении между ними соглашения по всем существенным условиям, или с их участием, об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Сергеем Сергеевичем Занковским в диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук обосновывается позиция, в соответствии с которой «субъектный состав «горизонтальных» предпринимательских договоров может быть представлен только коммерческими организациями (некоммерческими, осуществляющими предпринимательскую деятельность) и/или индивидуальными предпринимателями, поскольку в таком варианте обе стороны договора действуют в одинаковом режиме» [3, с. 10].

Вполне объективным представляется разъяснение Постановления Пленума ВАС РФ от 22.10.1997 № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением Положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки» о том, что, квалифицируя правоотношения участников спора, судам необходимо исходить из признаков договора поставки, предусмотренных статьей 506 Кодекса, независимо от наименования договора, названия его сторон либо обозначения способа передачи товара в тексте документа. Абсолютно объяснимо и то, что при этом под целями, не связанными с личным использованием, следует понимать в том числе, приобретение покупателем товаров для обеспечения его деятельности в качестве организации или гражданина-предпринимателя

(оргтехники, офисной мебели, транспортных средств, материалов для ремонтных работ и т.п., это обусловлено учетом всего приобретаемого коммерческой организацией на балансе.

Однако, то, что в случае, если указанные товары приобретаются у продавца, осуществляющего предпринимательскую деятельность по продаже товаров в розницу, отношения сторон регулируются нормами о розничной купле-продаже (параграф 2 главы 30 Кодекса), представляется, по мнению автора, спорным. Аргументом в пользу мнения автора является отличительная характеристика поставки и розницы по целям их совершения, а также императив, установленный законодателем в отношении покупателя в розничной купле-продажи, из которого следует, кстати, абсолютное право на защиту.

Илюшина М.Н. так же считает, что природа у коммерческих сделок гражданско-правовая, указывая, что коммерческие сделки – составная часть всего многообразия гражданско-правовых договоров, они имеют общую со всеми гражданско-правовыми договорами сущность [4, с. 79].

В соответствии со ст. 420 ГК РФ договор – это соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Торговые сделки обладают особенностями не только субъектного состава и предмета правового регулирования, но и главной – целью их совершения.

Илюшина М.Н., например, не разделяет понятия предпринимательской и коммерческой сделки, указывая, что в основу классификации самих субъектов коммерческих сделок заложен объективный критерий – занятие предпринимательской (коммерческой) деятельностью [4, с. 81].

Наряду с мнениями ученых о том, обладает ли коммерческий (торговый) договор особенностями, по сравнению с предпринимательским, Федеральная антимонопольная служба России (далее ФАС России) в своих разъяснениях, опубликованных на сайте 01 октября 2025 г., по вопросам применения Федерального закона от 28.12.2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (далее Закон о торговле), указывает на необходимость соблюдения не только общих положений ГК РФ о поставке, но и исполнения обязанности по приведению условий указанных договоров в соответствие с требованиями Закона о торговле в редакции Закона № 120-ФЗ в срок — до 28.02.2026 года.

Коммерциалисты утверждают, что коммерческие договоры отличаются от предпринимательских специфическими, характерными только для этой группы гражданско-правовых договоров, признаками.

И, прежде всего, речь идет о сторонах предпринимательского договора в области торговли, а именно поставки товаров в торговые сети. Исходя из легального определения договора поставки товаров, закрепленного в статье 506 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), обе стороны договора являются профессиональными хозяйствующими субъектами, и это следует из целей использования товара. Однако, для понимания сущности коммерческого (торгового) договора поставки этого явно не достаточно. Закон о торговле, обозначая цели и сферу применения в статье 1, практически конкретизирует положения статьи 506 ГК РФ, определяя продавца (поставщика) как хозяйствующего субъекта (юридического лица или индивидуального предпринимателя), осуществляющего поставки производимых или закупаемых им товаров, предназначенных для использования их в предпринимательской деятельности, в том числе для продажи или перепродажи. А покупателя, в статье 2, как

торговую сеть – совокупность двух и более торговых объектов, которые принадлежат на законном основании хозяйствующему субъекту или нескольким хозяйствующим субъектам, входящим в одну группу лиц или совокупность двух и более торговых объектов, которые используются под единым коммерческим обозначением или иным средством индивидуализации.

Позднее, Карпов Н. Н. в своей диссертации на соискательство ученой степени кандидата юридических наук, укажет, что «ГК РФ не учитывает и не регулирует особый статус субъектов отношений по поставке товаров в торговые сети, а также не предусматривает особенности исполнения договоров в указанной сфере» [5, с. 22]. И подчеркнет значимость специального регулирования поставки продовольственных товаров в торговые сети (ритейлеры), направленного на ограничение свободы усмотрения в данных правоотношениях в целях пресечения возможности осуществления ими недобросовестных действий [5, с. 24].

Нельзя не отметить важность научных исследований в области торговли и с позиций экономистов, например Льва Ароновича Хасиса, в своей докторской диссертации он обосновывает расчетами деление розничных торговых сетей по их потенциалу, где «минимальный потенциал этих сетей пропорционален величине», равной числу «точек обслуживания» клиентов» [6, с.31]. И, указывает на «конкурентные преимущества торговой сети (экономия на масштабе, объединение собственности и переход на единую акцию, возможность регулярного предоставления скидок, соединение различных видов торговли, преимущества в дистрибуции, в скорости выхода на новые рынки» и т.д. [6, с. 32–33].

Борис Иванович Пугинский, поддерживая дискуссию о коммерческом договоре, указывал, что «Торговый оборот, деятельность по продвижению товарной массы от изготовителей к потребителям регулируется не только законодательством, но – что еще более значимо – договорами, заключаемыми хозяйствующими субъектами» (Пугинский Б.И. Коммерческое право России: Учебник. – 5-е изд. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2013. – 376 с. – (Классический университетский учебник), С. 132).

И, подчеркивая важность характерных отличий, утверждал, что та самая товарная масса имеет принципиальное значение для классификации гражданско-правового договора как коммерческого: «Если гражданскому праву термин «товар» вообще не свойственен и лишь косвенно упоминается в законе (например, п.1 ст. 454 ГК РФ), то для коммерческого права он является одним из основополагающих» (там же, С. 86).

Закон о торговле в статье 2 дает понятие только продовольственных товаров, под которыми понимаются продукты в натуральном или переработанном виде, находящиеся в обороте и употребляемые человеком в пищу (в том числе продукты детского питания, продукты диетического питания), бутилированная питьевая вода, алкогольная продукция, пиво и напитки, изготавливаемые на его основе, безалкогольные напитки, жевательная резинка, пищевые добавки и биологически активные добавки.

Хочется заметить, что Закон о торговле не добавляет в дискуссию о сущности коммерческого договора ясности, так как регулирует поставку в торговые сети только продовольственных товаров. В связи с чем представляется интересным разъяснение ФАС России о том, что к договорам поставки табака, табачной продукции, кормов для животных не применяются положения данного закона, так как перечень товаров, определенных законодателем как продовольственные, исчерпывающий.

Данное несовершенство законодательства породило необходимость проявления со стороны предпринимате-

лей, осуществляющих торговую деятельность, инициативы создания акта саморегулирования. Кодекс добросовестных практик взаимоотношений между торговыми сетями и поставщиками потребительских товаров от 14.12.2012 г. устранил этот пробел и, для присоединившихся к нему, урегулировал порядок поставки в торговые сети и непродовольственных товаров, дав определение потребительских товаров, как продовольственных (продукты в натуральном или переработанном виде, находящиеся в обороте и употребляемые человеком в пищу (в том числе продукты детского питания, продукты диетического питания), бутилированная питьевая вода, алкогольная продукция, пиво и напитки, изготавливаемые на его основе, безалкогольные напитки, жевательная резинка, пищевые добавки и биологически активные добавки), так и непродовольственных (ткани, одежда, белье, обувь, моющие средства, мыло, косметические и парфюмерные товары, компьютеры и оргтехника, мобильные телефоны, аудио- и видеотехника, бытовая техника, мебель, предметы домашнего обихода, напольные покрытия, строительные материалы, ювелирные изделия, фармацевтические, медицинские и ортопедические товары, книги, газеты и журналы) товары, реализуемые потребителям для личного потребления или домашнего пользования.

Кроме того, в нем же содержатся отдельные термины, имеющие значение для договорных отношений в торговле, которых больше нет ни в одном из НПА. Например, понятие ассортиментной матрицы как перечня всех товаров, реализуемых торговой сетью, включая сезонные товары, которые могут временно отсутствовать в торговых сетях; товаров под собственными товарными знаками как потребительских товаров, производимых поставщиками по заказу торговых сетей, на которые нанесены товарные знаки, права на которые принадлежат торговым сетям, а также понятие категории товаров как группы товаров со сходным назначением, либо способом применения/направлением использования, удовлетворяющих схожие запросы потребителей. Последнее имеет существенное значение для проекта категорийного менеджмента, который является важным инфраструктурным элементом в продвижении товаров от производителя к потребителю, так как направлен на повышение эффективности управления категорией потребительских товаров в торговых объектах торговой сети, в которых представлены потребительские товары категории, посредством повышения удовлетворенности потребителей, приведение ассортимента потребительских товаров в категории товаров в соответствии с потребительским спросом, а также общего повышения эффективности деятельности торговой сети.

О важности саморегулирования в торговых правоотношениях рассуждал в своих трудах Б.И. Пугинский, говоря о том, что под сущностью саморегулирования важно понимать, прежде всего, то, что субъекты предпринимательской и профессиональной деятельности совместно разрабатывают правила предпринимательской деятельности и контролируют их исполнение [7, с. 52].

Еще одна из тем непрекращающегося спора между коммерциалистами и цивилистами – это предмет коммерческого договора – товар, в котором первые считают, что товаром не могут быть любые вещи, например, недвижимые, вследствие невозможности торговли объектами недвижимости оптом и особой регламентации оформления перехода права собственности на них.

Несмотря на это, достаточно интересным представляется тот факт, что нежилые помещения (помещения под склады, торговые стационарные объекты, апартаменты и т.д.) именуются коммерческой недвижимостью, а сделки с ними, как купля-продажа и аренда, опосредуются отношениями исключительно с участием предпринимателей, в том числе именно торговцами.

Вновь возвращаясь к разъяснениям ФАС России отдельных положений Закона о торговле, нельзя не вспомнить о таких законодательных ограничениях как запрет для торговой сети на приобретение или аренду дополнительной торговой площади на территории того муниципального образования, в котором его экономическая концентрация по проценту реализованных товаров превысила 25 %, в качестве средства противодействия антиконкурентным действиям, причем последствия подобного приобретения по иску любого заинтересованного лица — применение последствий недействительности такой сделки как ничтожной.

Принцип равенства сторон коммерческого договора, что обусловлено характером их профессиональной деятельности, и это, по мнению коммерциалистов абсолютно исключает участие в них физических лиц.

Не соглашается с этим мнением В.Ф. Попондопуло, который считает, что «признаками договора в сфере предпринимательства является участие предпринимателей, т.е. такой договор, в котором хотя бы одна из сторон является предприниматель» (Попондопуло В. Ф. Коммерческое (предпринимательское) право : учебник / В. Ф. Попондопуло. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2008. — 800 с. С. 261). И приводит в пример розничную куплю-продажу, в которой «продавцом является лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность по продаже товаров в розницу (п. 1 ст. 492 ГК РФ)» (там же). Нельзя с этим мнением не согласиться, так как именно розница является конечным звеном в системе торговых отношений, а выше упомянутый покупатель в виде торговой сети как раз и является тем самым ритейлером, приобретающим товары с целью их последующей перепродажи физическим лицам – потребителям.

Принципиальное значение в характеристике коммерческого договора имеет недопустимость ограничений конкуренции в отношении поставок товаров в торговые сети, на что указывает антимонопольный орган, сторонам договора запрещается создавать дискриминационные условия, определяемые в соответствии с Законом о защите конкуренции.

Характер дискриминационных условий коммерческого договора придает не формальное отличие от условий договора с иными хозяйствующими субъектами, а ничем не обусловленное неравное положение одних контрагентов с другими при прочих равных условиях, в том числе в случае отсутствия объективного обоснования разных условий в отношении одного и того же товара. Под различными условиями понимаются как условия, предусмотренные договором, так и фактические условия сотрудничества.

При этом обоснованием установления различных условий договора может являться, в частности:

- различный объем и ритмичность поставок закупаемого товара, которые влияют на затраты продавца в связи с производством/реализацией товара различным потребителям;
- разница в затратах, связанных с доставкой товара (железнодорожные и иные тарифы, таможенное оформление и уплата таможенных пошлин);
- различие в качественных характеристиках товара (различия в себестоимости, а также особенности способа (технологии) производства), не позволяющих выделять товар с отличными характеристиками в отдельный товарный рынок;
- условия оплаты (предоплата или отсрочка платежа);
- прочие условия.

До сих пор существует коллизия, выявленная еще в 2018 году Верховным Судом Российской Федерации (далее ВС РФ) в Обзоре судебной практики № 1 (2018) по Определению № 307-АД17-8737. Ранее редакция ч.1 ста-

тии 9 Закона о торговле устанавливала обязанность торговой сети обеспечить поставщикам доступ к информации об условиях отбора контрагента для заключения договора поставки продовольственных товаров и о существенных условиях такого договора путем размещения соответствующей информации на своем сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или путем предоставления запрашиваемой информации безвозмездно в четырнадцатидневный срок со дня получения соответствующего запроса. В 2016 году данная статья претерпела изменения, оставив в диспозиции только обязанность размещать условия об отборе поставщика путем размещения соответствующей информации на своем сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Однако в статью 14.41 КоАП РФ изменения внесены не были, и в ней до сих пор установлена ответственность торговых сетей лишь за непредоставление запрашиваемой контрагентом (поставщиком) информации об условиях отбора контрагента для заключения договора поставки продовольственных товаров, о существенных условиях такого договора.

ВС РФ указал, что неразмещение хозяйствующим субъектом, осуществляющим торговую деятельность посредством организации торговой сети, в информационно-телекоммуникационной сети Интернет информации об условиях отбора контрагента для заключения договора поставки продовольственных товаров и о существенных условиях такого договора не образует состав административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 14.41 КоАП РФ. Исходя из буквального толкования указанной нормы права, правонарушением признается непредоставление соответствующим хозяйствующим субъектом упомянутой информации на запрос, полученный со стороны контрагента. Учитывая исторический и систематический способы толкования правовых норм, содержащихся в ч. 1 ст. 9 Закона о торговле № 381-ФЗ и ч. 1 ст. 14.41 КоАП РФ, ответственность за неразмещение соответствующим хозяйствующим субъектом упомянутой информации на интернет-сайте не предусмотрена ч. 1 ст. 14.41 КоАП РФ. Учитывая административный характер правоотношений, в которых находятся государственный орган и лицо, привлекаемое к административной ответственности, расширительное толкование норм об административной ответственности не допускается. Административная ответственность, установленная ч. 1 ст. 14.41 КоАП РФ, наступает лишь за те действия, которые прямо предусмотрены диспозицией указанной нормы.

Говоря о дискриминационных условиях, следует сказать и о таких условиях, которые торговые сети навязывают поставщикам, ставя их в невыгодное положение. Навязывание контрагенту невыгодных условий договора заключается в таком поведении хозяйствующего субъекта, при котором ущемляются права контрагента и он понужден вступать в правоотношения на невыгодных для себя условиях (например, в результате направления хозяйствующим субъектом договора с невыгодными для контрагента условиями, которые правомерно контрагентом оспариваются, однако данный хозяйствующий субъект необоснованно отказывается или уклоняется от согласования и принятия предложений контрагента).

Необходимо отметить еще одно спорное утверждение коммерциалистов, хоть и частично – экономическое равенство сторон коммерческого договора подтверждает невозможность отнесения к разряду коммерческих договоров сделки в тех сферах экономики, которые отнесены к естественным монополиям или в которых возможно нарушение пределов осуществления гражданских прав

хозяйствующими субъектами, занимающими на рынке доминирующее положение, т.е. в сферах, в которых отсутствуют экономическое равенство сторон и конкуренция.

Автор считает, что доминирующее положение хозяйствующего субъекта само по себе не исключает возможности заключения коммерческого договора, а лишь добавляет пристальности внимания к его заключению антимонопольных служб.

Подводя итоги оценки квалифицирующих признаков коммерческих договоров, следует согласиться, что понятие коммерческого договора имеет свои особенности, добавив к многочисленным определениям разных авторов, что коммерческий договор – это возмездное соглашение двух или нескольких профессиональных предпринимателей, осуществляющих торговую деятельность в сфере оптовой торговли потребительскими товарами, действующих самостоятельно и на свой риск с целью извлечения обоюдно экономической выгоды для продвижения товара от производителей к конечному потребителю для приобретения им товара в целях, не связанных с предпринимательскими, в условиях добросовестной конкуренции.

Литература

1. Витрянский, В. В. Особенности ответственности за нарушение «предпринимательского» договора / В. В. Витрянский // Журнал российского права. – 2008. – № 1(133). – С. 20–26.
2. Пугинский, Б. И. Коммерческий договор в системе управления / Б. И. Пугинский // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2019. – № 3. – С. 30–37.
3. Занковский С. С. Предпринимательские договоры в России. Проблемы теории и законодательства: дис. <...> д-ра юрид. наук. Москва, 2004. 375 с.
4. Илюшина, М. Н. Вопросы построения законодательства о коммерческих сделках / М.Н. Илюшина // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 7. С. 79–82.
5. Карпов Н. Н. Правовое регулирование поставки товаров в торговые сети: дис. <...> канд. юрид. наук. Москва, 2021. 265 с.
6. Хасис Л.А. Системные преобразования торговой отрасли экономики на основе сетевых структур: организационно-экономический аспект: дисс. <...> д-ра экон. наук. – М. 2006. – 242 с.
7. Пугинский, Б. И. Принцип приоритетного развития саморегулирования в коммерческом праве / Б. И. Пугинский // Век качества. – 2022. – № 3. – С. 45–56.

Features of legal regulation of entrepreneurial (commercial) contracts Yatkevich O.G.

Saint Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
The article analyzes the opinions of scientists on the essence of entrepreneurial (commercial) contracts. The author comprehensively examines the opinions of scientists in the field of civil, entrepreneurial, and commercial law, as well as economics and state influence on private business, on the subject composition, the subject of the type of contract for the supply of goods to retail chains, its content, and the practice in the field of wholesale trade, and concludes that there are specific features of a trade (commercial) contract in the field of wholesale trade, providing an author's definition.

Keywords: commercial contract, business contract, supply of goods, wholesale trade, food products, retail chain, retailer, supplier.

References

1. Vitryansky, V. V. Features of Liability for Violation of an "Entrepreneurial" Contract / V. V. Vitryansky // Journal of Russian Law. – 2008. – No. 1(133). – Pp. 20–26.2. Bing J. Conceptual text retrieval. Oslo: Tano, 1988. 82 p. (CompLex, № 9/88).
2. Puginsky, B. I. Commercial Contract in the Management System / B. I. Puginsky // Bulletin of Moscow University. Series 11: Law. – 2019. – No. 3. – Pp. 30–37.4. Zharikov Yu. S., Revin V. P., Revina V. V. Improving the criminal law policy and its regulatory support: monograph. Moscow: Publishing House of the Modern Humanitarian Academy, 2014. 399 p. (In Russ.).
3. Zankovsky S. S. Business contracts in Russia. Problems of theory and legislation: dis. <...> Dr. Jurid. sciences'. Moscow, 2004. 375 p.

4. Ilyushina, M. N. Issues of Building Legislation on Commercial Transactions / M. N. Ilyushina // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. No. 7. Pp. 79–82.6. Muzychuk E. S. The principle of predictability in the work of the court as the most important requirement of democracy // Paradigm of Cognition: Humanitarian Issues. 2015. № 4. P. 40–56. (In Russ.).
5. Karpov, N. N. Legal Regulation of the Supply of Goods to Retail Chains: Diss. <...> Cand. Law. Sciences. Moscow, 2021. 265 p.
6. Khasis, L.A. Systemic transformations of the trade sector of the economy based on network structures: organizational and economic aspect: Diss. <...> Dr. Econ. Sci. – M. 2006. – 242 p.
7. Puginsky, B. I. The Principle of Priority Development of Self-Regulation in Commercial Law / B. I. Puginsky // The Century of Quality. – 2022. – No. 3. – Pp. 45–56.

Прокурорский надзор как институт обеспечения антикоррупционной ответственности государственных и муниципальных служащих

Кадырова Салидат Джабраиловна

аспирант, кафедра уголовного права и процесса, Сургутский государственный университет

Статья посвящена исследованию прокурорского надзора в сфере противодействия коррупции как института обеспечения привлечения государственных и муниципальных служащих к антикоррупционной ответственности. Обосновывается связь надзорной деятельности прокуратуры с исполнением специальных обязанностей служащих по предотвращению конфликта интересов, соблюдению запретов и ограничений, декларированию доходов и расходов. Новизна исследования выражена в акценте на надзоре именно за реализацией механизмов ответственности, а не только за формальным соблюдением антикоррупционных норм, а также в использовании новейших научных публикаций и официальных программных документов 2021–2025 гг. В рамках работы описаны нормативные основы и структура прокурорского надзора, изучены формы реагирования прокуроров на коррупционные проступки и правонарушения, проанализированы тенденции привлечения служащих к дисциплинарной, гражданско-правовой и иной ответственности. Особое внимание уделено проблемам выявления конфликта интересов и контролю декларационной кампании. Используются формально-юридический, сравнительно-правовой и системный анализ, обобщение практики. В заключении обозначены направления совершенствования надзорной деятельности прокуратуры. Статья предназначена для исследователей, преподавателей и практических работников органов прокуратуры, кадровых и антикоррупционных подразделений органов власти.

Ключевые слова: прокурорский надзор, противодействие коррупции, государственные служащие, муниципальные служащие, антикоррупционная ответственность, конфликт интересов, декларационная кампания, правовой статус служащих, меры прокурорского реагирования, антикоррупционная политика.

Введение

Коррупционные проявления в системе государственной и муниципальной службы сохраняют устойчивый характер и подрывают доверие к публичной власти, снижая эффективность реализации государственных и муниципальных функций. Существенное значение в этой связи приобретает деятельность органов прокуратуры, ориентированная на обеспечение исполнения антикоррупционного законодательства в органах публичной власти и на привлечение виновных служащих к юридической ответственности, включая специальные меры утраты доверия, дисциплинарные взыскания и иные последствия. Антикоррупционные обязанности государственных и муниципальных служащих закреплены в федеральных законах о государственной и муниципальной службе, в законе о противодействии коррупции, в подзаконных актах, национальных и ведомственных планах, приказах Генерального прокурора, что создает сложный многоуровневый регулятивный массив.

Цель статьи – комплексное исследование прокурорского надзора как института обеспечения антикоррупционной ответственности государственных и муниципальных служащих с учётом последних изменений законодательства и современных направлений надзорной практики.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. охарактеризовать нормативные и организационные основы прокурорского надзора в сфере противодействия коррупции в государственной и муниципальной службе, выявить место надзорной деятельности в системе механизмов ответственности служащих;
2. проанализировать формы и методы прокурорского реагирования, которые обеспечивают привлечение государственных и муниципальных служащих к дисциплинарной, гражданско-правовой и иной ответственности за коррупционные правонарушения, включая конфликты интересов и несоблюдение антикоррупционных ограничений;
3. раскрыть современные тенденции и проблемы реализации надзорных полномочий прокуратуры, связанные с контролем декларационной кампании, выявлением конфликта интересов, исполнением Национального плана противодействия коррупции, и сформулировать предложения по совершенствованию соответствующей практики.

Новизна исследования выражена в том, что прокурорский надзор рассматривается через призму института обеспечения антикоррупционной ответственности именно государственных и муниципальных служащих, а не абстрактных «должностных лиц». Дополнительно обобщаются научные выводы и фактические данные из публикаций последних лет, посвящённых реализации Национального плана противодействия коррупции, правовому статусу служащих и надзорной деятельности органов прокуратуры, что позволяет предложить целостную модель взаимодействия надзорных органов, кадровых подразделений и комиссий по урегулированию конфликта интересов.

Материалы и методы

Эмпирическую и теоретическую базу исследования составили современные научные публикации, посвящённые правовому регулированию деятельности прокуратуры в сфере противодействия коррупции, статусу государственных и муниципальных служащих, реализации Национального плана противодействия коррупции, а также практико-ориентированные работы, в которых анализируются конкретные надзорные производства и статистические данные. С.Г. Бывальцева в статье, опубликованной в «Вестнике Сургутского государственного университета», исследует механизм правового регулирования деятельности прокуратуры по противодействию коррупции, обращая внимание на взаимосвязь норм закона о прокуратуре и специальных антикоррупционных предписаний [1]. И.В. Григорьев рассматривает Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы через призму антикоррупционных элементов правового положения государственных гражданских служащих, уделяя внимание обязанностям по предотвращению конфликта интересов и ограничению побочной деятельности [2]. Е.А. Иерусалимская и Д.Д. Сухарев анализируют виды ответственности государственных служащих за коррупционные правонарушения, сопоставляя действующие меры воздействия и их эффективность [3]. А.Д. Ильяков акцентирует внимание на проблемах реализации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии коррупции и формулирует предложения по корректировке организации надзорной деятельности [4]. М.М. Муташева исследует надзорную деятельность органов прокуратуры по предупреждению коррупции на государственной гражданской службе, выделяя направления взаимодействия с кадровыми службами и комиссиями по урегулированию конфликта интересов [5]. Н.Ю. Рашева в двух работах, посвящённых органам прокуратуры Мурманской области, раскрывает правовые основы противодействия коррупции в системе прокуратуры и особенности надзора за исполнением антикоррупционного законодательства в конкретном регионе [6; 7]. Е.В. Хорошунов исследует препятствия в выявлении и устранении конфликта интересов на государственной и муниципальной службе, опираясь на данные Республики Бурятия [8]. А.А. Хохлов оценивает значение прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции, сопоставляя статистику надзорных мероприятий и результаты внесения актов реагирования [9]. А.С. Чернышева анализирует прокурорский надзор за исполнением антикоррупционного законодательства в государственных и муниципальных органах, используя результаты антикоррупционного мониторинга в Приморском крае [10].

В методологическом плане применялись диалектический подход, формально-юридический метод для анализа нормативных предписаний, сравнительно-правовой метод для сопоставления регулирования и практики в различных субъектах Российской Федерации, системный анализ, а также методы интерпретации правовых норм и обобщения практики органов прокуратуры и комиссий по урегулированию конфликта интересов.

Результаты

Нормативные основания прокурорского надзора в сфере антикоррупционной ответственности служащих

Исследованные работы демонстрируют, что современная модель прокурорского надзора в сфере противодействия коррупции строится на сочетании общего статуса прокуратуры и специальных антикоррупционных обязанностей государственных и муниципальных служащих. С.Г. Бывальцева подчёркивает, что правовое регулирова-

ние деятельности прокуратуры по противодействию коррупции опирается на закон о прокуратуре, закон о противодействии коррупции, законы о государственной и муниципальной службе, а также на систему указов Президента и приказы Генерального прокурора [1]. В этих актах закреплены обязательства органов прокуратуры по организации надзора за соблюдением антикоррупционных запретов, ограничений, требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов.

И.В. Григорьев рассматривает Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы как программный документ, который детально распределяет обязанности федеральных органов исполнительной власти и прокуратуры по обеспечению антикоррупционных стандартов на государственной службе [2]. В центре внимания автора – антикоррупционные элементы правового положения государственных гражданских служащих, включающие запрет на участие в управлении коммерческими организациями, дополнительные требования к декларированию доходов и расходов, ограничения по получению подарков. Эти предписания оказываются тесно связаны с надзорными полномочиями прокуратуры, которая обязана отслеживать их реализацию и инициировать привлечение служащих к ответственности при нарушении установленных требований.

Работы Н.Ю. Рашевой дополняют картину тем, что показывают, как общие положения о полномочиях прокуратуры реализуются на уровне конкретного субъекта Федерации. В исследовании правовых основ противодействия коррупции в системе органов прокуратуры на примере Мурманской области акцентируется внимание на совмещении функций по координации деятельности правоохранительных органов и надзорных полномочий в сфере исполнения антикоррупционного законодательства [6]. Во второй статье того же автора раскрываются особенности организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции, включая ориентиры, задаваемые приказами Генеральной прокуратуры и региональными программными документами [7].

Тем самым нормативный фундамент прокурорского надзора по антикоррупционной линии не ограничивается рамками отраслевых законов; он дополнен программными актами, ведомственными приказами, региональными антикоррупционными программами, которые конкретизируют требования к поведению служащих и задают вектор надзорной деятельности.

Антикоррупционная ответственность государственных и муниципальных служащих

Вопрос содержания и структуры антикоррупционной ответственности государственных и муниципальных служащих получает многоплановое освещение в научных работах последних лет. Е.А. Иерусалимская и Д.Д. Сухарев выделяют дисциплинарную, гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность как взаимосвязанные блоки единого комплекса реагирования на коррупционные правонарушения, совершённые служащими [3]. Учёные подчёркивают значимость специальных оснований дисциплинарной ответственности, связанных с утратой доверия, представлением недостоверных сведений о доходах, нарушением запретов и ограничений, предусмотренных антикоррупционным законодательством.

Е.В. Хорошунов обращает внимание на конфликт интересов как на один из центральных факторов, провоцирующих коррупционные проявления в системе государственной и муниципальной службы [8]. Автор на материале Республики Бурятия показывает, что правовое регулирование конфликта интересов опирается на Нацио-

нальный план противодействия коррупции, законы о государственной и муниципальной службе, подзаконные акты, однако на практике выявление и устранение такого конфликта наталкивается на значительные препятствия: недостаточную осведомлённость служащих, формальный подход к заполнению деклараций, отсутствие выстроенных механизмов внутреннего контроля.

И.В. Григорьев в статье о Национальном плане фиксирует тенденцию к усилению антикоррупционных элементов статуса государственных гражданских служащих и акцентирует внимание на усилении контроля за совмещением государственной службы с иной оплачиваемой деятельностью, участием в управлении коммерческими организациями, владением ценными бумагами [2]. Эти ограничения создают основу для реализации специальной антикоррупционной ответственности: нарушение требований о предотвращении конфликта интересов или запретов, связанных с имущественной деятельностью, влечёт дисциплинарные санкции вплоть до увольнения в связи с утратой доверия, а также гражданско-правовые последствия в виде взыскания ущерба.

В совокупности указанные исследования подтверждают, что прокурорский надзор в антикоррупционной сфере ориентирован не только на выявление преступлений, но и на функционирование режима юридической ответственности служащих, включающего специальные дисциплинарные и гражданско-правовые последствия за нарушение антикоррупционных обязанностей.

Содержание и формы прокурорского надзора за соблюдением антикоррупционных обязанностей

А.Д. Ильиных, анализируя результаты прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии коррупции, показывает, что значительная часть проверок связана с соблюдением порядка представления сведений о доходах, контролем за конфликтом интересов, соблюдением запретов на получение подарков и участие в коммерческой деятельности [4]. Автор указывает на определённую формализацию отдельных направлений надзора, когда проверка ограничивается запросом документов без погружения в реальные экономические и социальные связи служащих. В качестве направления совершенствования предлагается усиление аналитической составляющей надзорной деятельности, расширение доступа прокуратуры к информационным ресурсам и базам данных.

М.М. Мутаева, исследуя надзорную деятельность органов прокуратуры по предупреждению коррупции на государственной гражданской службе, подчёркивает значимость взаимодействия прокуратуры с кадровыми подразделениями, комиссиями по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов [5]. В статье показано, что прокурорские проверки позволяют выявлять скрытые конфликты интересов, нарушения запретов и ограничений, связанные с трудоустройством близких родственников, совмещением должностей, несвоевременным уведомлением о личной заинтересованности. Результатом таких проверок выступают представления в адрес руководителей, инициирование дисциплинарных расследований и корректировка локальных антикоррупционных актов.

Н.Ю. Рашева на материале органов прокуратуры Мурманской области выделяет несколько блоков надзорных полномочий: проверка исполнения закона о противодействии коррупции в органах государственной власти и местного самоуправления, участие в разработке и реализации региональных антикоррупционных программ, координация деятельности правоохранительных органов по пресечению коррупционных преступлений [6; 7]. Особое значение придаётся проверкам соблюдения порядка подачи деклараций о доходах и расходах, достоверности

указанных сведений, а также контролю за устранением выявленных нарушений.

А.С. Чернышева, исследуя прокурорский надзор за исполнением антикоррупционного законодательства в государственных и муниципальных органах, использует статистические данные антикоррупционного мониторинга Приморского края [10]. Автор показывает, что часть граждан оценивает вероятность столкновения с коррупционными практиками при взаимодействии с органами власти как повышенную, хотя большинство респондентов не сообщает о личном опыте дачи взятка или передачи подарков. Анализ статистики позволяет выделить такие направления прокурорского надзора, как контроль за декларационной кампанией, оценка эффективности внутренних антикоррупционных программ, реагирование на обращения граждан о коррупционных нарушениях.

Сопоставление выводов указанных авторов позволяет заключить, что прокурорский надзор в исследуемой сфере имеет комплексный характер: он охватывает соблюдение служащими антикоррупционных обязанностей, оценку работы внутренних механизмов предупреждения коррупции, а также надзор за реализацией Национального плана и ведомственных программ. При этом центральное место занимают проверки достоверности деклараций, выявление конфликта интересов и контроль за устранением выявленных нарушений.

Прокурорские меры реагирования и реализация антикоррупционной ответственности

Вопрос о том, каким образом надзорная деятельность прокуратуры трансформируется в реальную юридическую ответственность служащих, подробно рассматривается в нескольких проанализированных работах. Е.А. Иерусалимская и Д.Д. Сухарев, обобщая практику привлечения государственных служащих к ответственности за коррупционные правонарушения, фиксируют, что именно материалы прокурорских проверок часто служат основанием для дисциплинарных взысканий, решений о расторжении служебного контракта в связи с утратой доверия, передачи материалов в правоохранительные органы для решения вопроса об уголовном преследовании [3].

А.А. Хохлов на материале статистики органов прокуратуры показывает, что значительная часть актов прокурорского реагирования связана с выявлением нарушений при декларировании доходов, несоблюдением запретов и ограничений, установленными антикоррупционным законодательством [9]. По результатам таких проверок вносятся представления, выносятся постановления о возбуждении дел об административных правонарушениях, направляются материалы в комиссию по урегулированию конфликта интересов. Автор подчёркивает, что эффективность надзора должна оцениваться не только числом проверок и актов реагирования, но и количеством служащих, реально привлечённых к ответственности, а также тем, как меняется состояние законности в поднадзорных органах.

Н.Ю. Рашева, анализируя практику прокуратуры Мурманской области, указывает, что прокурорские проверки служат стимулом для корректировки локальных нормативных актов органов власти, пересмотра внутренних антикоррупционных процедур, усиления контроля за кадровыми решениями и декларированием доходов [6; 7]. В отдельных случаях прокуратура добивается признания незаконными нормативных актов органов власти, создающих благоприятные условия для коррупции, что обеспечивает профилактический эффект.

Е.В. Хорошунов дополняет картину тем, что связывает эффективную реализацию ответственности с устранением препятствий при выявлении конфликта интересов: совершенствованием политики раскрытия информации,

развитием этического образования, усилением механизмов подотчётности и прозрачности, созданием специализированных структур по контролю за этикой служебного поведения [8]. Здесь прокурорский надзор рассматривается как внешний гарант функционирования этих механизмов, способный инициировать изменения в организационной культуре органов власти.

В итоге прокурорские меры реагирования – от представлений и предупреждений до требований о возбуждении дисциплинарных производств и административных дел – функционируют как связующее звено между обнаружением коррупционных нарушений и реализацией антикоррупционной ответственности служащих.

Проблемы и тенденции развития прокурорского надзора в антикоррупционной сфере

Часть рассмотренных работ фокусируется на проблемах, которые ограничивают потенциал прокурорского надзора как института обеспечения антикоррупционной ответственности. С.Г. Бывальцева отмечает фрагментарность регулирования деятельности прокуратуры в сфере противодействия коррупции, когда значимая часть полномочий закреплена в подзаконных актах, что усложняет их систематизацию и создаёт риск неравномерной практики по регионам [1]. Автор подчёркивает, что наличие программных документов и внутриведомственных приказов само по себе не гарантирует единообразного подхода к проверкам и мерам реагирования.

А.Д. Ильяков, анализируя применение мер прокурорского реагирования, указывает на трудности, связанные с оценкой эффективности проверок: значительная часть нарушений устраняется формально, без глубокой коррекции институциональных причин коррупции [4]. Отсюда следует вывод о потребности в более тесной увязке надзорной деятельности с оценкой антикоррупционных рисков, использованием аналитических инструментов, цифровых ресурсов, межведомственного обмена информацией.

М.М. Муташева обращает внимание на недостаточную интеграцию деятельности прокуратуры с работой комиссий по урегулированию конфликта интересов и кадровых подразделений [5]. Отсутствие единых стандартов взаимодействия приводит к тому, что материалы прокурорских проверок не всегда используются для корректировки кадровой политики и внутренних антикоррупционных процедур.

А.С. Чернышева, опираясь на данные антикоррупционного мониторинга, показывает, что несмотря на активность прокуратуры, граждане сохраняют скепсис в отношении уровня коррупции в отдельных сферах, прежде всего в коммунальном хозяйстве и правоохранительных органах [10]. Это свидетельствует о потребности в усилении открытости надзорной деятельности, формировании у населения понимания того, как прокурорские проверки отражаются на реальном привлечении к ответственности конкретных должностных лиц.

Указанные проблемы задают вектор дальнейшего развития прокурорского надзора: усиление аналитической составляющей, цифровизация процессов проверки деклараций и мониторинга конфликта интересов, уточнение подведомственности и взаимодействия с контрольными и кадровыми органами, развитие публичной отчётности прокуратуры в антикоррупционной сфере.

Обсуждение

Сопоставление современных научных публикаций и практико-ориентированных материалов позволяет рассматривать прокурорский надзор как системообразующий механизм, обеспечивающий реализацию антикоррупционной ответственности государственных и муниципальных служащих. Надзорные полномочия прокуратуры не ограничиваются контролем за формальным соблюдением запретов и

ограничений; они охватывают весь цикл антикоррупционной ответственности – от выявления потенциальных рисков и нарушений до доведения информации до органов, уполномоченных применять меры воздействия, и контроля за фактическим устранением выявленных нарушений.

Содержательная особенность надзорной деятельности в исследуемой сфере заключается в комбинировании двух логик: профилактической и карательной. С одной стороны, прокурорские проверки выявляют типичные коррупциогенные ситуации – скрытые конфликты интересов, неверное декларирование доходов, использование служебного положения для личного обогащения, участие служащих в управлении коммерческими структурами. С другой стороны, прокуратура инициирует запуск механизмов ответственности – дисциплинарной, гражданско-правовой, административной и уголовной –, тем самым задавая для органов власти стимул к выстраиванию эффективных внутренних процедур контроля.

Важное место в современных исследованиях занимает тема конфликта интересов. Научные работы показывают, что сама конструкция конфликта интересов сложна для практического применения: служащие нередко воспринимают уведомление о личной заинтересованности как угрозу карьере, а кадровые подразделения не всегда обладают ресурсами для анализа полученной информации. В этих условиях надзорная деятельность прокуратуры становится внешним гарантом функционирования внутренней системы урегулирования конфликта интересов. Прокуроры способны выявлять несоответствия между формальным исполнением обязанности по уведомлению и реальными экономическими и семейными связями служащего, требуют корректировки локальных актов и практики работы комиссий.

Не менее значима линия, связанная с контролем декларационной кампании. Современные исследования показывают, что противоречия в правовом регулировании декларирования, различия в трактовке перечня подлежащих отражению доходов и активов приводят к возникновению большого числа споров и нарушений. В этой сфере надзор прокуратуры формирует своеобразный стандарт добросовестного поведения служащих: требования прокуроров в адрес органов власти и кадровых подразделений фактически определяют, какие практики признаны недопустимыми и требуют дисциплинарных последствий.

Отдельного внимания заслуживает проблема баланса между усилением антикоррупционных ограничений и обеспечением самостоятельности служащих при принятии решений. Чем жёстче антикоррупционные требования, тем выше риск формализации их исполнения: служащие стремятся «подстраховаться» избыточной бюрократической отчётностью, не всегда соотнося её с реальными рисками. В этой ситуации от прокуратуры требуется не только количественное наращивание проверок, но и качественный анализ антикоррупционных рисков, учёт специфики конкретных сфер деятельности, дифференциация надзорных приоритетов.

Особую значимость приобретает вопрос открытости и прозрачности надзорной деятельности. Научные и практические материалы указывают на разрыв между высокой интенсивностью прокурорских мероприятий и восприятием гражданами уровня коррупции: население не всегда видит прямую связь между актами прокурорского реагирования и реальным изменением поведения должностных лиц. Для преодоления данного разрыва целесообразно развивать формы публичной отчётности органов прокуратуры, в том числе по линии антикоррупционной ответственности служащих, расширять использование тематических докладов, интерактивных отчётов, информационно-просветительских проектов.

Наконец, перспективы развития прокурорского надзора в исследуемой сфере напрямую связаны с цифровизацией. Электронные декларации, межведомственные информационные системы, автоматизированный анализ данных по доходам, расходам и имущественным активам создают основу для более точной и быстрой работы прокуроров. Вместе с тем внедрение цифровых инструментов требует чёткого нормативного закрепления доступа прокуратуры к соответствующим базам данных, определения процедур защиты персональной информации, а также подготовки кадров, способных использовать новые технологии в надзорной деятельности.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что прокурорский надзор в сфере противодействия коррупции выступает системной гарантией применения механизмов антикоррупционной ответственности к государственным и муниципальным служащим. Первая задача исследования, связанная с характеристикой нормативных и организационных основ надзора, реализована через обобщение положений закона о прокуратуре, антикоррупционного законодательства, Национального плана противодействия коррупции, а также региональных и ведомственных актов. Показано, что надзорная деятельность прокуратуры опирается на многоуровневый набор правовых инструментов, ориентированных на предотвращение конфликта интересов, контроль декларирования и соблюдение ограничений служебного поведения.

Вторая задача, направленная на анализ форм и методов прокурорского реагирования, раскрыта через рассмотрение практики проверок соблюдения антикоррупционных обязанностей, контроля декларационной кампании, выявления конфликта интересов, реагирования на обращения граждан. Установлено, что акты прокурорского реагирования служат связующим звеном между выявлением нарушений и реализацией дисциплинарной, гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности служащих.

Третья задача, предусматривающая выявление проблем и тенденций развития надзорной деятельности, реализована путём анализа современных исследований, посвящённых фрагментарности регулирования, формализации отдельных направлений надзора, недостаточной интеграции прокуратуры с кадровыми и контрольными органами, а также восприятию населением уровня коррупции. Сформулированы предложения, ориентированные на усиление аналитической и профилактической составляющей надзора, развитие цифровых инструментов контроля, повышение открытости информации о результатах надзорной деятельности и её влиянии на ответственность конкретных должностных лиц.

Литература

1. Бывальцева С. Г. Правовое регулирование деятельности прокуратуры по противодействию коррупции // Вестник Сургутского государственного университета. 2024. Т. 12, № 4.
2. Григорьев И. В. Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы: антикоррупционные элементы правового положения (статуса) государственных гражданских служащих // Право и политика. 2021. № 9 (205). С. 166–175.
3. Иерусалимская Е. А., Сухарев Д. Д. Ответственность государственных служащих за коррупционные правонарушения // Молодой ученый. 2022. № 45 (440). С. 132–133.
4. Ильяков А. Д. Совершенствование прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии коррупции // Законность. 2021. № 3.

5. Муташева М. М. Надзорная деятельность органов прокуратуры по предупреждению коррупции на государственной гражданской службе // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 4.

6. Рашева Н. Ю. Правовые основы противодействия коррупции в системе органов прокуратуры (на примере органов прокуратуры Мурманской области) // Advances in Law Studies. 2022. Т. 10, № 1. С. 31–35.

7. Рашева Н. Ю. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции (на примере органов прокуратуры Мурманской области) // Advances in Law Studies. 2022. Т. 10, № 3. С. 46–50.

8. Хорошунов Е. В. Препятствия в выявлении и устранении конфликта интересов на государственной гражданской службе и муниципальной службе // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2023. Вып. 2. С. 35–43.

9. Хохлов А. А. Роль прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции // Молодой ученый. 2023. № 48 (495). С. 446–448.

10. Чернышева А. С. Актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции в государственных и муниципальных органах // Вестник науки. 2025. № 2 (83). Т. 2. С. 399–404.

Prosecutorial supervision as an institution for ensure anti-corruption accountability of state and municipal servants

Kadyrova S.D.

Surgut State University

This article examines prosecutorial oversight in the field of anti-corruption as an institution for ensuring anti-corruption accountability of state and municipal employees. The article substantiates the connection between the prosecutor's office's oversight activities and the performance of employees' special duties to prevent conflicts of interest, comply with prohibitions and restrictions, and declare income and expenses. The study's novelty lies in its emphasis on oversight of the implementation of accountability mechanisms, rather than merely formal compliance with anti-corruption regulations, as well as in its use of the latest scientific publications and official policy documents for 2021–2025. This paper describes the regulatory framework and structure of prosecutorial oversight, examines prosecutors' responses to corruption-related offenses and misdemeanors, and analyzes trends in imposing disciplinary, civil, and other liability on employees. Particular attention is paid to identifying conflicts of interest and monitoring asset declarations. Formal legal, comparative legal, and systemic analyses are used, along with a summary of practical experience. The conclusion outlines areas for improving the prosecutor's oversight activities. The article is intended for researchers, teachers, and practitioners in prosecutorial agencies, as well as human resources and anti-corruption departments of government agencies.

Keywords: prosecutorial oversight, anti-corruption efforts, civil servants, municipal employees, anti-corruption liability, conflicts of interest, asset declarations, legal status of employees, prosecutorial responses, anti-corruption policy.

References

1. Byval'tseva S. G. Legal Regulation of the Prosecutor's Office's Activities to Combat Corruption // Bulletin of Surgut State University. 2024. Vol. 12, No. 4.
2. Grigor'ev I. V. National Anti-Corruption Plan for 2021–2024: Anti-Corruption Elements of the Legal Status of State Civil Servants // Law and Politics. 2021. No. 9 (205). Pp. 166–175.
3. Ierusalimskaya E. A., Sukharev D. D. Liability of Civil Servants for Corruption Offenses // Young Scientist. 2022. No. 45 (440). Pp. 132–133.
4. Ilyakov A. D. Improving Prosecutor's Supervision over the Implementation of Anti-Corruption Laws // Legality. 2021. No. 3.
5. Mutasheva M. M. Supervisory Activities of the Prosecutor's Office to Prevent Corruption in the State Civil Service // Education. Science. Scientific Personnel. 2024. No. 4.
6. Rasheva N. Yu. Legal Foundations for Combating Corruption in the System of Prosecutor's Office Bodies (using the Prosecutor's Office of the Murmansk Region as an Example) // Advances in Law Studies. 2022. Vol. 10, No. 1, pp. 31–35.
7. Rasheva N. Yu. Prosecutor's Supervision of the Implementation of Anti-Corruption Legislation (using the Prosecutor's Office of the Murmansk Region as an Example) // Advances in Law Studies. 2022. Vol. 10, No. 3, pp. 46–50.
8. Khoroshunov E. V. Obstacles to Identifying and Eliminating Conflicts of Interest in the Federal Civil Service and Municipal Service // Bulletin of the Buryat State University. Jurisprudence. 2023. Issue 2. Pp. 35–43.
9. Khokhlov A. A. The Role of Prosecutor's Supervision over the Implementation of Anti-Corruption Legislation // Young Scientist. 2023. No. 48 (495). Pp. 446–448.
10. Chernysheva A. S. Current Issues of Prosecutor's Supervision over the Implementation of Anti-Corruption Legislation in State and Municipal Bodies // Herald of Science. 2025. No. 2 (83). Vol. 2. Pp. 399–404.

Развитие института наставничества в органах прокуратуры

Сорокин Роман Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии, Sorokin.magistr@yandex.ru

Действенная практика института наставничества в органах прокуратуры определяет дальнейшее стабильное функционирование данных органов и развитие полномочий у начинающих сотрудников. Цель работы — анализ выявленных проблем института наставничества в органах прокуратуры. Развитие института наставничества в органах прокуратуры сопряжено с определёнными трудностями, раскрываемыми в настоящей научной статье. Указывается, что среди сотрудников органов прокуратуры наблюдается определённый кадровый дефицит, а наличие большого практического опыта работы в системе правоохранительных органов не подменяет навыков педагогического работника. Решение указанных и иных проблем, рассматриваемых в работе, корректировка корпоративных отношений, способны разительным образом повысить качество и оперативность работы начинающих сотрудников органов прокуратуры.

Ключевые слова: прокуратура, наставничество, опыт, знания, государство, закон.

В обучении есть разные пути, среди которых одним из наиболее эффективных является — наставничество. Передача опыта подрастающему поколению, молодым сотрудникам от более взрослых, квалифицированных специалистов является важной составляющей развития общества, его поступательного и созидательного формирования в различных отраслях и сферах. Этот, без преувеличения, важный процесс обмена данными и передачи опыта определяет будущее нашего социума, посредством которого человечество достигло того уровня развития, в котором мы сейчас живём.

Передача опыта и трудовых навыков в коллективе производится путём наставничества более опытными сотрудниками, начинающим специалистам. В государственных и негосударственных организациях, предприятиях и учреждениях различной формы собственности формируются отделы, центры наставничества, либо создаётся комплекс мер для улучшения адаптации персонала.

Наставником называется лицо, которое передаёт свой опыт и знания, формируя и развивая профессиональные компетенции «наставляемого». Как правило, наставничество предполагает, что наставник не является прямым начальником подопечного, он является старшим товарищем.

Наставничества представляет собой решение проблемы адаптации и профессионального развития вновь принимаемых в организацию работников посредством передачи им навыков и опыта наставника, создания приемлемых для них условий труда и мотивирующих их как можно к более долговременному сохранению профессиональной связи с данным работодателем [1, с. 227–231].

В соответствии с Концепцией воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации, утвержденной приказом Генерального прокурора России в органах прокуратуры основной целью наставничества является ускорение профессионального становления молодого работника и формирование у него высоких нравственных качеств. С этой целью молодые специалисты закрепляются за наиболее опытными квалифицированными, пользующимися авторитетом работниками прокуратуры, способными оказать индивидуальную помощь в овладении специальностью [2, с. 196–203].

Однако, детерминируемый институт наставничества в органах прокуратуры реализовывается не в полной мере удовлетворительно. В конечном счёте, слабо воплощаемый в жизнь «институт наставничества», приводит к падению правовой грамотности сотрудников органов прокуратуры и возникновению угрозы принятия ими решений по рассматриваемым обращениям граждан и иным делам с нарушениями, что противоречит основополагающему принципу деятельности органов прокуратуры и иных государственных и негосударственных органов — принципу законности.

Наличие большого практического опыта работы в системе правоохранительных органов не подменяет навыков педагогического работника. Опытный сотрудник не всегда может должным образом передать имеющийся у него накопленный опыт по причине отсутствия навыка педагога. Наставничество можно определить как непрофессиональную педагогическую деятельность, однако, целью наставничества является обучающее и воспитательное воздействие наставника на подшефного. Потому, обладание должным уровнем компетенций как в профессиональном мастерстве, так и в педагогическом плане, становится

важнейшим критерием кадрового обеспечения квалифицированными специалистами, стоящими на страже закона. Данную проблему можно решить путём проведения курсов повышения квалификации сотрудников органов прокуратуры на такие темы, как: «Эффективное наставничество в органах прокуратуры», «Как передать опыт молодым специалистам» и др. В качестве преподавателей курсов на дополнительные образовательные программы (курсы), кроме профессорско-преподавательского состава, необходимо привлекать практических работников — опытных сотрудников органов прокуратуры, отдавая приоритет сотрудниками имеющим стаж педагогической деятельности, имеющим учёную степень и (или) учёное звание. Дополнительно, среди наставников и новых сотрудников органов прокуратуры, предлагается проведение конкурса «Лучший наставник» и «Прокурор будущего», в котором, определив самого молодого и талантливого сотрудника, закреплённого за конкретным наставником, определяется лучший наставник и лучший молодой специалист.

В последние годы, в некоторых субъектах Российской Федерации, среди сотрудников органов прокуратуры наблюдался определённый кадровый дефицит. Условия, нагрузка и те, предъявляемые к сотрудникам органов прокуратуры, требования, которым должен соответствовать современный прокурорский работник, вынуждают увольняться молодых специалистов из желаемой ранее профессии. Привлекательных условий труда сотрудников органов прокуратуры для молодых специалистов оказывается недостаточно. Наличие большого количества разбираемых в органах прокуратуры дел не оставляет у опытных сотрудников времени на передачу опыта молодым специалистам. Отсутствие достаточного количества опытных, высококвалифицированных специалистов не способствует развитию кадрового резерва в органах прокуратуры. Проблема нехватки квалифицированных кадров наиболее ощутима в небольших городах и посёлках, однако даже в небольших населённых пунктах, наставничество в органах прокуратуры должно осуществляться.

Следующим препятствием в развитии института наставничества в органах прокуратуры является банальная нехватка времени у опытных сотрудников — множество разбираемых дел на работе, семья, какие-либо другие обязательства. Всё это не даёт возможности осуществлять наставничество должным образом, отчего в конечном счёте страдает молодой персонал, недополучающий необходимых навыков в работе. Отсутствие дополнительного финансирования за сверхурочные работы также не повышает инициативность.

Другим препятствием развития кадров в органах прокуратуры посредством института наставничества является человеческий фактор. Отсутствие желания со стороны опытных сотрудников проводить дополнительное, нерабочее время с молодыми специалистами связано с потенциально возрастающей конкуренцией. Взрослому, опытному сотруднику «не выгодно» иметь рядом молодого, активного и инициативного коллегу. Это «страх перед будущим, который проявляется в нежелании «выращивать» потенциальных конкурентов на своё место» [3].

Возможна и обратная ситуация, когда наставник не желает тратить время на молодого сотрудника, который пришёл «выслужиться» первое время в небольшом населённом пункте, чтобы в дальнейшем перевестись в другое место..

Передача негативного опыта со стороны наставника, при формировании компетенций начинающего сотрудника так же находит место при совместной работе. «Палочная система», в соответствии с которой показатели работы необходимо постоянно повышать, вынуждает сотрудников правоохранительных органов придумывать для

этого различные способы, ухищрения [4, с. 26–28]. Например, опытные сотрудники, при проведении прокурорских проверок фиксируют не все выявленные нарушения поднадзорного объекта, оставляя на будущее, на тот случай, когда будет нужно вновь прийти с проверкой, например, при проведении контрольной проверки по ранее выявленным нарушениям, и зафиксировать новое нарушение. Таким образом, при проведении повторной прокурорской проверки, работники органов прокуратуры фиксируют ранее выявленное, но не зафиксированное нарушение. Данная практика осуществляется в целях демонстрации и поддержания высоких показателей в работе, что не способствует укреплению принципа законности, так как сам принцип в данном случае не имеет первостепенного значения. Отодвинуть данный принцип с первой позиции, в данном случае, допуская продолжение совершения противоправных деяний поднадзорным объектом, обозначает косвенное соучастие в противоправном действии.

В целях развития кадрового потенциала прокуратуры Российской Федерации, обеспечения надлежащих условий для функционирования и совершенствования системы подготовки кадров, в соответствии с Приказом Генеральной прокуратуры РФ от 22 декабря 2021 г. № 774 «О системе подготовки кадров, дополнительного профессионального образования работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации» — развитие института наставничества и развитие у молодых специалистов навыков прокурорской деятельности определено как приоритетное направление.

Однако на практике встречаются случаи, когда на повышение квалификации и переподготовку отправляются одни и те же сотрудники, в то время как молодой, нуждающийся в развитии своих компетенций специалист оказывается лишённым возможности повысить уровень своей правовой грамотности и трудовой производительности.

В связи с вышеизложенным, можно констатировать, что, с одной стороны, в органах прокуратуры прослеживается тенденция нехватки высококвалифицированных кадров, способных передавать накопленный опыт молодым коллегам. С другой стороны, отсутствие мотивации и даже обратная мотивация, в связи с опасением за своё рабочее место, возникающая у опытных сотрудников органов прокуратуры, препятствует практическому развитию молодых сотрудников органов прокуратуры как высококвалифицированных специалистов.

Литература

1. Шурикова, Л.Г. Правовое регулирование института наставничества: вопросы теории и практики / Л.Г. Шурикова, Т.Г. Макаров, И.Е. Ситникова // Вестник экономики, права и социологии – 2025. – №1. – С. 227–231.
2. Никитин, А.А. Институт наставничества в прокуратуре и иных государственных органах России / А.А. Никитин, Т.М. Авдоница // Вестник СГЮА. – 2023. – №2 (151). – С. 196–203.
3. Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1 : практическое пособие / под общей редакцией О.С. Капинус, С.Г. Кехлерова ; под науч. ред. А.Ю. Винокурова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт. 2022. – 595 с.
4. Макушкина, М.А. Система «Палочных показателей» как скрытая фикция в борьбе с коррупцией / М.А. Макушкина // Правовая информатика. – 2016. – №1. – С. 26–28.

Development of the institute of mentoring in prosecutor's bodies
Sorokin R.S.
Saratov State Law Academy

The effective practice of the institute of mentoring in prosecutor's bodies determines the further stable functioning of these bodies and the development of powers for novice employees. The purpose of the work is to analyze the identified problems of the institute of mentoring in prosecutor's bodies. The development of the institute of mentoring in prosecutor's bodies is associated with certain difficulties, which are revealed in this scientific article. It is indicated that there is a certain shortage of personnel among prosecutor's body employees, and the presence of a large amount of practical experience in the system of law enforcement bodies does not replace the skills of a teacher. Solving these and other problems discussed in the paper, as well as adjusting corporate relations, can significantly improve the quality and efficiency of the work of novice prosecutors.

Keywords: prosecutor's office, mentoring, experience, knowledge, state, law.

References

1. Shchurikova, L.G. Legal regulation of the institution of mentoring: issues of theory and practice / L.G. Shchurikova, T.G. Makarov, I.E. Sitnikova // Bulletin of Economics, Law and Sociology - 2025. - No. 1. - Pp. 227-231.
2. Nikitin, A.A. Institute of mentoring in the prosecutor's office and other state bodies of Russia / A.A. Nikitin, T.M. Avdonina // Bulletin of SSLA. - 2023. - No. 2 (151). - Pp. 196-203.
3. The prosecutor's handbook in 2 parts. Part 1: a practical guide / under the general editorship of O.S. Kapinus, S.G. Kekhlerova; under the scientific editorship of A.Yu. Vinokurov. – 6th ed., revised and enlarged. – Moscow: Yurait. 2022. – 595 p.
4. Makushkina, M.A. The "Stick Indicators" System as a Hidden Fiction in the Fight against Corruption / M.A. Makushkina // Legal Informatics. – 2016. – No. 1. – P. 26–28.

Проблемные вопросы исполнения решений международного инвестиционного арбитража

Лопатухин Клим Дмитриевич

аспирант кафедры международного частного права МГЮА им. О.Е. Кутафина, kdlopaturkhin@gmail.com

Настоящее исследование посвящено анализу практической реализации постановлений, вынесенных международными инвестиционными арбитражами, уделяя первостепенное внимание процедурам взыскания масштабных денежных возмещений с государств. В работе раскрываются современные проблемы, связанные с имплементацией арбитражных вердиктов в рамках механизма инвестиционного арбитража. Центральное место в исследовании отводится деятельности Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (ICSID) как ключевого институционального арбитра, специализирующегося на данной категории дел. Эффективность арбитражного решения напрямую зависит от существующего механизма его легитимации и последующей имплементации через национальные судебные институты. Указанный механизм отличается отлаженностью и демонстрирует высокую результативность в сфере международного инвестиционного арбитража. Детальному изучению подвергаются нормативные основы и практика применения процедур признания и приведения в исполнение арбитражных актов, а также правовой статус и юрисдикционные иммунитеты участников инвестиционных разбирательств.

Ключевые слова: Международный инвестиционный арбитраж, международный коммерческий арбитраж, приведение в исполнение решений в сфере международных инвестиционных споров, признание и исполнение арбитражных решений, международное право.

В современной системе международного частного права арбитраж для иностранных инвесторов занял ключевую позицию, выступая специализированным инструментом для урегулирования конфликтов между вкладчиками капитала и государствами, на территории которых осуществляются инвестиции. Ключевым элементом этой системы является практическая реализация принятых арбитражных решений. Гарантии исполнения, закрепленные в рамках Конвенции МЦУИС и Нью-Йоркской конвенции 1958 года, создают прочный фундамент для принудительного выполнения. При этом, хотя суверенные государства, в отличие от коммерческих структур, не могут быть ликвидированы с целью избежания ответственности, на практике взыскание с них сопряжено со значительными сложностями. Настоящий анализ концентрируется на механизмах легализации и принудительного исполнения вердиктов инвестиционного арбитража, а также рассматривает типичные препятствия, возникающие на этом пути.

Арбитражная процедура как способ разрешения конфликтов получила широкое признание в мировых правовых порядках. В сфере коммерции принято различать два основных формата: внутренний и трансграничный арбитраж. Общим для них принципом является максимальное ограничение вмешательства государственных судов в ход разбирательства. Отдельную, автономную категорию составляют споры, вытекающие из двусторонних межгосударственных договоров о защите капиталовложений (ДИС). Если классические арбитражи основаны на частных контрактах, то ДИС-арбитражи иницируются на основе международных соглашений между странами.

Такие договоры обязывают каждую из сторон-участниц обеспечивать инвесторам из другой страны справедливый и недискриминационный режим, а также защиту от произвольных и недобросовестных действий. Идеальная модель предполагает гарантированную защиту иностранных капиталовложений от принудительного изъятия или национализации. Эффективным правовым инструментом здесь становится предусмотренная ДИС возможность обращения к международным процедурам урегулирования споров, доступная как инвестору, так и государству. Участие национальных судебных инстанций в подобном арбитражном процессе теоретически допустимо, однако, по нашему убеждению, оно должно быть сведено к исключительным ситуациям. Как показывает практика, после формирования состава арбитража и начала разбирательства национальные суды, как правило, воздерживаются от какого-либо вмешательства в его ход.

Понятие инвестиционного конфликта, как обоснованно указывает С.И. Крупко, допускает двоякое толкование⁴. В своем расширительном значении этот термин охватывает любую конфликтную ситуацию, так или иначе затрагивающую инвестиционную деятельность, без привязки к ее участникам. В данную категорию могут входить разногласия самого разного плана, включая технические, административные или экономические. Если же говорить о строгом, узком определении, то здесь речь идет исключительно о правовом конфликте, возникающем между частным инвестором и государством-реципиентом непосредственно по поводу осуществленных капиталовложений.

⁴ Крупко С.И. Инвестиционные споры между государством и иностранным инвестором. М.: БЕК, 2002. С. 16.

Характерной особенностью подобных разбирательств является то, что их ядро часто составляет противоречивое понимание ключевых терминов, зафиксированных как в национальных законах, так и в международных договорах⁵. Речь идет о таких фундаментальных понятиях, как «иностранная инвестиция» и «иностранный инвестор». Для унификации подходов к решению типичных проблем, с которыми сталкиваются зарубежные вкладчики – таких как национализация активов, разрыв контрактов государством, право на компенсацию и вопрос государственной ответственности – была разработана Вашингтонская конвенция 1965 года.

Этот документ привел к созданию МЦУИС. Его главной задачей стало устранение рисков, связанных с потенциальной предвзятостью национальных судов, а также преодоление проблем исполнения решений международных арбитражей, которые зарубежные судебные инстанции могут отказываться признавать⁶.

Особая сложность возникает в ситуациях, когда ответчиком выступает суверенное государство. Опираясь на доктрину иммунитета и внутреннее законодательство, защищающее его собственность от взыскания по решениям иностранных юрисдикций, оно может эффективно противодействовать попыткам получить присужденную компенсацию. И хотя в мировой практике известны прецеденты ареста государственных активов, сам по себе процесс взыскания с страны-должника является крайне ресурсоемким и продолжительным. С ростом числа арбитражных вердиктов, обязывающих государства выплачивать многомиллионные суммы, задача реального получения этих средств становится все сложнее.

Нередко сами взыскатели вынуждены отказываться от попыток реализовать решение из-за колоссальных временных и финансовых издержек, сопряженных с такой процедурой. Тем не менее, количество инвестиционных арбитражей продолжает неуклонно расти, параллельно с увеличением размеров присуждаемых компенсаций. На сегодняшний день международный инвестиционный арбитраж остается центральным механизмом защиты интересов частных инвесторов в их спорах с государствами в рамках международных договоров. Специальные арбитражные оговорки в этих соглашениях предоставляют инвесторам прямое право обращаться в третейские суды для урегулирования возникших разногласий⁷.

В настоящее время в деловой среде нарастает скептицизм иностранных вкладчиков относительно практической ценности арбитражных процедур для защиты их интересов. Основная причина сомнений кроется в системных сложностях, связанных с практической реализацией вынесенных решений. Когда государство-ответчик уклоняется от добровольной выплаты присужденной компенсации, инвестор сталкивается с практически непреодолимыми барьерами на пути принудительного исполнения вердикта в отношении суверенного должника.

Ключевой проблемой является сохраняющийся иммунитет государственных активов. Даже если страна заранее согласилась на арбитраж, отказавшись от судебного иммунитета, на стадии исполнения суды по месту нахождения имущества часто занимают позицию, что собственность государства продолжает пользоваться защитой от

принудительного взыскания⁸. В результате кредитор лишается возможности обратить взыскание на активы, принадлежащие проигравшей стороне или находящиеся под ее контролем.

Тем не менее, многие государства добросовестно исполняют арбитражные решения, руководствуясь стратегическими соображениями. Для них крайне важны поддержание благоприятного инвестиционного имиджа и минимизация правовой неопределенности, которая может привести к новым судебным искам в будущем. Теоретически, у инвестора существует возможность наложения обеспечительных мер на зарубежные активы государства. Однако здесь наблюдается прямая зависимость: чем значительнее сумма компенсации, тем труднее добиться ее реального взыскания.

Поскольку арбитражный трибунал не обладает собственными механизмами принуждения, кредитор вынужден обращаться за санкцией к национальным судам тех стран, где признается и исполняется иностранный арбитраж. Международно-правовая основа для таких действий предоставлена двумя ключевыми документами: Вашингтонской конвенцией 1965 года и Нью-Йоркской конвенцией 1958 года. Современная правовая доктрина в большинстве стран отошла от концепции абсолютного иммунитета в пользу функционального, который применяется только к действиям государства как суверена. Если же речь идет о коммерческой деятельности, иммунитет снимается.

Наличие арбитражной оговорки в инвестиционном соглашении само по себе подразумевает согласие государства на отказ от иммунитета в юрисдикционной части. Однако на стадии принудительного исполнения решения государство будет использовать все доступные средства правовой защиты, чтобы оградить свои активы от взыскания.

В арсенале инвестора остается две основные стратегии. Первая – добиться включения в договор прямого отказа государства от иммунитета в отношении принудительных мер. Вторая – попытаться доказать в суде, что конкретные активы носят коммерческий характер и поэтому не защищены иммунитетом⁹.

Основная практическая трудность заключается в идентификации таких активов, поскольку государства не раскрывают эту информацию публично. Ситуацию усугубляет то, что собственность может находиться за рубежом под управлением третьих лиц, что скрывает ее конечного бенефициара¹⁰.

К неприкосновенной государственной собственности традиционно относят активы дипломатических миссий, военные объекты и средства центральных банков, изъятие которых по судебному решению недопустимо. При этом провести четкую границу между суверенной и коммерческой собственностью на практике бывает чрезвычайно сложно, что создает значительные правовые риски для инвесторов.

На стадии принудительного исполнения арбитражного решения инвестор может столкнуться с особыми правовыми процедурами, затрудняющими обращение взыскания на государственные активы. Отдельные страны предусматривают возможность получения официальных

⁵ Хитрова А.А. Правовая природа арбитража // Мировой судья. 2020. № 9. С. 10-15.

⁶ Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (МЦУ-ИС/ICSID) [рус., англ.] (заключена в г. Вашингтоне 18.03.1965). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ ANDREA MARCO STEINGRUBER, CONSENT IN INTERNATIONAL ARBITRATION 25, P 2.54 (2012), Reinisch & Malintoppi. P. 692.

⁸ Andrea K. Bjorklund, State Immunity and the Enforcement of Investor-State Arbitral Awards, in INTERNATIONAL INVESTMENT LAW FOR THE 21ST CENTURY: ESSAYS IN HONOUR OF CHRISTOPH SCHREUER (Christina Binder et al. eds., 2009). P. 302-303.

⁹ IAN BROWNLIE, PRINCIPLES OF PUBLIC INTERNATIONAL LAW (7th ed. 2008). P. 327-328.

¹⁰ George K. Foster, Collecting from Sovereigns: The Current Legal Framework for Enforcing Arbitral Awards and Court Judgments Against States and Their Instrumentalities, and Some Proposals for Its Reform, 25 ARIZ. J. INT'L & COMP. L. (2008). P. 665-666.

заключений через дипломатические каналы, подтверждающих некоммерческий статус собственности государства. Критерием же для отнесения активов к коммерческим часто служит принцип сравнения с частным сектором: если операция могла бы осуществляться коммерческой организацией, то и действия государства приравниваются к предпринимательским. Например, при продаже государством имущества за денежное вознаграждение полученные средства квалифицируются как коммерческие активы, поскольку аналогичные сделки регулярно совершаются частными компаниями. В британском Законе о государственном иммунитете 1978 года закреплён именно такой подход, согласно которому любые операции по реализации товаров и услуг рассматриваются как коммерческая деятельность.

Возникает правовой парадокс: государство, изначально согласившееся на арбитраж и тем самым отказавшееся от судебного иммунитета, на этапе исполнения невыгодного ему решения часто вновь апеллирует к доктрине суверенного иммунитета для защиты своих активов. В этой ситуации взыскателю приходится предпринимать сложный поиск имущества, на которое можно обратиться взыскание, и доказывать его коммерческую природу. Однако даже при успешной идентификации таких активов государство может заблокировать их изъятие, ссылаясь на доктрину экономической необходимости. Аргументация строится на том, что арест дипломатического имущества, военных активов или резервов центрального банка подрывает осуществление ключевых государственных функций и создает угрозу финансовой стабильности или национальной безопасности.

Яркой иллюстрацией этих сложностей стало многолетнее судебное противостояние Франца Зедельмайера с Российской Федерацией. Инвестор обратился в арбитраж с иском о незаконной экспроприации собственности согласно германо-советскому договору о защите инвестиций. Первоначально российская сторона оспаривала юрисдикцию арбитража, ссылаясь на суверенный иммунитет, однако трибунал отклонил эти возражения, указав, что само подписание инвестиционного договора означает согласие на арбитражное разбирательство. В 1998 году было вынесено решение о взыскании с РФ 2,35 млн долларов США с процентами, которое добровольно исполнено не было. При попытке принудительного исполнения в Германии суд в Берлине подтвердил, что, став участником международного договора с арбитражной оговоркой, Россия отказалась от иммунитета как в части рассмотрения спора, так и в части исполнения решения. Суд указал на прямую связь между нормами инвестиционного соглашения и механизмами Нью-Йоркской конвенции, разрешив обратиться взыскание на российские активы на немецкой территории¹¹.

Несмотря на это правовое достижение, практический результат оказался скромным. За семнадцать лет Зедельмайер инициировал более 140 судебных процессов по всему миру, но так и не смог взыскать всю присужденную сумму. Тем не менее, его опыт остается уникальным примером, когда частному инвестору удалось добиться хотя бы частичной реализации арбитражного решения против суверенного государства. Эта многолетняя эпопея наглядно демонстрирует, сколь труднодостижимым может быть реальное возмещение убытков, особенно когда речь идет о значительных финансовых требованиях.

Практика разрешения инвестиционных конфликтов демонстрирует фундаментальную проблему: судебные и арбитражные процедуры требуют колоссальных временных и финансовых ресурсов, что зачастую вынуждает истцов отказываться от борьбы за причитающуюся компенсацию. История Франца Зедельмайера наглядно показала, что принудительное исполнение решений против суверенных государств остается наиболее уязвимым звеном в системе защиты прав инвесторов. Хотя международные договоры и конвенции создают формальные основания для подачи исков, они не предлагают реально работающего механизма получения денежных средств с государства-должника. Взыскателю приходится самостоятельно заниматься поиском активов ответчика за рубежом, сталкиваясь при этом с правовыми барьерами в виде суверенного иммунитета и доктрины экономической необходимости, которые фактически блокируют возможность изъятия государственного имущества¹².

Отсутствие эффективной системы исполнения судебных актов создает ситуацию, когда у государств-ответчиков отсутствуют стимулы для добровольного выполнения решений, особенно когда речь идет о значительных суммах. Это подрывает саму суть арбитражного процесса как инструмента защиты инвестиций. Для инвестора ключевым мотивом обращения в арбитраж является именно реальная перспектива получения компенсации. Для иллюстрации: если бы компания ЮКОС, получившая в 2014 году решение о взыскании 50 миллиардов долларов с Российской Федерации, попыталась реализовать его теми же темпами, что и Зедельмайер (который за 17 лет смог взыскать лишь часть от 2,3 миллионов), этот процесс занял бы тысячи лет. Показательна и дальнейшая судьба дела ЮКОСа: после отмены решения гаагским судом в 2016 году все попытки принудительного исполнения в различных юрисдикциях были прекращены¹³.

Несмотря на то, что более 140 стран взяли на себя обязательства по исполнению арбитражных решений в рамках Нью-Йоркской и Вашингтонской конвенций, на практике взыскание крупных сумм с государств остается крайне сложной задачей. Инвестор сталкивается не только с необходимостью идентификации зарубежных активов, но и с обязанностью доказывать их коммерческий характер. Хотя государства нечасто прибегают к прямому отказу от выплат, наблюдается четкая зависимость: чем значительнее сумма компенсации, тем ниже вероятность ее реального получения. Если эта тенденция сохранится, международные инвесторы могут начать отказываться от арбитража в пользу альтернативных механизмов разрешения споров.

В этой связи возникает настоятельная необходимость разработки действенных стимулов для государств, обеспечивающих добровольное исполнение арбитражных решений. Доверие к инвестиционному арбитражу как институту находится под угрозой, поскольку инвесторы должны быть уверены в существовании справедливого и эффективного механизма защиты их прав. Такой механизм является краеугольным камнем для развития масштабных международных инвестиционных проектов и без его надежного функционирования невозможно представить дальнейшую эволюцию глобальной инвестиционной системы.

В настоящее время арбитражные процессы, инициированные в соответствии с положениями Вашингтонской

¹¹ Alan S. Alexandroff & Ian A. Laird, Compliance and Enforcement, in THE OXFORD HANDBOOK OF INTERNATIONAL INVESTMENT LAW. P. 1183

¹² Tomoko Ishikawa, Extraterritorial Discovery in Aid of Execution and State Immunity: Case Comment on Republic of Argentina v. NML Capital, Ltd., 4 J. ACCT. ECON.&L. (2014). P. 1, 15.

¹³ Andrew Higgins, Beating Russia at Its Own Long Game, N.Y. TIMES (Feb. 9, 2015) – материал доступен в сети Интернет по адресу: http://www.nytimes.com/2015/02/10/world/europe/once-friendly-with-putin-german-goesto-court-over-seized-assets.html?_r=0 [https://perma.cc/Z2W6-UWZR] – доступ к ресурсу осуществлен 4 декабря 2017 года

конвенции, сохраняют статус наиболее востребованного инструмента для урегулирования международных инвестиционных разногласий. Однако их юрисдикция распространяется исключительно на государства, подписавшие и ратифицировавшие данный международный договор. Согласно положениям статьи 25 Конвенции, компетенция МЦУИС охватывает споры, возникающие непосредственно из инвестиционных отношений между государством-участником и физическими или юридическими лицами другого государства-члена. Созданный Конвенцией автономный правовой режим отчасти решает проблему исполнения вердиктов, поскольку обязанность неукоснительного выполнения решений арбитража возлагается исключительно на страны, присоединившиеся к этому документу. Следует отметить, что такие значимые игроки на мировой арене, как Индия и Россия, в число участников Вашингтонской конвенции не входят¹⁴.

Этот правовой вакуум создает существенную неопределенность в вопросах признания и принудительной реализации решений, вынесенных против Республики Индия. На данное государство не распространяется режим локализованного арбитража, равно как и механизм автоматической имплементации решений МЦУИС на территориях стран-подписантов. Дополнительными факторами, осложняющими процесс принудительного исполнения, выступают специфика оспариваемых государственных мер и потенциальное негативное влияние крупных компенсационных выплат на национальный бюджет¹⁵.

Парадоксальным образом Индия продолжает оставаться одним из наиболее привлекательных направлений для прямых иностранных инвестиций. За последние два десятилетия объем ПИИ в индийскую экономику демонстрирует одиннадцатикратный рост, достигнув показателя в 44 миллиарда долларов США. Либерализация экономики, взвешенная макроэкономическая политика и расширение сети двусторонних инвестиционных договоров создали условия не только для притока капитала, но и для увеличения количества споров с участием иностранных инвесторов. Начиная с 1990-х годов против Индии было инициировано рекордное число арбитражных разбирательств - 28¹⁶ на данный момент. Из завершенных дел по одиннадцати из них были вынесены решения, при этом Индия одержала победу лишь в двух случаях и произвела компенсационную выплату в одном. Остальные иски находятся на различных стадиях рассмотрения.

Типовые арбитражные оговорки, включаемые в двусторонние инвестиционные договоры с участием Индии, обычно предусматривают рассмотрение споров либо по Дополнительным правилам МЦУИС, либо в соответствии с регламентом ЮНСИТРАЛ. Однако ни один из этих процессуальных механизмов не гарантирует эффективного признания и принудительного исполнения арбитражных решений на территории Индии. Дополнительные правила, разработанные специально для случаев, когда одна из сторон не является участником Вашингтонской конвен-

ции, обеспечивают лишь административное сопровождение разбирательств под эгидой МЦУИС¹⁷. При этом они не создают надежных правовых гарантий для имплементации итоговых решений, поскольку их юридическая сила остается привязанной к месту проведения арбитража, что создает дополнительные препятствия для признания¹⁸.

В целях частичного решения этой проблемы Дополнительные правила содержат важное положение: арбитражные разбирательства могут проводиться исключительно в государствах-участниках Нью-Йоркской конвенции 1958 года. Данная норма, по всей видимости, призвана обеспечить правовую силу решениям, вынесенным в соответствии с Дополнительными правилами, через использование правовых механизмов, предусмотренных Нью-Йоркской конвенцией, тем самым компенсируя отсутствие автоматического режима исполнения, характерного для Вашингтонской конвенции.

Правовые основы принудительной реализации как национальных, так и международных арбитражных решений на территории Индии определяются Законом об арбитраже и примирении 2019 года, представляющим собой обновленную редакцию ранее действовавшего нормативного акта 1996 года. В контексте двух резонансных судебных процессов, инициированных индийским государством с целью ограничения арбитражных процедур по инвестиционным договорам, национальная судебная система оказалась вовлеченной в дискуссию о правовом статусе решений по инвестиционным спорам. Позиция, занятая судебными инстанциями, не только выявила правовые противоречия, но и усугубила существующую неопределенность в данной сфере¹⁹.

В прецедентных делах с участием компаний Vodafone и Khaitan Holdings Делийский высший суд пришел к принципиальному выводу, что итоги инвестиционных арбитражей, проведенных на основании двусторонних международных договоров, не подпадают под действие Закона 1996 года. Обоснованием послужил тезис о непредпринимательской природе таких разбирательств. Эти судебные акты поставили под сомнение саму возможность принудительного исполнения вердиктов по инвестиционным конфликтам в индийской юрисдикции.

В апреле 2017 года Vodafone International Holdings BV обратилась в арбитражный арбитраж, ссылаясь на положения двустороннего соглашения между Индией и Нидерландами²⁰. Предметом разбирательства стала принятая индийскими властями ретроспективная налоговая поправка, повлекшая финансовые требования к компании на сумму 1,53 миллиарда долларов США с учетом процентных начислений. В период рассмотрения данного спора материнская структура Vodafone Group Plc инициировала параллельное арбитражное производство на основе договора между Индией и Великобританией, оспаривая те же фискальные меры. В ответ индийская сторона обратилась в Делийский суд с ходатайством о наложении судебного запрета на арбитражную процедуру²¹.

¹⁴ <https://www.nishithdesai.com/Content/document/pdf/ResearchPapers/Vodafone-Holdings-B.V.-versus-Republic-of-India.pdf>.

¹⁵ Доклад о мировых инвестициях 2021: инвестиции в устойчивое восстановление. Обзор. Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД). С. 11 [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2021_overview_ru.pdf.

¹⁶ https://www.italaw.com/browse/respondent-state?field_case_type_tid%5B0%5D=1687&field_case_type_tid%5B1%5D=1090&field_case_type_tid%5B2%5D=1091&field_respondent_state_tid=622&page=1.

¹⁷ ICSID Additional Facility Rules [Электронный ресурс]. URL: https://icsid.worldbank.org/sites/default/files/AFR_2006%20English-final.pdf.

¹⁸ Признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений в России и странах бывшего СССР / под ред. П.О. Зыкова. Б.м.: Арбитражная Ассоциация, 2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁹ [https://prsindia.org/files/bills_acts/bills_parliament/2019/Arbitration%20and%20Conciliation%20\(Amendment\)%20Act,%202019.pdf](https://prsindia.org/files/bills_acts/bills_parliament/2019/Arbitration%20and%20Conciliation%20(Amendment)%20Act,%202019.pdf).

²⁰ Vodafone International Holdings BV v. Government of India [I], PCA Case No. 2016-35 (Dutch BIT Claim) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.italaw.com/cases/2544>.

²¹ Vodafone Group Plc and Vodafone Consolidated Holdings Limited v. Government of India [II], UNCITRAL (UK BIT Claim) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.italaw.com/cases/5713>.

В своем решении судебная инстанция подтвердила компетенцию национальных судов в отношении инвестиционных арбитражей, указав, что судебные запреты могут применяться исключительно при наличии чрезвычайных обстоятельств, добросовестности заявителя и отсутствии альтернативных механизмов защиты. При этом суд счел необходимым высказать правовую позицию относительно перспектив признания решений инвестиционных арбитражей, подчеркнув фундаментальное отличие таких разбирательств от коммерческих споров. По мнению судей, основания для инвестиционных исков коренятся в государственных гарантиях и обязательствах международно-правового характера, а не в коммерческих отношениях²².

Судебная коллегия констатировала, что хотя двусторонние инвестиционные договоры содержат арбитражные оговорки, они не образуют состав международного коммерческого арбитража в понимании Закона 1996 года. Особо отмечалось, что при присоединении к Нью-Йоркской конвенции Индия использовала право коммерческой оговорки, ограничив сферу применения документа отношениями, квалифицируемыми как коммерческие согласно национальному законодательству.

В деле *Khaitan Holdings* Делийский суд развил эту правовую доктрину, признав инвестиционный арбитраж особым видом разбирательства, находящимся за пределами правового поля Закона 1996 года²³. В результате юрисдикция по таким спорам была отнесена к компетенции судов общей юрисдикции в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом 1908 года. Отклоняя ходатайство о приостановлении арбитражного производства, начатого *Khaitan Holdings* еще в 2013 году, суд указал на отсутствие оснований для вмешательства в деятельность уже сформированного и действующего арбитражного процесса, признав его полную компетенцию в разрешении возникшего спора.

Сложившаяся в результате дел *Vodafone* и *Khaitan Holdings* правоприменительная практика создает существенные барьеры для реализации решений инвестиционных арбитражей на территории Индии. Пока эти судебные акты сохраняют силу, любая заинтересованная сторона, стремящаяся к принудительному исполнению вердикта, вынесенного в рамках двустороннего инвестиционного договора, вынуждена преодолевать целый комплекс юридических препятствий. Ключевой проблемой остается неприменимость современного арбитражного законодательства 2019 года к данной категории споров, равно как и ограниченная эффективность процедур Гражданского процессуального кодекса 1908 года, регулирующего исполнение иностранных судебных актов²⁴. Принципиальным моментом является то, что решения инвестиционных арбитражей не получают в Индии статуса иностранных судебных решений, что фактически блокирует их имплементацию через механизмы ГПК.

Хотя иные высшие суды страны формально не связаны прецедентами, созданными делийской юрисдикцией, их правовые позиции обладают значительным авторитетом и формируют действующую правовую реальность до тех пор, пока не последует пересмотр со стороны Верховного суда. В сложившейся ситуации наиболее перспективной стратегией для взыскателей представляется идентификация и последующий арест индийских государственных активов, находящихся за пределами страны. Целесообразно ориентироваться на правовые системы,

обладающие устоявшейся практикой исполнения международных арбитражных решений, такие как Великобритания, Германия, Сингапур, США, Франция и Япония. Эти государства не только участвуют в ключевых международных конвенциях, но и демонстрируют последовательную готовность к принудительной реализации вердиктов, включая инвестиционные споры.

Несмотря на то, что перечисленные юрисдикции редко сталкиваются с проблемами исполнения подобных решений, их правовые системы предоставляют надежные механизмы для взыскания. Это становится особенно актуальным в свете современной тенденции индийских судов исключать инвестиционные споры из сферы действия национального арбитражного законодательства. Важно подчеркнуть, что Нью-Йоркская конвенция, являющаяся фундаментом международного коммерческого арбитража, реализуется через национальное законодательство стран-участниц. Индийский Закон 2019 года, базирующийся на Типовом законе ЮНСИТРАЛ, инкорпорирует положения этой конвенции, однако, в отличие от государств-участников Вашингтонской конвенции, в Индии отсутствует специализированный механизм для исполнения именно инвестиционных арбитражных решений.

Правовая позиция Высокого суда Дели, исключившего инвестиционные споры из сферы действия арбитражного законодательства, нанесла серьезный удар по перспективам исполнения решений, вынесенных на основе индийских двусторонних инвестиционных договоров. Эта ситуация вынуждает иностранных инвесторов обращаться к юрисдикциям, где находятся активы государства-должника. Без пересмотра данной практики Верховным судом Индии прогнозы относительно принудительного исполнения арбитражных решений по инвестиционным спорам с участием индийского государства остаются неблагоприятными, что создает существенные риски для иностранных инвесторов и может негативно отразиться на инвестиционном климате страны в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Крупко С.И. Инвестиционные споры между государством и иностранным инвестором. М.: БЕК, 2002. С. 16.
2. Хитрова А.А. Правовая природа арбитража // *Мировой судья*. 2020. № 9. С. 10-15.
3. Конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (МЦУ-ИС/ICSID) [рус., англ.] (заключена в г. Вашингтоне 18.03.1965). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Andrea Marco Steingruber, Consent in international arbitration 25, P 2.54 (2012), Reinisch & Malintoppi. P. 692.
5. Andrea K. Bjorklund, State Immunity and the Enforcement of Investor-State Arbitral Awards, in *International investment law for the 21st century: essays in honour of christoph schreuer* (Christina Binder et al. eds., 2009). P. 302-303.
6. Ian Brownlie, Principles of public international law (7th ed. 2008). P. 327-328.
7. George K. Foster, Collecting from Sovereigns: The Current Legal Framework for Enforcing Arbitral Awards and Court Judgments Against States and Their Instrumentalities, and Some Proposals for Its Reform, 25 *ARIZ. J. INT'L & COMP. L.* (2008). P. 665-666.

²² <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw9702.pdf>.

²³ *Khaitan Holdings (Mauritius) Limited v. Republic of India*, PCA Case No 2018-50 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.italaw.com/cases/2262>.

²⁴ Judgment of the High Court of Delhi on India's Request for an Injunction to Stay the Arbitration Proceedings [Электронный ресурс]. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw10303.pdf>.

8. Alan S. Alexandroff & Ian A. Laird, Compliance and Enforcement, in *The Oxford handbook of international investment law*. P. 1183

9. Tomoko Ishikawa, Extraterritorial Discovery in Aid of Execution and State Immunity: Case Comment on Republic of Argentina v. NML Capital, Ltd., 4 J. ACCT. ECON.&L. (2014). P. 1, 15.

10. Andrew Higgins, Beating Russia at Its Own Long Game, N.Y. TIMES (Feb. 9, 2015) – материал доступен в сети Интернет по адресу: http://www.nytimes.com/2015/02/10/world/europe/once-friendly-with-putin-german-goesto-court-over-seized-assets.html?_r=0 [<https://perma.cc/Z2W6-UWZR>] – доступ к ресурсу осуществлен 4 декабря 2017 года

11. Доклад о мировых инвестициях 2021: инвестиции в устойчивое восстановление. Обзор. Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД). С. 11 [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2021_overview_ru.pdf.

12. ICSID Additional Facility Rules [Электронный ресурс]. URL: https://icsid.worldbank.org/sites/default/files/AFR_2006%20English-final.pdf.

13. Признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений в России и странах бывшего СССР / под ред. Р.О. Зыкова. Б.м.: Арбитражная Ассоциация, 2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Vodafone International Holdings BV v. Government of India [I], PCA Case No. 2016-35 (Dutch BIT Claim) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.italaw.com/cases/2544>.

15. Vodafone Group Plc and Vodafone Consolidated Holdings Limited v. Government of India [II], UNCITRAL (UK BIT Claim) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.italaw.com/cases/5713>.

16. Khaitan Holdings (Mauritius) Limited v. Republic of India, PCA Case No 2018-50 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.italaw.com/cases/2262>.

17. Judgment of the High Court of Delhi on India's Request for an Injunction to Stay the Arbitration Proceedings [Электронный ресурс]. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw10303.pdf>.

Problematic issues in the enforcement of international investment arbitration awards

Lopatukhin K.D.

Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafin

This study analyzes the practical implementation of awards rendered by international investment arbitration tribunals, focusing on procedures for recovering large monetary compensation from states. The paper explores contemporary challenges associated with the implementation of arbitral awards within the investment arbitration mechanism. The study focuses on the activities of the International Centre for Settlement of Investment Disputes (ICSID) as the key institutional arbitrator specializing in this category of cases. The effectiveness of an arbitral award directly depends on the existing mechanism for its legitimization and subsequent implementation through national judicial institutions. This mechanism is well-established and has demonstrated high effectiveness in the field of international investment arbitration. A detailed examination is given to the regulatory framework and practice of applying procedures for the recognition and enforcement of arbitral awards, as well as the legal status and jurisdictional immunities of participants in investment disputes.

Keywords: International investment arbitration, international commercial arbitration, enforcement of awards in international investment disputes, recognition and enforcement of arbitral awards, international law.

References

1. Krupko S.I. Investment Disputes between the State and a Foreign Investor. Moscow: BEK, 2002. P. 16.
2. Khitrova A.A. Legal Nature of Arbitration // Magistrate's Judge. 2020. No. 9. Pp. 10-15.
3. Convention on the Settlement of Investment Disputes between States and Nationals of Other States (ICSID) [Russian, English] (concluded in Washington on March 18, 1965). Accessed from the legal reference system "ConsultantPlus".
4. Andrea Marco Steingruber, Consent in International Arbitration 25, P 2.54 (2012), Reinisch & Malintoppi. R. 692.
5. Andrea K. Bjorklund, State Immunity and the Enforcement of Investor-State Arbitral Awards, in International investment law for the 21st century: essays in honor of Christoph Schreuer (Christina Binder et al. eds., 2009). R. 302-303.
6. Ian Brownlie, Principles of public international law (7th ed. 2008). R. 327-328.
7. George K. Foster, Collecting from Sovereigns: The Current Legal Framework for Enforcing Arbitral Awards and Court Judgments Against States and Their Instrumentalities, and Some Proposals for Its Reform, 25 ARIZ. J. INT'L & COMP. L. (2008). R. 665-666.
8. Alan S. Alexandroff & Ian A. Laird, Compliance and Enforcement, in *The Oxford handbook of international investment law*. R. 1183
9. Tomoko Ishikawa, Extraterritorial Discovery in Aid of Execution and State Immunity: Case Comment on Republic of Argentina v. NML Capital, Ltd., 4 J. ACCT. ECON.&L. (2014). R. 1, 15.
10. Andrew Higgins, Beating Russia at Its Own Long Game, N.Y. TIMES (Feb. 9, 2015) – the material is available on the Internet at: http://www.nytimes.com/2015/02/10/world/europe/once-friendly-with-putin-german-goesto-court-over-seized-assets.html?_r=0 [<https://perma.cc/Z2W6-UWZR>] – accessed on December 4, 2017
11. World Investment Report 2021: Investing for a Resilient Recovery. Overview. United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). P. 11 [Electronic resource]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2021_overview_ru.pdf.
12. ICSID Additional Facility Rules [Electronic resource]. URL: https://icsid.worldbank.org/sites/default/files/AFR_2006%20English-final.pdf.
13. Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards in Russia and the Former USSR Countries / edited by R.O. Zykov. B.m.: Arbitration Association, 2019. Accessed from the reference and legal system "ConsultantPlus".
14. Vodafone International Holdings BV v. Government of India [I], PCA Case No. 2016-35 (Dutch BIT Claim) [Electronic resource]. URL: <https://www.italaw.com/cases/2544>.
15. Vodafone Group Plc and Vodafone Consolidated Holdings Limited v. Government of India [II], UNCITRAL (UK BIT Claim) [Electronic resource]. URL: <https://www.italaw.com/cases/5713>.
16. Khaitan Holdings (Mauritius) Limited v. Republic of India, PCA Case No 2018-50 [Electronic resource]. URL: <https://www.italaw.com/cases/2262>.
17. Judgment of the High Court of Delhi on India's Request for an Injunction to Stay the Arbitration Proceedings [Electronic resource]. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/case-documents/italaw10303.pdf>.

Правовые аспекты трансграничной операционной совместимости платежных систем: вызовы и пути решения на международном и национальном уровнях

Цветков Радислав Александрович

аспирант, Всероссийская академия внешней торговли

В настоящей статье проводится анализ текущих механизмов осуществления трансграничных платежей, описываются факторы, оказывающие влияние на формирование современных моделей обеспечения операционной совместимости платежных систем. Автор отмечает, что современные трансграничные платежи обеспечиваются не только и не столько международными стандартами, сколько законодательствами стран, участвующих в трансграничных расчетах. Выделены особенности обеспечения трансграничных расчетов с применением криптовалют и цифровых финансовых активов, а также определены инновационные механизмы обеспечения совместимости платежных систем национальными акторами в условиях санкционного давления, оказываемого на Российскую Федерацию, и становления новых центров глобальной экономики.

Ключевые слова: платежная система, трансграничные расчеты, Банк России, экспериментальный правовой режим, децентрализованные платежные платформы, операционная совместимость.

В современных условиях смещения экономических векторов в сторону глобальной многополярности трансграничные операции между странами не только связаны с переводом денежных средств, охватывая международно-торговые и инвестиционные площадки, удаленные переводы, расчеты по аккредитивам, внутренние и внешние транзакции, но и осваивает новые способы взаимодействия контрагентов, среди которых активно применяются расчеты с использованием цифровых финансовых активов, криптовалюты и основанные на этих технологиях механизмы.

Отличительной чертой международных экономических институтов является их прямая зависимость от глобальной политики, которая в последние годы все чаще определяет экономические тренды. Нестабильность во внешнеэкономических отношениях находит свое отражение на функционировании системы трансграничных операций: изменяются логистические и торговые цепочки, запускаются инновационные проекты при осуществлении взаиморасчетов, формируются коалиционные блоки, внедряющие свой инструментарий и механизмы при осуществлении трансграничных платежей на региональном и международном уровнях.

Сложившаяся за последние пять лет глобальная экономическая ситуация, вызванная международно-политическим кризисом «передела сфер влияния», заставляет по-новому смотреть на устоявшиеся механизмы обеспечения трансграничной операционной совместимости и безопасности при осуществлении таких операций. Нестабильность на международных торговых площадках, сложившиеся проблемы в процессах и деятельности Всемирной торговой организации, рост конкуренции среди региональных торговых коалиций (расширение блока БРИКС за счет Глобального Юга; развитие торговых отношений среди стран, входящих в субрегиональное южноамериканское торгово-экономическое объединение МЕРКОСУР; смещение вектора экономического развития в сторону стран Востока и Азии в «глобальной двадцатке» и пр.) оказывают сильное влияние на способность платежных и расчетных систем разных юрисдикций напрямую взаимодействовать, обмениваться информацией и использовать данные, полученные в результате таких обменов в рамках трансграничных платежей.

Отметим, что операционная совместимость при осуществлении трансграничных платежей может быть достигнута с использованием как одной и той же технологии, так и посредством интеграции различных технологий и механизмов.

Следует выделить три наиболее оптимальных пути по достижению такой совместимости:

1) через применение одинаковых совместимых стандартов, на которые будут распространяться аналогичные регуляторные правила; практики, сложившиеся в определенных сегментах торгово-рыночных отношений; форматы передачи финансовых сообщений; требования по сбору, учету, обработке и хранению данных;

2) через общие и универсальные механизмы, использующие взаимосвязанные технические интерфейсы — например, посредством межбанковского, валютного, товарного или биржевого клиринга, когда взаимодействие

между контрагентами и посредниками обеспечивается посредством общих цифровых платформ;

3) через создание единой мультивалютной платежной системы – например, все отчетливей развиваются предпосылки развития бесконтактной платежной системы, которая свяжет действующие платежные системы стран, входящих в БРИКС, отличающейся общей интегрированной системой трансграничных платежей.

Для обеспечения действующей системы трансграничных расчетов применяются различные стандарты и регулирование. Одними из наиболее распространенных выступают:

1) международные стандарты по электронному обмену данными, среди которых выделим:

- систему электронного обмена данными в управлении, торговле и на транспорте Организации Объединенных Наций (EDIFACT) и подгруппы этого стандарта – EANCOM, применяемый для торговли и ориентированный на внешнеэкономическую деятельность; EDICON, используемый для взаимодействия между контрагентами-поставщиками товаров и услуг; ANSI X12, применяемый для обеспечения структурированного электронного документооборота в области государственных закупок, в торговле и финансах;

- формат ISO 20022 [1], разработанный Техническим комитетом № 68 Международной организации по стандартизации (ISO), который упрощает автоматизацию обработки операций за счет применения унифицированного формата XML; обладает расширенными возможностями по передаче данных по платежам, включая их название, назначение, ссылки на контракты, финансовые и сопроводительные документы; формат дает возможность обеспечить совместимость, читаемость и полноту данных при передаче платежных поручений, единство сообщений о статусе операций, при получении выписок об их ходе и завершении. Благодаря XML-структуре каждый из участников взаиморасчетов получает стандартизированное и четко читаемое сообщение, что исключает возможности ошибок при интерпретации данных по операции и повышает автоматизацию при их обработке.

В поддержку формата ISO 20022 в своем письме «О вопросах кредитных организаций» от 27.06.2025 [2] Банк России в рамках адаптации участников национальной платежной системы к новым условиям трансграничного платежного рынка отметил необходимость перехода к платежному распоряжению, которое постепенно заменит существующие формы расчетов (платежных) документов, в том числе и платежное поручение. Банком России также планируется поддерживать внедрение стандарта ISO 20022 в механизмы СПФС и национальные платежные шлюзы, что в будущем позволит осуществлять расчеты с иностранными партнерами с оформлением всех документов в соответствии с требованиями, предъявляемыми национальным валютным законодательством;

2) стандарты, используемые для электронных эквивалентов, для торговых и финансовых документов, и основанные на принципе гармонизации данных. Такие стандарты могут носить международный, региональный или национальный характер. Среди международных и региональных стандартов выделим:

- Модельный закон UNCINTRAL «Об электронной коммерции» [3], содержащий наиболее типичные и общие условия для обеспечения юридической силы электронным документам при использовании электронных площадок в финансово-экономической деятельности;

- Конвенцию Организации Объединенных Наций по использованию электронных сообщений в международных договорах [4], позволяющую определять эквивалентность

между письменными и электронными формами сообщений и между электронными методами удостоверения подлинности и подписями контрагентов и представителей при обмене информацией, осуществлении взаиморасчетов.

В России регулирование системы взаиморасчетов определяется государственными стандартами, среди которых отметим: ГОСТ Р 7.0.109-2024, устанавливающий основные требования к метаданным при электронном обмене данными; ГОСТ Р 53898-2013, регламентирующий формат электронных сообщений и условия обеспечения их совместимости; ГОСТ Р 7.0.8-2013, определяющий виды электронных документов, участвующих в операциях, электронных подписей и системы электронного документооборота;

3) стандарты, позволяющие идентифицировать субъекты и объекты, участвующие в трансграничных цепях расчетов и поставок – например, международно признанные идентификаторы и схемы кодов, среди которых отметим стандарт ISO 3166-1, позволяющий идентифицировать страну, участвующую в операции; стандарт EAN-13, применяющийся в товарообороте; валютный стандарт ISO 4217; код LEI – идентификатор, позволяющий определять юридическое лицо-контрагент, совершающее финансовые транзакции; коды SWIFT или СБП, используемые при осуществлении денежных переводов.

Для обеспечения трансграничных взаиморасчетов могут использоваться различные технологии и механизмы.

Наиболее распространенными являются традиционные способы, представляющие собой банковские взаиморасчеты, осуществляемые через: 1) аккредитив, когда банком замораживаются средства до момента выполнения всех требований контракта; 2) инкассо, когда платеж производится после предъявления документов, необходимых для экспорта товаров; 3) банковский перевод – прямой перевод с одного счета на другой при осуществлении простых сделок.

До 2022 года банковские переводы национальной банковской системой осуществлялись через SWIFT, которая объединяет функции платежной системы и корпоративного сообщества, фактически регулирующего взаиморасчеты данными между кредитно-финансовыми организациями в международно-правовом поле и контролирующего единый стандарт проведения транзакций, фиксированный тариф за переводы, привязанные к сумме каждой из осуществляемых операций.

В связи с применением механизмов санкционного давления к Российской Федерации экономико-политические рестрикции коснулись и национального банковского сектора: постепенно от системы SWIFT были отключены такие крупные акторы, как Сбер, МКБ, ВТБ, ВЭБ, Совкомбанк, банки «Россия» и «Открытие». Кроме того, некоторые банки, формально не отключенные от SWIFT, между тем потеряли возможность осуществлять операции с валютой из-за попадания в списки SDN - список физических и юридических лиц, которые, по мнению Управления по контролю за иностранными активами при Минфине США (OFAC), представляют значительный риск для безопасности и экономики стран.

В качестве альтернативы SWIFT национальным регулятором и банковским сектором России неоднократно рассматривалась модель использования международной платежной системы Ripple для обеспечения трансграничных расчетов.

Ripple в качестве взаиморасчетов применяется нативный токен XRP, посредством которого реализуются быстрые и недорогие международные платежи. XRP используется в качестве «мостовой валюты», обеспечивающей совместимость с другими валютами.

Платежную систему Ripple отличает низкая комиссия за операции и быстрота проведения транзакций, что дает возможность проведения до тысячи взаиморасчетов одновременно. Однако, не смотря на многие положительные стороны указанной платежной системы, был смещен вектор в сторону отечественной системы передачи финансовых сообщений для внутренних и внешних расчетов и иных способов обеспечения трансграничных операций.

Деятельность Ripple связана с многочисленными спорами. Интеграция Ripple в трансграничные платежи сталкивается с трудностями, среди которых соблюдение нормативных требований в сфере борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма. Кроме того, до сих пор не разрешена юридическая неопределенность, связанная со спорами между Ripple и Комиссией по ценным бумагам и биржам США.

Как справедливо отмечают Е. А. Синцова и Е. М. Звягина [5], санкции оказывают существенное влияние на текущие финансовые институты России, но, как полагает ученый, эффект от них будет ослабевать благодаря новым возможностям в финансовой политике государства.

Согласимся также с мнением О. Г. Смешко, В. А. Плотникова, Ю. В. Вертаковой [6], которые полагают, что благодаря гибкости государственной политики, возможна адаптация к новым реалиям.

С момента запуска «санкционного катка» в отношении национальной банковской сферы рассматривались различные пути, позволяющие осуществлять трансграничные взаиморасчеты. Отметим наиболее актуальные из них:

1. Запуск совместных проектов с иностранными банками. Так, была разработана программа осуществления переводов в юанях через китайские банки. Для осуществления международных транзакций банк принимает переводы от физических и юридических лиц, которые зачисляет только на счета зарубежных юридических лиц. Данный механизм требует обязательного открытия счета в юанях и приобретение валюты по текущему на момент открытия счета курсу. Зачисление средств на счет, одинаково для онлайн и офлайн режимов, производится в пятидневный срок. Сумма переводов не должна превышать установленную Центральным Банком максимальную сумму в 100 млн. рублей в месяц, и не более 20 млн. рублей – за одну операцию.

2. Использование возможностей двух платежных систем. С момента прекращения обслуживания пластиковых карт платежными системами Mastercard и Visa, кобейджинговые карты стали одним из немногих решений, доступных для субъектов международных платежей как в России, так и за рубежом. Механизм использования двух платежных систем в рамках «одного пластика» был одобрен Национальной системой платежных карт (НСПК) и не противоречит главе 4.1 «Национальная система платежных карт» Федерального закона от 27.06.2011 №161-ФЗ «О национальной платежной системе» [7].

Одним из распространенных кобейджинговых продуктов стал «МИР – Union Pay». Китайская платежная система Union Pay используется более чем 180 странами мира, что существенно расширило возможности международных платежей для их российских участников.

3. Развитие системы передачи финансовых сообщений (СПФС), как альтернативы SWIFT. Уже сейчас СПФС активно применяется для перевода национальной валюты на счета, подключенные в банках других стран (полный перечень банков и стран представлен на официальном сайте ЦБ РФ), среди которых, в т.ч. и российские дочерние структуры китайских банков (АКБ «Банк Китая (ЭЛЛОС), АО «Торговый Промышленный Банк Китая LTD и пр.).

4. Использование китайской системы трансграничных межбанковских платежей CIPS, фактически осуществляющей функции клирингового центра по расчетам в юанях на территории Российской Федерации. Прямое участие в системе позволяет открывать счета и проводить трансграничные платежи в китайской валюте.

5. Применение экспериментального правового режима (ЭПР), позволяющего использовать цифровые финансовые активы и криптовалюту при совершении трансграничных расчетов по внешнеторговым договорам [8].

Во многом развитию данного механизма способствовало принятие Федерального закона от 08.08.2024 № 221-ФЗ [9], который расширил возможности обращения иностранных цифровых прав на территории Российской Федерации, а российских цифровых прав – за рубежом.

Программа экспериментального правового режима при осуществлении трансграничных платежей – это специальный правовой режим, в рамках которого предусматриваются платежи в криптовалюте по внешнеторговым сделкам, совершаемым через уполномоченные на то организации; определяются права и обязанности резидентов и нерезидентов, органов и агентов валютного контроля при осуществлении валютных операций с криптовалютами; определяются требования к организаторам торговли и порядок допуска цифровых валют к организуемым торгам.

Такая программа утверждается Банком России при согласовании с заинтересованными ведомствами. В рамках ЭПР создается централизованная платформа-оператор, в рамках которой осуществляются взаиморасчеты с использованием криптовалют, что позволяет осуществлять контроль и минимизировать осуществление платежей в «серой зоне». Для лиц, не участвующих в ЭПР, использование криптовалюты при осуществлении трансграничных расчетов по внешнеторговым договорам запрещено.

Использование децентрализованных платежных платформ представляет собой один из перспективных способов осуществления трансграничных расчетов для российского сегмента в условиях санкционных рестрикций.

Флагманом среди будущих платформ выступает платежная система BRICS Pay, разрабатываемая в рамках Делового совета стран БРИКС, которая предназначена для обеспечения быстрых, безопасных и бесперебойных трансграничных транзакций. Такая платежная система фактически объединяет национальные и коммерческие платежные системы стран в формате БРИКС+, что создает устойчивую финансовую инфраструктуру, доступную для компаний и частных лиц по всему миру.

Среди условий, предлагаемых BRICS Pay для международных акторов, выделяют упрощенный процесс оплаты импортных поставок с соблюдением требований валютного контроля; выгодные условия для экспортеров в модели B2B, в которых механизм BRICS Pay обеспечивает конкурентные курсы обмена валют и низкие комиссии; безопасность и прозрачность при осуществлении взаиморасчетов за счет предоставления удобной онлайн-платформы для контроля.

Отметим, что BRICS Pay не ставит цели заменить SWIFT, Mastercard, Visa и другие платежные системы, предлагая альтернативный, параллельный и полностью совместимый с ними, вариант, что позволяет имплементировать ее в систему трансграничных операций.

С принятием в Российской Федерации Закона цифровом рубле, определении условий для майнинга и внесения соответствующих изменений в законодательство о цифровых финансовых активах в 2024-2025 гг. Банком России по согласованию с зарубежными коллегами рассматриваются новые пути использования цифровых валют центральных банков (CBDC) и цифровых финансовых активов в качестве инструмента для упрощения

трансграничных операций в рамках структуры БРИКС+. В настоящее время согласовываются механизмы по приведению национальных законодательств стран-членов БРИКС и прорабатываются пути осуществления таких расчетов в ближайшем будущем.

Согласимся с мнением Н. Д. Эмирова, М. Ю. Макарова [10] и других ученых [11], полагающих, что заложенный Россией курс по диверсификации и совершенствованию механизмов осуществления трансграничных платежей, приведению национального законодательства к особенностям передовых платежных систем, неизменно ведет к достижению финансового суверенитета государства и построению новых каналов взаимодействия в данном секторе.

Проведенное исследование позволило сформулировать ряд важных выводов и предложений:

1. Система осуществления трансграничных расчетов не является статичной – с развитием новых возможностей совершенствуются механизмы и инструменты, позволяющие имплементировать в процессы новые формы и методы осуществления международных операций, а их безопасность и прозрачность обеспечиваются международно признанными стандартами.

2. Рассмотрены различные модели реализации трансграничных платежей, на базе которых выделены наиболее актуальные направления по обеспечению их операционной совместимости посредством одинаковых совместимых стандартов, внедрения в процессы технических интерфейсов и через развитие мультивалютных платежных систем.

3. Исследованы модели реализации трансграничных платежей применительно к текущим экономико-политическим реалиям децентрализации мировой экономики. Определены векторы обеспечения трансграничной операционной совместимости на примере коллаборативных инноваций объединения БРИКС.

4. Определены актуальные глобальные и региональные вызовы, стоящие перед Российской Федерацией в современных политико-экономических реалиях, выделены наиболее инновационные механизмы преодоления рисков для трансграничных платежей и пути по совершенствованию национальной системы обеспечения расчетов с учетом имеющейся международной практики трансграничных расчетов и изменений, вступивших в законную силу в российском законодательстве за последние годы.

Литература

1. Стандарт ISO 20022. Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/PSsystem/iso_20022/ (дата обращения: 21.12.2025).
2. Письмо Банка России от 27.06.2025 № 45-52/5257 «О вопросах кредитных организаций» // СПС Гарант. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412183936/?ysclid=mjg4b2ou8v594514861> (дата обращения: 21.12.2025).
3. Бирюкова О. В. Основные направления в переговорах и соглашениях по цифровой торговле // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 4. С. 23–39.
4. Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах. Принята резолюцией 60/21 Генеральной Ассамблеи от 23 ноября 2005 года. Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/elect_com.shtml?ysclid=mjg4ffumv814333239 (дата обращения: 21.12.2025).

5. Синцова Е. А., Звягина Е. М. К вопросу о влиянии санкций на финансовый суверенитет России и формирование его модели // Экономика и управление. 2023. Т. 29. № 9. С. 1117–1127.

6. Смешко О. Г., Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Перспективы российской экономики: новые вызовы экономической безопасности и перестройка государственного управления // Экономика и управление. 2022. Т. 28. № 6. С. 524–537.

7. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // СПС Гарант. Режим доступа:

<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12087279> (дата обращения: 21.12.2025).

8. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СПС Гарант. Режим доступа:

<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74351176/?ysclid=mjg4r1463v49124050> (дата обращения: 21.12.2025).

9. Федеральный закон от 08.08.2024 № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Гарант. Режим доступа: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1746691/?ysclid=mjg4oe606a797317369> (дата обращения: 21.12.2025).

10. Эмиров Н. Д., Макаров М. Ю. Трансформация российского рынка цифровых финансовых активов на современном этапе // Экономика и управление. 2024. Т. 30. № 7. С. 840–849.

11. Королев Л. П. Проблемы и перспективы трансграничных переводов денежных средств в России в условиях санкций // Вестник Академии знаний – 2024. – №3 (62) – С. 607-611.

Legal Aspects of Cross-Border Interoperability of Payment Systems: Challenges and Solutions at the International and National Levels Tsvetkov R.A.

All-Russian Academy of Foreign Trade

This article analyzes current mechanisms for cross-border payments and describes the factors that influence the development of modern models for ensuring the interoperability of payment systems.

The author notes that modern cross-border payments are supported not only and not so much by international standards, but also by the legislation of the countries involved in cross-border settlements. The article highlights the features of cross-border settlements using cryptocurrencies and digital financial assets, and identifies innovative mechanisms for ensuring the compatibility of payment systems by national actors in the context of sanctions imposed on the Russian Federation and the emergence of new centers of the global economy.

Keywords: payment system, cross-border settlements, Bank of Russia, experimental legal regime, decentralized payment platforms, and interoperability.

References

1. ISO 20022 standard. Official website of the Bank of Russia [Electronic resource]. URL: https://www.cbr.ru/PSsystem/iso_20022/ (date of request: 21.12.2025).
2. Letter of the Bank of Russia dated 27.06.2025 № 45-52/5257 «On Issues of Credit Organizations» // Reference Legal System Garant. Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412183936/?ysclid=mjg4b2ou8v594514861> (date of request: 21.12.2025).
3. Biryukova O. V. Main Directions in Negotiations and Agreements on Digital Trade // Bulletin of International Organizations. 2024. Vol. 19. № 4. Pp. 23–39.
4. UN Convention on the Use of Electronic Communications in International Treaties. Adopted by General Assembly Resolution 60/21 of 23 November 2005. Official website of the United Nations [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/elect_com.shtml?ysclid=mjg4ffumv814333239 (date of request: 21.12.2025).
5. Sintsova E. A., Zvyagina E. M. On the Impact of Sanctions on Russia's Financial Sovereignty and the Formation of Its Model // Economics and Management. 2023. Vol. 29. № 9. Pp. 1117–1127.
6. Smeshko O. G., Plotnikov V. A., Vertakova Yu. V. Prospects for the Russian Economy: New Challenges to Economic Security and the Reorganization of Public Administration // Economics and Management. 2022. Vol. 28. № 6. Pp. 524–537.
7. Federal Law № 161-FL of 27 June 2011 «On the National Payment System» // Reference Legal System Garant. Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12087279> (date of request: 21.12.2025).

8. Federal Law № 258-FL of July 31, 2020 «On Experimental Legal Regimes in the Field of Digital Innovations in the Russian Federation» // Reference Legal System Garant. Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74351176/?ysclid=mjg4r1463v49124050> (date of request: 21.12.2025).
9. Federal Law № 221-FL of August 8, 2024 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Reference Legal System Garant. Access mode: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1746691/?ysclid=mjg4oe606a797317369> (дата обращения: 21.12.2025).
10. Emirov N. D., Makarov M. Yu. Transformation of the Russian Digital Financial Assets Market at the Present Stage // Economics and Management. 2024. Vol. 30, № 7. Pp. 840–849.
11. Korolev L. P. Problems and Prospects of Cross-Border Money Transfers in Russia under Sanctions // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2024. № 3 (62). Pp. 607-611.

Преступления, связанные с созданием фирм-«однодневок» через подставных лиц: характерные черты и уголовная ответственность

Леонова Екатерина Владимировна

аспирант, РГПУ им. А.И. Герцена, kateleon0305@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос, связанный с созданием фирм-«однодневок» через подставных лиц. Автор анализирует сложившиеся в правовой науке устоявшиеся определения понятия фирмы-«однодневки», рассматривает ключевые особенности, характерные для фиктивной организации и дифференциации их от фирм, реально осуществляющих хозяйственную деятельность. Кроме того, в статье рассматривается вопрос об уголовной ответственности, предусмотренной за данную категорию преступлений.

Ключевые слова: фирма-«однодневка», подставное лицо, экономические преступления, уголовная ответственность.

На сегодняшний день фирмы-«однодневки» являются опасным инструментом, который используется преступниками в целях совершения различных экономических преступлений, что подрывает экономическую безопасность государства и способствует росту и развитию теневых процессов в российской экономике.

При анализе статистических данных ГИАЦ МВД России за 2024 год число преступлений экономической направленности составили 5,5% от числа всех преступлений. По статистическим данным ГИАЦ МВД России в 2024 году составляют преступления экономической направленности. При этом было выявлено около 105,4 тыс. преступлений данной категории.

Стоит отметить, что понятие фирма-«однодневка» отсутствует в действующем законодательстве РФ. Ряд ученых правоведов дают собственные определения понятию фирма-«однодневка»:

Соловье И.Н. обращает внимание, что фиктивные организации представляют собой «организации, по своей сути созданные в соответствии с законодательством, но сама их деятельность полностью нарушает закон» [3]. Кроме того отметим, что в отечественном праве также уделяется внимание изучению «различных схем осуществления института подставного лица, исполняющего в полном объеме или в значительной мере функции (осуществляющего компетенцию) единоличного исполнительного органа компании» [2].

Следовательно, несмотря на имеющиеся в юридической литературе различные точки зрения правоведов относительно понятия фиктивной организации, у каждого из определений есть ключевые моменты, исходя из которых возможно сформулировать более общее и емкое определение термина фирма- «однодневка».

Таким образом, данное понятие может быть сформулировано следующим образом: фирма -«однодневка» представляет собой юридическое лицо, цель создания которого является реализация недобросовестных и противоправных схем. Прежде чем перейти к рассмотрению вопросов, связанных с привлечением к уголовной ответственности за преступления, связанные с деятельностью фирм-«однодневок», рассмотрим ключевые признаки фиктивных организаций:

1. юридическое лицо не осуществляет реальную хозяйственную деятельность;
2. период времени от момента регистрации до момента проведения первичных операций составляет менее одного месяца;
3. юридическое лицо подает в налоговый орган отчетность без фактических оборотов
4. юридическое лицо принимает участие в сделках с крупными суммами не имея при этом необходимой инфраструктуры;
5. присутствие большого числа разных контрагентов, в т.ч. в различных регионах присутствия;
6. у юридического лица наблюдается частая смена учредителей, руководителя либо юридического адреса
7. использование идентичного ИНН/ ОГРН в разных, но взаимосвязанных организациях.

Подчеркнем, что наблюдается взаимосвязь между такими понятиями как фирма-«однодневка» и подставное

лицо. Фиктивная организация как правило имеет номинальных учредителей и руководителей, указанных в ЕГРЮЛ. При этом подставное лицо фактически отстранено от реального управления фирмой. При этом, фактический руководитель или так называемый «теневой» бенефициар может совершать различные преступления, такие как уклонение от уплаты налогов, легализация (отмывание) денежных средств, полученных преступным путем и пр.

Также отметим, что в уголовном законодательстве России предусмотрена ответственность за создание фирм однодневок по ст. 173¹, 173² УК РФ [1].

При этом под подставным лицом понимается его номинальный руководитель, то есть тот, чье имя указано в ЕГРЮЛ в качестве руководителя фиктивной организации. При этом, в реальности такое лицо принимает минимальное участие в деятельности организации.

Подчеркнем, что расследование данной категории преступлений является весьма трудоемким процессом. При этом, профильным ведомствам необходимо установить не только факт присутствия номинального руководителя юридического лица, но и установить актуальную схему ведения бизнеса, его фактических владельцев, имущество компании, а также ее бенефициаров.

Уголовным кодексом РФ предусмотрена уголовная ответственность за создание фирм-«однодневок», использование которых как правило связано с целью совершения различных преступлений экономической направленности. Фиктивные организации не ведут реальную хозяйственную деятельность, и их регистрация осуществлялась заведомо с целью совершения различных противоправных деяний. В качестве учредителей или руководителей фирм однодневок чаще всего выступают подставные лица, которые выполняют «номинальную» функцию в организационно-правовой структуре организации, в то время как реальный бенефициар часто остается в тени для правоохранительных органов.

Статья 173¹ УК РФ - образование (создание, реорганизация) юридического лица через подставных лиц, а также представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекшее внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах, что **наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от семи месяцев до одного года, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.**

Часть 2 статьи 173¹ УК РФ - те же деяния, совершенные: а) лицом с использованием своего служебного положения; б) группой лиц по предварительному сговору, **- наказываются штрафом в размере от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо лишением свободы на срок до пяти лет.**

Согласно примечанию к ст. 173¹ УК РФ под подставными лицами в данной статье и статье 173² УК РФ понимаются лица, которые являются учредителями (участниками) юридического лица или органами управления юридического лица и путем введения в заблуждение либо без ведома которых были внесены данные о них в единый государственный реестр юридических лиц, а также лица, которые являются органами управления юридического лица, у которых отсутствует цель управления юридическим лицом.

Отметим, что примечание к статье существенно ограничивает пределы действия данной нормы, поскольку регистрация юридического лица с использованием поддельных либо похищенных паспортов лиц, указанных в документах в качестве учредителей (участников) юридического лица или членов органов управления юридического лица, не образует состава предусмотренного данной статьей преступления, если лица, данные о которых содержатся в указанных документах, не были при этом введены в заблуждение относительно, например, цели использования указанным образом полученных у них паспортов.

Преступление является оконченным с момента внесения в государственный реестр юридических лиц сведений о подставном лице. В случае, если государственная регистрация (реорганизация) юридического лица, не была завершена по не зависящим от виновного обстоятельствам, данные деяния могут быть квалифицированы как покушение на преступление.

Статья 173² УК РФ - предоставление документа, удостоверяющего личность, или выдача доверенности, если эти действия совершены для внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставном лице, — **наказываются штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от семи месяцев до одного года, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок до двух лет.**

Часть 2 статьи 173² УК РФ - приобретение документа, удостоверяющего личность, или использование персональных данных, полученных незаконным путем, если эти деяния совершены для внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставном лице, - **наказываются штрафом в размере от трехсот до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.**

В заключении стоит отметить, что преступления, связанные с использованием подставных лиц и фирм-«однодневок» являются ключевыми в развитии экономической преступности и теневой экономики. Несмотря на тот факт, что законодательное определение фирмы-«однодневки» отсутствует, на сегодняшний день существует целый перечень принципов, по которым возможно распознать фиктивную организацию. При этом, анализируя существующие статистические данные, целесообразно отметить, что на сегодняшний день наблюдается увеличение количества зарегистрированных фирм-«однодневок», преследующих достижение различных противоправных целей. Фирмы-«однодневки» являются ключевым инструментом при преступном обналичивании денежных средств, уклонению от уплаты налогов, а также иных преступлений экономической направленности. Такими образом, фирмы «однодневки» занимают ключевую позицию в системе теневой экономики, негативно влияют на экономическую безопасность и стабильность государства. Необходимо детально изучать специфику жизненного цикла фиктивных организаций, а также уделять пристальное внимание как законодательному регулированию, так и разработке эффективным мер противодействия данной категории преступлений.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: принят Гос. думой 24 мая 1996 г.: по сост. на 25 сентября 2025 г.. — М.: Проспект, 2025. — 432 с.

2. Осипенко О.В. Институт "номинальный руководитель компании": сущность, формы, мотивы и риски применения // Современная конкуренция. 2024. Т. 18. № 2. С. 64-88.

3. Соловьёв И.Н. Опасные финансовые схемы: фирмы - однодневки. М.: Проспект, 2012. 88 с.

Crimes Related to the Creation of Shell Companies Through Front Men: Characteristics and Criminal Liability

Leonova E.V.

A.I. Herzen State Pedagogical University

This article examines the creation of shell companies through front men. The author analyzes established legal definitions of the concept of a shell company, examines the key characteristics of a fictitious organization, and differentiates them from companies that actually conduct business. Furthermore, the article examines the criminal liability for this category of crime.

Keywords: «one-day» companies, nominal manager, economic crimes, criminal liability.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation: adopted by the State Duma on May 24, 1996: as of September 25, 2025. — Moscow: Prospect, 2025. — 432 p.
2. Osipenko O.V. The "nominal director of the company" institution: essence, forms, motives and risks of application // Modern competition. 2024. Vol. 18. No. 2. Pp. 64-88.
3. Solovyov I.N. Dangerous financial schemes: one-day firms. Moscow: Prospect, 2012. 88 p.

Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки состава преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ, как средство дифференциации уголовной ответственности

Мозжегорова Александра Юрьевна

аспирант Сургутского государственного университета,
mozzhegorova98@mail.ru

В статье анализируются особенности квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, с акцентом на объективную сторону деяний и роль квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, закрепленных в ст. 228.1 УК РФ. Рассмотрены обстоятельства, влияющие на квалификацию совершаемых деяний, включая специфику места и способа совершения преступления, вовлечение несовершеннолетних, использование служебного положения и другие. Сделан вывод о необходимости точного определения отдельных понятий для обеспечения единообразного применения уголовного законодательства и индивидуализации наказания.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, уголовная ответственность, групповое преступление, служебное положение, несовершеннолетние

Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (далее - наркотических средств), формируют особый круг правонарушений, который характеризуется высокой социальной опасностью и требует комплексного анализа. Оценка количественных и качественных показателей этих правонарушений позволяет определить уровень криминальной активности в данной области и оценить эффективность мер профилактики.

В последние годы проблема незаконного оборота наркотических средств в России достигла высокой степени остроты. Исследователи выделяют несколько факторов, способствующих такой ситуации. Во-первых, одной из проблем становится выход наркопреступности за национальные границы и вовлечение в нее этнически структурированных сообществ, что затрудняет ее пресечение на уровне государства и отдельных регионов. Во-вторых, преступники активно используют современные технологические решения для совершения наркопреступлений. Выявление и пресечение таких преступлений требует от сотрудников правоохранительных органов специальных знаний в сфере информационных технологий, а также применения современного оборудования и технических средств. В-третьих, появление на рынке новых синтетических наркотических средств, формулы которых регулярно изменяются, создает временные «правовые пробелы», в течение которых их оборот не подпадает под запрет действующего законодательства. Примером служит появление и массовое распространение в начале 2000-х годов синтетического аналога марихуаны, который длительное время реализовывался в свободной продаже как курительная смесь [8, с.30].

В таких условиях особую значимость приобретает, в том числе, корректное определение квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 228.1 Уголовного кодекса РФ (далее - УК РФ) [2]. Точное установление этих признаков является ключевым элементом дифференциации уголовной ответственности, определяющим обоснованность применения соответствующих уголовно-правовых норм, а также вид и размер наказания, обеспечивающего достижение тех целей, которые ставит перед ним уголовный закон.

В контексте ст. 228.1 УК РФ квалифицирующие признаки состава преступления формируются на основе специфики объективной стороны деяния, прежде всего через характеристики места и способа его совершения. Так, пункт «а» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ содержит формулировки, оставляющие значительное пространство для судебного усмотрения при определении обстоятельств квалификации. При этом законодатель не конкретизирует ряд понятий, что предполагает применение системного и сопоставительного толкования.

Так, например, понятия «следственный изолятор» и «исправительное учреждение» достаточно четко определены в нормативных актах, регулирующих деятельность уголовно-исполнительной системы. Ст. 74 Уголовно-исполнительного кодекса РФ [3] устанавливает исчерпывающий перечень видов исправительных учреждений, что исключает возможность их произвольного толкования. В

то же время в законодательстве отсутствует четкое определение иных терминов, отраженных в рассматриваемом пункте части 2 ст. 228.1 УК РФ. Это приводит к тому, что определение ряда понятий, например, различных видов транспортных средств, требует проведения системного толкования норм отраслевого законодательства.

Отдельного внимания заслуживает категория объектов спорта, которые законодатель определяет исходя из цели их использования, а именно как специально предназначенные для организации и проведения спортивных мероприятий (стадионы, спортивные комплексы и т. п.) [4]. Вместе с тем дворцовые спортивные площадки, несмотря на их очевидную социальную значимость, к данной категории не отнесены, что наглядно подтверждает необходимость строгой корреляции квалифицирующих признаков с функциональным назначением объектов. Подобный подход гарантирует единообразие правоприменительной практики.

Значительно более проблемным в правоприменительной плоскости оказывается определение таких понятий, как «административное здание» и «сооружение административного назначения». Представляется, что для их отнесения к числу квалифицирующих признаков ключевое значение имеют два критерия: фактическое использование в деятельности государственных или муниципальных органов и соответствие времени этой деятельности официальному режиму работы. Совершение деяния вне указанных условий (например, в ночное время или в период, когда помещения используются на основании договоров аренды частными лицами), объективно не несет того уровня общественной опасности, который законодатель связывает с квалифицированным составом, и потому не может автоматически включаться в сферу действия соответствующей уголовно-правовой нормы.

Еще более дискуссионным является вопрос о содержании категории «помещения, используемые для развлечений или досуга». Так, данное понятие может охватывать широкий круг помещений от библиотек до развлекательных центров. Эта дефиниция имеет выраженный оценочный характер, что создает риск как чрезмерного расширения, так и неоправданного ограничения сферы действия закона. С одной стороны, чрезмерная конкретизация подрывает универсальность нормы, с другой — широкая формулировка обеспечивает гибкость ее применения. В связи с этим необходимо выработать единый универсальный подход для конкретизации понимания такого вида помещений.

Особого анализа заслуживает включение в качестве квалифицирующего признака совершение преступления в образовательной организации. На сегодняшний день законодатель связывает данное понятие с наличием ряда признаков, таких как осуществление образовательной деятельности в качестве основного вида деятельности и наличие лицензии [5]. При этом представляется, что использование более широкого понятия «организация, осуществляющая образовательную деятельность» охватывала бы и инициативы индивидуальных предпринимателей, и частные формы обучения. Такое определение позволило бы точнее отражать суть положения, закрепленного в подп. «д» п. 5 ст. 3 Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ [1], где отмечается, что отягчающим обстоятельством при сбыте наркотических средств является совершение преступления в учебных заведениях, общественных учреждениях, в их непосредственной близости или в иных местах, активно посещаемых школьниками и студентами. Такая формулировка более полно учитывает фактический контекст угрозы, создаваемой незаконным оборотом наркотических средств среди молодежи, и позволила бы правоприменителю оценивать общественную

опасность преступления с большей степенью точности и гибкости.

Таким образом, существующая редакция нормы в части формулирования анализируемого квалифицирующего признака несколько ограничивает возможность адекватной оценки общественной опасности преступления, поскольку акцент на образовательных организациях в узком понимании не всегда отражает реальный спектр образовательной деятельности и потенциального воздействия противоправных действий на обучающихся. С точки зрения законодательной техники и практики применения, расширение понятия до всех субъектов, осуществляющих образовательную деятельность, могло бы обеспечить более точную квалификацию преступлений и соответствовать международным стандартам, закрепленным в Конвенции ООН 1988 года.

Пункт «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ выделяет особую группу преступлений, совершенных с использованием средств, которые усиливают общественную опасность деяния, обеспечивая массовое распространение запрещенных веществ при сохранении анонимности правонарушителя. Подобные средства включают как традиционные периодические издания, так и интернет источники при условии регулярности их выпуска и регистрации в качестве СМИ, а также аудиовизуальные материалы, регулярно транслируемые в эфире. При этом следует подчеркнуть, что законодатель не ставит в зависимость квалификацию преступления от минимального тиража или охвата аудитории. Существенным критерием выступает не количество лиц, получивших информацию, а сознательное намерение правонарушителя использовать предусмотренные каналы для распространения сведений с определенной целью.

Таким образом, пункт «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ отражает современный подход к квалификации преступлений, учитывающий особенности информационной среды, включая цифровые технологии и сети передачи данных. Важнейшим элементом квалифицирующего признака является сознательная направленность деятельности преступника на использование средств массовой информации для организации незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, что одновременно увеличивает общественную опасность деяния и создает сложности для его своевременного выявления и пресечения.

Особо квалифицирующие признаки преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ, включают не только значительный размер наркотических средств, но и способ совершения деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Понятие предварительного сговора группы лиц дается в ч. 2 ст. 35 УК РФ и характеризует совместные действия двух и более лиц, заранее согласовавших между собой план преступления. В этой ситуации ключевым обстоятельством, учитываемым при квалификации деяния, выступает совместное согласованное участие соисполнителей в реализации преступного замысла. Организованная группа характеризуется совокупностью признаков, имеющих важное значение для правильной квалификации деяний в уголовно-правовой практике. К числу таких признаков относятся наличие организатора, ответственного за разработку и координацию преступного плана; систематическое распределение ролей и обязанностей между участниками, обеспечивающее эффективное взаимодействие; использование технических и иных средств, повышающих эффективность и скрытность противоправных действий; наличие у членов группы специальных навыков и подготовленности, необходимых для реализации преступных целей; а также устойчивость и продолжительность существования группы, позволяющие ей планомерно осуществлять свои преступные намерения. Каждый из этих признаков имеет

практическое значение для установления структуры группы, ее роли в совершении преступления и уровня общественной опасности деяний, что напрямую влияет на квалификацию и меру наказания.

Применительно к ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, хотелось бы особо остановиться на п. «б» и «в», предусматривающих более строгую ответственность за совершение деяний, совершенных с использованием служебного положения или в отношении несовершеннолетнего. В случае использования служебного положения преступник получает возможность воздействовать на правовой и организационный порядок в рамках своих обязанностей, что существенно усиливает общественный резонанс и потенциальный ущерб от совершенного деяния. Такая квалификация не только подчеркивает значимость факта злоупотребления служебным положением, но и требует от правоохранительных органов внимательного анализа всех обстоятельств: характера служебного положения, объема предоставленных полномочий и степени их влияния на совершение преступления. Отметим, что единая и общепринятая дефиниция «лица, использующего свое служебное положение» отсутствует в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 [6], что затрудняет правоприменение. Для устранения данной неопределенности целесообразно внести в постановление отдельный пункт с конкретным определением круга лиц, подпадающих под этот признак, что обеспечит более точное правоприменение и снизит риск произвольной квалификации.

Деяния, совершенные в отношении несовершеннолетнего, представляют собой отдельную категорию по причине повышенной социальной значимости защиты детства и уязвимости данной группы населения. Законодатель выделяет этот признак как квалифицирующий с целью усиления превентивного и репрессивного эффекта уголовной ответственности. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ (п. 18 Постановления № 14), субъект преступления должен осознавать, что совершает действия в отношении лица, не достигшего 18 лет. Однако прямого указания на заведомость знания возраста несовершеннолетнего в уголовном законе нет. С точки зрения принципа вины и субъективной стороны преступления, включение этого признака без учета осведомленности лица может противоречить ч. 2 ст. 5 УК РФ, создавая риск необоснованного расширения репрессивного потенциала уголовной ответственности. Следовательно, законодательная корректировка п. «в» ч. 4 ст. 228.1 необходима для устранения правовой неопределенности и недопущения объективного вменения.

Наиболее строгие меры наказания предусмотрены за деяния, совершенные в особо крупном размере, что отражает высокий уровень общественной опасности таких преступлений и необходимость защиты интересов государства и общества от серьезной угрозы, создаваемой незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Таким образом в заключение можно подчеркнуть, что в условиях современного развития наркопреступности в Российской Федерации эффективное применение квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ, обеспечивает не только справедливую индивидуализацию наказания, но и способствует повышению эффективности противодействия распространению запрещенных веществ, позволяя целенаправленно выявлять наиболее опасные формы незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, минимизировать риски повторной преступной деятельности и защищать здоровье населения, в частности, уязвимых категорий населения, включая несовершеннолетних.

Литература

1. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. // URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ru.pdf
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
4. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.
5. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8, август, 2006.
7. Абрамян С.К. Особенности противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 2. С. 89.
8. Щукин Е.А. Общественная опасность преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Science Time. 2021. № 2 (86). С. 30.

Qualifying and Especially Qualifying Features of Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation as a Means of Differentiation of Criminal Liability

Mozzhegorova A.Yu.

Surgt State University

The article analyzes the features of the qualification of crimes related to the illegal trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues, with an emphasis on the objective side of the acts and the role of qualifying and especially qualifying features enshrined in Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The factors affecting the qualification of the committed acts are considered, including the specifics of the place and method of committing the crime, the involvement of minors, the use of official position and other. The conclusion is made about the need for an accurate definition of certain concepts to ensure the uniform application of criminal legislation and the individualization of punishment.

Keywords: narcotic drugs, psychotropic substances, criminal liability, group crime, official position, minors

References

1. UN Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances, 1988 // URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ru.pdf (accessed on September 4, 2025).
2. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on July 31, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
3. Criminal Executive Code of the Russian Federation of January 8, 1997, No. 1-FZ (as amended on July 31, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 2. Art. 198.
4. Federal Law of 04.12.2007 No. 329-FZ "On Physical Culture and Sports in the Russian Federation" (as amended on 31.07.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 50. Art. 6242.
5. Federal Law of 29 December 2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation" (as amended on 28.02.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 53 (Part 1). Art. 7598.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 15, 2006, No. 14 (as amended on May 16, 2017) "On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and toxic substances" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. No. 8, August 2006.
7. Abramyan S.K. Features of combating crimes related to the illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2023. No. 2. P. 89.
8. Shchukin E.A. Social danger of crimes in the sphere of illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances // Science Time. 2021. No. 2 (86). P. 30.

О некоторых вопросах соучастия в преступлении с негодным субъектом

Селезнев Иван Егорович

студент Дальневосточного федерального университета
seleznev.ie@dvfu.ru

Черных Виктор Сергеевич

студент Дальневосточного федерального университета
chernykh.vser@dvfu.ru

В статье исследуется проблема соучастия в преступлении при участии лиц, формально не подлежащих уголовной ответственности. Анализируются теоретические подходы и судебная практика, в частности позиции Верховного Суда РФ, которые разделяют случаи совместного совершения преступления и посредственного исполнения. Ключевым критерием отграничения выступает характер участия виновного: при непосредственном выполнении объективной стороны преступления признаётся групповой характер деяния, при ограничении роли организацией или подстрекательством применяется конструкция посредственного исполнителя. Отмечается противоречивость правоприменительных подходов и необходимость унификации толкования норм института соучастия, что требует дополнительных разъяснений со стороны высшей судебной инстанции.

Ключевые слова: Соучастие, негодный субъект, посредственное исполнение, группа лиц, уголовная ответственность, объективная сторона, Верховный Суд РФ, квалифицирующий признак, умысел, судебная практика

В соответствии со ст. 32 Уголовного кодекса РФ соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления.

Институту соучастия характерны два признака: субъективный, выражаемый в совершении лицами исключительно умышленного преступления и объективный, который, в свою очередь делится на количественный и качественный признаки. Первый предусматривает совершение преступления двумя и более лицами, а второй совместность совершения преступления [1].

В уголовно-правовой доктрине, а также правоприменительной практике существует вопрос относительно количественного признака соучастия, а именно совершения преступления лицом, не обладающим признаком субъекта преступления, указанных в ст. 19 УК РФ: недостижение возраста, указанного в ст. 20 УК РФ, либо невменяемость лица, не подлежащего уголовной ответственности, согласно ч. 1 ст. 21 УК РФ.

На основании вышеприведенных критериев, доктриной производится разделение негодных субъектов на общего (то есть лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности и (или) невменяемое лицо) и специального (лицо, обладающее всеми обязательными признаками, установленными ст. 19 УК РФ, но при этом не обладающего признаками специального субъекта в определённых составах).

Ряд ученых склоняются к позиции отсутствия соучастия по факту совершения преступления в случае, если один из соучастников не обладает признаками, указанных уголовным законом в качестве обязательных для субъекта, аргументируя эту позицию тем, что лишь совместная деятельность субъектов преступления образует соучастие [2,3,4]. Некоторые исследователи придерживаются противоположной позиции, указывая, что при совершении совместного преступления негодного и годного субъекта, ответственность должен нести только последний [5,6].

Следует отметить, что в данном вопросе большую роль играет правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации, которые восполняют сложившуюся неопределённость в действующем уголовном законодательстве. Данные правовые позиции в течение времени изменялись, поэтому необходимо определить историю развития и сложившиеся тенденции в современной судебной практике.

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2020 № 29 в п. 12 и п. 13 рассматриваются случаи, когда годный субъект совершает кражи, грабёж, разбой с помощью лица, не подлежащего уголовной ответственности, а также склоняет последнего на совершение вышеупомянутых преступлений [7]. Данные действия, которые предусматривают распределение преступных функций, были объединены в понятие «посредственного исполнения» в соответствии с ч. 2 ст. 33 УК РФ. Исходя из положений вышеуказанной статьи, под посредственным исполнителем понимается лицо, которое не совершает напрямую деяние, составляющее объективную сторону преступления, а использует для этого других лиц, которые не подлежат уголовной ответственности. Важно, что соучастия здесь нет.

Верховный суд РФ дает логичное и грамотное разъяснение, поскольку оно исходит от принципа вины и позво-

ляет привлекать к ответственности фактического организатора, намеренно используемого невиновное лицо в качестве орудия преступления. Квалификация через «посредственное исполнение» фактически «отводит» всю вину за преступление одному субъекту, исключает недоумения и искусственное расширение института соучастия.

Однако необходимо учитывать положения ст. 32 УК РФ, где указано, что соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. В определении фигурирует понятие «лица», а не «субъекты», следовательно, необходимо согласиться с Р. Р. Галиакбаровым, который поясняет, что повышенная опасность соучастия выражается по отношению к потерпевшему, для него такое преступление более опасно вне зависимости от того, обладают ли лица, фактически выполняющие деяние, признаками субъекта преступления [8].

В подтверждение этой позиции необходимо обратиться к постановлению Президиума Верховного Суда РФ от 06.10.2004 № 604п2004пр [9]. Заместитель Генерального прокурора настаивал на перекалфикации, обосновывая это тем, что признак группы лиц не может вменяться, поскольку преступление было совершено совместно с невменяемым лицом. Однако Президиум оставил данную жалобу без удовлетворения и указал, что убийство признается совершённым группой лиц, когда два и более лица, действуя совместно, с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, и независимо от того, что некоторые из участников преступления не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости.

Напоминание о том, что признак группы лиц объективно характеризует способ совершения преступления, а не субъективный статус каждого участника соответствует ст. 32 УК РФ и позволяет корректно квалифицировать общественно-опасное деяние. Суд охраняет систему уголовного права, не допуская, чтобы вследствие невменяемости одного лица происходило искажения объективной характеристики совершенного преступления и необоснованного смягчения ответственности годного субъекта.

Необходимо отметить, что данные положения не нашли своего отражения в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, они сложились в практике. Таким образом, допускается выделить критерий ограничения посредственного исполнения и соучастия, как фактического распределения ролей. Если негодный субъект преступления, совершающий вместе с годным субъектом объективную сторону преступления, то при квалификации преступления лица, подлежащего уголовной ответственности, вменяется квалифицирующий признак группы лиц. Однако если годный субъект не выполнял фактическую роль, а являлся лишь организатором и (или) подстрекателем преступления, то соучастия нет.

Также важно обратить внимание на Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.01.2011 № 1, в котором содержатся разъяснения в части квалификации совместного совершения преступления с несовершеннолетним [10]. В п. 42 указывается, что в случае совершения преступления несовершеннолетним, который не подлежит уголовной ответственности, лицо, вовлечённое в совершение преступления, несёт уголовную ответственность за содеянное как исполнитель путём посредственного исполнителя. Происходит, как правило, квалификация по совокупности со ст. 150 УК РФ.

Таким образом, в российской уголовно-правовой практике вопрос соучастия с негодным субъектом решается в большинстве случаев через концепцию посредственного исполнения, что полностью исключает соучастие. Однако,

при совместном непосредственном совершении преступления годным и негодным субъектом, суды допускают квалификацию деяния, как совершенного группой лиц, указывая на объективный характер признака. Следовательно, решающим критерием разграничения является фактическое распределение ролей, в случае если годный субъект непосредственно участвует в выполнении объективной стороны преступления, имеет место вменение признака группы лиц, но если же роль годного субъекта ограничивается организацией или подстрекательством, то применяются нормы о посредственном исполнении.

Необходимо отметить, что несмотря на систематизирующую роль разъяснений Верховного Суда РФ, сложившаяся практика вызывает ряд существенных замечаний. Прежде всего, мы наблюдаем некоторую непоследовательность и ситуативность в подходах: в одних случаях ставится акцент на формальном отсутствии соучастия, а в других – на объективной опасности группового способа совершения преступления, даже с участием негодных субъектов. Это порождает правовую неопределённость. Кроме того, отход от буквального толкования ст. 32 УК РФ, где соучастие определяется через участие именно лиц, а не субъектов, хотя и обосновывается повышенной общественной опасностью, тем не менее представляет собой определённое судебное нормотворчество, которое пытается восполнить пробелы в уголовном законодательстве. В этой связи представляется необходимым проработать анализируемый вопрос в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Литература

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): 7-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. К.А. Барышева, Ю.В. Грачёва, Г.А. Есаков. – М.: Проспект, 2015. – стр. 40.
2. Звечаровский И. Э. Совершение преступления в соучастии: проблема квалификации // Законность. 1999. № 11. С. 32.
3. Благоев Е.В. О признаках соучастия в преступлении // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2017. – № 3, стр. 7
4. Горемычкин И.Е. Уголовно-правовые нормы о групповых преступлениях в институте соучастия: дис. канд. юрид. наук. – М., 2020, стр. 102
5. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». – М., 2007. – С. 170-172.
6. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 1: Общая часть. – 6-е изд., перераб. и доп. – М., 2017. – С. 381-383.
7. Постановление Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 / [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения 10.12.2025).
8. О.В. Климанова Квалификация преступлений, совершенных в соучастии: теоретические, нормативные, судебные позиции - САМАРА, 2024. – С. 25.
9. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 06.10.2004 № 604п2004пр / [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения 10.12.2025).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 / [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения 10.12.2025).

On Certain Issues of Complicity in a Crime Involving a Legally Incapable Participant

Seleznev I.E., Chernykh V.S.

Far Eastern Federal University

The article examines the issue of complicity in a crime committed with the involvement of individuals who are formally not subject to criminal liability. Theoretical approaches and judicial practice are analyzed, particularly the positions of the Supreme Court of the Russian Federation, which distinguish between joint commission of a crime and indirect perpetration.

The decisive criterion for differentiation lies in the nature of the culpable party's involvement: if they directly carry out the objective elements of the offense, the act is qualified as committed by a group of persons; if their role is limited to organization or incitement, the legal construct of indirect perpetration applies. The inconsistency of law enforcement approaches and the need for unified interpretation of complicity provisions are highlighted, underscoring the necessity for further clarifications from the highest judicial authority.

Keywords: Complicity, legally incapable participant, indirect perpetration, group of persons, criminal liability, objective element, Supreme Court of the Russian Federation, qualifying feature, intent, judicial practice

References

1. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (Article-by-Article): 7th ed., revised and expanded / edited by K.A. Barysheva, Yu.V. Grachyova, G.A. Esakov. – Moscow: Prospekt, 2015. – p. 40.
2. Zvecharovsky, I.E. Committing a Crime in Complicity: Problems of Qualification // *Zakonnost* [Legality]. 1999. No. 11. P. 32.
3. Blagov, E.V. On the Characteristics of Complicity in a Crime // *Current Issues in Combating Crime*. – 2017. – No. 3. P. 7.
4. Goremychkin, I.E. Criminal Law Norms on Group Crimes within the Institution of Complicity: Candidate of Juridical Sciences Dissertation. – Moscow, 2020. – p. 102.
5. Kuznetsova, N.F. Problems of Crime Qualification: Lectures for the Special Course "Fundamentals of Crime Qualification." – Moscow, 2007. – pp. 170–172.
6. Naumov, A.V. Russian Criminal Law. Lecture Course: in 3 vols. Vol. 1: General Part. – 6th ed., revised and expanded. – Moscow, 2017. – pp. 381–383.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 29 dated December 27, 2002 / [Electronic Resource]. ConsultantPlus Legal Database. (accessed December 10, 2025).
8. Klimanova, O.V. Qualification of Crimes Committed in Complicity: Theoretical, Normative, and Judicial Perspectives. – Samara, 2024. – p. 25.
9. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation No. 604p2004pr dated October 6, 2004 / [Electronic Resource]. ConsultantPlus Legal Database. (accessed December 10, 2025).
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 dated February 1, 2011 / [Electronic Resource]. ConsultantPlus Legal Database. (accessed December 10, 2025).

Историко-правовой генезис административной преюдиции в отечественном уголовном праве

Шарнин Андрей Андреевич

аспирант кафедры уголовного права и процесса Уральского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Современная российская уголовная политика переживает своеобразный «ренессанс» института административной преюдиции. После его категорического отрицания в постсоветский период законодатель вновь обратился к конструкции, при которой повторный административный проступок трансформируется в уголовно наказуемое деяние. Этот процесс порождает глубокое доктринальное противоречие. С одной стороны, практика требует действенных инструментов воздействия на лиц, систематически игнорирующих правовые запреты, с другой — возвращение данной нормы вызывает острую дискуссию о ее соответствии конституционным принципам и риске размывания границ между отраслями права. Цель заключается в выявлении историко-правовых закономерностей, которые обусловили «живучесть» и цикличность развития административной преюдиции в отечественном праве. Автор ставит задачу не просто хронологически описать этапы эволюции, но и проанализировать преобразование юридической природы данного института в контексте смены политических режимов, правовых идеологий. В ходе анализа установлено, что административная преюдиция не является «рудиментом» советской системы, а представляет собой исторически сложившийся механизм межотраслевой дифференциации ответственности, характерный для национальной правовой традиции. Резюмировано, что «либеральная пауза» 1996-2011 годов продемонстрировала недостаточность исключительно административных мер для превенции девиантного поведения. Возвращение преюдициальных составов (на примере ст. 151.1 УК РФ) интерпретируется в работе как вынужденный, прагматический шаг законодателя, ориентированный на устранение «вакуума» в системе профилактики правонарушений. Новизна работы состоит в обосновании тезиса о том, что качественное изменение общественной опасности деяния происходит именно за счет кумулятивного эффекта повторности, что легитимирует преюдицию в современных условиях. Предложенный исторический экскурс позволяет прогнозировать дальнейшие векторы развития уголовного законодательства и предостерегает от хаотичного расширения перечня преюдициальных составов без должного криминологического обоснования.

Ключевые слова: административная преюдиция, генезис уголовного закона, декриминализация, история права России, неоднократность преступлений, общественная опасность, уголовная политика

Введение

В современной науке уголовного права проблематика криминализации деяний, которые не обладают высокой степенью общественной опасности при их единичном совершении, остается одной из наиболее дискуссионных. Центральное место в этом дискурсе занимает институт административной преюдиции. Речь идёт об особой законодательной конструкции, при которой условием уголовной ответственности служит предшествующее наложение административного взыскания за тождественное деяние. Актуальность исследования генезиса этого института объясняется цикличностью его развития в отечественном правовом поле — от широкого применения в советский период к полному отказу при принятии Уголовного кодекса РФ 1996 года и последующей «реставрации», начавшейся в 2011 году.

По своей юридической природе административная преюдиция представляет собой уникальный механизм межотраслевого взаимодействия. Он позволяет государству гибко реагировать на девиантное поведение. С одной стороны, обеспечивается экономия уголовной репрессии, оставляя лицо в сфере административно-деликтного регулирования при первом проступке. С другой, повторное совершение правонарушения свидетельствует об устойчивости антисоциальной установки личности, что качественно меняет характер общественной опасности деянного, превращая проступок в преступление. Между тем, этот подход неизбежно порождает коллизии с фундаментальными принципами права, в частности, с *non bis in idem* (никто не может быть дважды наказан за одно и то же), что делает исторический анализ легитимации рассматриваемого института очень важным для понимания его современного статуса.

Как представляется, эволюция административной преюдиции в России не была линейной. Она отражала смену парадигм уголовной политики: от карательной (ориентирована на подавление «классово чуждых элементов» и борьбу с туеядством в советские годы) до либеральной концепции 1990-х годов, в рамках которой провозглашён примат качественной, а не количественной составляющей общественной опасности. Исследование исторических корней этого явления помогает выявить закономерности, определяющие границы применения преюдиции. В рамках данной работы будет предпринята попытка проследить трансформацию института, выявить его роль в различные исторические эпохи, оценить обоснованность его возвращения в современное законодательство.

Материалы и методы

При анализе современных источников обнаруживается, что административная преюдиция в отечественном уголовном праве исследуется авторами с различных методологических позиций. Так, Л.В. Григорьева [1] связывает её развитие с трансформацией уголовной политики, усилением профилактического вектора; Э.В. Густова, А.Р. Хисматова [2], М.Ю. Лакомская [5], И.А. Николаевич, М.Ю. Лакомская [7], Т.В. Мартынова, И.А. Яковенко [6] применяют комплексно-правовой подход — исследователи акцентируют внимание на теоретико-прикладных аспектах института. Е.Н. Ковшова [3] и И.И. Крапива [4] выявляют спорные вопросы правоприменения и нормативной конструкции. О.Н. Пахомова [8] фокусируется на современном законодательном контексте, а М.А. Решетов, Ю.И.

Чернов, Ю.Ю. Бугаенко [9] проводят межгосударственное сопоставление, формируя сравнительно-правовой базис. Ю.Г. Старовойтова [10] уточняет сущностные характеристики института. Е.А. Федорова [11] раскрывает его профилактическую функцию. Выбор данных работ обусловлен их актуальностью, междисциплинарностью, значимым вкладом в понимание историко-правового генезиса рассматриваемого института.

В то же время, при ознакомлении с литературой зафиксирован пробел, который связан с недостаточным исследованием ранних этапов эволюции нормы в XIX — первой половине XX века, а также отсутствием полноценных историко-сравнительных реконструкций. Прослеживаются расхождения — одни авторы трактуют преюдицию как объективно необходимое звено уголовной политики [1, 11], другие же указывают на её спорность, риск дублирования ответственности, неопределённость в применении [3, 4].

В ходе написания статьи использованы историко-правовой метод для реконструкции становления института, сравнительно-правовой подход в целях выявления специфики российской модели, системный анализ, помогающий интегрировать нормативный, доктринальный, практический материал и обосновать актуальность исследования генезиса административной преюдиции в уголовном праве.

Результаты и обсуждение

В дореволюционном праве отсутствовала четкая отраслевая дифференциация, но функциональные прототипы административной преюдиции прослеживаются уже в ранних памятниках — имеются в виду Судебники 1497 и 1550 годов, где повторная «татья» переводила деяние из разряда искупаемых штрафом в категорию смертных преступлений, маркируя субъекта как «ведомого лихого человека» [7].

Хотя термин «административная преюдиция» является порождением доктрины XX века, его сущностные элементы обнаруживаются в законодательстве Российской Империи. В частности, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года содержало нормы, где предусматривалось ужесточение ответственности за повторение проступков. Например, статьи 322 и 908 Уложения (в редакции 1885 года) устанавливали, что совершение определенных деяний (снова) переводит их из разряда маловажных в категорию более тяжких, влекущих уголовное наказание. Впрочем, в тот период не существовало четкой границы между административным проступком и преступлением в современном понимании. Поэтому говорить о классической преюдиции уместно лишь с определенной долей условности. Законодатель того времени скорее оперировал понятием «рецидив», который усиливал наказуемость, но не всегда менял отраслевую принадлежность деяния [1-3, 6].

Подлинное институциональное оформление административная преюдиция получила с становлением советского права. Уже в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года впервые появляется состав, сконструированный с задействованием данного признака (ст. 79, а позже и прочие нормы), что стало своего рода «отправной точкой» для широкого внедрения описываемого инструментария. На фоне формирования новой социалистической законности административная преюдиция рассматривалась как эффективный инструмент борьбы с мелкими, но массовыми нарушениями.

В дальнейшем, Уголовный кодекс РСФСР 1960 года стал апогеем развития анализируемого института. Советский законодатель активно использовал преюдицию для криминализации деяний в самых разных сферах — хулиганство, мелкое хищение, нарушение правил паспортного

режима и т. д. Логика была проста: если меры административного воздействия не достигают цели исправления, к лицу должны применяться меры уголовно-правового характера. Это позволяло, с одной стороны, удерживать значительный массив правонарушений в административной плоскости, а с другой — жестко реагировать на «злость» правонарушителя.

В таблице 1 систематизированы данные, отражающие эволюционные аспекты рассматриваемого вопроса.

Таблица 1
Сравнительный анализ подходов к административной преюдиции в различные исторические периоды (составлено на основе [2, 4, 5, 9])

Период	Нормативная база	Статус административной преюдиции	Основная функция
Имперский (до 1917 г.)	Уложение о наказаниях 1845 г., Уголовное уложение 1903 г.	Прото-формы (учет повторности)	Усиление наказания за рецидив проступков, разграничение проступков и преступлений
Советский (1922-1991 гг.)	УК РСФСР 1922, 1926, 1960 гг.	Широкое распространение и закрепление	Криминализация систематических мелких нарушений; борьба с «антиобщественным образом жизни»
Постсоветский (1996-2011 гг.)	УК РФ 1996 г. (первоначальная ред.)	Полный отказ	Реализация принципа справедливости; разделение ответственности строго по степени опасности деяния
Современный (с 2011 г.)	УК РФ (ст. 151.1 и последующие)	Частичная «ре-ставрация» (выборочное введение)	Профилактика рецидива специфических правонарушений (алкоголь, транспорт, побои)

При разработке Уголовного кодекса РФ 1996 года законодатель решительно отказался от административной преюдиции. Это решение было продиктовано стремлением привести российское право в соответствие с международными стандартами и Конституцией РФ. Основным аргумент противников заключался в том, что повторное совершение административного проступка не может качественно изменить его природу и превратить в преступление. Считалось, что уголовная ответственность должна наступать лишь за деяния, которые сами по себе обладают высокой степенью общественной опасности (независимо от личности правонарушителя). В этот период преобладала доктринальная позиция, согласно которой смешение административной и уголовной ответственности нарушает принцип *non bis in idem*, поскольку лицо фактически дважды несет ответственность за предыдущие деяния (как квалифицирующий признак) [7, 8, 11].

Однако, как показала практика, полный отказ от преюдиции создал определенный «вакуум» в системе профилактики правонарушений. Ряд деяний, будучи декриминализованными, перестали встречать адекватную реакцию государства при их систематическом совершении. Административные штрафы зачастую игнорировались правонарушителями. Это порождало чувство безнаказан-

ности [2, 6, 10]. Вследствие этого, спустя 15 лет после принятия кодекса, законодатель был вынужден пересмотреть свою позицию (таблица 2).

Таблица 2
Сравнительная характеристика «классической» советской и первой современной преюдициальной нормы
(составлено на основе [1, 4, 6, 8])

Характеристика	Типичная норма УК РСФСР 1960 г. (например, мелкое хулиганство)	Статья 151.1 УК РФ (в редакции 2011 г.)
Объект охраны	Общественный порядок, собственность, государственное управление (широкий круг)	Здоровье несовершеннолетних (узкий, специальный объект)
Условие криминализации	Наличие административного взыскания за аналогичное нарушение (часто требовалось два и более раз)	Привлечение к административной ответственности за аналогичное деяние один раз в течение определенного периода
Срок действия преюдиции	Обычно в течение года после наложения взыскания	В период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию (1 год)
Цель введения	Борьба с «туеядцами» и антисоциальными элементами; репрессивная функция	Предупреждение конкретного вида социально опасного бизнеса; профилактическая функция

Поворотным моментом стало принятие Федерального закона от 21 июля 2011 г. № 253-ФЗ, которым в УК РФ была введена статья 151.1 «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции». Это явилось первым случаем законодательного закрепления состава преступления с административной преюдицией в современном российском уголовном праве (в постсоветской истории). С учётом конструкции статьи предусматривалась уголовная ответственность, если это деяние совершено неоднократно, то есть, лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние в течение 180 дней (позже срок был скорректирован до одного года — в соответствии с общими нормами КоАП).

Анализ исторического опыта и текущей правоприменительной практики позволяет сформулировать ряд рекомендаций, которые нацелены на гармонизацию института административной преюдиции в современном праве.

Так, целесообразно законодательно закрепить единое понимание «неоднократности» и «периода преюдиции» в Общей части УК РФ. В настоящий момент сроки, в течение которых лицо считается подвергнутым наказанию, «размыты» между нормами УК и КоАП. Это создаёт правовую неопределённость.

Введение новых составов с административной преюдицией должно быть ограничено деяниями, где накопление количественных нарушений действительно перерастает в качественную угрозу (например, безопасность дорожного движения, экология). Недопустимо хаотичное расширение перечня таких статей.

Поскольку уголовное дело возбуждается на основании факта административного правонарушения, необходимо гарантировать, что процедура привлечения к административной ответственности обеспечивала достаточные права на защиту (состязательность, участие адвоката), сопоставимые с уголовным процессом. Это важно, чтобы

исключить автоматическую «трансформацию» упрощённого административного производства в уголовную судимость.

Заключение

Проведенный историко-правовой анализ даёт возможность резюмировать, что административная преюдиция не является чужеродным элементом для отечественной правовой системы. Напротив, она представляет собой традиционный инструмент — его генезис прослеживается от законодательных памятников XIX века до современных кодификаций. Цикличность развития анализируемого института — от зарождения в Империи, расцвета в СССР, забвения в 90-е годы, «ренессанса» в 2010-е — свидетельствует в пользу поиска государством оптимального равновесия между гуманизмом и эффективностью охраны общественных отношений.

Появление статьи 151.1 в УК РФ стало знаковым событием, ознаменовавшим конец эпохи «чистого» разделения ответственности и признание того факта, что общественная опасность может формироваться как характером самого действия, так и злостностью поведения субъекта. Данный законодательный шаг продемонстрировал отказ от идеалистических конструкций в сторону прагматического подхода к борьбе с правонарушениями.

Таким образом, возвращение административной преюдиции уместно оценивать не как регресс к советской репрессивной модели, а в качестве адаптации уголовной политики к реалиям современного общества. Вместе с тем, дальнейшее расширение этого института требует осторожности в сочетании со строгим доктринальным обоснованием, чтобы исключить размывание границ уголовного права и превращение его в инструмент восполнения дефектов исполнительной власти. Будущее в этой области зависит от способности законодателя выстроить непротиворечивую модель, где учитываются как исторический опыт, так и современные конституционные стандарты.

Литература

1. Григорьева Л.В. Тенденции уголовной политики сквозь призму административной преюдиции в отечественном уголовном праве // Правовая культура. 2022. № 3 (50). С. 20-28.
2. Густова Э.В., Хисматова А.Р. Административная преюдиция в современном уголовном праве // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2022. № 8-1. С. 29-34.
3. Ковшова Е.Н. Проблемы, связанные с административной преюдицией в уголовном праве // Молодой ученый. 2022. № 45 (440). С. 135-136.
4. Крапива И.И. Административная преюдиция в уголовном праве // Закон и право. 2025. № 2. С. 254-259.
5. Лакомская М.Ю. Административная преюдиция в уголовном праве: теоретические и практические аспекты // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 9. С. 156-158.
6. Мартынова Т.В., Яковенко И.А. Административная преюдиция в уголовном кодексе российской федерации: научное осмысление // Закон и право. 2022. № 12. С. 198-201.
7. Николаевич И.А., Лакомская М.Ю. Административная преюдиция в уголовном праве: теоретические и практические аспекты // Юридический мир. 2022. № 12. С. 60-65.
8. Пахомова О.Н. Административная преюдиция в современном уголовном законодательстве России // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 23-30.

9. Решетов М.А., Чернов Ю.И., Бугаенко Ю.Ю. Административная преюдиция в уголовном праве России и зарубежных стран // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 105-8. С. 47-50.

10. Старовойтова Ю.Г. О сущности административной преюдиции в уголовном праве // Проблемы права: теория и практика. 2022. № 57. С. 284-300.

11. Федорова Е.А. Подходы к пониманию профилактической функции административной преюдиции в уголовном праве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 2 (55). С. 194-200.

Historical and legal genesis of administrative prejudice in russian criminal law

Sharnin A.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Contemporary Russian criminal policy is experiencing a kind of "renaissance" of the institution of administrative prejudice. After its categorical rejection in the post-Soviet period, the legislator has returned to a legal construct in which a repeated administrative offence is transformed into a criminally punishable act. This shift generates a profound doctrinal contradiction. On the one hand, legal practice demands effective instruments of influence on individuals who systematically disregard legal prohibitions; on the other, the revival of this provision has triggered vigorous debate regarding its compatibility with constitutional principles and the risk of eroding boundaries between branches of law. The aim of the article is to identify the historical and legal patterns that shaped the resilience and cyclical nature of administrative prejudice within Russian law. The author seeks not merely to outline the chronological stages of its evolution, but to analyse the transformation of its legal nature in the context of shifting political regimes and legal ideologies. The analysis demonstrates that administrative prejudice is not a "relic" of the Soviet system, but a historically developed mechanism of inter-branch differentiation of liability, characteristic of the national legal tradition. It is concluded that the "liberal pause" of 1996–2011 revealed the insufficiency of purely administrative measures for preventing deviant behaviour. The reinstatement of prejudice-based offences (as exemplified by Article 151.1 of the Criminal Code) is interpreted as a forced, pragmatic decision by the legislator aimed at eliminating a "vacuum" in the prevention system. The novelty of the study lies in substantiating the thesis that the qualitative shift in the degree of social danger arises precisely from the cumulative effect of repeated violations, which legitimises the use of prejudice under current conditions. The historical perspective offered in the article makes it possible to forecast further directions in criminal law development and warns against the chaotic expansion of prejudice-based offences without adequate criminological justification.

Keywords: administrative prejudice, genesis of criminal law, decriminalisation, history of Russian law, repeated offences, social danger, criminal policy

References

1. Grigorieva L.V. Trends in criminal policy through the prism of administrative prejudice in domestic criminal law // Legal culture. 2022. No. 3 (50). pp. 20-28.
2. Gustova E.V., Khismatova A.R. Administrative prejudice in modern criminal law // Public safety, legality and law and order in the third millennium. 2022. No. 8-1. pp. 29-34.
3. Kovshova E.N. Problems related to administrative prejudice in criminal law // Young Scientist. 2022. No. 45 (440). pp. 135-136.
4. Krapiva I.I. Administrative prejudice in criminal law // Law and Law. 2025. No. 2. pp. 254-259.
5. Lakomskaya M.Y. Administrative prejudice in criminal law: theoretical and practical aspects // Humanities, socio-economic and social sciences. 2022. No. 9. pp. 156-158.
6. Martynova T.V., Yakovenko I.A. Administrative prejudice in the Criminal Code of the Russian Federation: scientific understanding // Law and Law. 2022. No. 12. pp. 198-201.
7. Nikolaevich I.A., Lakomskaya M.Y. Administrative prejudice in criminal law: theoretical and practical aspects // Legal World. 2022. No. 12. pp. 60-65.
8. Pakhomova O.N. Administrative prejudice in modern criminal legislation of Russia // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 1 (75). pp. 23-30.
9. Reshetov M.A., Chernov Yu.I., Bugaenko Yu.Y. Administrative prejudice in the criminal law of Russia and foreign countries // Trends in the development of science and education. 2024. No. 105-8. pp. 47-50.
10. Starovoitova Yu.G. On the essence of administrative prejudice in criminal law // Problems of law: theory and practice. 2022. No. 57. pp. 284-300.
11. Fedorova E.A. Approaches to understanding the preventive function of administrative prejudice in criminal law // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (55). pp. 194-200.

Особенности правового положения и объема полномочий представителей в уголовном процессе России

Якутов Иван Александрович

аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, ivan.yakutov.99@mail.ru

Данная статья посвящена анализу правового положения и объема полномочий представителей в уголовном процессе России. В ней рассматриваются актуальные проблемы, связанные с недостаточной структурированностью норм Уголовно-процессуального кодекса (УПК РФ) относительно уголовно-процессуального представительства, что затрудняет правоприменение и реализацию принципа состязательности сторон. Автор подчеркивает фрагментарность нормативного регулирования, выделяя различные виды представительства и их правовой статус. Особое внимание уделяется статусу защитника, который обладает широкими полномочиями, в отличие от представителей потерпевших и гражданских истцов, чьи права остаются неопределенными. Также обсуждаются особенности участия законного представителя несовершеннолетних и лиц с ограниченной дееспособностью, акцентируя внимание на возможном негативном влиянии на процессуальные действия. Дополнительно исследуется статус представителя свидетеля. Сделано заключение о необходимости унификации понятийного аппарата и усиления регулятивной базы института представительства путём дополнения УПК РФ специальными нормами, уточняющими полномочия и обязательства представителей различных категорий. Предлагается внести изменения в УПК РФ для четкого определения прав и обязанностей различных категорий представителей, что может способствовать более эффективной защите интересов участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: Уголовный процесс, Представительство, Полномочия, Защитник, Законный представитель, Правовой статус, Уголовно-процессуальный кодекс.

Введение

Вопрос о полномочиях представителя и его статусе в рамках института уголовно-процессуального представительства сохраняет свою высокую актуальность ввиду практической важности полноценного обеспечения защиты прав всех участников уголовного судопроизводства. Правильное определение полномочий представителей позволяет обеспечить эффективное взаимодействие всех заинтересованных сторон и способствует справедливому разрешению уголовных дел.

Материалы и методы

В данной статье использован комплексный подход к исследованию правового положения и объема полномочий представителей в уголовном процессе России. Основными методами исследования стали:

Анализ нормативно-правовых актов: Основное внимание уделено Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации, а также сопутствующему законодательству, регулирующему права и обязанности представителей в уголовном процессе.

Сравнительный метод: Осуществлено сопоставление норм УПК РФ с аналогичными положениями Гражданского процессуального кодекса (ГПК РФ) для выявления различий в правовом регулировании представительства.

Юридический анализ: Применен для оценки правоприменительной практики и выявления проблем, возникающих в процессе реализации полномочий представителей.

Качественные исследования: Включают анализ научной литературы, судебной практики и мнений экспертов в области уголовного процесса.

Системный подход: Позволил рассмотреть институт уголовно-процессуального представительства в контексте его взаимодействия с другими институтами права и процессуальными принципами.

Литературный обзор

Обширный литературный обзор включает работы как отечественных, так и зарубежных авторов, посвященные вопросам уголовно-процессуального представительства. В частности, исследования Т.А. Бутенко и Н.А. Мирзаева подчеркивают важность оптимизации деятельности представителей для обеспечения прав участников уголовного судопроизводства. В.Е. Ковтуновский выделяет влияние вида представительства на правовую природу полномочий, что также подтверждается мнением О.Е. Политыко о необходимости соблюдения интересов представляемых лиц.

А.В. Чарыков акцентирует внимание на роли адвоката как представителя, а также на его обязанностях в рамках уголовного процесса, что подтверждается работами М.Ю. Цандыковой, где рассматривается многообразие задач, возлагаемых на адвоката в процессе подготовки дел.

Кроме того, исследования Л.С. Лебедевой и А.И. Гайдина касаются влияния законного представительства на процессуальные действия несовершеннолетних. Важным аспектом является также работа С.И. Коновалова и А.А. Баева, которые подчеркивают необходимость наличия юридического образования у представителей свидетелей.

Таким образом, литературный обзор демонстрирует необходимость дальнейшего изучения и совершенствования правового статуса представителей в уголовном процессе для обеспечения эффективной защиты прав всех участников.

Проблемы установления точной природы функций представителей, а также отсутствие четких юридических критериев для оценки объемов их полномочий создают трудности в применении норм уголовно-процессуального закона. В связи с этим углубленное изучение вопросов, касающихся компетенции представителей, представляется важным направлением научного исследования и совершенствования современной уголовно-процессуальной практики. Т.А. Бутенко и Н.А. Мирзаев в своей работе указали, что проблема реализации прав представителей в уголовном судопроизводстве, а также получение лицами квалифицированной юридической помощи обусловлена необходимостью оптимизации деятельности представителей, а также совершенствованием уголовно-процессуального законодательства [2, с. 52].

Процессуальным статусом участника уголовного процесса является совокупность его прав, обязанностей и полномочий, обеспечивающая позитивное состояние определенного лица в системе уголовно-процессуальных права. Процессуальный статус представителя в российском уголовном процессе закреплён в УПК РФ. Однако, существуют сложности в его точном определении в связи с тем, что нормы о представительстве не структурированы. Также имеются сложности в определении видов представительства и установлении конкретных полномочий.

Отсутствие в УПК РФ определения представителя затрудняет установление его верного статуса в самом институте уголовно-процессуального представительства. В п.12 ст. 5 УПК РФ дается понятие только законного представительства.

В УПК РФ выделяется несколько видов представительства в зависимости от выполняемых функций представителя, основанных на принципе самостоятельности сторон. Из положений пп. 46 и 47 ст 5 УПК РФ следует, что к стороне защиты относятся законный представитель обвиняемого, защитник, представитель и законный представитель гражданского ответчика. К стороне обвинения относятся представитель и законный представитель потерпевшего, представитель гражданского истца. Таким образом, правовой статус представителя определяется с учетом его места в судебном процессе и выполняемой функции. Нельзя не согласиться с мнением В.Е. Ковтуновского о том, что в зависимости от вида представительства меняется правовая природа полномочий представителя [3].

В УПК РФ нормы о представительстве содержатся в разных частях кодекса. В отличие от УПК РФ в ГПК РФ отдельно выделена глава о представительстве (глава 5), в которой определяется правовой статус представителя, а также косвенно дается понятие представителя. В главах 6 и 7 УПК РФ регулируется правовой статус отдельных лиц, являющихся представителями как со стороны защиты, так и со стороны обвинения. Отметим, что законный представитель и представитель свидетеля в данных главах не представлен. Правовой статус таких представителей регулируется разными нормами, содержащимися в УПК РФ.

Во многих случаях в качестве представителя выступает адвокат. Он имеет особый правовой статус. А.В. Чарыков пришел к выводу о том, что цель деятельности адвоката-представителя заключается в осуществлении им фактических и юридических действий в интересах доверителя [10]. Полномочия адвоката регулируются не только УПК РФ, но и Федеральным законом от 31.05.2002 N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в

Российской Федерации». М.Ю. Цандыкова в своей работе пришла к выводу о том, что адвокаты выполняют множество административных и юридических задач по подготовке дел. В их обязанности и ответственность часто входит: подготовка всех документов, необходимых для подачи исков, в том числе ходатайств и других судебных документов, тесное сотрудничество с членами команды для подготовки подробного описания каждого дела, которое передается в суд, назначение и проведение показаний свидетелей и экспертов, изучение правовых концепций, прецедентного права, судебных решений, уставов и правил, обеспечение надлежащего юридического цитирования и установленного законом толкования, ведение дел, заметок и отчетов [8].

В главах 6 и 7 УПК РФ не содержится отдельная норма о законных представителях. Необходимо обратить внимание на то, что законный представитель может выступать как на стороне защиты, так и на стороне обвинения, что обусловлено его целью защищать интересы несовершеннолетнего лица или лица, которое в силу своего психического или физического состояния не способно самостоятельно защищать свои права и законные интересы. Данная особенность характеризуется тем, что законный представитель имеет родственную связь или осуществляет опеку (попечительство). Он подменяет процессуальную активность представляемого лица, что подчеркивает его правовой статус. Однако, необходимо понимать, что некоторые процессуальные действия несовершеннолетнего или лица, находящегося под опекой (попечительством), может совершать самостоятельно. Например, они могут давать показания при допросе (ст. 260 УПК РФ), участвовать при проведении очной ставки, опознания и проверки показаний (ч1. ст. 191 УПК РФ). Нельзя не согласиться с мнением П.Э. Куряшевой о том, что несовершеннолетний обвиняемый, подозреваемый имеет своей отличительной чертой «ограниченную уголовно-процессуальную дееспособность» [5].

Законное представительство, в отличие от других видов представительства, является обязательным, то есть без участия законного представителя несовершеннолетнего или нуждающийся в законном представителе не смогут отстаивать в суде свои интересы. Он может защищать интересы доверителя наряду с представителем-адвокатом (ч 2 ст. 45 УПК РФ, ст. 48 УПК РФ).

Законный представитель несовершеннолетнего, как уже было ранее отмечено, может присутствовать при производстве допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний. Однако, присутствие законного представительства при проведении данных следственных действий не всегда может благоприятно сказаться на самом несовершеннолетнем в силу его психической зависимости от родственника. Так, Л.С. Лебедева и А.И. Гайдин, отметили, что несовершеннолетний будет испытывать в присутствии родителей чувство страха, стыда, будет чутко реагировать на их эмоции и в соответствии с этим давать свои ответы. Законные представители могут быть заинтересованы в определенном исходе дела [6]. На наш взгляд, целесообразным было бы привлечение органов опеки и попечительства, которые имеют профессиональный опыт, независимый взгляд и выступают только в интересах ребенка.

Полномочия представителей, которые защищают интересы потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков, частных обвинителей схожи с полномочиями представляемых ими лиц. Этот принцип прямо вытекает из положений частей 3 статьи 45 и части 2 статьи 55 УПК РФ. Законодатель объединил процессуальные права представляемого и представителя. Полномочия таких представителей являются факультативными. Представи-

тель в таком случае является лицом, которое может способствовать реализации процессуальных прав доверителя путем оказания квалифицированной юридической помощи. В данном случае объем полномочий зависит от воли доверителя. Нельзя не согласиться с мнением О.Е. Политыко о том, что представители потерпевшего, частного обвинителя или гражданского истца должны и обязаны действовать соответственно интересам представляемого им лица, разногласия могут повлечь за собой отстранение представителя [7]. Кроме того, полномочия представителей потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков, частных обвинителей могут быть ограничены выданной доверенностью. Например, доверитель может ограничить право представителя на отказ от иска.

Согласно п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 №17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» законный представитель, представитель, представитель гражданского истца вправе принимать участие во всех судебных заседаниях по рассматриваемому делу для защиты своих прав и законных интересов [1].

Более широким перечнем полномочий, в отличие от других представителей, обладает защитник (ст. 53 УПК РФ). Перечень полномочий защитника выделен в отдельную статью. Полномочия других представителей не регулируются отдельными нормами. В большинстве случаев законодатель оперирует формулировкой «имеют те же процессуальные права», что на практике вызывает трудности не только на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, но и на стадии судебного производства. Таким образом, полномочия других представителей в УПК РФ регламентированы недостаточно полно.

Защитник приобретает полномочия, в отличие от других представителей с определенного момента (ч.3 ст. 49 УПК РФ), что отличает его процессуальный статус от других представителей.

В широком смысле согласно ч.1 ст. 49 УПК РФ к полномочиям защитника относятся осуществление защиты прав и интересов подозреваемых и обвиняемых, а также оказание им юридической помощи.

Кроме указанного в ст. 53 УПК РФ перечня полномочий согласно п. 11 ч.1 указанной статьи защитник может использовать иные не запрещенные настоящим Кодексом средства и способы защиты. Таким образом, защитник самостоятельно выбирает тактику защиты. Ю.В. Царева указывает на то, что защитник реализует полномочия представителя обвиняемого, мнение которого учитывается при совершении наиболее важных процессуальных действий и определении позиции по делу, которая исключает возможность коллизии по основному вопросу уголовного дела [9].

Отдельно в юридической науке выделяют полномочия представителя свидетеля. Согласно п. 6. ч. 4 ст. 56 УПК РФ свидетель вправе являться на допрос с адвокатом. Если свидетель явился на допрос с адвокатом, приглашенным им для оказания юридической помощи, то адвокат присутствует при допросе. Он вправе давать ему в присутствии следователя, дознавателя краткие консультации, задавать с разрешения следователя, дознавателя вопросы допрашиваемым лицам, делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе данного следственного действия. Необходимо отметить, что законодатель предоставил возможность представлять интересы свидетеля только адвокатам. Исключением является только законное представительство несовершеннолетнего свидетеля. С.И. Коновалов и А.А. Баев в своей работе отмечают, что, обозначая субъекта

оказания квалифицированной юридической помощи свидетелю, законодатель пользуется нейтральным термином «адвокат», подчеркивая наличие у данного субъекта юридического образования и специализации в виде осуществления правозащитной деятельности [4].

Обсуждение

Проведенное исследование подтвердило исходную гипотезу о том, что процессуальный статус и объем полномочий представителя в российском уголовном судопроизводстве остаются недостаточно четко определенными и структурированными в УПК РФ, что создаёт реальные препятствия для единообразного правоприменения и полноценной реализации принципа состязательности сторон. Ключевым выводом работы является констатация фрагментарности нормативного регулирования института представительства. В отличие от ГПК РФ, где представительство посвящена отдельная глава 5, в УПК РФ соответствующие нормы разбросаны по различным статьям и главам, а понятие «представитель» (за исключением законного представителя в п. 12 ст. 5 УПК РФ) вообще не определено. Особое внимание в работе уделено дифференциации видов представительства и соответствующих им объемов полномочий.

Действующее российское законодательство устанавливает достаточно широкий круг полномочий защитника в уголовном процессе, однако регулирование аналогичных полномочий других представителей остается фрагментарным и неполным. Формулировка «представители обладают теми же правами, что и представленные ими лица» приводит к ряду практических трудностей, связанных с определением конкретного круга полномочий представителей потерпевших, гражданских истцов, ответчиков и иных участников процесса. Такая ситуация негативно сказывается на эффективности функционирования института представительства, затрудняя полноценную защиту интересов соответствующих субъектов. Поэтому актуальным становится предложение о внесении в УПК РФ специальных норм, которые бы четко определяли права и обязанности различных категорий представителей.

Отдельной проблемой, выявленной в исследовании, остаётся статус законного представителя несовершеннолетнего или лица с ограниченной дееспособностью. Обязательность его участия (ч. 2 ст. 45, ст. 48 УПК РФ) объективно необходима, однако психологическая зависимость подопечного от родственника-законного представителя может искажать показания и нарушать принцип добровольности.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 (ред. от 16.05.2017). О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102220 (дата обращения: 01.12.2025).
2. Бутенко, Т.А., Мирзаев, Н.А. Институт представительства в уголовном судопроизводстве // Актуальные вопросы права и правоприменения: Материалы Международной научно-практической конференции. 2021. С. 52.
3. Ковтуновский, В.Е. Правовая природа полномочий представителя потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя в уголовном судопроизводстве / В.Е. Ковтуновский // Наука и современность. 2010. С. 250.
4. Коновалов, С.И. Свидетель как субъект получения квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве / С.И. Коновалов, А.А. Баев // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. С. 41.

5. Курышева, П.Э. К вопросу об участии законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого в уголовном деле / П.Э. Курышева // Новизна. Эксперимент. Традиции. 2021. № 2. С. 58.

6. Лебедева, Л.С. Правовой статус законного представителя в уголовном процессе/ Л.С. Лебедева, А.И. Гайдин // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Studis historica juvenum. 2010. № 1. С. 105.

7. Политыко, О.Е. Сущность и содержание института представительства в уголовном процессе России / О.Е. Политыко // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 28.

8. Цандыкова, М.Ю. Адвокат в уголовном процессе: его роль, права и обязанности / М.Ю. Цандыкова // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6. С. 344.

9. Царева, Ю.В. Способы реализации полномочий защитника в процессе доказывания по уголовным делам // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. Под редакцией Ю.В. Гаврилина, Ю.В. Шпагиной. Москва, 2021. С. 485. Цандыкова, М.Ю. Адвокат в уголовном процессе: его роль, права и обязанности / М.Ю. Цандыкова // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6. С. 344.

10. Чарыков, А.В. Адвокат-представитель в уголовном процессе // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: Материалы X Международной научно-практической конференции. Отв. редактор М.А. Михайлов. Симферополь, 2022. С. 67.

Features of the legal status and scope of powers of representatives in the criminal process of Russia

Yakutov I.A.

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University

This article is devoted to the analysis of the legal status and scope of powers of representatives in the criminal process of Russia. It examines current issues related to the insufficient structuring of norms in the Criminal Procedure Code concerning criminal procedural representation, which complicates law enforcement and the realization of the adversarial principle. The author emphasizes the fragmentary nature of the regulatory framework, highlighting various types of representation and their legal status. Special attention is given to the status of the defender, who possesses broad powers, unlike representatives of victims and civil plaintiffs, whose rights remain undefined. The article also discusses the peculiarities of the participation of legal representatives of minors and individuals with limited capacity, focusing on the potential negative impact on procedural actions. Additionally, the status of the witness's representative is explored. The conclusion is made about the necessity of unifying the conceptual framework and strengthening the regulatory basis of the representation institution by supplementing the CPC RF with special norms that clarify the powers and obligations of representatives of various categories. It is proposed to amend the CPC RF to clearly define the rights and duties of different categories of representatives, which could contribute to more effective protection of the interests of participants in criminal proceedings.

Keywords: Criminal process, Representation, Powers, Defender, Legal representative, Legal status, Criminal Procedure Code.

References

1. Resolution of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation No. 17 dated June 29, 2010 (as amended on May 16, 2017). On Judicial Practice in Applying Norms Regulating Victim Participation in Criminal Proceedings // Legal Information System "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102220 (accessed December 1, 2025).
2. Butenko, T.A., Mirzaev, N.A. The Institution of Representation in Criminal Prosecution // Actual Issues of Law and Enforcement: Materials of International Scientific-Practical Conference. 2021. p. 52.
3. Kovtunovsky, V.E. Legal Nature of Powers of Representatives for Victims, Civil Claimants, and Private Prosecutors in Criminal Proceedings // Science and Modernity. 2010. p. 250.
4. Kononov, S.I., Baev, A.A. Witness as a Subject Receiving Qualified Legal Assistance in Criminal Proceedings // Izvestia of Tula State University. Economic and Legal Sciences Series. 2016. p. 41.
5. Kuryaeva, P.E. On the Issue of Involvement of Legal Representative of Minor Accused Person in Criminal Case // Novelty. Experiment. Tradition. 2021. No. 2. p. 58.
6. Lebedeva, L.S., Gaidin, A.I. Legal Status of Legal Representative in Criminal Process // Bulletin of Scientific Association of Students and Postgraduates of History Department at Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series: Studis Historica Juvenum. 2010. No. 1. p. 105.
7. Polityko, O.E. Essence and Content of Representation Institute in Russia's Criminal Process // Vestnik Uralskogo Yuridicheskogo Instituta MVD Rossii. 2024. No. 1. p. 28.
8. Tsandykova, M.Yu. Attorney in Criminal Proceedings: His Role, Rights, and Duties // Law and Government: Theory and Practice. 2023. No. 6. p. 344.
9. Tsareva, Yu.V. Methods of Implementing Defender's Powers during Evidence Collection in Criminal Cases // Development of Doctrine on Counteracting Crime Investigation and Measures to Overcome It under Digital Transformation Conditions: Collection of Scientific Articles Based on Materials from an International Scientific-Practical Conference. Edited by Yu.V. Gavrilin, Yu.V. Shpagina. Moscow, 2021. p. 485.
10. Charykov, A.V. Advocate-Representative in Criminal Proceedings // Criminal Proceedings: Procedural Theory and Forensic Practice: Materials of the Xth International Scientific-Practical Conference. Ed. by M.A. Mikhailov. Simferopol, 2022. p. 67.

Проблема определения потерпевшего при некоторых видах дистанционных хищений

Руфуллаев Рафаил Алигулу оглы

аспирант кафедры уголовного права и процесса Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 89089265050@bk.ru

В статье формируется проблема определения потерпевшего при дистанционном мошенничестве в случаях, когда с помощью аккаунта потерпевшего производится хищение денежных средств, перечисляемых на счет лица, чьим аккаунтом завладел злоумышленник, определяется доктринальная природа таких хищений, устанавливается кому именно причиняется вред и обман кого порождает юридически значимые последствия, кто именно претерпевает утрату денег в таких случаях. Кроме того, в статье освещается проблема отсутствия единообразного подхода судебными инстанциями к вопросу определения потерпевшего при таком кибермошенничестве и предлагается путь решения в виде регулирования данного вопроса путем внесения изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате".

Ключевые слова: кража у банка, кибермошенничество, дистанционное мошенничество, хищения в сфере кредитования, дистанционное хищение, услуги в дистанционном формате, проблема потерпевшего, мобильный банк.

Дистанционные преступления все чаще встречаются в современном мире, который, казалось бы, уже не способен функционировать и развиваться без технологий, упрощающих жизни людей, в том числе посредством предоставления услуг в дистанционном формате с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (ИТС).

Так, если обратиться к краткой характеристике преступности в РФ за январь-август 2025 года мы увидим, что, традиционно, почти половину всех зарегистрированных преступлений (643 749 преступлений или 49.3 %) составляют хищения. При этом, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий составило 341 428 преступлений, то есть 53.04 %²⁵.

Данные статистические данные наглядно демонстрируют безусловную значимость данного вида хищений, демонстрируют переход преступности дистанционности и цифровизации в аспекте хищений.

Как известно, потерпевшим в уголовно-правовом аспекте жизнедеятельности является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации (ч. 1 ст. 42 УК РФ).

При этом такое лицо, является потерпевшим в силу самого факта причинения ему преступлением такого вреда, а не вследствие вынесения решения о признании его потерпевшим следственным органом или судом²⁶.

При этом доктринально, для квалификации того или иного общественно-опасного деяния и становления по нему потерпевшим лица, следует исходить из того, какие охраняемые той или иной нормой интересы нарушены. Иными словами, нельзя считать потерпевшим лицо по краже в чужом доме, в котором он находился, если ему только причинили тяжкий вред здоровью и его имущество не похитили.

Казалось бы, все просто, при классической краже, потерпевшим со всей очевидностью является лицо, чье имущество похищено, независимо от того где и у кого оно находилось в момент изъятия злоумышленником.

Однако, не всегда при совершении хищений все так банально. В частности, при стремительно развивающейся киберпреступности, достаточно частой моделью хищений является не только завладение имуществом самого лица, повергнутого кибератаке (звонки, уговоры, убеждения лица о переводе его личных денег), но и посредством убеждения или взлома аккаунта мобильного Банка (или иного приложения) попытка с помощью такого лица завладеть денежными средствами, фактически принадлежащими кредитной организации (как правило, Банку).

И здесь, к великому сожалению, с учетом трансформации хищений, у правоприменителя, привыкшего, долгое время отправлять правосудие по шаблонной классической схеме, возникают нешуточные трудности.

Обращаясь к практике рассмотрения такой категории дел, мы можем отметить следующее. Так, к примеру, решением суда установлено, что злоумышленником при

²⁵ См.: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – август 2025 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/70644759/> (дата обращения: 21.12.2025).

²⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 11.10.2016 N 2164-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Еременко Тамары Александровны и Кривцова Евгения Валерьевича на нарушение их конституционных прав частью четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации".

оформлении заявок на кредиты, вход в мобильное приложение системы "Сбербанк Онлайн" произведен с использованием персональных средств доступа лиц, не причастных к совершению преступления. СМС-информирование о совершаемых операциях, и СМС-пароли направлялись Банком на мобильные телефоны, подключенные к мобильным банкам этих лиц. При этом суд почему-то пришел к выводу, что с момента выполнения банком распоряжения клиента о проведении операции по банковской карте, денежные средства по проведенной операции в силу ст. 807 ГК РФ считаются переданными в собственность клиента и становятся его имуществом с момента их зачисления на счет (банковскую карту). Банки исполнили обязательства и зачислили денежные средства на счет лиц, не причастных к хищению, которые с момента их зачисления на их счета стали их собственностью, а умысел злоумышленника был направлен на хищение денежных средств, находившихся на счетах и принадлежавших этим лицам, а не Банкам²⁷. Примечательно, что такая практика является устойчивой, сложилась еще с 2022 года²⁸. То есть потерпевшими во всех представленных случаях признаны судом именно лица, чей мобильный банк был взломан и на чей счет просто были зачислены денежные средства Банком. По результатам таких судебных решений, Банк, как правило приобретает безусловное преюдициальное право требовать свои денежные средства обратно у такого лица, признанного судом потерпевшим, суды такими решениями фактически устанавливают принадлежность денежных средств лицу, чей мобильный Банк был взломан, не оставляя ему даже шанса на законную борьбу в гражданско-правовом порядке.

К всеобщему благополучию, на сегодняшний день существует и диаметрально противоположная судебная практика. Так, при аналогичных юридически значимых событиях, потерпевшим по уголовному делу установлен Банк. В судебном решении указано, что мошенничество, совершенное злоумышленником в отношении Банка было окончено с момента зачисления Банком принадлежащих ему кредитных денежных средств на счет гражданина, находившийся под контролем злоумышленника. При этом использование злоумышленником персональных данных такого гражданина, при совершении мошеннических действий по оформлению кредита от его имени свидетельствует об умысле злоумышленника на хищение денежных средств, принадлежащих Банку, путем обмана²⁹. Такая практика на наш взгляд является очевидной, правильной и не порождающей преюдициально неблагоприятных последствий для гражданина, чей аккаунт был взломан.

Анализ по исследуемой тематике состоявшихся судебных решений неизбежно приводит к выводу, что правоприменитель нуждается в четком понимании, кто же является потерпевшим по таким делам финансовая организация или все-таки лицо, чьим аккаунтом, а в отдельных случаях и волей завладел злоумышленник.

В поисках ответа на данный коллизионный вопрос, можно смоделировать аналогичные по своей юридической природе ситуации.

Так, к примеру, взяв за основу классическое мошенничество, где З. идет к П. и представляется ее внуком С., берет у нее денежные средства путем обмана о наличии родственных связей и тяжелого материального положения мы видим, что С. является лишь «инструментом» воздействия З. на П., что денежные средства отчуждаются именно у П.

Смоделируем более сложную ситуацию, где злоумышленник приходит на личный прием в Банк, представляется другим гражданином, предъявляет его паспорт и берет кредит на имя этого гражданина. Фактически, в данном случае мы видим, что гражданин не заключал никаких договоров, не подписывал никаких документов (в том числе кредитный договор), свидетельствующих бы о возникновении у него обязательств и о переходе права собственности на выданные Банком денежные средства именно ему.

Таким образом ни в данном случае, ни в рассматриваемом в статье как коллизионный (при оформлении кредита злоумышленником дистанционно), гражданин фактически не заключал никаких договоров с Банком, денежные средства, полученные на его счет (возможно также открытый незаконно), успешно сняты злоумышленником из банкомата. Вывод о том, что если счет принадлежит гражданину, значит и денежные средства получены им от Банка является абсурдным и не выдерживает никакой критики. Это все равно, что злоумышленник бы нашел потерянный кошелек гражданина, присвоил его себе и хранил бы там свои деньги. Получается, что по логике отдельных правоприменителей гражданин может претендовать на деньги, хранящиеся в его кошельке но в кармане злоумышленника. Почему в случае с кошельком ответ очевиден, а в случае с банковским счетом нет.

Доктринально разбирая состав мошенничества, совершаемого злоумышленником, мы видим, что обман фактически был произведен в отношении Банка, именно он был введен в заблуждение о том, что на другом конце его же приложения пользователем является именно его клиент-гражданин. Если бы он знал, что клиентом является не этот гражданин, а злоумышленник, очевидно, что в выдаче кредита (денег) было бы отказано. Получается, что именно обман Банка породил причинно-следственную связь в виде завладения денег, при этом неважно кому именно принадлежит счет, важно кто фактически имеет возможность им распоряжаться, то есть им владеет в настоящий момент.

Непонятно, каким образом тогда гражданин (чьим аккаунтом завладел злоумышленник) может выступать потерпевшим и какой вред ему причинен (кроме разве что морального, не подпадающего под уголовно-правовую квалификацию). Элементарно понятно, что обману подвергается только лишь Банк и никто иной.

Также примечательно, что само приложение (явившееся инструментом для хищения) является собственностью Банка, именно он отвечает за безопасность денежных средств, находящихся в его распоряжении. Именно на Банке лежит ответственность и в его интересах следить за безопасностью выдаваемых денег. При этом совершенно неважно, каким способом они выданы, при приеме в самом Банке или дистанционным способом с использованием гражданско-правовых инструментов (электронная подпись, мобильный Банк и т. п.).

При дистанционном хищении денежных средств путем взлома или иным образом завладения сотовым телефоном гражданина (его мобильным Банком, абонентским номером для получения одноразовых СМС-кодов подтверждения операций) злоумышленник завладевает еще и его Банковским счетом, на который поступают кредитные денежные средства. Абсурдным является вывод о том, что в момент поступления денег на счет у гражданина имеется реальная возможность распорядиться ими. А если злоумышленник перевел бы со счета гражданина эти же

²⁷ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 07.10.2025 N 77-2567/2025 (УИД 23RS0032-01-2024-001372-48)

²⁸ См., напр.: Апелляционное определение Пермского краевого суда от 14 января 2022 г. по делу N 22-38/2022

²⁹ См., напр.: Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.01.2025 по делу N 77-244/2025

денежные средства на счет террористической организации. Тогда, получается, по логике правоприменителя, он еще и должен отвечать за финансирование терроризма.

Таким образом, мы видим, что при хищении средств Банка путем дистанционного оформления кредита, банковский счет законопослушного гражданина используется злоумышленником лишь в качестве средства совершения преступления. Все последующие действия злоумышленника с поступившими денежными средствами при условии, что банковский счет подконтролен злоумышленнику представляют собой распоряжение уже похищенными им у Банка деньгами и уголовно-правовой оценке не подлежат.

В данной связи, представляется, что данная сформированная в статье проблема требует безусловного реагирования со стороны высшего правоприменителя путем внесения изменений в соответствующий судебный акт³⁰ и указания нижестоящим инстанциям о формировании единообразной практики, необходимость обращения внимание в чем фактическом распоряжении находится банковский счет независимо от его именной принадлежности и обман кого фактически порождает изъятие денежных средств, а также у кого они изымаются.

Литература

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – август 2025 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/70644759/> (дата обращения: 21.12.2025).
2. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 14 января 2022 г. по делу N 22-38/2022
3. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 07.10.2025 N 77-2567/2025 (УИД 23RS0032-01-2024-001372-48)
4. Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.01.2025 по делу N 77-244/2025
5. Определение Конституционного Суда РФ от 11.10.2016 N 2164-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Еременко Тамары Александровны и Кривцова Евгения Валерьевича на нарушение их конституционных прав частью четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации".
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 (ред. от 15.12.2022) "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате"

The Problem of Determining the Victim in Certain Types of Remote Theft Rufullaev R.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
This article addresses the problem of determining the victim in remote fraud cases where the victim's account is used to steal funds transferred to the account of the person whose account the perpetrator has seized. It also defines the doctrinal nature of such thefts, establishes who is harmed, and whether the deception has legally significant consequences, and who suffers the loss in such cases. The article also highlights the lack of a uniform approach by courts to determining who is the victim in such cyber fraud and proposes a solution by regulating this issue through amendments to Resolution No. 48 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 30, 2017, "On Judicial Practice in Cases of Fraud, Misappropriation, and Embezzlement."

Keywords: bank theft, cyber fraud, remote fraud, credit theft, remote theft, remote services, victim issues, mobile banking.

References

1. Appeal ruling of the Perm Regional Court dated January 14, 2022 in case No. 22-38/2022
2. Cassation ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated 07.10.2025 N 77-2567/2025 (UID 23RS0032-01-2024-001372-48)
3. Cassation ruling of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction dated 01/22/2025 in case No. 77-244/2025
4. The ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 11.10.2016 N 2164-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizens Tamara Alexandrovna Yermenko and Evgeny Valeryevich Krivosov for violation of their constitutional rights by Part four of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 42 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation."
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 dated 11/30/2017 (as amended on 12/15/2022) "On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement"

³⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 (ред. от 15.12.2022) "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате"

Конституционные гарантии права собственности: теоретико-правовой аспект

Галкин Алексей Андреевич

аспирант Пензенского государственного университета,
galkinalexei@yandex.ru

В статье исследуются конституционные основы и гарантии права собственности в Российской Федерации. Рассматриваются теоретико-правовые подходы к пониманию права собственности, его сущность и содержание в контексте Конституции РФ. Особое внимание уделяется двойственной природе права собственности, которое выступает одновременно как личное экономическое право и как основа конституционного экономического устройства. Проводится анализ сущности принципа неприкосновенности собственности, а также законодательных норм обеспечивающих реализацию и защиту данного права.

Ключевые слова: Конституция РФ, право собственности, конституционные гарантии права собственности, неприкосновенность собственности, ограничения права собственности, защита права собственности.

Право собственности занимает центральное положение в системе прав и свобод личности, являясь краеугольным камнем экономической свободы, индивидуальной автономии и достоинства человека. Его конституционное закрепление и гарантирование – неотъемлемый атрибут современного демократического, правового и социального государства. В Российской Федерации, прошедшей сложный путь трансформации от плановой экономики к рыночной, конституционные нормы о праве собственности приобрели особое значение, став правовой основой коренных социально-экономических преобразований.

Теоретическое осмысление конституционных гарантий права собственности необходимо для понимания их сущности, системного характера и роли в построении гражданского общества и эффективной экономики. В то же время, анализируя современные правовые концепции об этом важнейшем институте, мы можем сделать вывод об «отсутствии единого подхода к указанной проблеме, а также о наличии соответствующей системы таких гарантий, включающей условия и меры экономического, политического, организационного и правового характера»[1, с. 67].

Для дальнейшего рассмотрения вопроса о конституционных гарантиях права собственности необходимо определить понятие гарантий в конституционном праве. Так, В.А. Багдасарян пишет, что «под конституционными гарантиями субъективного права в современной правовой теории понимаются конституционно-правовые средства (нормы и процедура их реализации), обеспечивающие защиту и реализацию конституционного субъективного права»[2, с. 136].

Право собственности является одним из ключевых конституционных прав человека и гражданина. В связи с этим важно выделить общее понятие гарантий таких прав. Ряд исследователей определяют это как «юридические, экономические, идеологические и политические средства, обеспечивающие осуществление субъективных прав гражданина и человека, их защиту, а также постоянное совершенствование этих прав»[3, с. 91]. А.В. Безруков дополняет, что «в качестве гарантии конституционных прав и свобод выступает не только сам результат деятельности органов государственной власти, но и механизм – определенный законом порядок осуществления этой деятельности»[4, с. 100].

С целью полного осмысления этого понятия необходимо не только перечислить его составляющие. Само существование гарантий было бы бессмысленным, если бы они не выполняли ряд ключевых задач. Так, К.В. Качур в своей диссертации справедливо выделяет ряд функций конституционно-правовых гарантий основных прав и свобод человека и гражданина: «а) создание практической возможности пользования основными правами и свободами; б) создание юридических возможностей совершать активные действия по наиболее полному претворению в жизнь прав и свобод, активного выполнения конституционных обязанностей; в) предотвращение нарушений конституционных прав и свобод; г) восстановление нарушенных прав и свобод, обеспечение возможности их принудительной реализации»[5]. Следовательно, мы констатируем, что обеспечительная функция тесно сопрягается с субъективными правами человека. В связи с этим важно отметить, что «правовая гарантия наиболее тесно свя-

зана с реальностью, с внешней формой закрепления правового средства, поскольку механизм действия определяется осознанием личности ее наличия»[6].

Таким образом, принцип свободы личности, лежащий в основе всех конституционных прав человека, находит свое конкретное выражение в экономической сфере через гарантии права частной собственности. Это право обеспечивает автономию личности в принятии экономических решений. Поэтому «как и любое конституционное право, право на частную собственность имеет свою содержательную специфику и механизм реализации»[7, с. 76].

Важнейшей теоретической характеристикой конституционного права собственности является его двойственная природа. Она выражается в двух аспектах, как субъективное право человека и гражданина (ст. 35 Конституции РФ) и как фундаментальный принцип конституционного строя и основ экономической системы (ст. 8 Конституции РФ). В первом случае оно является элементом правового статуса личности. Исследователи подчеркивают, что конституционные гарантии собственности «обеспечивают субъективное право человека господствовать над материальными и связанными с ними нематериальными благами»[6]. Во втором случае право собственности выступает как объективный правовой институт, создающий рамки для всей хозяйственной деятельности в стране, определяющий взаимоотношения между личностью, обществом и государством в экономической сфере. При таком подходе «конституционные гарантии собственности обеспечивают национальную юрисдикцию при решении вопросов об экономических основах конституционного строя общества»[6].

Этот дуализм подчеркивает, что право собственности защищается не только в интересах отдельного индивида, но и в интересах общества в целом. Частная собственность выступает как общественная и конституционная ценность, которая «образует базис в функционировании рыночной экономики. Возникает связь его базиса с неким консенсусом, компромиссом общества, государства и отдельного индивида»[8, с. 28]. Таким образом, с теоретико-правовой точки зрения, право собственности выполняет ряд функций: регулиющую, охранительную, социальную и экономическую.

При рассмотрении конституционных гарантий частной собственности важно подчеркнуть, что эти гарантии могут проявляться как в юридическом аспекте, так и в социальном контексте. Поэтому их следует разграничить. По мнению Н.В. Туликова «отличие конституционных гарантий от правовых средств иных отраслей права связано с особенностями конституционного регулирования и его механизма»[6]. Система юридических гарантий, закреплённых в законодательных нормах, обеспечивает защиту собственности в правовом поле.

Исходя из этого, следует обозначить понятие конституционных гарантий права собственности. В литературе используются различные подходы к определению таких гарантий. Д.А. Ольнев предлагает, что «гарантией конституционного права частной собственности следует считать закрепленный в международных актах, Конституции РФ и отраслевом законодательстве комплекс правовых средств восстановления и реализации ущемленного (нарушенного) субъективного права частной собственности»[9, с. 38]. С другой стороны, «система конституционных гарантий права собственности – это условия, средства и методы, обеспечивающие фактическую реализацию и всестороннюю охрану права собственности в соответствии с ее конституционно закрепленным предназначением и социальной ролью»[1, с. 68].

После того как мы определили понятие конституционных гарантий права собственности и их правовую при-

роду, мы можем перейти к их изучению в Основном законе. Конституция РФ в ч.4 ст.35, посвященной собственности, прямо гарантирует только право наследования, которое не является абсолютным. «Не существует естественного и неотчуждаемого права «быть наследником вообще», а существует право становиться наследником в порядке и на условиях, установленных законом» [10, с.149]. Следовательно, гарантируется институт наследования, регулируемый Гражданским законодательством.

Проведя анализ текста Конституции РФ, мы выделили ряд гарантий, которые обеспечивают праву собственности одну из ведущих ролей в российском законодательстве. К ним относятся: равная защита и признание многообразия всех форм собственности (ч.2 ст.8), основополагающие гарантии прав и свобод человека, к которым, безусловно, принадлежит и право собственности (ч.1 ст. 17), запрет на произвольное лишение имущества, иначе как по решению суда (ч.3 ст. 35), судебная защита права собственности (ч.2 ст. 46).

Вопрос о равенстве и многообразии форм собственности является одним из ключевых и основополагающих. Конституция РФ гарантирует равноправие всех форм собственности и обеспечивает единые условия для деятельности хозяйствующих субъектов. В.В. Гошуляк, в контексте конституционных гарантий, указывает, что «разные формы собственности защищаются равным образом государством»[11, с. 146]. Он полагает, что данную норму нужно интерпретировать буквально. Это означает, что принцип равной защиты для разных форм собственности логически развивается в идею их фундаментального и полного равноправия. По его мнению «Конституция РФ установила не равенство форм собственности, а только их равную правовую защиту. Конституционное положение о том, что частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности защищаются равным образом, означает следующее: все субъекты права собственности обладают равными правами защиты этого права»[11, с. 146]. Из этого следует, что государство гарантирует незыблемость права собственности, и мы можем отнести эту норму к общим конституционным принципам.

Широкое многообразие форм собственности создает плюралистическую основу для хозяйственной деятельности. Однако для правового регулирования ключевое значение имеет юридическое содержание отношений собственности. Это содержание универсально и раскрывается через правомочия собственника, в виде классической триады. Она является абсолютной и **выступает в качестве элемента общей правосубъектности человека**. В частности, Конституция РФ в ст. 35 закрепляет, что право частной собственности охраняется законом и позволяет каждому иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им. Однако, В.А. Четвернин считает, что при анализе данной нормы, ее «нельзя понимать так, что право частной собственности производно от закона (каковы законы, таково и право быть собственником). Формально-юридически право частной собственности охраняется, прежде всего, самой Конституцией как естественное и неотчуждаемое право»[10, с. 149]. И как справедливо пишет З.К. Кондратенко «раскрытие содержания права на частную собственность не завершается определением принадлежащих собственнику правомочий. В конституционно-правовой характеристике данного права важное значение имеет выявление состава собственности, т. е. ее имущественная характеристика»[7, с. 78].

В этой связи следует уделить внимание правам владельцев и пользователей вещи, являющейся предметом спора. По смыслу Конституции им также должна быть гарантирована государственная защита имущественных

прав. Так, Конституционный суд в ряде своих Постановлениях по этому вопросу, ставит наравне с собственниками и права добросовестных приобретателей, владеющих вещью на законных основаниях. Г.А. Гаджиев указывает «в качестве самостоятельных имущественных прав КС РФ рассматривает собственность (которая предполагает обладание такими правомочиями, как владение, пользование и распоряжение) и владение. Получается, что ст. 35 Конституции РФ гарантирует государственную защиту не только субъективного конституционного права частной собственности, но и широкий спектр различных имущественных прав»[12, с. 36-37]. На эту же тему председатель Конституционного суда В.Д. Зорькин замечает, что таким путем «суд продемонстрировал значимость мегапринципа частного права - обеспечения стабильности, предсказуемости и надежности гражданского оборота. В противном случае для широкого круга добросовестных приобретателей, проявляющих при заключении сделки добрую волю, разумную осмотрительность и осторожность, будет существовать риск неправомерной утраты имущества, которое может быть истребовано у них в порядке реституции»[13]. Возникающая правовая неопределенность вступает в конфликт с конституционными принципами свободы предпринимательства и договора. Это дестабилизирует экономические отношения, подрывает взаимное доверие и, в конечном итоге, противоречит самой сути правового государства.

Конституция РФ в ст. 35 формально закрепляет, что право частной собственности граждан является незыблемым, не допускается противоправное лишение права собственности. Ст. 9 Основного закона гарантирует охрану земли и природных ресурсов, а также что они могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. Следовательно, каждый гражданин вправе пользоваться ими в соответствии с законом. Существующие положения «устанавливают нерушимость права собственности граждан Российской Федерации на природные объекты, что в субъективном смысле для каждого материализуется в правомочности пользования такими объектами в соответствии с законом»[14, с. 14]. Следовательно, можно утверждать о закреплении в Конституции Российской Федерации принципа нерушимости права как частной, так и публичной собственности.

В контексте имущественных отношений ч. 3 ст. 35 Конституции гарантирует и право постоянного (бессрочного) пользования или пожизненного наследуемого владения земельным участком. Конституционный суд подмечает «данная конституционная гарантия, адресованная, прежде всего собственникам, во всяком случае, не может толковаться как отрицающая государственную защиту других признанных имущественных прав граждан и умаляющая в какой-либо мере возможности такой защиты для законных землепользователей»[15]. Таким образом, предоставляется всеобъемлющая защита законным обладателям того или иного имущества.

В этом контексте принципиальным является вопрос о гарантиях собственнику в случаях изъятия его имущества государством, ведь в этом случае оно вторгается в его частный интерес и высок риск злоупотреблений. В правовом государстве исключена любая возможность лишить собственника его имущества. Надлежащие конституционные гарантии не допускают бесспорный административный порядок. Прекращение права собственности посредством ее изъятия для государственных или муниципальных нужд это «сложный юридический состав, который основывается на публично-правовом акте (решении об изъятии), имеющем волевой характер, на основании которого изъятие происходит независимо от воли собственника, но в последующем выражается в гражданско-правовой сделке (соглашении об изъятии)»[16, с. 87]. Как пишет

Конституционный суд в своем обзоре, права собственности «подлежат защите на основе соразмерности и пропорциональности, с тем, чтобы был обеспечен баланс прав и законных интересов всех участников гражданского оборота»[17]. Таким образом, вводимые федеральным законом ограничения должны соответствовать критериям справедливости и соразмерности, носить общий и абстрактный характер. Их применение не должно иметь обратной силы и противоречить фундаментальному содержанию конституционных прав.

При анализе ч. 3 ст. 35 Конституции РФ можно выделить две конституционные гарантии, позволяющие собственнику защитить свое имущество от неправомерного вмешательства. Во-первых, судебная гарантия, при которой исключительно суд имеет право своим решением лишить собственника имущества. При этом Конституционный суд проводит различие между изъятием имущества у физических и юридических лиц. К гражданам применяется предварительный судебный контроль, а к юридическим лицам последующий судебный контроль. Во-вторых, стоимостная гарантия, обеспечивающая собственнику предварительное и равноценное возмещение. «Важно понимать, что возмездная экспроприация не является санкцией за совершение правонарушения и что собственник не имел намерения продавать или иным образом отчуждать принудительно отчуждаемое имущество»[11, с. 153]. Следовательно, возмещение является равноценным, если его размер достаточен для приобретения собственником аналогичного имущества (при наличии такой возможности на рынке) взамен изымаемого.

Однако определение размера компенсации выступает краеугольным камнем в отношениях между собственником и государством. Возникает извечный вопрос баланса частных и публичных интересов. В.Д. Зорькин подчеркивает «право частной собственности призвано защищать только разумный эгоизм. Компенсация не должна достигать таких размеров, чтобы всякие публично-значимые инновации становились экономически невыгодными в силу высоких затрат на компенсацию за изъятие имущества»[13]. Конституционный суд указывает на недопустимость того, чтобы лицо сталкивалось с «чрезмерными и безосновательными правообременениями»[18].

Анализ Конституции показывает, что она предусматривает именно лишение имущества, а не права собственности. «Собственника можно лишить конкретного имущества, но, поскольку гарантируется право на предварительное и равноценное возмещение, то сущность права собственности сохраняется»[19]. Получается, что концепция права собственности в конституционном и гражданском праве существенно различается. Конституция, как высший нормативный акт государства, обладает уникальными юридическими гарантиями, выходящими за рамки частноправового регулирования. «Следовательно, используемые в Конституции понятия «имущество», «лишение имущества» могут быть шире по объему, нежели гражданско-правовые понятия «имущество» и «утрата права собственности»[13].

В целом, по мнению Г.А. Гаджиева «конституционные гарантии статьи 35, представляют собой найденный в конституционном праве разумный баланс, или компромисс, предполагающий необходимость учитывать при решении проблемы принудительного отчуждения имущества для государственных нужд одновременно два конституционных принципа — и принцип демократии, и принцип правового государства»[20, с. 30]. Принцип демократии базируется на учете мнения большинства граждан. На его основе ограничение права частной собственности возможно в значительных масштабах, что не всегда соответствует самой сути института собственности. С другой стороны

существует принцип правового государства, сдерживающий «аппетиты» давления общества. Он помогает уравновесить интересы субъектов частного и публичного оборота.

Таким образом, сформированная система конституционных гарантий права собственности многогранна. Она включает в себя:

- признание права собственности в качестве основы экономического строя;
- провозглашение его в качестве неотъемлемого субъективного права;
- установление принципа равной защиты всех ее форм;
- закрепление ключевых юридических механизмов его реализации и защиты, прежде всего, судебной;
- определение четких, соразмерных и законных оснований для его ограничения.

Теоретический анализ позволил выявить двойственную природу конституционного права собственности: оно выступает как субъективное право человека и гражданина, а также как фундаментальный принцип конституционного строя и экономической системы. Это подчеркивает его значение не только для отдельного индивида, но и для общества в целом. Такой подход обеспечивает баланс частных и публичных интересов, подчеркивая их ценность. Ключевым критерием при ограничении права собственности является принцип соразмерности и пропорциональности, который обеспечивает гармоничное соотношение между личными интересами собственников и общественными нуждами.

В результате исследования мы пришли к выводу, что ключевой гарантией выступает судебная защита, которая исключает произвольное лишение имущества и обеспечивает стабильность гражданского оборота. Полноценная защита нарушенных прав граждан возможна исключительно через судебную систему, хотя законодательство предусматривает и альтернативные методы их восстановления. Именно суд остается главным арбитром. Он обладает необходимыми властными полномочиями, позволяющими обеспечить обязательность исполнения судебных актов. Так создается универсальный и надежный механизм, который не только восстанавливает нарушенное право, но и формирует стабильные правовые ожидания, которые служат основой для предотвращения будущих конфликтов.

Литература

1. Стаханова Е. А. Конституционно-правовые основы права собственности: учебное пособие / Е.Ю. Стаханова. — Самара: Издательство Самарского университета, 2024. — 128 с.
2. Багдасарян В. А. Гарантии реализации конституционного права частной собственности на земельные участки // Наука и образование: новое время. 2016. № 2(13). С. 136-145.
3. Лоторев Е. Н., Тимошенко М. П., Полищук С. В., Сурай Н. М. Конституционно-правовые механизмы защиты права частной собственности // Юридическая наука. 2022. №11. С. 90-94.
4. Безруков А. В. Российское конституционное право: учебное пособие / А.В. Безруков. — Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. — 352 с.
5. Качур К.В. Конституционно-правовые гарантии права частной собственности в Российской Федерации: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / К.В. Качур. — Москва., 2017. — 29 с.
6. Тупиков Н.В. Собственность в системе конституционного строя современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Н.В. Тупиков. — Саратов., 2017. — 27 с.

7. Кондратенко З. К. Некоторые вопросы содержания конституционного права на частную собственность // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2015. №3. С. 76-84.

8. Карнаухова А. Э. Право частной собственности в системе Российских конституционных ценностей // Образование и право. 2017. №5. С. 23-29.

9. Ольнев Д. А. Понятие гарантий конституционного права частной собственности на землю // Пробелы в российском законодательстве. 2011. №2. С. 37-39.

10. Конституция Российской Федерации: проблемный комментарий / отв. ред. В.А. Четвернин. - М., 1997. - 414 с.

11. Гошуляк В.В. Юридическая природа и нормативное содержание института собственности в конституционном праве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4 (93). С. 143-150.

12. Гаджиев Г. А. Конституционные основы современного права собственности // Журнал российского права. 2006. №12 (120). С.30-41.

13. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Конституционный Суд РФ; под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. - Москва: Эксмо, 2009. - 1056 с.

14. Багаева М. В. Конституционно-правовое регулирование института права собственности // Актуальные проблемы права: Сборник научных статей. Том Выпуск 10. 2021. С. 9-15.

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2001 N 16-П "По делу о проверке конституционности части второй статьи 16 Закона города Москвы "Об основах платного землепользования в городе Москве" в связи с жалобой гражданки Т.В. Близинской" // Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. №2.

16. Гагиева А. В. Некоторые проблемы реализации конституционных гарантий права частной собственности при его прекращении независимо от воли собственника // Аграрное и земельное право. 2017. № 5(149). С. 85-89.

17. «Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018 - 2020 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 17.12.2020). // Консультант Плюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374913/ (дата обращения: 05.09.2025).

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.10.2020 N 41-П "По делу о проверке конституционности части 4 статьи 3.7, статей 25.1 - 25.5.1 и части 1 статьи 30.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой иностранной компании "Majena Shipping Company Limited" // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 6.

19. Царикаева Ж.М. Конституционно-правовой режим права собственности в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Ж.М. Царикаева. — Москва., 2007. — 29 с.

20. Гаджиев Г.А. Принципы права и право из принципов Конституционные суды и законодательные органы - друзья и соперники на арене конституционной политики // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2(63). С. 22-45.

Constitutional guarantees of property rights: theoretical and legal aspect
Galkin A.A.

Penza State University

This article examines the constitutional foundations and guarantees of property rights in the Russian Federation. It examines theoretical and legal approaches to understanding property rights, their essence, and content in the context of the Russian Constitution. Particular attention is paid to the dual nature of property rights, which act simultaneously as a personal economic right and as the foundation of the constitutional economic system. An analysis is provided of the essence of the principle of the inviolability of property, as well as the legislative norms that ensure the implementation and protection of this right.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, property rights, constitutional guarantees of property rights, inviolability of property, restrictions on property rights, protection of property rights.

References

1. Stakhanova E. A. Constitutional and legal foundations of property rights: a textbook / E. Yu. Stakhanova. - Samara: Samara University Publishing House, 2024. - 128 p.
2. Bagdasaryan V. A. Guarantees for the implementation of the constitutional right of private ownership of land // Science and education: new time. 2016. №. 2 (13). P. 136-145.
3. Lotorev E. N., Timoshenko M. P., Polischuk S. V., Surai N. M. Constitutional and legal mechanisms for protecting private property rights // Legal science. 2022. №. 11. P. 90-94.
4. Bezrukov A. V. Russian constitutional law: a textbook / A. V. Bezrukov. - Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. - 352 p.
5. Kachur K. V. Constitutional and legal guarantees of private property rights in the Russian Federation: abstract of dis. ... Cand. of Law: 12.00.02 / K. V. Kachur. - Moscow., 2017. - 29 p.
6. Tupikov N.V. Property in the System of the Constitutional Order of Modern Russia: Abstract of Cand. Sci. (Law): 12.00.02 / N.V. Tupikov. — Saratov., 2017. — 27 p.
7. Kondratenko Z.K. Some Issues of the Content of the Constitutional Right to Private Property // Bulletin of the Mari State University. Series "Historical Sciences. Legal Sciences". 2015. №. 3. P. 76-84.
8. Karnaukhova A.E. The Right to Private Property in the System of Russian Constitutional Values // Education and Law. 2017. №. 5. P. 23-29.
9. Olev D.A. The Concept of Guarantees of the Constitutional Right to Private Ownership of Land // Gaps in Russian Legislation. 2011. №. 2. P. 37-39.
10. The Constitution of the Russian Federation: Problematic Commentary / ed. by V. A. Chetvernin. - Moscow, 1997. - 414 p.
11. Goshulyak V. V. Legal Nature and Normative Content of the Institute of Ownership in Constitutional Law // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2013. №. 4 (93). P. 143-150.
12. Gadzhiev G. A. Constitutional Foundations of Modern Property Law // Journal of Russian Law. 2006. №. 12 (120). P. 30-41.
13. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / Constitutional Court of the Russian Federation; edited by V. D. Zorkin, L. V. Lazarev. - Moscow: Eksmo, 2009. - 1056 p.
14. Bagaeva, M. V. Constitutional and legal regulation of the institution of property rights // Current problems of law: Collection of scientific articles. Volume 10, Issue 10, 2021. P. 9-15.
15. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 13.12.2001 No. 16-P "On the case of verifying the constitutionality of Part Two of Article 16 of the Law of the City of Moscow "On the Fundamentals of Paid Land Use in the City of Moscow" in connection with the complaint of citizen T. V. Blizinskaya" // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2002. №. 2.
16. Gagieva, A. V. Certain problems of the implementation of constitutional guarantees of the right to private property upon its termination regardless of the will of the owner // Agrarian and land law. 2017. №. 5 (149). P. 85-89.
17. "Constitutional and legal protection of entrepreneurship: current aspects (based on decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation from 2018 to 2020)" (approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 17, 2020). // Consultant Plus URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_374913/ (date of access: September 5, 2025).
18. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15.10.2020 N 41-P "On the case of verifying the constitutionality of Part 4 of Article 3.7, Articles 25.1 - 25.5.1 and Part 1 of Article 30.12 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in connection with the complaint of the foreign company Majena Shipping Company Limited" // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2020. №. 6.
19. Tsarikaeva Zh.M. Constitutional and legal regime of property rights in the Russian Federation: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences: 12.00.02 / Zh.M. Tsarikaeva. - Moscow., 2007. - 29 p.
20. Gadzhiev G.A. Principles of law and law from principles Constitutional courts and legislative bodies - friends and rivals in the arena of constitutional policy // Comparative constitutional Review. 2008. №. 2(63). P. 22-45.

Стратегическое маневрирование «средних держав» АТР в условиях геополитической неопределенности

Гюльмамедов Элмар Ниязович

аспирант, кафедра сравнительной политологии РУДН им. Патриса Лумумбы, 1142240471@pfur.ru,

В данной статье анализируется трансформация внешнеполитических стратегий «средних держав» Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в условиях нарастающей структурной нестабильности и кризиса институтов глобального управления. Исследуется феномен сужения пространства для классического «хеджирования» и переход государств региона к более сложным формам стратегического маневрирования, включающим элементы «омни-вовлечения» и ситуативного минилатерализма. В работе ставится проблема сохранения субъектности и стратегической автономии таких акторов, как Австралия, Индонезия, Республика Корея и Вьетнам, в условиях биполярной конкуренции великих держав. Особое внимание уделяется механизмам, с помощью которых средние державы пытаются конструировать новую архитектуру региональной безопасности, выходящую за рамки бинарного выбора между центрами силы.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, средние державы, стратегическое хеджирование, геополитическая неопределенность, региональная архитектура безопасности, минилатерализм, стратегическая автономия, структурный реализм.

Современная конфигурация международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе характеризуется фундаментальным сдвигом тектонических плит геополитики, который ставит под сомнение устойчивость архитектуры безопасности, сложившейся после окончания Холодной войны. Ключевой проблематикой текущего десятилетия становится не просто конкуренция великих держав, а системная эрозия механизмов, позволявших малым и средним государствам эффективно балансировать между экономическими выгодами и императивами безопасности. Постановка проблемы в данном исследовании заключается в выявлении пределов эффективности традиционной стратегии «хеджирования» (hedging) и анализе тех адаптивных механизмов, к которым прибегают средние державы АТР для минимизации рисков в условиях, когда взаимозависимость превращается из фактора стабильности в инструмент давления. Актуальность анализа обусловлена тем, что именно поведение средних держав, обладающих значительным демографическим, экономическим и дипломатическим потенциалом, будет определять степень устойчивости региональной системы перед лицом нарастающей энтропии [1].

В основе стратегической дилеммы средних держав АТР лежит феномен «двойной иерархии». Исторически сложившаяся ситуация, при которой гарантом безопасности для большинства государств региона (Япония, Южная Корея, Австралия, Филиппины) выступали Соединенные Штаты, а ключевым экономическим партнером становился Китай, долгое время считалась управляемой. Однако текущий этап геополитической трансформации характеризуется тем, что сферы безопасности и экономики перестали быть изолированными друг от друга. Происходит тотальная секьюритизация экономических связей: вопросы цепочек поставок, технологических стандартов (5G, полупроводники, искусственный интеллект) и инфраструктурных инвестиций рассматриваются через призму национальной безопасности. Это создает для средних держав ситуацию «структурного принуждения», когда сохранение нейтралитета или равноудаленности становится не просто дипломатически сложным, но и экономически затратным. Как отмечают исследователи структурного реализма, в условиях обострения биполярности пространство для маневра малых акторов неизбежно сжимается, однако эмпирический анализ поведения государств АТР демонстрирует более сложную картину, опровергающую тезис о неизбежном «примыкании» (bandwagoning) к одному из центров силы [2].

Анализ стратегий таких государств, как Индонезия, Вьетнам, Австралия и Южная Корея, позволяет выявить существенную трансформацию самого понятия «средняя держава» в XXI веке. Если ранее критерием выступали преимущественно количественные показатели (ВВП, военный бюджет), то сегодня на первый план выходит функциональная способность государства генерировать инициативы и формировать коалиции. Мы наблюдаем кризис институционализма в его классическом понимании: АСЕАН, долгое время претендовавшая на «центральность» в региональных процессах, сталкивается с невозможностью выработки консолидированной позиции по острым вопросам безопасности. Принцип консенсуса, являющийся основой «пути АСЕАН», в условиях поляризации превращается в механизм паралича. Это вынуждает

средние державы искать альтернативные форматы взаимодействия, что приводит к расцвету «минилатерализма» — создания малых, гибких, проблемно-ориентированных альянсов [3].

Рассмотрим кейс Австралии, который демонстрирует наиболее радикальный отход от политики хеджирования в сторону жесткого балансирования. Канберра, столкнувшись с применением мер экономического принуждения, сделала однозначный выбор в пользу укрепления военно-политического альянса с традиционным союзником, пожертвовав частью экономической динамики. Это решение, закрепленное в создании партнерства AUKUS, маркирует переход от стратегии «вовлечения» к стратегии «сдерживания через интеграцию». Тем самым Австралия не просто реагирует на внешние вызовы, но и активно меняет региональный баланс сил, стимулируя гонку вооружений и переформатирование логистических путей. Однако такой подход несет в себе колоссальные риски: превращение в «наконечник копья» одной из сторон конфликта лишает государство возможности играть роль дипломатического моста и делает его приоритетной целью в случае эскалации [4].

Диаметрально противоположную, но не менее сложную стратегию демонстрирует Индонезия. Являясь де-факто лидером Юго-Восточной Азии, Джакарта стремится сохранить стратегическую автономию через доктрину «свободной и активной» внешней политики. Индонезийский подход заключается в попытке «омни-вовлечения» (*omni-entmeshment*) — стратегии, направленной на встраивание всех великих держав в сложную сеть взаимозависимостей, которая сделала бы конфликт невыгодным для любой из сторон. Анализ показывает, что Индонезия использует свой контроль над критически важными морскими проливами (Малаккский, Зондский, Ломбок) и статус ключевого поставщика никеля как рычаг влияния. Запрет на экспорт сырого никеля и требование локализации перерабатывающих мощностей — это не просто экономический протекционизм, а инструмент геэкономического маневрирования, принуждающий внешних игроков инвестировать в стабильность индонезийской экономики [5]. Тем не менее, слабость военно-морского потенциала и внутренняя политическая нестабильность ограничивают способность Индонезии выступать полноценным архитектором регионального порядка.

Особого внимания заслуживает феномен «бамбуковой дипломатии» Вьетнама. Ханой демонстрирует исключительную гибкость, повышая уровень стратегического партнерства с Вашингтоном до высшего, не отказываясь при этом от идеологической и партийной близости с Пекином. Научная новизна анализа вьетнамского кейса заключается в выявлении механизмов «компартиментализации» (разделения) сфер взаимодействия. Вьетнам успешно разводит вопросы территориальных споров в Южно-Китайском море и вопросы экономического сотрудничества, не позволяя первым блокировать вторые. Это достигается за счет жесткой диверсификации оборонных связей (политика «четыре нет») и активного участия в многосторонних торговых соглашениях (CPTPP, RCEP). Вьетнамский опыт доказывает, что даже при наличии прямой угрозы суверенитету и непосредственной географической близости к гиганту, средняя держава способна сохранять субъектность, если она грамотно использует противоречия между великими державами, не становясь при этом сателлитом ни одной из них [6].

Республика Корея представляет собой пример государства, чье стратегическое маневрирование осложнено экзистенциальной угрозой со стороны КНДР. Долгое время Сеул придерживался политики «стратегической двусмысленности», однако смена администраций и глобальные сдвиги привели к переоценке этого курса. Анализ

показывает, что Южная Корея дрейфует в сторону концепции «глобального ключевого государства» (*Global Pivotal State*), расширяя горизонты своей внешней политики за пределы Корейского полуострова. Это проявляется в сближении с Японией (несмотря на исторические противоречия) и углублении сотрудничества с НАТО и странами «Большой семерки». Проблематика данного сдвига заключается в риске потери китайского рынка, что для экспортно-ориентированной экономики Кореи является критическим вызовом. Попытка компенсировать эти риски через «Индо-Тихоокеанскую стратегию» Сеула, направленную на диверсификацию связей с Юго-Восточной Азией и Индией, пока не принесла ожидаемых результатов в объемах, способных заместить китайское направление [7].

Важным аспектом анализа является роль технологического фактора в стратегическом маневрировании. Контроль над критическими технологиями становится новым валютным эквивалентом силы. Тайвань (как специфический актор), Южная Корея и Япония, формируя «альянс чипов» (*Chip 4*), фактически используют свой промышленный потенциал как гарантию безопасности. Это явление можно охарактеризовать как «технологический щит»: интеграция в критически важные для глобальной экономики цепочки создания стоимости делает нарушение стабильности вокруг этих государств неприемлемым для всего мира. Однако этот же фактор делает их заложниками «войны санкций» и экспортного контроля. Средние державы вынуждены лавировать между требованиями США ограничить доступ конкурентов к передовым технологиям и необходимостью сохранять прибыльность своих корпораций, для которых Китай остается главным сборочным цехом и рынком сбыта [8].

Сингапур, как малая, но влиятельная держава, демонстрирует еще одну модель поведения — роль интеллектуального и нормативного хаба. Сингапурская дипломатия активно продвигает нарратив о том, что регион не должен быть ареной бинарного выбора. Анализируя риторику и действия сингапурского руководства, можно выделить стремление сохранить верховенство международного права (в частности, UNCLOS) как единственной защиты малых государств от произвола великих. Сингапур является главным бенефициаром открытой глобализации и поэтому наиболее остро реагирует на фрагментацию мировой торговли. Стратегия Сингапура заключается в том, чтобы оставаться «честным брокером», площадкой для диалога, что требует высочайшего уровня дипломатического мастерства и постоянного подтверждения своей полезности для всех игроков [9].

Таким образом, мы наблюдаем фрагментацию регионального порядка. Вместо единой архитектуры безопасности формируется «решетчатая» структура (*lattice structure*), состоящая из множества пересекающихся двусторонних и трехсторонних форматов. Средние державы АТР перестают быть пассивными потребителями безопасности и становятся активными участниками ее производства. Индия, которую с натяжкой можно отнести к средним державам (скорее, это восходящая великая держава), также играет ключевую роль в этом процессе, предлагая альтернативное видение мультиполярности и активно развивая связи с Вьетнамом, Филиппинами и Индонезией, создавая тем самым контур безопасности, не замкнутый исключительно на США [10].

Критический анализ позволяет выявить слабую сторону текущего маневрирования средних держав — отсутствие солидарности. Национальные интересы и историческое недоверие часто превалируют над пониманием общей стратегической угрозы. Попытки создать мощный блок средних держав, который мог бы выступать третьей

силой, уравнивающей США и Китай, пока терпят неудачу. Различия в политических системах, уровнях экономического развития и восприятии угроз делают такую консолидацию маловероятной. Вместо этого преобладает тактика ситуативных коалиций: государства объединяются по конкретным вопросам (например, морская безопасность или цифровая торговля), но сохраняют дистанцию в других сферах [11].

Проблема также усугубляется внутренней политической динамикой в странах АТР. Рост популизма и национализма во многих государствах региона заставляет правительства принимать решения, ориентированные на краткосрочную внутреннюю легитимность, в ущерб долгосрочной стратегической рациональности. Это вносит элемент непредсказуемости и иррациональности в региональную систему. Геополитическая неопределенность усиливается тем, что традиционные инструменты «мягкой силы» теряют эффективность, уступая место жестким инструментам экономического шантажа и демонстрации военной мощи. Средние державы вынуждены наращивать собственные военные бюджеты (милитаризация региона идет рекордными темпами), что отвлекает ресурсы от задач социально-экономического развития и создает классическую «дилемму безопасности»: меры, принимаемые одним государством для своей защиты, воспринимаются соседями как угроза [12].

Подводя итог анализу, можно констатировать, что эпоха комфортного «хеджирования», когда средние державы могли извлекать выгоду из экономического роста Китая под зонтиком безопасности США, завершилась. На смену ей приходит эра «расчетливого риска» и «многовекторного выравнивания». Разрешение поставленной проблемы выживания и развития в условиях неопределенности лежит не в выборе стороны, а в усложнении структуры связей. Будущее региональной стабильности зависит от того, смогут ли средние державы АТР сформировать плотную сеть горизонтальных связей между собой (intra-middle power cooperation), которая станет амортизатором в случае прямого столкновения великих держав. Способность Австралии, Индонезии, Южной Кореи и других игроков координировать свои действия, вырабатывать общие стандарты и защищать принципы открытого регионализма станет главным фактором, определяющим, скатится ли АТР к гегемонистскому диктату или сохранит полицентричную структуру. Стратегическое маневрирование перестает быть тактикой выживания и трансформируется в стратегию формирования новой реальности, где влияние определяется не только силовым потенциалом, но и узловой позицией в сетевой архитектуре региона [13].

Литература

1. Богатуров, А. Д. Международные отношения в Центральной и Восточной Азии: история и современность : учебное пособие / А. Д. Богатуров ; Российский совет по международным делам. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Аспект Пресс, 2022. — 560 с. — ISBN 978-5-7567-1193-2.
2. Воскресенский, А. Д. Модель регионального комплекса безопасности в Восточной Азии / А. Д. Воскресенский // Сравнительная политика. — 2019. — Т. 10, № 2. — С. 44–62.
3. Канаев Е.А., Королев А.С. Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. №1.
4. Колдунова, Е. В. «Диалоговые партнерства» в Азиатско-Тихоокеанском регионе: ресурс или тормоз развития? / Е. В. Колдунова // Мировая экономика и международные отношения. — 2018. — Т. 62, № 2. — С. 68–77.

5. Ломанов, А. В. Новая концепции китайской внешней политики / А. В. Ломанов // Россия в глобальной политике. — 2023. — Т. 21, № 4. — С. 64–78.

6. Лукин, А. В. Возвышающийся Китай и будущее России / А. В. Лукин. — Москва : Международные отношения, 2018. — 256 с. — ISBN 978-5-7133-1601-9.

7. Панов, А. Н. Японо-американский военно-политический союз: история и современность / А. Н. Панов // Вестник МГИМО-Университета. — 2019. — № 1 (64). — С. 7–24.

8. Acharya, A. The Making of Southeast Asia: International Relations of a Region / A. Acharya. — Ithaca : Cornell University Press, 2013. — 344 p. — ISBN 978-0-8014-7736-2.

9. Cha, V. D. Powerplay: The Origins of the American Alliance System in Asia / V. D. Cha. — Princeton : Princeton University Press, 2016. — 352 p. — ISBN 978-0-691-14453-5.

10. Green, M. J. By More Than Providence: Grand Strategy and American Power in the Asia Pacific Since 1783 / M. J. Green. — New York : Columbia University Press, 2017. — 760 p. — ISBN 978-0-231-18042-2.

11. He, K. Institutional Balancing in the Asia Pacific: Economic Interdependence and China's Rise / K. He. — London : Routledge, 2009. — 232 p. — ISBN 978-0-415-46884-8.

12. Medcalf, R. Indo-Pacific Empire: China, America and the Contest for the World's Pivotal Region / R. Medcalf. — Manchester : Manchester University Press, 2020. — 352 p. — ISBN 978-1-5261-5079-0.

13. Tow, W. T. Minilateral Security's Relevance to US Strategy in the Indo-Pacific: Challenges and Prospects / W. T. Tow // The Pacific Review. — 2019. — Vol. 32, No. 2. — P. 232–244.

Strategic maneuvering of "middle powers" in the Asia-Pacific Amidst geopolitical uncertainty Gulmamedov E.N.

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

This article analyzes the transformation of foreign policy strategies of "middle powers" in the Asia-Pacific region (APR) under conditions of increasing structural instability and the crisis of global governance institutions. The study investigates the phenomenon of the narrowing space for classical "hedging" and the transition of regional states to more complex forms of strategic maneuvering, incorporating elements of "omni-engagement" and situational multilateralism. The paper addresses the issue of preserving the agency and strategic autonomy of such actors as Australia, Indonesia, the Republic of Korea, and Vietnam in the context of bipolar great power competition. Particular attention is paid to the mechanisms through which middle powers attempt to construct a new regional security architecture that transcends the binary choice between centers of power.

Keywords: Asia-Pacific region, middle powers, strategic hedging, geopolitical uncertainty, regional security architecture, multilateralism, strategic autonomy, structural realism.

References

1. Bogaturov, A. D. International Relations in Central and East Asia: History and Modernity: a study guide / A. D. Bogaturov; Russian International Affairs Council. - 2nd ed., corrected. and supplemented. - Moscow: Aspekt Press, 2022. - 560 p. - ISBN 978-5-7567-1193-2.
2. Voskresensky, A. D. Model of the Regional Security Complex in East Asia / A. D. Voskresensky // Comparative Politics. - 2019. - Vol. 10, No. 2. - Pp. 44-62.
3. Kanaev, E. A., Korolev, A. S. Greater Eurasia, the Indo-Pacific Region, and Russia's Relations with ASEAN // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2019. No. 1.
4. Koldunova, E. V. "Dialogue Partnerships" in the Asia-Pacific Region: A Resource or a Brake for Development? / E. V. Koldunova // World Economy and International Relations. - 2018. - Vol. 62, No. 2. - Pp. 68-77.
5. Lomanov, A. V. New Concepts of Chinese Foreign Policy / A. V. Lomanov // Russia in Global Affairs. - 2023. - Vol. 21, No. 4. - Pp. 64-78.
6. Lukin, A. V. Rising China and the Future of Russia / A. V. Lukin. - Moscow: International Relations, 2018. - 256 p. - ISBN 978-5-7133-1601-9.
7. Panov, A. N. The Japanese-American Military-Political Alliance: History and Modernity / A. N. Panov // Bulletin of MGIMO-University. - 2019. - No. 1 (64). - P. 7-24.
8. Acharya, A. The Making of Southeast Asia: International Relations of a Region / A. Acharya. - Ithaca: Cornell University Press, 2013. - 344 p. - ISBN 978-0-8014-7736-2.

9. Cha, V. D. Powerplay: The Origins of the American Alliance System in Asia / V. D. Cha. - Princeton: Princeton University Press, 2016. - 352 p. - ISBN 978-0-691-14453-5.
10. Green, M. J. By More Than Providence: Grand Strategy and American Power in the Asia Pacific Since 1783 / M. J. Green. - New York: Columbia University Press, 2017. - 760 p. — ISBN 978-0-231-18042-2.
11. He, K. Institutional Balancing in the Asia Pacific: Economic Interdependence and China's Rise / K. He. - London: Routledge, 2009. - 232 p. — ISBN 978-0-415-46884-8.
12. Medcalf, R. Indo-Pacific Empire: China, America and the Contest for the World's Pivotal Region / R. Medcalf. - Manchester: Manchester University Press, 2020. - 352 p. — ISBN 978-1-5261-5079-0.
13. Tow, W. T. Minilateral Security's Relevance to US Strategy in the Indo-Pacific: Challenges and Prospects / W. T. Tow // The Pacific Review. — 2019. — Vol. 32, No. 2. - P. 232–244.

Гендерно-ориентированные политические институты и их роль в обеспечении доступа женщин к высшему образованию

Тханг Буннари

Аспирант, кафедра сравнительной политологии, Университет дружбы народов (РУДН), 1042245314@pfur.ru

Доступ к высшему образованию по-прежнему является важным каналом расширения прав и возможностей женщин и социально-экономической мобильности, однако укоренившееся гендерное неравенство, особенно среди маргинализированных групп, по-прежнему ограничивает равные возможности в образовании. В данном исследовании изучается роль гендерно-ориентированных политических институтов в расширении доступа женщин, особенно женщин из недостаточно представленных и обездоленных групп, таких как те, кто маргинализирован по этническому признаку, социально-экономическому статусу или географическому положению. Исследование восполняет существенный пробел в литературе по вопросам образования и политологии, рассматривая, как институциональные механизмы — законодательные гендерные квоты, специальные министерства по вопросам гендерного равенства, парламентские женские фракции и гендерно-ориентированная национальная политика в области образования — поддерживают разработку и поддержание инклюзивной политики в сфере высшего образования.

Ключевые слова: гендер, женщины, высшее образование, социально-экономическая мобильность

Introduction

Applying feminist institutionalism and intersectionality theory, the research takes a comparative approach to examine the connection between political institutions and higher education access. Case studies in several countries—Rwanda, Sweden, India, and Brazil—offer rich empirical contexts within which to assess the role institutional arrangements play in shaping educational policy outcomes. Rwanda, with a very high level of female representation in parliament across all countries globally, demonstrates the potential for institutions to change in post-conflict settings to support gender-equity education outcomes. On the other hand, India illustrates the complexity of institutional fragmentation whereby the presence of gender ministries and commissions goes together with established caste, class, and region-based disparities. Brazil and Sweden give us a glimpse into how mature welfare policy and gender-aware legislation reflect themselves in improved access to women from various socio-economic backgrounds.

The study combines quantitative cross-national analysis of education and governance data and qualitative case analysis of official policy documents, interviews, and secondary sources. It also employs indicators like female enrollment levels and graduation rates, government spending in funding allocations, and whether or not there are targeted scholarship or affirmative action programs established. Particular attention is placed upon how gender-responsive institutions react to intersectional exclusion aggravating barriers such as poverty, disability, or minority ethnic status, and whether they are able to effectively incorporate higher education policy to the differential needs of diverse women.

Initial results show that gender-responsive political institutions, while not necessarily effective, are mediating forces of great significance in formulating and developing inclusive education policy. Such countries with strong institutional mechanisms for gender equality will tend to have stronger policy frameworks and better women's gains in access, especially where such arrangements are located under enduring democracy and rights-oriented modes of governance. The study also highlights the critical roles of political will, bureaucratic capabilities, and civil society mobilization in translating institutional commitments into educational gains.

By illuminating institutional processes that shape higher education entry among marginal women, the study deepens equity debates, governance, and educational justice. The research presents concrete policy recommendations for national governments, international agencies, and civil society that seek to narrow gender gaps in tertiary education and leave no woman behind.

Higher education access has been widely regarded as an inherent driver of gender equality, economic empowerment, and people-centered development. While worldwide rates of women's participation in higher education have improved in the past decades, these gains are uneven and do not cover women from marginalized groups—i.e., poor, rural, ethnic minority, or war-affected populations [15]. Structural inequalities, entrenched gender norms, and policy gaps continue to impede equal access, and therefore one has to explore the institutional conditions for promoting or hindering educational inclusion.

Political institutions play a key role in shaping the form of public policy outputs, least among them being that of higher education. More specifically, gender-responsive political institutions—political institutions that embed gender considerations into their structure, processes, and outputs—are capable of shaping the design and enactment of inclusive education policies. Such political institutions include legislatures with quotas for women, gender ministries of equality, women's parliamentary caucuses, and national gender action plans [1]. However, the extent to which these institutions correlate with real progress in women's tertiary education access—especially among marginalized groups—is not fully explored in the literature.

Evidence from recent studies suggests that institutional commitment to gender equity is followed by increased policy attention to women's educational needs, along with health and labor market needs [2;16]. Countries with strong gender-equitable policy frameworks are likely to have scholarship schemes, affirmative action plans, and outreach directly targeted toward underrepresented groups of women. Rwanda's constitutional mandate of gender equity and its relatively high proportion of female parliament members have contributed to strengthening equitable education policies with focuses on enrolling girls in school in rural and post-conflict areas [12]. Similarly, Sweden's gender-mainstreaming of every public policy, including higher education, has led to significantly narrowed gender gaps in university enrollment and retention [7].

Yet institutional presence is not necessarily a reflection of institutional effectiveness. There are countries like India where gender ministries and parliamentary committees are present in tandem with long-standing structural exclusions of caste, class, and region. This suggests that not only must institutional mechanisms be present on paper but also be well-funded, politically empowered, and intersectional aware [10].

Even though a huge body of higher education and gender literature has put a focus on socioeconomic barriers, cultural values, and individual-level factors such as parental support or school preparation, comparatively less emphasis has been put on the structural and institutional elements that impact educational opportunities. Political institutions are never neutral spaces; rather, they are spaces in which power, representation, and policy direction are contested. Political institutions responsive to gender can thereby become levers of structural change by integrating gender equality into national development priorities and systems of resource allocation [13].

Their functionality, however, is determined by a range of context-specific factors. Legislative gender quotas, for example, may help increase the descriptive representation of women but the success of such policies in leading to substantive representation on education matters would be contingent upon institutional design, political parties, and civil society mobilization [2]. Similarly, gender ministries in most instances have budgetary and political constraints that limit their effectiveness on mainstream policy areas, including tertiary education [1]. But in others, notably Sweden and Rwanda, gender-structured institutions have become at the forefront of driving cross-sectoral change, including expanding higher education opportunities for women from underprivileged groups.

Meanwhile, intersectionality is increasingly being seen as a key part of institution effectiveness. Women's access to higher education cannot be attributed to gender alone. Other aspects such as ethnicity, disability, location, and class intersect to produce differential barriers to certain groups. For instance, Brazilian Indigenous women, Indian Dalit women, or rural Sub-Saharan African women face distinctive clusters of exclusion that require contextualized institutional responses [10; 15]. Political institutions that fail to apply an intersectional

perspective risk entrenching ongoing disparities or producing shallow change.

Secondly, the global policy context is increasingly shaped by international norms and instruments that encourage states to build gender-balanced institutions. The Sustainable Development Goals (SDG 4 and SDG 5) make inclusive, equitable quality education and gender equality complementary targets. However, countries differ significantly in embracing and embedding these commitments. While some embed these goals in national education and development strategies with supporting organizations, others engage in symbolic compliance without any underlying policy change [16].

Literature review

Political institutional determinants of education outcomes have long been the subject of research in political science and development studies, while gender-sensitive research remains comparatively underdeveloped. Most of the conventional policy research on education has focused on the role of macroeconomic drivers, household determinants, and cultural values as predictors for access to higher education. While the insights in these cases are valuable, they overlook the way that political institutions mediate the design, implementation, and preservation of inclusive education policy [3].

Recent work in feminist political science has begun to address this gap by establishing how gender-sensitive institutions can be the drivers of transformative policy. Gender quotas for parliaments, for instance, have been associated with increased attention to social welfare, reproductive rights, and education inclusion [5]. Barnes and Clayton (2023) argue that the presence of women in parliament significantly raises the chances of policy innovation in education, particularly if institutional norms support cooperative policymaking and issue-based coalitions. They caution, nonetheless, that descriptive representation never necessarily translates into substantive advances without institutional mechanisms—such as party backing, committee leadership, and policy power.

Government agencies and ministries dealing with gender equality represent another key institutional player. They have a tendency to assume the role of coordination and advocacy, connecting sectors (i.e., labor, health, education) and mainstreaming gender into overall national policy. Yet their effectiveness varies widely on the basis of political will, administrative capacity, and pressure from civil society [13; 1]. In some settings, gender equality institutions are relegated to symbolic roles and lack influence or resources to shape key policy decisions, including the ones in tertiary education.

While in the policy literature on education, various studies have explored the impact of particular interventions—such as conditional cash transfers, girl scholarships, or affirmative action policies—on women's access to higher education levels. For example, Brazil's Prouni and Bolsa Família policies have been associated with increased admissions of Afro-Brazilian and poor women to universities [11]. Such research is also likely to isolate such programs as discrete policy choices rather than outcomes based on political-institutional combinations. There is mounting evidence that such changes are more likely to occur and last in environments where policymaking women have influence and where gender equality is institutionally established [9].

The intersectionality concept has also enriched the analysis of inequalities of access, highlighting the need to move beyond the exclusive use of gender as a category. Crenshaw's (1991) early work laid the foundation for understanding that race, class, and other lines of identity intersect to delineate women's lives differently. Education scholars have since borrowed this lens to show that marginalized women—such as Indigenous students, girls with

disabilities, and women in war zones—face intersecting barriers that are oftentimes invisible to policy planners in the dominant approach [15; 10].

Theoretical framework

To explore how political institutions shape women's access to university, this study employs three interlocking theoretical frameworks:

Feminist Institutionalism, Intersectionality Theory, and Policy Feedback Theory. These frameworks allow for the examination of both the political and structural barriers to women's educational advancement, as well as the institutional mechanisms through which more equal outcomes might be made possible. Together, they present a powerful tool set for examining the dynamic between gendered power arrangements and access to education.

Feminist Institutionalism (FI) emerged as a response to traditional institutional theories that either ignored or poorly addressed gender relations within political contexts. Classical institutionalism focused on formal rules, organizational structures, and path-dependent dynamics. FI expands the scope by recognizing that institutions themselves are gendered—that is, shaped by and reinforcing power asymmetries between men and women [9]. Institutions are not simply reflections of social norms; they also structure access to decision-making, prescribe political action, and determine policy outcomes in gender-differentiated ways.

It is this theoretical framework that best explains why some gender equality policies are unsuccessful or meet with success. It seems to highlight the significance of institutional layering—the way in which new gender-responsive mechanisms are superimposed over old institutional arrangements. Until there is a disruption of the institutional gendered logic, new policies may be marginalized or co-opted. FI also emphasizes the significance of institutional actors—women legislators, feminist bureaucrats, and advocacy coalitions—who can strategically place themselves and redefine institutional rules so as to advance gender equality in higher education [4].

Intersectionality Theory. While Feminist Institutionalism provides us with frames to look into how institutions function, Intersectionality Theory allows us to find out how institutions differentially impact women along intersecting dimensions like race, class, caste, disability, and geography. First fully elaborated by Kimberlé Crenshaw (1991), intersectionality resists one-dimensional analysis that treats "women" as a monolithic category. It calls us to notice how various sources of marginalization overlap with each other, creating unique experiences of exclusion.

Transposed to the higher education context, intersectionality recognizes that access barriers are not uniformly distributed to women overall. A middle-class urban woman may face diverse challenges from those encountered by an Indigenous rural woman or a disabled mother. Intersectionality thus requires a more divided conceptualization of the political institutions to develop policies that start addressing the diversity of women's lived realities.

In gender-responsive political institutions, intersectionality necessitates that the institutionally established structures like gender ministries, parliament committees, and school boards not only advance women as a whole but also embark on differentiated strategies towards subordinated groups. For example, this may involve establishing separate scholarship programs, prioritizing geographic parity in adding universities, or building inclusive pedagogy and campus security policy.

Policy Feedback Theory. Third, the theoretical basis is Policy Feedback Theory (PFT), which provides insight into how applied policies may alter the political environment, public opinion, and institutional arrangements in the long term. PFT

first developed within historical institutionalism, affirming that public policies are not just outcomes of political actions but also inputs into future policymaking [14].

PFT also highlights the importance of policy legacies—historical institutional decisions that define what is politically feasible or culturally acceptable today. In the majority of countries, the legacies of colonial education systems, patriarchal law, or centralized bureaucracies continue to impact the landscape of higher education policy. Gender-responsive institutions must therefore negotiate through all these layers of history when developing inclusive policies. This understanding allows policymakers to anticipate potential resistance and prepare for enduring change.

Bridging the Frameworks. These three theories are complementary to each other. Feminist Institutionalism outlines the actors and institutions involved in gendered policy-making; Intersectionality ensures that analysis accounts for intra-gender inequalities; and Policy Feedback Theory emphasizes the dynamic, iterative nature of institutional change. Together, they form a full analytical apparatus for this study's central question:

How does gender-responsive political institutions enable or impede access to higher education for marginalized women?

This framework will also inform the study's methodological design. In the selection of country case studies, for example, attention will be paid not only to whether formal gender policies exist, but also to informal norms, previous policy trajectories, and how far intersectional concerns are embedded in institutional routines. The framework will also allow for measurement of policy effect beyond enrollment rates, but rather on such factors as retention, campus safety, and post-graduation opportunities.

Research Design and Rationale. A qualitative comparative approach is well-suited to untangling the complex, context-dependent processes of gendered policy-making and institutional action. As opposed to large-N quantitative studies aiming for broad generalizability, this study prioritizes contextual depth, policy process tracing, and the mutual interaction between formal and informal institutions. As Goertz and Mahoney (2012) note, qualitative case-oriented analysis excels at understanding causality in settings where social and political processes are complex, path-dependent, and shaped by historically contingent processes [8].

Conclusion

Gender-sensitive political institutions play an important role in dismantling structural obstacles and facilitating equal access to tertiary education for women. By enacting holistic policies, promoting equal resource distribution, and suppressing discriminatory approaches, these institutions create an enabling atmosphere that educates women both cognitively and vocationally. Legislative measures such as gender quotas, anti-discrimination legislation, and targeted scholarships have proven effective in increasing female enrollment rates, particularly in underrepresented fields like STEM. Besides, political commitment to gender equality helps address socio-cultural and economic challenges—such as early marriage, poverty, and peer pressure—that are likely to hinder women's schooling. Despite some improvement, huge problems persist. In much of the world, entrenched patriarchal cultures, weak policy enforcement, and inadequate resources still limit women's education opportunities. Also, women's underrepresentation in politics and education leadership roles often results in policymaking that fails to address adequately the needs of women. Political institutions must continue their improvement by being more intersectional in their conceptualizations of factors like class, ethnicity, and rural-urban divides that disproportionately disadvantage certain women.

Lastly, this is not so much about designing policy but implementing, being accountable, and shifting culture. As political institutions put more value on gender equality in education, they not only promote individual empowerment but also ultimately help achieve economic growth, social stability, and democratic development. The connection between inclusive political institutions and women's education shows that sustained advocacy, institution reform, and international collaboration are required to achieve true gender parity in higher education.

Gender-responsive political institutions and their role in facilitating women's access to higher education

Thang Bunary

People's Friendship University

Access to higher education is still an important channel of women's empowerment and socio-economic mobility, yet entrenched gender disparities—particularly among marginalized groups—still limit equal opportunities for education. This study investigates the role played by gender-responsive political institutions in expanding access to women, especially to women from underrepresented and disadvantaged groups, such as those who are marginalized by ethnicity, socio-economic status, or geographic location. The research addresses an essential gap in the literature on education and political science by examining how institutional arrangements—legislative gender quotas, special gender equality ministries, parliamentary women's caucuses, and gender-oriented national education policies—support inclusive higher education policy development and sustenance.

Keywords: nature, women, higher education, socio-economic mobility.

References

1. **Baldez, L.** (2021). *Defying Convention: Female Institutional Innovation in Comparative Perspective*.
2. **Barnes, T. D., & Clayton, A.** (2023). *Gender, Institutions, and Policy Outcomes*.
3. **Carnoy, M.** (2020). *Education, Globalization, and Social Inequality*.
4. **Chappell, L., & Waylen, G.** (2013). *Gender and the Hidden Life of Institutions*. Public Administration.
5. **Clayton, A., Josefsson, C., & Wang, V.** (2022). *Gender Quotas and Education Policy Outcomes*.
6. **Crenshaw, K.** (1991). Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence against Women of Color. *Stanford Law Review*, 43(6), 1241–1299.
7. **European Institute for Gender Equality (EIGE).** (2023). *Gender Equality Index*.
8. **Goertz, G., & Mahoney, J.** (2012). *A Tale of Two Cultures: Qualitative and Quantitative Research in the Social Sciences*. Princeton University Press.
9. **Krook, M. L., & Mackay, F.** (2021). *Gender, Politics and Institutions*. Palgrave Macmillan.
10. **Kumar, A., & Sen, K.** (2022). *Intersectionality and Gendered Institutions in Developing Countries*.
11. **Moura, R., & Figueiredo, A.** (2020). *Higher Education Access and Social Policy in Brazil*.
12. **Nzabakira, C., & Powley, E.** (2021). *Women's Political Representation and Education Policy in Rwanda*.
13. **O'Neil, T., & Domingo, P.** (2022). *Women and Power: Overcoming Barriers to Leadership and Influence*. ODI.
14. **Pierson, P.** (1993). When Effect Becomes Cause: Policy Feedback and Political Change. *World Politics*, 45(4), 595–628.
15. **UNESCO.** (2023). *Global Education Monitoring Report*.
16. **World Bank.** (2024). *Gender Equality and Education Policy Frameworks*.

Роль золота в трансформации глобального финансового и политического порядка

Жимми Тьерри Леввер

аспирант, Российский Университет Дружбы Народов Имени Патриса Лумумбы, jimmy.levers@yandex.com

Амелин Владимир Николаевич

к.политол. наук, Российский Университет Дружбы Народов Имени Патриса Лумумбы

В данной статье исследуется роль золота в трансформации глобального финансового и политического порядка с акцентом на его взаимосвязь с долларом США в периоды системных кризисов. В ней оценивается, что является более стабильным резервным активом — золото или доллар, — на основе анализа динамики долга США, накопления золота странами БРИКС и последних инноваций в области цифровых валют. Исследование показывает, что постоянный рост государственного долга США, который в настоящее время превышает 38 триллионов долларов, подрывает уверенность в устойчивости доллара, несмотря на его продолжающееся доминирование в качестве глобальной резервной валюты. В ответ на это страны БРИКС все больше диверсифицируют свои резервы за счет золотых запасов, что служит не только финансовым хеджированием, но и политическим актом суверенитета против денежно-кредитного давления и санкций со стороны США. Однако отсутствие согласованной денежно-кредитной стратегии БРИКС ограничивает способность блока предложить структурированную альтернативу гегемонии доллара. В то же время США стремятся укрепить свое денежно-кредитное доминирование посредством регуляторных инноваций, в частности закона GENIUS, который привязывает стейблкоины к доллару. Китай, напротив, продвигает свой цифровой юань (e-CNY), чтобы постепенно снизить зависимость от долларовой инфраструктуры. В совокупности эти тенденции указывают на спорный многополярный порядок, в котором золото вновь приобретает важность в качестве политического и денежно-кредитного якоря. **Ключевые слова:** золотые резервы, гегемония доллара, стратегия БРИКС, стабильные криптовалюты и закон GENIUS, e-CNY.

Введение

Золото издавна ценится за его редкость, прочность и независимость от финансовых контрагентов (Triki & Ben Maatoug, 2021, p. 1). В литературе оно широко описывается как средство хеджирования и безопасное убежище от геополитических рисков, войн, инфляции и обесценивания валюты (Aizenman & Inoue, 2013; Baur & Smales, 2020; Beckmann et al., 2015; Białkowski et al., 2015; Bilgin et al., 2018; Bouoiyour et al., 2018; Chiang, 2022; Gkillas et al., 2020; Gopalakrishnan & Mohapatra, 2018; Gozgor et al., 2019; Koutsoyiannis, 1983; Li et al., 2021; Qin et al., 2020; Su et al., 2020). Некоторые исследования оспаривают эту точку зрения, отмечая, что при определенных условиях золото может увеличить риск портфеля (Junttila & Raatikainen, 2017).

Глобальный финансовый кризис 2008 года стал поворотным моментом. Он стимулировал спрос на золото как на безопасный актив (Gopalakrishnan & Mohapatra, 2018) и усилил дискуссию о устойчивости доллара США, особенно среди стран с развивающейся экономикой (Barros, 2020). В то же время расширение односторонних санкций США еще больше побудило страны сократить зависимость от доллара (Barros, 2020; Shagina, 2022). Страны БРИКС быстро увеличили свои золотые запасы, в отличие от относительной стабильности запасов стран G7.

С момента подписания Бреттон-Вудского соглашения в 1944 году доллар является основной резервной валютой мира, что дает Вашингтону так называемую «непомерную привилегию» (Eichengreen, 2011; Gourinchas & Rey, 2007). Этот привилегированный статус позволяет США финансировать дефицит по низкой стоимости. Однако его устойчивость находится под угрозой, поскольку государственный долг США превышает 123 % ВВП (Angelov, 2023; Choi et al., 2024). В то время как одни утверждают, что опасения по поводу долга США преувеличены из-за доверия инвесторов (McBride et al., 2020), другие предупреждают о надвигающихся рисках дефолта, если корректирующие меры будут отложены (Gokhale et al., 2023).

С учетом того, что в 2025 году долг США превысит 38 триллионов долларов [5], возникают вопросы о прочности гегемонии доллара. Как утверждал Стрендж, переход гегемонии обусловлен как экономическими, так и политическими факторами (Costigan et al., 2017; Strange, 1987). накопление золота странами БРИКС и использование доллара в качестве оружия посредством санкций свидетельствуют о том, что монетарная власть вступает в фазу многополярности и конкуренции.

Данная статья вносит вклад в литературу по международной политической экономике, объединяя анализ финансовой устойчивости, валютной гегемонии и геополитической стратегии. Во-первых, в ней описывается устойчивость примата доллара США в контексте беспрецедентного государственного долга и растущей зависимости от санкций как инструмента внешней политики. Во-вторых, в ней подчеркивается политический аспект накопления золота странами БРИКС, представляя его не только как финансовую диверсификацию, но и как акт и декларацию суверенитета. В-третьих, в ней показано, что, несмотря на эту символику, БРИКС остается раздробленным и не имеет надежной альтернативы гегемонии доллара. В-четвертых, в ней рассматривается, как Соединенные Штаты

стремятся расширить свое доминирование с помощью закона GENIUS, встраивая стейблкоины в доллароцентричный режим регулирования. Наконец, он противопоставляет это политике стратегического терпения Китая, где электронный юань (e-CNY) и инфраструктуры, такие как CIPS, представляют собой постепенную, контролируемую попытку интернационализации юаня. Объединяя эти элементы, в статье утверждается, что будущий глобальный финансовый порядок будет не однополярным, а гибридной и политизированной многополярной системой, в которой доллар и цифровые валюты пересекаются как инструменты власти и суверенитета.

Определение «глобального Севера» и «глобального Юга»

Принадлежность страны к той или иной группе зависит от выполнения следующих критериев:

Принадлежность к Северу:

- Является ли страна членом НАТО?
- Является ли страна членом ОЭСР?
- Классифицирована ли страна Всемирным банком как страна с «высоким уровнем дохода»

Принадлежность к Югу:

- Не классифицирована ли страна Всемирным банком как страна с «высоким уровнем дохода»?
- Является ли страна членом БРИКС+?
- Является ли страна членом БРИКС+?

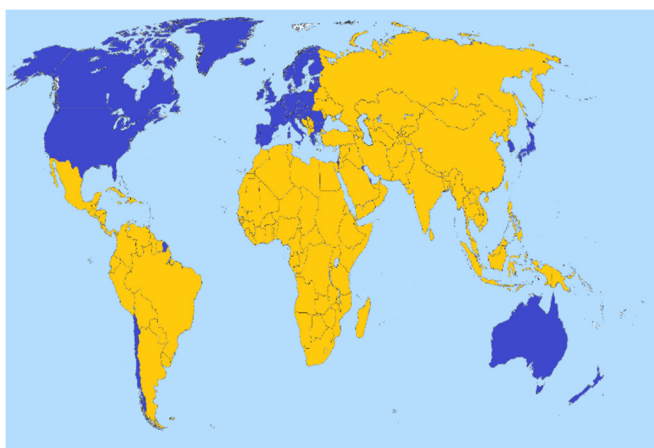

Рисунок 1. Северное полушарие обозначено синим цветом, Южное полушарие — оранжевым.

Почему страны БРИКС отказываются от доллара

С 2008 года две динамики подрывают уверенность в долларе: глобальный финансовый кризис, использование сетей, находящихся под юрисдикцией Запада, в качестве оружия (отключение SWIFT в 2012 и 2022 годах) и рост федерального долга США. Эти потрясения повышают, соответственно, воспринимаемые риски ликвидности, конфискации/исключения. Затем государства осуществляют хеджирование по двум взаимодополняющим направлениям: золото, актив, не подпадающий под юрисдикцию США, менее ликвидный, и цифровые валюты, которые снижают зависимость от узких мест доллара. В ответ на это США стремятся интернализировать цифровые деньги, номинированные в долларах, с помощью закона GENIUS [4], который регулирует платежи в стейблкоинах (100% должны быть обеспечены реальными долларами или резервами казначейских ценных бумаг) и переносит институциональное преимущество доллара в цифровую эпоху. Этот механизм объясняет сосуществование накопления золота и инноваций в области цифровых платежей, несмотря на ожидаемое продление гегемонии доллара за счет регулируемых стейблкоинов.

Глобальный финансовый кризис выявил структурную уязвимость долларовой системы. Когда долларовое финансирование иссякло, банки и суверенные государства за пределами США столкнулись с внезапным кризисом. Доступ к ликвидности зависел от своп-линий Федеральной резервной системы [1] и ее политических решений. Это выявило иерархию: доллар незаменим в условиях кризиса, но поддержка является дискреционной и сосредоточена в Вашингтоне. С этого момента страны страхуют свои риски, увеличивая запасы золота и создавая альтернативные платежные инфраструктуры. Некоторые тестируют цифровые валюты центральных банков и расчеты с использованием нескольких CBDC, чтобы уменьшить зависимость от корреспондентских банков и центров обмена долларowymi сообщениями. Цель состоит не в немедленной замене доллара США, а в снижении подверженности ликвидностным шокам, санкциям и политической неопределенности, связанной с одной юрисдикцией.

Вторым фактором является все более широкое использование доллара в качестве инструмента геополитической власти. Поскольку большинство международных транзакций осуществляется через американские банки-корреспонденты или системы типа SWIFT, Вашингтон может вводить санкции на экстерриториальной основе. Замораживание суверенных активов и исключение из платежных систем затронуло Россию (Tulon, 2022, pp. 44–48), Иран (Monshipouri & Boggio, 2022, p. 37), и, в меньшей степени, Китай (Eichengreen, 2023, pp. 690–691). Такое «вооружение» финансовой системы демонстрирует, что долларовые резервы не являются политически нейтральными, а зависят от политических решений США (Farrell & Newman, 2019, pp. 42–79; Shagina, 2022, p. 5). Для членов БРИКС, особенно тех, кто находится в конфликте с западными державами, снижение зависимости от доллара стало стратегией управления рисками и политического суверенитета.

Помимо защитных мер, страны БРИКС стремятся использовать свой растущий экономический вес для формирования более многополярного финансового порядка. Китай продвигает использование юаня в двусторонней торговле, разработал систему трансграничных межбанковских платежей (CIPS) и экспериментирует с цифровой валютой центрального банка. Россия и Индия расширили механизмы расчетов в местной валюте, а Бразилия и Южная Африка выступают за большую региональную финансовую интеграцию. Золото и другие материальные резервы все чаще подчеркиваются как якоря доверия, именно потому, что они находятся вне контроля какого-либо отдельного правительства (Aizenman & Inoue, 2013, pp. 14–15; Triki & Ben Maatoug, 2021, pp. 1, 12).

Постепенный отход экономик стран БРИКС от исключительной зависимости от доллара США отражает три взаимосвязанных динамических процесса: структурную уязвимость экономики, политизацию международных финансов и стремление к большей автономии в глобальном порядке. Во-первых, структурная уязвимость возникает из-за того, что доллар остается доминирующей валютой расчетов в мировой торговле (Gopinath, 2015, pp. 1–6) и основной валютой внешнего долга в странах с формирующейся рыночной экономикой (McCauley et al., 2015, Table 1). Эта зависимость подвергает страны БРИКС колебаниям в денежно-кредитной политике США, которые могут вызвать отток капитала, обесценение валюты и финансовую нестабильность на их внутренних рынках. Во-вторых, международная финансовая система становится все более политизированной. Применение санкций и замораживание иностранных резервов демонстрируют, что долларовые активы не являются нейтральным средством сбережения, а подчиняются целям внешней политики США. Для стран БРИКС эта политизация превращает то,

что когда-то считалось чисто экономической зависимостью, в политическую уязвимость. В-третьих, отказ от доллара выражает стратегические амбиции: эти экономики стремятся получить большее пространство для маневра в глобальном управлении и уменьшить асимметрию власти, заложенную в гегемонии доллара.

Рост уровня задолженности США

Федеральный долг США со временем значительно вырос. В течение последних двух десятилетий эта ситуация была обусловлена структурным дефицитом. По данным СВО (Бюджетного управления Конгресса США), прогнозируется, что долг, находящийся в собственности населения, вырастет с 98% в 2023 году до 181% в 2053 году [2].

Эта траектория ставит США в ряд наиболее задолженных развитых экономик. Хотя уровень задолженности Японии выше (более 250% ВВП), США отличаются тем, что их долг играет центральную роль в глобальной финансовой системе. Казначейские облигации США считаются «безопасным активом» высшего порядка, лежащим в основе международных резервов и финансовых рынков (Choi et al., 2024, p. 7).

Кривая тренда имеет экспоненциальный характер.

Рисунок 1: Размер государственного долга США с 1945 по 2024 год [6].

Отсутствие стратегии у БРИКС, но накопление золота

Несмотря на растущую видимость в глобальных дебатах, группа БРИКС не функционирует как единый политический или валютный блок. Она остается гетерогенной коалицией крупных развивающихся экономик с разными интересами, институтами и геостратегическими ориентациями. Эта структурная гетерогенность подрывает ее способность формулировать и реализовывать единую финансовую стратегию, даже несмотря на то, что ее члены индивидуально стремятся к накоплению золота в качестве страховки от зависимости от доллара.

С 2000 по 2023 год члены G7, как правило, сохраняют свои запасы (незначительное снижение на 839 тонн за этот период), в то время как страны Глобального Юга, и особенно БРИКС, увеличили свои резервы почти в три раза (+4240 тонн) [7].

Корреляция между запасами золота и ВВП, G7 обозначена синим цветом, а BRICS — оранжевым.

Существует прочная корреляция между покупками золота и ростом ВВП в странах БРИКС, которая имеет тенденцию к усилению с течением времени. Напротив, для стран G7 эта корреляция является отрицательной и имеет тенденцию к снижению. Такая же корреляция между ВВП и запасами золота наблюдается между странами Северного полушария и странами Южного полушария, однако глобальный финансовый кризис 2008 года стал переломным моментом, после которого наблюдается существен-

ное усиление корреляции, что означает, что с этого момента золотые запасы ценятся выше, чем доллар США. В то же время доля валютных резервов в мире показывает, что доля доллара США снизилась с 63,77% в 2008 году до 57,79% в 2024 году а доля золотых запасов выросла [8].

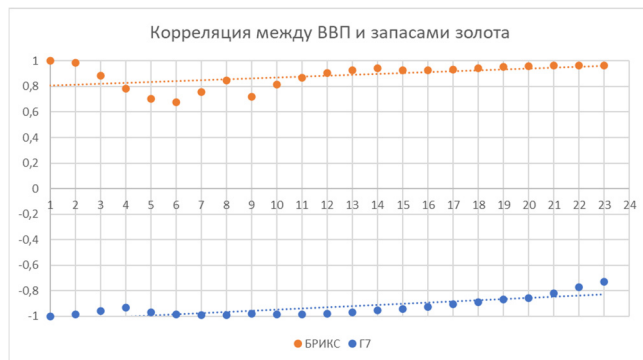

Рисунок 3: Корреляция между ВВП и запасами золота для стран БРИКС и Группы семи [7]

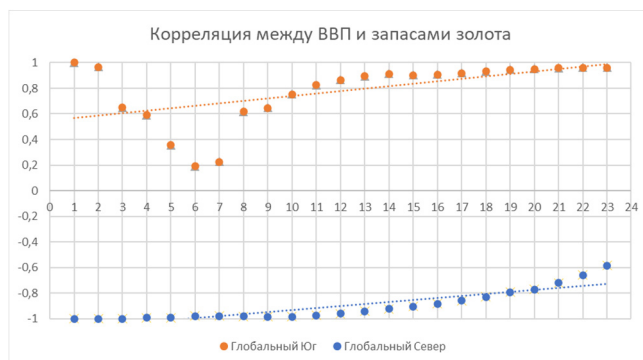

Рисунок 4: Корреляция между ВВП и запасами золота для стран Юга и Севера [7].

Стратегия США: доллар плюс цифровые технологии

Ответом на угрозы доллару США, о которых говорилось выше, стала американская законодательная инициатива, известная как Закон о руководстве и создании национальных инноваций для стабильных монет США [8] (GENIUS Act) которая является центральным элементом стратегии США по укреплению примата доллара, особенно в цифровой экономике. Стейблкоины, как криптоактивы, привязанные к реальным активам (часто к доллару), посредством этого закона администрация Трампа стремилась привести эти инструменты в сферу федерального надзора и предотвратить появление конкурирующих стейблкоинов, не подчиняющихся американским денежно-кредитным органам.

Закон GENIUS требует от эмитентов стейблкоинов поддерживать полную поддержку в долларах США, депонированных в финансовых учреждениях, регулируемых на федеральном уровне. Усиливая надежность и безопасность этих цифровых активов, Вашингтон гарантирует, что подавляющее большинство стейблкоинов, находящихся в обращении, останутся привязанными к доллару, а не к другим валютам. Цели здесь двойные: во-первых, сохранить глобальный спрос на доллары, распространив «необычайную привилегию» на цифровой мир (Eichengreen, 2011; Gourinchas & Rey, 2007). Во-вторых, привлечь потоки капитала на рынок США, укрепив доверие инвесторов к цифровым продуктам, прочно привязанным к американской валюте. (Увеличить спрос на доллары США, предоставив при этом безопасный актив).

Доллар США остается доминирующей валютой, и они извлекают выгоду из парадигмы доминирующей валюты (DCP) (Gopinath et al., 2020, pp. 716–717).

Внедрив стейблкоины в правовую базу, контролируруемую федеральным государством, администрация Трампа стремилась предотвратить превращение блокчейн-финансов в пространство, где можно было бы обойти DCP, то есть доминирование доллара. Таким образом, этот механизм представляет собой цифровое расширение американской валютной гегемонии, призванное сохранить центральную роль доллара в быстро меняющемся финансовом ландшафте (Financial Times, 2025).

Стратегия Китая по продвижению юаня и электронного юаня (e-CNY)

В отличие от подхода США, Китайская Народная Республика придерживается стратегии, направленной на укрепление роли юаня в международных расчетах (Liao & McDowell, 2015, p. 1). В отличие от стабильных монет частного выпуска, e-CNY является цифровой валютой центрального банка, полностью контролируемой Народным банком Китая. Официальное обоснование заключается в повышении эффективности платежей, снижении транзакционных издержек (Ksheti, 2025, Table 3) и расширении финансовой доступности для большого числа населения Китая, не имеющего банковских счетов. Пекин рассматривает стабильные монеты, привязанные к юаню, лишь как дополнительное средство для распространения своей цифровой валюты (Reuters, 2025). На стратегическом уровне e-CNY также призван снизить уязвимость Китая перед платежными инфраструктурами, основанными на долларе, такими как SWIFT и CHIPS, тем самым обеспечивая денежный суверенитет в условиях обострения геополитической конкуренции (Prasad, 2021, pp. 250–254). Действительно, Китай создал CIPS (Cross-Border Interbank Payment System) — клиринговую палату и расчетную службу (Ksheti, 2025, p. 10) — с целью продвижения на международном уровне любой формы юаня и, таким образом, обойти зависимость от платежных систем, в которых доминирует доллар, и внедрить юань в финансовые схемы государств-партнеров в рамках инициативы «Пояс и путь».

В отличие от децентрализованных криптовалют, e-CNY работает по двухуровневой системе: центральный банк выпускает валюту, а коммерческие банки и утвержденные платежные платформы (например, Alipay, WeChat Pay) распространяют ее среди пользователей (Ху, 2022, p. 237). Такая структура позволяет сохранить государственный контроль и одновременно использовать сети частного сектора.

Китай представляет электронный юань (e-CNY) как инструмент для расчетов в трансграничной торговле. В рамках проекта BIS «mBridge» (BIS, 2021). были проведены испытания с Гонконгом, Объединенными Арабскими Эмиратами и Таиландом. Эти инициативы демонстрируют стремление Пекина создать параллельные финансовые инфраструктуры, которые позволят международным партнерам осуществлять расчеты в юанях без прохождения через клиринговые системы, деноминированные в долларах. Это соответствует более широким усилиям Китая по интернационализации юаня в глобальной торговле сырьевыми товарами (Liao & McDowell, 2015, p. 16), в частности, через такие инициативы, как контракты, деноминированные в юанях (Subacchi, 2016, Chapter 6).

Политические последствия

Динамика, описанная ранее в этой статье, рост долга США и причины частичного отказа стран БРИКС от доллара являются ключевыми факторами, влияющими на накопление золота, создание китайского электронного

юаня (e-CNY) и принятие закона GENIUS в США. Отсутствие единой стратегии стран БРИКС и конкурирующие денежно-кредитные инновации США и Китая показывают, что современные денежно-кредитные процессы неотделимы от политической стратегии. Экономические инструменты служат средствами государственной власти, а борьба за золото, доллар и цифровые валюты отражает более глубокую борьбу за суверенитет, иерархию и мировой порядок.

Накопление государственного долга США — это не просто фискальный дисбаланс, но и политическая проблема с международными последствиями, поскольку в последний раз страна была свободна от долгов в 1835 году (Wang et al., 2024, p. 1). Доверие к доллару основано на глобальной уверенности в стабильности американских институтов. Когда потолок государственного долга становится предметом политических торгов, это обнажает структурную уязвимость, которую как противники, так и партнеры интерпретируют как признак политического риска. Возникли «опасения по поводу устойчивости государственного долга США, а также способности и готовности правительства США выполнять свои долговые обязательства» (Choi et al., 2024, p. 2). Таким образом, динамика роста долга США подрывает не только финансовую устойчивость, но и авторитет Вашингтона как гаранта глобальной финансовой системы.

Таким образом, диверсификация БРИКС в сторону от доллара мотивирована не только экономической осторожностью, но и политическим опытом финансового принуждения (Shagina, 2022, p. 5) и глобальными финансовыми кризисами, подобными кризису 2008 года. Использование доллара в качестве оружия посредством санкций показало, что резервы не являются нейтральными, а подчиняются политике США. Таким образом, накопление золота является политическим актом суверенитета, поскольку ценность золота можно объяснить его дефицитностью, долговечностью и независимостью от финансовых контрагентов (Triki & Ben Maatoug, 2021, p. 1), что сигнализирует об отказе оставаться уязвимыми перед односторонними решениями США. Однако из-за отсутствия институциональной сплоченности у стран БРИКС этот политический ответ остается фрагментарным и пока не представляет собой скоординированную альтернативу гегемонии доллара.

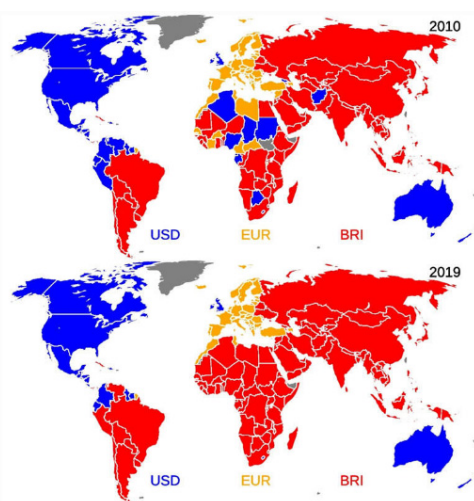

Рисунок 5: Предпочтения в отношении резервных валют в 2010–2019 годах (Coquidé et al., 2023).

Золото является не только финансовым средством хеджирования, но и символом политической автономии. Каждая тонна, накопленная центральными банками стран БРИКС, представляет собой как практическую гарантию,

так и политическое заявление о независимости от инфраструктур, контролируемых Западом. В отличие от этого, относительно стабильные золотые запасы стран «большой семерки» отражают уверенность в долларовой системе и предпочтение сохранения статус-кво.

Поскольку резервы все чаще рассматриваются как геополитический инструмент, а не как чисто экономический инструмент, глобальный порядок претерпевает постепенные изменения. Доля резервов, хранящихся в долларах США, сокращается, в то время как все больше стран отдают предпочтение хранению активов в валютах стран БРИКС.

Эти две карты, созданные на основе спиновой модели, разработанной французскими исследователями, показывают изменения в распределении трех основных мировых валют, использовавшихся в период с 2010 по 2019 год.

Заключение

Доллар США остается краеугольным камнем мировой финансовой системы, поддерживаемым его непревзойденной ликвидностью и доверием к американским институтам. Однако его авторитет подвергается растущему давлению с двух сторон: экспоненциальный рост государственного долга США и политизация доллара посредством санкций. Таким образом, гегемония доллара кажется устойчивой в краткосрочной перспективе, но политически уязвимой в долгосрочной.

В этом контексте страны БРИКС все активнее накапливают золото. Эта тенденция выходит за рамки финансового хеджирования: это политический акт суверенитета. Золото, как универсальное и аполитичное средство сбережения, не подпадающее под юрисдикцию США, вновь стало опорой денежной устойчивости. Поэтому будущее глобальной денежной системы вряд ли будет однополярным. Вместо этого оно указывает на гибридный и политизированный многополярный порядок: ликвидность доллара США в сочетании с символическим доверием к золоту и постоянным ростом альтернатив, основанных на юане. В этой ситуации экономические процессы, управление долгом, санкции, регулирование цифровой сферы и накопление золота функционируют как инструменты политической власти. Борьба за резервные активы, по сути, является борьбой за форму самого международного порядка.

Литература

1. **Board of Governors of the Federal Reserve System. Foreign and International Monetary Authorities (FIMA) Repo Facility** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/fima-repo-facility.htm>
2. **Congressional Budget Office. The Long-Term Budget Outlook** [Электронный ресурс]. 2023. URL: <https://www.cbo.gov/system/files/2023-06/59014-LTBO.pdf>
3. **International Monetary Fund (IMF). Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER)** [Электронный ресурс]. URL: [https://data.imf.org/en/Data-Explorer?datasetUrn=IMF.STA:COFER\(7.0.0\)](https://data.imf.org/en/Data-Explorer?datasetUrn=IMF.STA:COFER(7.0.0))
4. **The White House. Fact Sheet: President Donald J. Trump Signs GENIUS Act into Law** [Электронный ресурс]. 2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/07/fact-sheet-president-donald-j-trump-signs-genius-act-into-law/>

<https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/07/fact-sheet-president-donald-j-trump-signs-genius-act-into-law/>

5. **U.S. Department of the Treasury. Fiscal Data. America's Finance Guide: National Debt** [Электронный ресурс]. URL: <https://fiscaldata.treasury.gov/americas-finance-guide/national-debt/>

6. **U.S. Department of the Treasury. Fiscal Data. Historical Debt Outstanding** [Электронный ресурс]. URL: <https://fiscaldata.treasury.gov/datasets/historical-debt-outstanding/historical-debt-outstanding>

7. **The World Bank. GDP (current US\$)** [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD>

8. **World Gold Council. Gold Reserves by Country** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gold.org/goldhub/data/gold-reserves-by-country>

The Role of Gold in the Transformation of the Global Financial and Political Order

Jimmy Thierry Lever, Amelin V.N.

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

PhD in Political Science, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia This article investigates the role of gold in the transformation of the global financial and political order, focusing on its relationship with the U.S. dollar during periods of systemic crisis. It assesses whether gold or the dollar provides a more stable reserve asset by analyzing U.S. debt dynamics, BRICS gold accumulation, and recent digital monetary innovations. The study shows that the persistent rise of U.S. public debt, now exceeding \$38 trillion, undermines confidence in the dollar's sustainability despite its continuing dominance as the global reserve currency. In response, BRICS countries increasingly diversify reserves partly through gold holdings, a practice that functions not only as financial hedging but also as a political act of sovereignty against U.S. monetary coercion and sanctions. However, the absence of a coherent BRICS monetary strategy limits the bloc's ability to offer a structured alternative to dollar hegemony. At the same time, the United States seeks to continue its monetary dominance in the digital world through regulatory innovation, notably the GENIUS Act, which anchors stablecoins to the dollar. China, by contrast, promotes its digital renminbi (e-CNY) to gradually reduce reliance on dollar-based infrastructures. Together, these dynamics suggest a contested multipolar order where gold regains importance as a political and monetary anchor.

Keywords: Gold reserves, Dollar hegemony, BRICS strategy, Stablecoins and GENIUS Act, e-CNY.

References

1. Board of Governors of the Federal Reserve System. Foreign and International Monetary Authorities (FIMA) Repo Facility [Electronic resource]. URL: <https://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/fima-repo-facility.htm>
2. Congressional Budget Office. The Long-Term Budget Outlook [Electronic resource]. URL: <https://www.cbo.gov/system/files/2023-06/59014-LTBO.pdf>
3. International Monetary Fund (IMF). Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER) [Electronic resource]. URL: [https://data.imf.org/en/Data-Explorer?datasetUrn=IMF.STA:COFER\(7.0.0\)](https://data.imf.org/en/Data-Explorer?datasetUrn=IMF.STA:COFER(7.0.0))
4. The White House. Fact Sheet: President Donald J. Trump Signs GENIUS Act into Law [Electronic resource]. 2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/07/fact-sheet-president-donald-j-trump-signs-genius-act-into-law/>
5. U.S. Department of the Treasury. Fiscal Data. America's Finance Guide: National Debt [Electronic resource]. URL: <https://fiscaldata.treasury.gov/americas-finance-guide/national-debt/>
6. U.S. Department of the Treasury. Fiscal Data. Historical Debt Outstanding [Electronic resource]. URL: <https://fiscaldata.treasury.gov/datasets/historical-debt-outstanding/historical-debt-outstanding>
7. The World Bank. GDP (current US\$) [Electronic resource]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD>
8. World Gold Council. Gold Reserves by Country [Electronic resource]. URL: <https://www.gold.org/goldhub/data/gold-reserves-by-country>

Формирование Номенклатуры 2.0 в России: институциональная генеалогия нового правящего класса

Лобойко Дмитрий Александрович

директор, Центр «Региональные исследования»,
d.loboyko@gmail.com

Статья концептуализирует феномен Номенклатуры 2.0 – нового правящего класса в современной России, занявшего позиции политической и административной элиты. В отличие от классической политической элиты, представители Номенклатуры 2.0 утратили политическую субъектность и автономию, выполняя исключительно менеджерские функции по реализации решений вышестоящих патронов. От советской номенклатуры, концептуализированной Михаилом Восленским, их отличает отсутствие идеологического каркаса, институциональных механизмов ротации и ограничений на обогащение. Система охватывает всю глубину властной вертикали: от федерального - до регионального и муниципального уровней. Формирование Номенклатуры 2.0 представляет собой накопленный эффект институциональной деградации, развивавшийся с начала 2000-х годов и окончательно кристаллизовавшийся к 2022 году. Автор прослеживает институциональную генеалогию через ключевые точки трансформации: построение «вертикали власти», отмену прямых выборов губернаторов, деформацию избирательного законодательства, конституционные поправки 2020 года и начало специальной военной операции, которая изменила политические практики. Критически важной характеристикой является закрытость системы с минимальной вертикальной мобильностью и обратный вектор конвертации ресурсов: власть превращается в материальные блага без правовых ограничений, но утрачивается вместе с должностью.

Ключевые слова: Номенклатура 2.0, политическая элита, авторитаризм, вертикаль власти, региональная политика.

Введение

Трансформация российской политической системы в XXI веке породила парадокс: формальные институты представительной демократии сохраняются, но утрачивают функциональное содержание. Губернаторы избираются, но не зависят от избирателей. Депутаты представляют партии, но не артикулируют групповые интересы. Должностные лица занимают позиции во властной иерархии, но лишены политической субъектности. На месте политической элиты сформировался новый социальный слой, требующий концептуального осмысления.

Этот феномен не укладывается в существующие аналитические рамки. Понятие «авторитарной элиты» предполагает наличие воли и способности влиять на политический процесс [7]. Концепция «бюрократического авторитаризма» описывает коалицию технократов и военных [12], тогда как в российском случае речь идет о вертикальной иерархии исполнителей. Теория неопатримониализма фокусируется на приватизации государственных функций [6], но упускает ключевую особенность: власть конвертируется в ресурсы лишь на период нахождения в должности.

Термин «Номенклатура 2.0» фиксирует преемственность с советской системой управления при радикальном изменении содержания. Как и советская номенклатура, этот класс формируется через назначение сверху и воспроизводится в закрытом режиме. Однако отсутствие партийной идеологии, институциональных механизмов продвижения и моральных ограничений на обогащение превращает его в качественно новое явление.

Теоретическая рамка исследования

Концептуализация Номенклатуры 2.0 требует синтеза нескольких теоретических подходов. Теория элит в традиции Парето и Моски исходит из способности привилегированной группы принимать политически значимые решения [13; 11]. Номенклатура 2.0 занимает формально элитные позиции, но утратила ключевой атрибут элитности – автономию в принятии решений. Это не элита в социологическом смысле, а исполнительный аппарат персонализированной власти.

Неопатримониальный подход, разработанный Эйзенштадтом и адаптированный для постсоветского контекста Фисун, описывает гибридные режимы, где современные институты наполняются патримониальным содержанием [5; 6]. Однако неопатримониализм предполагает относительную автономию периферии и устойчивость клиентелистских сетей. В российском случае центр методично разрушает любые островки автономии, превращая региональных акторов в исполнителей федеральной воли [4].

Михаил Восленский в «Номенклатуре» зафиксировал ключевую особенность советского правящего класса: доступ к привилегиям через должность при отсутствии частной собственности [1]. Номенклатура 2.0 воспроизводит эту логику, но в условиях капитализма: власть конвертируется в материальные блага без правовых ограничений, однако собственность остается незащищенной вне системы должностных назначений. Потеря позиции означает утрату не только статуса, но и накопленных активов.

Ключевое отличие Номенклатуры 2.0 от всех существующих концептов – обратный вектор конвертации ресурсов. В классической олигархии экономический капитал

превращается в политический [16]. В советской номенклатуре политический статус давал ограниченные привилегии. Номенклатура 2.0 соединяет неограниченные возможности обогащения через власть с абсолютной незащищенностью собственности вне властной позиции. Это создает систему тотальной зависимости от вышестоящего патрона при формальном сохранении демократических процедур.

Методология

Исследование опирается на метод институциональной генеалогии, позволяющий проследить эволюцию формальных и неформальных правил, определяющих функционирование правящего класса [14]. Анализ охватывает период с 2000 по 2024 год, фокусируясь на ключевых точках институциональной трансформации: изменении порядка формирования региональных органов власти, деформации избирательного законодательства, конституционных реформах и их практической реализации.

Эмпирическую базу составляют нормативные акты, регулирующие назначение и избрание должностных лиц, данные о карьерных траекториях региональных элит, материалы экспертных интервью с участниками политического процесса. Используется сравнительно-исторический метод для выявления сходств и различий между советской номенклатурой и современной системой [10].

Институциональная генеалогия Номенклатуры 2.0

Формирование Номенклатуры 2.0 представляет собой результат накопленных институциональных изменений, каждое из которых последовательно сужало пространство политической субъектности региональных акторов. Первым критическим рубежом стала концепция «вертикали власти», провозглашенная в начале 2000-х годов. Сам термин содержит парадокс: в федеративном государстве власть распределена между уровнями, а не выстроена вертикально. Логика вертикали предполагает подчинение нижестоящих вышестоящим, что противоречит федеративному устройству, зафиксированному в названии страны [2].

Отмена прямых выборов губернаторов в 2004 году институционализовала эту логику. Формально главы регионов назначались президентом по представлению региональных парламентов, фактически – выбирались в Администрации президента без учета региональных интересов [8]. Губернатор превратился из политика, балансирующего между федеральным центром, региональными элитами и избирателями, в менеджера, реализующего федеральную повестку на территории.

Возвращение губернаторских выборов в 2012 году не восстановило политическую конкуренцию. Муниципальный фильтр – требование получить поддержку определенной доли муниципальных депутатов – гарантировал недопуск неудобных кандидатов [15]. Формально процедура стала демократичнее, содержательно – еще более контролируемой. Выборы превратились в ритуал легитимации заранее определенного кандидата.

Параллельно деформировалось избирательное законодательство на всех уровнях. Повышение барьеров для регистрации партий, ограничение доступа к СМИ для оппозиции, выдавливание независимых кандидатов через административные процедуры создали неконкурентное политическое поле [9]. Депутаты всех уровней стали назначаться через партийные списки, контролируемые федеральным центром, либо проходить как самовыдвиженцы с предварительного одобрения администрации.

Конституционные поправки 2020 года закрепили новую архитектуру власти. Концепция «публичной власти» легитимировала централизацию через размывание различий между федеральным и региональным уровнями.

Деконструкция независимости местного самоуправления – отмена прямых выборов глав муниципалитетов, встраивание их в «вертикаль» – завершила строительство системы, где политическая субъектность отсутствует на всех этажах иерархии [3].

Начало специальной военной операции в 2022 году стало точкой окончательной кристаллизации Номенклатуры 2.0. Мобилизационная логика потребовала абсолютной управляемости всех звеньев власти. Формальные процедуры окончательно утратили значение: назначения и смещения губернаторов происходят по сигналам из центра, региональные парламенты единогласно голосуют за любые инициативы, муниципальные главы исполняют спущенные сверху установки.

Критически важной характеристикой сформировавшейся системы является ее закрытость. Попадание в Номенклатуру 2.0 определяется родственными связями или принадлежностью к существующим группам внутри системы. Инкорпорация «свежей крови» носит декоративный характер, призванный легитимировать устоявшийся уклад. Вертикальная мобильность близка к нулю: подняться с муниципального уровня на федеральный практически невозможно. Система воспроизводит саму себя, исключая внешние источники обновления.

Заключение

Номенклатура 2.0 представляет собой качественно новый феномен в типологии правящих классов. Это не политическая элита, утратившая субъектность. Не советская номенклатура, лишенная идеологического каркаса и моральных ограничений. Не олигархия, где деньги превращаются во власть. Это вертикально интегрированная система менеджеров-исполнителей, где власть конвертируется в материальные блага при полной незащищенности этих благ вне должностной позиции.

Институциональная генеалогия системы демонстрирует поэтапное разрушение механизмов политической конкуренции и представительства. Каждая реформа формально расширяла демократические процедуры, фактически усиливала контроль центра. Выборы сохранились как ритуал, утратив функцию агрегирования интересов и санкционирования власти. Федерализм превратился в административную вертикаль. Местное самоуправление вошло в иерархию назначений.

Парадокс системы – в сочетании неограниченных возможностей обогащения с абсолютной незащищенностью собственности. Представитель Номенклатуры 2.0 может накапливать активы без правовых или моральных ограничений, но теряет их вместе с должностью. Это создает тотальную зависимость от вышестоящего патрона и исключает формирование автономных центров влияния. Система гарантирует управляемость ценой полной деполитизации формально политических позиций.

Концептуализация Номенклатуры 2.0 открывает новые исследовательские перспективы. Требуется изучения механизмы воспроизводства системы, паттерны карьерной мобильности внутри закрытой группы, трансформация региональных режимов под воздействием унификации. Отдельного внимания заслуживает анализ устойчивости системы в условиях возможных внешних шоков и внутренних кризисов легитимности.

Литература

1. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия, 1991. 624 с.
2. Гельман В.Я. Возвращение Левиафана? (Политика рецентрализации в современной России) // Полис. 2006. № 2. С. 90-109.
3. Краснов М.А. Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа // Полис. 2020. № 3. С. 8-26.

4. Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 400 с.
5. Eisenstadt S.N. Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism. Beverly Hills: Sage Publications, 1973. 101 p.
6. Fisun O. Rethinking Post-Soviet Politics from a Neopatrimonial Perspective // Democratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2012. Vol. 20. No. 2. P. 87-96.
7. Gel'man V. Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet Regime Changes. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015. 224 p.
8. Golosov G.V. The Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia // Europe-Asia Studies. 2011. Vol. 63. No. 4. P. 623-639.
9. Golosov G.V. Party System Change in Presidential and Semi-Presidential Regimes. London: Routledge, 2018. 234 p.
10. Mahoney J., Rueschemeyer D. (eds.) Comparative Historical Analysis in the Social Sciences. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 454 p.
11. Mosca G. The Ruling Class. New York: McGraw-Hill, 1939. 514 p.
12. O'Donnell G. Modernization and Bureaucratic-Authoritarianism: Studies in South American Politics. Berkeley: Institute of International Studies, 1973. 220 p.
13. Pareto V. The Mind and Society: A Treatise on General Sociology. New York: Harcourt, Brace and Company, 1935. Vol. 4. 2060 p.
14. Pierson P. Politics in Time: History, Institutions, and Social Analysis. Princeton: Princeton University Press, 2004. 208 p.
15. Reuter O.J., Robertson G.B. Subnational Appointments in Authoritarian Regimes: Evidence from Russian Gubernatorial Appointments // Journal of Politics. 2012. Vol. 74. No. 4. P. 1023-1037.
16. Winters J.A. Oligarchy. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 297 p.

Formation of Nomenclature 2.0 in Russia: the institutional genealogy of the new ruling class

Loboiko D.A.

Center for Regional Studies

The article conceptualizes the phenomenon of Nomenclature 2.0, a new ruling class in modern Russia that has taken the positions of the political and administrative elite. Unlike the classical political elite, the representatives of Nomenclature 2.0 have lost their political subjectivity and autonomy, performing exclusively managerial functions for the implementation of decisions of higher patrons. They are distinguished from the Soviet nomenclature conceptualized by Mikhail Voslensky by the absence of an ideological framework, institutional rotation mechanisms, and restrictions on enrichment. The system covers the entire depth of the power vertical – from the federal to the regional and municipal levels. The formation of Nomenclature 2.0 represents the accumulated effect of institutional degradation, which has been developing since the early 2000s and finally crystallized by 2022. The author traces the institutional genealogy through key points of transformation: the construction of a "vertical of power", the abolition of direct gubernatorial elections, the deformation of electoral legislation, the constitutional amendments of 2020, and the beginning of a special military operation that changed political practices. A critical characteristic is the closeness of the system with minimal vertical mobility and the reverse vector of resource conversion: power turns into material goods without legal restrictions, but is lost along with the position.

Keywords: Nomenclature 2.0, political elite, authoritarianism, vertical of power, regional policy.

References

1. Voslensky M.St. Nomenclature. The Ruling Class of the Soviet Union. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1991. 624 p.
2. Gelman V.Ya. N. The return of Leviathan? (Policy of recentralization in modern Russia) // Polis. 2006. No. 2. St. 90-109.
3. Krasnov M.A. N. The personalist regime in Russia: the experience of institutional analysis // Polis. 2020. № 3. St. 8-26.
4. Turovsky R.F. N. Center and regions: problems of political relations. M. N.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2006. 400 p.
5. Eisenstadt S.N. Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism. Beverly Hills: Sage Publications, 1973. 101 p.
6. Fisun O. Rethinking Post-Soviet Politics from a Neopatrimonial Perspective // Democratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2012. Vol. 20. No. 2. P. 87-96.
7. Gel'man V. Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet Regime Changes. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015. 224 p.
8. Golosov G.V. The Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia // Europe-Asia Studies. 2011. Vol. 63. No. 4. P. 623-639.
9. Golosov G.V. Party System Change in Presidential and Semi-Presidential Regimes. London: Routledge, 2018. 234 p.
10. Mahoney J., Rueschemeyer D. (eds.) Comparative Historical Analysis in the Social Sciences. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 454 p.
11. Mosca G. The Ruling Class. New York: McGraw-Hill, 1939. 514 p.
12. O'Donnell G. Modernization and Bureaucratic-Authoritarianism: Studies in South American Politics. Berkeley: Institute of International Studies, 1973. 220 p.
13. Pareto V. The Mind and Society: A Treatise on General Sociology. New York: Harcourt, Brace and Company, 1935. Vol. 4. 2060 p.
14. Pierson P. Politics in Time: History, Institutions, and Social Analysis. Princeton: Princeton University Press, 2004. 208 p.
15. Reuter O.J., Robertson G.B. Subnational Appointments in Authoritarian Regimes: Evidence from Russian Gubernatorial Appointments // Journal of Politics. 2012. Vol. 74. No. 4. P. 1023-1037.
16. Winters J.A. Oligarchy. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 297 p.

Актуальные проблемы взаимодействия прокуратуры Российской Федерации с органами прокуратуры зарубежных государств

Власов Дмитрий Викторович

аспирант кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности института Аспирантуры МГЮА им. О.Е. Кутафина, 11dmg@mail.ru

Статья посвящена актуальным проблемам взаимодействия Прокуратуры Российской Федерации с органами прокуратуры зарубежных государств. Актуализируется данная тема активизацией преступности, в том числе международной, что прямо затрагивает интересы Российской Федерации и представляет существенную угрозу. Работа отечественных правоохранительных органов по противодействию преступности координируется Прокуратурой Российской Федерации, которая в части противодействия международной преступности поддерживает и связи с органами прокуратуры других стран, ключевыми из которых являются Республика Беларусь и Республика Казахстан. На вопросах взаимодействия с Прокуратуры РФ с органами прокуратуры указанных стран и акцентируется внимание в данной статье. Цель статьи состоит в выявлении ключевых проблем взаимодействия Прокуратуры РФ с органами прокуратуры зарубежных государств, а также в поиске путей совершенствования такого взаимодействия. Автор рассматриваются законодательные основы международного сотрудничества отечественных органов прокуратуры в деле борьбы с преступностью, включающие как федеральные законы, так и подзаконные нормативные правовые акты, трудности развития этого направления деятельности государства, обосновывается объективный характер проблем. Подчеркивается особая роль совместной работы с органами прокуратуры Беларуси и Казахстана как наиболее близкими и дружественными для России государствами. Излагаются предложения, направленные на совершенствование взаимодействия Прокуратуры РФ с органами прокуратуры других государств, и, прежде всего, с органами прокуратуры Беларуси и Казахстана.

Ключевые слова: международное сотрудничество; постсоветское пространство; преступность; Прокуратура Республики Беларусь; Прокуратура Республики Казахстан; Прокуратура Российской Федерации; противодействие преступности.

Введение

Россия, будучи частью мирового сообщества, активно развивает сотрудничество практически во всех сферах правоотношений, в том числе в сфере правоохранительной деятельности. В связи с этим особое место в таком взаимодействии занимает Прокуратура Российской Федерации. Являясь органом, координирующим работу по противодействию преступности, она также осуществляет и международное сотрудничество, в том числе с органами прокуратуры зарубежных государств, что представляется крайне важным в современных условиях.

Выбранная тема актуализируется также тем обстоятельством, что в настоящее время международная преступность в целом имеет тенденцию к усилению [12]. Данная проблема остается крайне острой, несмотря на то, что в большинстве российских регионов уровень преступности снижается, по крайней мере, исходя из официальных данных МВД России [7].

Здесь нельзя не заметить, что удельный вес иностранных граждан и лиц без гражданства в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления, составляет порядка 4,4% [7]. В этой связи и взаимодействие отечественных правоохранительных органов с соответствующими зарубежными органами представляет особую важность. И речь идет в первую очередь именно о прокуратуре, выполняющей координирующую функцию в деле противодействия преступности.

В то же время нельзя не признать, что работа в части международного взаимодействия характеризуется наличием множества проблем, в значительной степени обусловленных и недоброжелательной политикой многих государств, прежде всего западных. В этих реалиях особую роль играет взаимодействие Прокуратуры РФ с правоохранительными органами наиболее дружественных государств, среди которых выделяются Республика Беларусь и Республика Казахстан. Примечательно, что Казахстан относится и к категории тех стран, через территории которых в Россию поступает наибольший поток мигрантов [18]. В этой связи, проблематика взаимодействия с правоохранительными органами данного государства, в том числе с органами прокуратуры, приобретает особую значимость. Эти направления государственной правоохранительной политики нельзя назвать беспроблемными, чем и обуславливается необходимость поиска путей совершенствования правовой основы и практики взаимодействия Прокуратуры РФ с зарубежными органами прокуратуры.

Цель статьи состоит в выявлении ключевых проблем взаимодействия Прокуратуры РФ с органами прокуратуры зарубежных государств, а также в поиске путей совершенствования такого взаимодействия.

Основная часть

Первоочередное внимание представляется необходимо сосредоточить на законодательной основе, обеспечивающей международное сотрудничество российского государства в целом и органов прокуратуры, в частности, в деле противодействия преступности. В основе такого взаимодействия закономерно лежит Конституция Российской Федерации [1].

Ч. 4 ст. 15 Конституции РФ провозглашает признание Российским государством общепризнанных принципов и

норм международного права, а также международных договоров. Эти категории источников рассматриваются в качестве неотъемлемого компонента российской правовой системы, причем в отдельных случаях международным договорам может отдаваться приоритет перед внутригосударственным законодательством.

Роль международного права упоминается и в ч. 1 ст. 17 Конституции РФ, но именно в контексте обеспечения гарантий прав человека и гражданина.

Ст. 62 Конституции РФ предусматривает возможность наличия у гражданина РФ также двойного гражданства, что представляется крайне важным в контексте международного взаимодействия российских правоохранительных органов.

Конституция РФ в ст. 129 регламентирует некоторые аспекты деятельности Прокуратуры РФ, но не упоминает о международном взаимодействии. Между тем, исходя из самого статуса прокуратуры, закрепленного в указанной статье, становится очевидно, что международное взаимодействие в работе указанного ведомства занимает далеко не последнее место, особенно в контексте уголовного преследования.

Указанные конституционные нормы определяют не только особую роль международного права в деятельности Российского государства, но и принципиальную значимость международного взаимодействия во всех аспектах деятельности, в том числе в деле противодействия преступности со стороны Прокуратуры РФ.

Основные нормы, регламентирующие деятельность прокуратуры, в том числе связанную с международным взаимодействием в деле противодействия преступности, представлены в Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 15.12.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» [2] (далее - Закон о прокуратуре). Так, п. 3.1 ст. 1 наделяет Генеральную прокуратуру РФ полномочиями по осуществлению представительства и защиты интересов России в международных органах, иностранных органах и международных (межгосударственных) судах. Примечательно, что указанная норма появилась в рассматриваемом законе лишь в 2021 г., что позволяет прийти к выводу о том, что особую роль международной деятельности прокуратуры на уровне федерального закона признали лишь сравнительно недавно, хотя в целом практика международного взаимодействия урегулирована и развивается уже многие годы.

Ст. 2 рассматриваемого закона посвящена именно вопросам международного сотрудничества. Согласно ей, Генеральная прокуратура РФ:

1. Осуществляет прямые связи с соответствующими органами других стран и международными организациями, сотрудничает с ними.
2. Заключает соглашения по вопросам правовой помощи и борьбы с преступностью.
3. Участвует в разработке международных договоров России.

Обращает на себя внимание предельная лаконичность указанной нормы, что ещё раз подтверждает недостаточное уделение внимания со стороны российского законодателя вопросам международного взаимодействия прокуратуры.

Ст. 2 Закон о прокуратуре остается одной из немногих его норм, которые за все время существования не претерпели никаких изменений [11, с. 21]. Безусловно, отчасти данный нюанс можно охарактеризовать положительно, ведь он отражает максимальную стабильность законодательства именно в регулировании рассматриваемых правоотношений. С другой стороны, не приходится говорить о том, что указанная норма всегда в полной мере соответствует современным политико-правовым реалиям и спе-

цифике деятельности прокуратуры, и задачам международного взаимодействия России с зарубежными странами в части противодействия преступности. В этой связи совершенно обоснованно в литературе [11, с. 21] высказываются идеи о целесообразности детализации положений указанной статьи.

С другой стороны, вполне можно полагать, что отечественный законодатель осознанно не регламентировал вопросы, которые касаются международного сотрудничества. По сути, такое взаимодействие происходит, как правило, в рамках двусторонних соглашений, а они зачастую заключаются, исполняются, изменяются, расторгаются исходя из динамики политической обстановки. Таким образом, рассматриваемое ведомство фактически оказывается вполне свободным в решении многих вопросов в рамках международного сотрудничества. В случае же более детальной регламентации, возможно, способность адаптироваться к нестабильной ситуации была бы существенно ограничена.

Говоря о принципиальной важности международного взаимодействия, уместно обратить внимание также на п. 6.1 ст. 14 рассматриваемого Закона, согласно которому в Генеральной прокуратуре формируется структурное подразделение - зарубежный аппарат, деятельность которого нацелена на обеспечение представительства и защиты российских интересов в межгосударственных органах, иностранных и межгосударственных судах. Данная норма также была введена в рассматриваемый Закон лишь в 2021 г.

Стоит обратить внимание на раздел IV.1, специально посвященный вопросам представительства и защиты интересов России в международных органах и судах. Соответствующие полномочия по развитию представительства имеет именно Генеральная прокуратура РФ. Учитывая содержание указанного раздела, можно сделать вывод о том, что законодатель принципиально ограничивает деятельность органов прокуратуры по представительству и защите интересов на международном уровне от международного сотрудничества. По крайней мере, такой вывод автору представляется логичным исходя из буквального смысла ст. 2 ист. 39.1 рассматриваемого Закона. Хотя по сути оба аспекта условно можно объединить, например, по признаку взаимодействия с компетентными органами зарубежных стран и (иди) международных организаций. И если сравнить объем ст. 2, посвященной международному сотрудничеству, и объем ст. 39.1, посвященной представительству и защите интересов Российской Федерации органами прокуратуры, то можно заключить, что внимание в большей мере уделяется именно последнему аспекту. Соответственно, вопросы международного сотрудничества, хотя без внимания и не остаются, тем не менее, регламентируются на уровне федерального закона лишь поверхностно. Конечно, такое положение автор не считает приемлемым.

В этой связи целесообразно обратить внимание на перечень двусторонних соглашений и прочих документов, которые были заключены и остаются в силе по состоянию на конец октября 2025 г. В общей сложности в нем присутствует 131 позиция, а в круг партнеров входят 84 страны [8]. Примечательно, что в круг указанных стран входят как передовые западные державы, так и многие другие государства, в том числе представляющие постсоветское пространство. Среди них можно выделить, в частности, Беларусь и Казахстан, являющиеся для современной России наиболее дружественными и близкими партнерами, в том числе с учетом экономических связей.

Глядя на упомянутый выше перечень сложно сказать, насколько актуальными и исполнимыми остаются соглашения с западными странами, особенно входящими в со-

став ЕС и НАТО. Одновременно с этим не вызывает сомнений актуальность и действенность соглашение о сотрудничестве с партнерами по СНГ и ЕАЭС, особенно Беларусь и Казахстаном.

Следует признать, что во многом политика России по противодействию преступности в рамках международного сотрудничества прокуратуры в последние годы обуславливается усложнением геополитической ситуации. В 2022 г. рядом западных стран были предприняты недружественные действия в отношении России, затронувшие, в том числе, и ранее проводившуюся совместную работу по противодействию преступности. В результате активное взаимодействие со странами Запада в части противодействия преступности фактически прекратилось, широкий круг программ сотрудничества с зарубежными органами прокуратуры перестал развиваться. На данную проблематику обращается внимание и в научной литературе [9, с. 350-353]. Безусловно, это не могло не отразиться и в целом на состоянии международного сотрудничества органов прокуратуры, и на состоянии международного сотрудничества с отдельными государствами и отдельными международными организациями: для работы с отдельными зарубежными партнерами появилось больше стимулов.

Нельзя также не отметить, что существенных изменений негативного характера не претерпело взаимодействие российских органов прокуратуры с органами прокуратуры зарубежных государств в рамках стран СНГ, БРИКС, ООН, АСЕАН [9, с. 356].

В сложившихся новых условиях особую роль приобрело взаимодействие именно с наиболее близкими для России зарубежными странами, прежде всего Беларусью и Казахстаном. В этой связи совершенно случайно наибольшее количество запросов, например, о выдаче лиц для уголовного преследования, направленных за рубеж, было удовлетворено Беларусью и Казахстаном. [10, с. 115]. Очевидно, что именно взаимодействие с органами прокуратуры этих стран было наиболее целесообразным использовать взаимодействие.

Рассматривая указанное направление международного взаимодействия как наиболее актуальное и значимое, уместно обратиться к соответствующим двусторонним международным документам. Среди них, например, Соглашение о сотрудничестве с Генеральной прокуратурой Беларуси 2009 г. [3]. В данном документе подчеркивается его основанность на Договоре о создании Союзного государства 1999 г., а также отмечается всесторонний характер сотрудничества и взаимная заинтересованность сторон.

В ст. 2 выделены направления сотрудничества, среди которых упоминается и борьба с преступностью, в том числе с:

1. Организованной преступностью.
2. Терроризмом.
3. Коррупцией.
4. Незаконным оборотом оружия, наркотических средств и психотропных веществ.
5. Преступлениями в сфере экономики и высоких технологий.
6. Прочими видам преступлений, которые несут повышенную угрозу.

Открытый перечень категорий преступлений, по поводу борьбы с которыми развивается сотрудничество, позволяет сделать вывод об отсутствии жестких ограничений. Очевидно, что в этих условиях открыты пути для сотрудничества и в части противодействия разного рода новым преступлениям, что можно оценить исключительно положительно.

В ст. 3 анализируемого Соглашения предусмотрены конкретные формы сотрудничества, в том числе:

1. Обмен информацией.
2. Обмен опытом.
3. Содействие в проведении проверок.
4. Организация совместных мероприятий.
5. Участие в гармонизации и унификации законодательства.
6. Проведение рабочих встреч и консультаций.

Представленный круг форм сотрудничества является открытым, о чем также говорится в указанной статье. То есть сотрудничество между органами прокуратуры остается весьма вариативным.

В исследуемом Соглашении говорится и о запросах как основании для сотрудничества (ст. 4). Но примечательно, что сроки, в течение которых ответ на запрос надлежит предоставить, а Соглашении не уточнены. Вместе с тем, запрашивающая сторона должна указать в запросе срок, в течение которого ожидает ответ, а запрашиваемая сторона принимает все необходимые меры обеспечения быстрого и по возможности наиболее полного исполнения запроса.

Аналогичное Соглашение действует и в рамках сотрудничества с Генеральной прокуратурой Казахстана, заключенное тоже в 2009 г. [4]. Можно сказать, что и буквальное содержание, и фактический смысл положений указанного документа идентичны содержанию и смыслу соответствующего соглашения с Прокуратурой Беларуси. Однако некоторые различия все же имеются. В частности, ст. 6 Соглашение с Прокуратурой Казахстана, регламентирующая требования к содержанию запроса об оказании содействия, не упоминает о необходимости указания сроков, в течение которых ответ на запрос ожидается. В этой связи отличие имеется, причем весьма существенное.

Примечательно, что в рамках анализируемого взаимодействия Соглашение допускает возможность передачи запроса в устной форме, но лишь в случаях, не терпящих отлагательства. Однако в дальнейшем устный запрос должен быть обязательно подтвержден в письменной форме в течение трех суток.

Заметим, что к данному Соглашению был подписан и Дополнительный протокол, фактически ставший приложением к нему с 12 января 2022 г., но и в этом протоколе о необходимости конкретизировать срок ожидания ответа на запрос не было сказано.

Исходя из этого можно обозначить весьма существенную проблему в правовом регулировании вопросов взаимодействия Прокуратуры РФ с прокуратурами зарубежных государств: отсутствие конкретизации срока направления ответа на запрос, а также отсутствие указания на необходимость конкретизации срока, в течение которого ответ на запрос ожидается.

С другой стороны, указание на конкретные сроки принципиально ничего не меняет, ведь за игнорирование запроса или несвоевременный ответ на него какие-либо санкции не предусмотрены, и такое взаимодействие осуществляется исключительно на принципе взаимности.

Тем не менее, по указанной выше причине нельзя исключить ситуации, когда запрашивающая сторона ожидает ответа неоправданно долго. Более того, в отдельных ситуациях ответ на запрос может утратить свою актуальность для запрашивающей стороны. Поэтому думается, что стороны заключая соглашения о сотрудничестве, указанный нюанс не учли.

В то же время следует признать, что ситуации могут быть совершенно разнообразны и не всегда у органов прокуратуры имеется возможность подготовить ответ на запрос иностранной прокуратуры в жестко ограниченный срок. Возможно этот нюанс и был учтен Прокуратурой РФ и ее партнерами из Беларуси и Казахстана.

Уместно обратить особое внимание на Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 10 марта 2022 г. № 136 [6],

который регламентирует вопросы реализации Дополнительного протокола к Соглашению о сотрудничестве с Прокуратурой Казахстана. В нем говорится, в частности, о необходимости уделения повышенного внимания именно вопросам противодействия организованной преступности. Подчеркивается важность своевременного информирования партнеров из Казахстана о должностных лицах, которые в России ответственны за взаимодействие. Но и в этом документе, к сожалению, вопрос о сроках направления ответов на запросы из-за рубежа, в том числе из Казахстана, не уточняется.

Следует отметить Указание Генеральной прокуратуры РФ от 9 марта 2022 г. № 133/35 [5], где говорится лишь о том, что запросы, направляемые в зарубежные органы прокуратуры и касающиеся содействия в решении задачи правоохранительного характера, должны содержать желательные сроки, в течение которых ожидается ответ. Примечательно, что в этом документе не конкретизируется, в течение каких сроков должны рассматриваться запросы, поступающие со стороны зарубежных органов прокуратуры. И в целом складывается впечатление о том, что некоторая практика подобного взаимодействия сложилась, а в рамках нее не принято нормативно конкретизировать сроки рассмотрения запросов. Однако положительно такую практику в рассматриваемом аспекте охарактеризовать нельзя, хотя бы исходя из того, что она не позволяет стандартизировать и ускорить совместную работу государств в рамках противодействия преступности.

Уместно признать, что многие проблемы, которые существуют или потенциально могут возникнуть в рамках международного взаимодействия Прокуратуры РФ, в том числе с органами прокуратуры Белоруссии и Казахстана, носят объективный характер. Они обуславливаются, во-первых, наличием некоторых различий, порой весьма существенных, в национальном законодательстве. И зачастую положения этого законодательства не отвечают международным обязательствам и не способствуют развитию международного сотрудничества. Во-вторых, отсутствием каких-либо общепринятых стандартов сотрудничества, в том числе касательно сроков, форм, подходов к решению тех или иных типичных задач. Наглядным подтверждением тому является отсутствие в двусторонних соглашениях конкретных сроков, в течение которых надлежит рассмотреть запрос, поступивший из прокуратуры другого государства. Нельзя не отметить и некоторые недостатки в части развития информационной инфраструктуры. В настоящее время инфраструктура носит именно национальный характер, а возможности её использования для международного сотрудничества, в том числе с органами прокуратуры, определены ограничены.

Имеют место и некоторые иные проблемы, в том числе должная детализация механизмов исполнения запросов, которая бы действовала в обеих сотрудничающих государствах. То есть каждое государство решает вопрос исполнения запроса по-своему. Нет и каких-либо возможностей воздействия на другую сторону в случае отказа удовлетворить запрос. Нередко полноценному взаимодействию препятствует и фактор конфиденциальности информации.

Более детально изучить проблематику не позволяет и некоторая закрытость данных о международном сотрудничестве органов прокуратуры РФ с органами прокуратуры зарубежных государств, в том числе Казахстана и Белорусии. В целом такой подход типичен для правоохранительных органов и представляется обоснованным и логичным. Тем не менее, научное осмысление данной проблематики указанный нюанс осложняет.

Помимо того, нельзя не обратить внимание на отсутствие внимания к конкретным проблемам в рамках многих

научных исследований, особенно статей, которые публикуются в периодических юридических изданиях. Многие авторы [13,15] предпочитают акцентировать внимание на положительных аспектах взаимодействия, ничего не говоря о конкретных трудностях, барьерах и прочих проблемах, которые не способствуют более плотному и продуктивному сотрудничеству. Эта же проблема касается и разного рода официальных публикаций, в рамках которых акцент, как правило, тоже делают исключительно на положительных нюансах международного сотрудничества, не упоминая о конкретных проблемах [14,16].

Примечательно, что отдельными авторами [17], рассматривающими проблематику международного сотрудничества Прокуратуры РФ, не упоминаются проблемы взаимодействия с органами прокуратуры постсоветских стран, в том числе Белорусии и Казахстана. В то же время упоминается о проблематике сотрудничества с органами прокуратуры иных стран, с которыми отношения не столь близки. В этой связи можно выделить вполне конкретную проблему, связанную с ошибочным направлением вектора многих научных исследований.

Выводы

Рассмотрев вопросы взаимодействия Прокуратуры РФ с органами прокуратуры зарубежных государств на примере Белорусии и Казахстана, уместно признать наличие некоторых проблем.

Во-первых, регламентация международного сотрудничества Прокуратуры РФ на уровне федерального закона носит лишь общий характер, и многие нюансы в Законе о прокуратуре не уточняются. Думается, что это не способствует развитию практики международного сотрудничества, в том числе двустороннего, а потому можно поддержать высказываемые в отечественной науке идеи о необходимости детализации положений ст. 2 указанного Закона.

Во-вторых, отдельные нюансы взаимодействия не детализированы в соответствующих двусторонних международных соглашениях о сотрудничестве (взаимодействии), что делает стороны максимально свободными в решении многих вопросов, в том числе в плане рассмотрения запросов о содействии и направления ответов на них. В проанализированных двусторонних соглашениях не были найдены нормы, которые бы обязывали сторону, получившую запрос, направить ответ на него в течение определенного срока. Исходя из этого предлагается рассмотреть возможность дополнения рассмотренных двусторонних соглашений о взаимодействии между Прокуратурой РФ и Прокуратурой Белорусии, а также между Прокуратурой РФ и Прокуратурой Казахстана нормами, уточняющими хотя бы ориентировочные сроки ответа на запрос.

Полагаем, что вполне возможно установить хотя бы ориентировочные сроки для ответа на запросы; возможно, примените к отдельным категориям запросов сроки могут быть предусмотрены различные. Но о конкретных сроках в рамках данной статьи говорить не беремся, потому что данный вопрос требует более тщательного изучения конкретной практики исполнения запросов.

В целом спектр проблем, которые присутствуют в рамках взаимодействия Прокуратуры РФ с Прокуратурой Казахстана и Прокуратурой Белорусии, достаточно широк. Отчасти эти проблемы решаются, однако не с той быстротой, с какой хотелось бы. Думается, что важнейшим барьером выступает отсутствие оперативного взаимодействия по примеру межведомственного взаимодействия, обеспечиваемого внутри страны. Думается, что именно в этом направлении и следует развивать практику международного сотрудничества в контексте деятельности прокуратуры.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – № 237.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 15.12.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.
3. Соглашение о сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Генеральной прокуратурой Республики Беларусь (Заключено в г. Москве 27.04.2009) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/352063359?section=text> (дата обращения: 27.12.2025).
4. Соглашение о сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Генеральной прокуратурой Республики Казахстан (Совершено в г. Москве 23.06.2009) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/350060764?section=text> (дата обращения: 27.12.2025).
5. Указание Генеральной прокуратуры РФ от 09.03.2022 № 133/35 «О порядке организации международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам оказания содействия в сфере правоохранительной деятельности» // Законность. – 2022. – № 5.
6. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 10.03.2022 № 136 «О порядке реализации Дополнительного протокола к Соглашению о сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Генеральной прокуратурой Республики Казахстан» // Законность. – 2022. – № 5.
7. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 г. // Официальный портал МВД России. – URL: <https://mvd.pf/reports/item/60248328/> (дата обращения: 27.12.2025).
8. Перечень подписанных двусторонних соглашений и иных договоренностей о сотрудничестве Генеральной прокуратуры Российской Федерации с компетентными органами иностранных государств (по состоянию на 29 октября 2025 г.) // Официальный портал Генеральной прокуратуры РФ. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/international-cooperation/sogl/so/> (дата обращения: 27.12.2025).
9. Григорьев В.Н., Тарасов М.Ю. Новые аспекты деятельности прокуратуры Российской Федерации в сфере международного розыска в условиях недружественных шагов в отношении России // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Том 13. – № 1A2A. – С. 349–359.
10. Григорьев В.Н., Тарасов М.Ю. Об основных результатах международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации и его перспективных направлениях в современных условиях // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, № 1. – С. 113–121.
11. Литвишко П.А., Плосов С.В. Современные подходы к толкованию и применению статьи 2 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (Международное сотрудничество) // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2022. – № 5(91). – С. 10–23.
12. Минзянова Д.Ф., Гольченко Р.Ю. Актуальные проблемы противодействия наркопреступности в современных условиях // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2023. – № 4(54). – С. 6–12.
13. Насонов А.А. Особенности реализации прокурорского надзора в контексте взаимодействия прокуратуры

российской федерации с компетентными органами иностранных государств // Вестник Воронежского института МВД России. – 2020. – № 4. – С. 215–219.

14. Рабочая встреча с участием Исполнительного секретаря КСГП СНГ (27 августа 2025 г.) // Официальный портал КСГП СНГ. – URL: <https://ksqp.org/novosti/sostojalas-rabochaja-vstrecha-s-uchastiem-ispolnitelnogo-sekretarja-ksqp-sng-zamestitelej-generalnyh-prokurorov-gosudarstv-uchastnikov-sng-i-predstavitelej-mezhgosudarstvennyh-organov-sng/> (дата обращения: 27.12.2025).

15. Решетникова Т.А. Международное сотрудничество прокуратур государств - участников СНГ: задачи, направления и формы // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2023. – № 6(98). – С. 132–139.

16. Сергеев Н. Минск объединяет прокуроров (24 июня 2022 г.) // Газета «Коммерсант»: официальный портал. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5433621> (дата обращения: 27.12.2025).

17. Татаринова А.И. Международное сотрудничество как одна из функций прокуратуры Российской Федерации // Социальное управление. – 2023. – Т. 5, № S1. – С. 69–72.

18. Хижняк В.С., Астахова Е.А. Международно-правовое регулирование противодействия транснациональной преступности в условиях современной тенденции регионализации // Всероссийский криминологический журнал. – 2023. – Т. 17, № 6. – С. 597–608.

Actual problems of cooperation between the Prosecutor's Office Cooperation of the Russian Federation with the prosecutor's offices of foreign countries

Vlasov D.V.

MSAL

The article is devoted to topical issues of interaction between the Prosecutor's Office of the Russian Federation and the prosecutor's offices of foreign countries. This topic is being updated by the intensification of crime, including international crime, which directly affects the interests of the Russian Federation and poses a significant threat. The work of domestic law enforcement agencies to combat crime is coordinated by the Prosecutor's Office of the Russian Federation, which maintains links with the prosecutor's offices of other countries, the key of which are the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan, in terms of combating international crime. This article focuses on the issues of interaction with the Prosecutor's Office of the Russian Federation with the prosecutor's offices of these countries. The purpose of the article is to identify the key problems of interaction between the Prosecutor's Office of the Russian Federation and the prosecutor's offices of foreign countries, as well as to find ways to improve such interaction. The author examines the legislative foundations of international cooperation between domestic prosecutor's offices in combating crime, including both federal laws and subordinate regulatory legal acts, the difficulties of developing this area of government activity, and substantiates the objective nature of the problems. The special role of joint work with the prosecutor's offices of Belarus and Kazakhstan, as the closest and friendliest states for Russia, is emphasized. The proposals aimed at improving the interaction of the Prosecutor's Office of the Russian Federation with the prosecutor's offices of other states, and, above all, with the prosecutor's offices of Belarus and Kazakhstan, are outlined.

Keywords: international cooperation; post-Soviet space; crime; Prosecutor's Office of the Republic of Belarus; Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan; Prosecutor's Office of the Russian Federation; crime prevention.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. No. 237.
2. Federal Law No. 2202-1 of 17.01.1992 (as amended on 15.12.2025) "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1995. – No. 47. – St. 4472.
3. Agreement on cooperation between the Prosecutor General's Office of the Russian Federation and the Prosecutor General's Office of the Republic of Belarus (Concluded in Moscow on 27.04.2009) // Electronic Fund of Legal and Regulatory Documents. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/352063359?section=text> (date of access: 12/27/2025).
4. Agreement on cooperation between the Prosecutor General's Office of the Russian Federation and the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan (Signed in Moscow on 23.06.2009) // Electronic Fund of Legal and Regulatory Documents. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/350060764?section=text> (date of access: 12/27/2025).
5. Instruction of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation dated 03/09/2022 No. 133/35 "On the procedure for organizing international cooperation of the Prosecutor's Office of the Russian Federation on assistance in the field of law enforcement" // Legality. – 2022. – № 5.

6. Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation dated 03/10/2022 No. 136 "On the Implementation Procedure Additional Protocol to the Agreement on Cooperation between the Prosecutor General's Office of the Russian Federation and the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan" // *Legality*. – 2022. – № 5.
7. The state of crime in Russia in January – December 2024 // Official portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328> / (date of access: 12/27/2025).
8. List of signed bilateral agreements and other arrangements on cooperation between the Prosecutor General's Office of the Russian Federation and the competent authorities of foreign states (as of October 29, 2025) // Official Portal of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/international-cooperation/sogl/so/> / (date of access: 12/27/2025).
9. Grigoriev V.N., Tarasov M.Yu. New aspects of the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in the field of international investigation in the context of unfriendly steps towards Russia // *Issues of Russian and international law*. – 2023. – Volume 13. – No. 1A2A. – pp. 349-359.
10. Grigoriev V.N., Tarasov M.Yu. On the main results of international cooperation between the Prosecutor's Office of the Russian Federation and its promising areas in modern conditions // *Gaps in Russian legislation*. – 2023. – Vol. 16, No. 1. – pp. 113-121.
11. Litvishko P.A., Plozov S.V. Modern approaches to the interpretation and application of Article 2 of the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" (International cooperation) // *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. – 2022. – № 5(91). – Pp. 10-23.
12. Minzyanova D.F., Golchenko R.Y. Actual problems of countering drug crime in modern conditions // *Problems of law enforcement*. – 2023. – № 4(54). – Pp. 6-12.
13. Nasonov A.A. Features of the implementation of prosecutorial supervision in the context of the interaction of the Prosecutor's Office of the Russian Federation with the competent authorities of foreign states // *Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2020. – No. 4. – pp. 215-219.
14. Working meeting with the participation of the Executive Secretary of the CIS CSG (August 27, 2025) // Official portal of the CIS CSG. – URL: <https://ksgp.org/novosti/sostojalas-rabochaja-vstrecha-s-uchastiem-ispolnitelnogo-sekretarja-ksgp-sng-zamestitelej-generalnyh-prokurorov-gosudarstv-uchastnikov-sng-i-predstavitelej-mezhgosudarstvennyh-organov-sng/> / (date of access: 12/27/2025).
15. Reshetnikova T.A. International cooperation of the prosecutor's offices of the CIS member states: tasks, directions and forms // *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. – 2023. – № 6(98). – Pp. 132-139.
16. Sergeev N. Minsk unites prosecutors (June 24, 2022) // Newspaper "Kommersant": official portal. . – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5433621> (date of access: 12/27/2025).
17. Tatarinova A.I. International cooperation as one of the functions of the Prosecutor's Office of the Russian Federation // *Social Management*. – 2023. – Vol. 5, No. S1. – pp. 69-72.
18. Khizhnyak V.S., Astakhova E.A. International legal regulation of countering transnational crime in the context of the current trend of regionalization // *All-Russian Journal of Criminology*. – 2023. – Vol. 17, No. 6. – pp. 597-608.